На правах рукописи

В. В. Высокова

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В БРИТАНСКОЙ ТРАДИЦИИ ИСТОРИОПИСАНИЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Екатеринбург – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……...3

Глава 1. Национальная история в британской традиции историописания эпохи Просвещения: источники и историография …….....16

1.1. Исторические и историографические источники……...…16
1.2. Освещение проблемы исследования в отечественной историографии……46
1.3. Зарубежная историография по исследуемой проблематике……76

Глава 2. Антикварная традиция в эпоху Просвещения……..….103

2.1. Спор «древних» и «новых» на рубеже XVII–XVIII вв.: «неоримский» и критический подходы в интерпретации прошлого..103
2.2. «Светская» и «духовная» история в Британии в эпоху Просвещения: рационализация религии и секуляризация исторического письма……...124
2.3. Антикварное общество и эмпиризм в британской традиции историописания XVIII в.……146

Глава 3. Формирование «интеллектуальной карты» прошлого Британии в эпоху Просвещения……173

3.1. Лексикография в британской традиции историописания: Англосаксонский период…….173
3.2. Политика versus История: Англонормандская Британия в интерпретациях британских историописателей эпохи Просвещения…….201
3.3. Литература versus История: кельтское прошлое Британских островов в представлениях историописателей XVIII в……...224

Глава 4. Образ национального прошлого на завершающем этапе эпохи Просвещения: политизация истории и забвенье историзма…….246

4.1. «Неоримский» профиль шотландского историописания: социальный и интеллектуальный контекст……246
4.2. Концепция истории Дэвида Юма и его сочинение «История Англии»…….267
4.3. Политическая поляризация британского национального историописания: Кэтрин Маколей против Дэвида Юма……289
ЗАКЛЮЧЕНИЕ……..306
Список источников и литературы…….317

Именной указатель. Британские историописатели эпохи Просвещения……..365

ВВЕДЕНИЕ

Научная значимость и актуальность темы. Восемнадцатый век в истории Великобритании был отмечен процессом формирования британской нации. В дискуссии о британской национальной идентичности 90-х годов XX века парадоксальным образом остался в стороне вопрос о месте и значении конструирования национального прошлого в британском историописании XVIII века[1]. В то же самое время исследования показывают, что основой из основ формирования национального сознания является конструирование консенсусной концепции «общего прошлого»[2]. Прежде всего этим объясняется значимость и небывалая популярность «Истории Англии» Д. Юма. Именно ему удалось первым создать ясную, непротиворечивую, на тот момент доступную для широкой публики версию национального прошлого. Сочинение Юма определило на следующие сто лет место и значение истории как в национальном сознании британцев, так и в британской традиции историописания. Этот факт является общепризнанным как в отечественной, так и зарубежной историографии[3].

Особый аспект актуальности диссертационного исследования определяется анализом эпохи Просвещения как «незавершенного проекта модерна» в соответствии с тезисом, выдвинутым на рубеже 1970-х – 1980-х годов немецким философом Ю. Хабермасом[4]. В связи с подобной интерпретацией эпохи Просвещения ключевым вопросом современной

---

[1] См.: *Smith A. D.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Basic Blackwell, 1986; *Colley* L. Britons: Forging the Nation 1707–1837. L., 1992; *Colley L.* Britishness and Otherness: an Argument // Journal of British Studies. № 31. 1992. P. 309–329; *Elton G.* The English (The Peoples of Europe). Cambridge, 1992; *Kidd C.* North Britishness and the nature of eighteenth-century British patriotisms // The Historical Journal. Volume 39. Iss. 2. June, 1996.

[2] См.: *Андерсон Б.* Ангел истории / Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 173–180.

[3] См.: *Барг М. А.* Юм как методолог истории // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 70–82; *Нарский И. С.* Дэвид Юм. М., 1973.

[4] См.: *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. *М. М. Беляева* и др. М., 2003. С. 107. Режим доступа: http://www.krotov.info/lib_sec/22_h/hab/haber_0.htm; *Habermas J.* Kleine politische Schriften. Bd. I–IV. Frankfurt am Main, 1981; *Habermas J.* Der philosophische Diskurs der Moderne, Frankfurt am Main, 1985.

историографии является следующий: что было «плохо» понято, а что и совсем пропущено в проекте эпохи Просвещения. В центре внимания находятся его «нереализованные возможности»[5]. Следует подчеркнуть еще один аспект актуальности темы. Достижения эпохи Просвещения, которые, как казалось, хорошо изучены, также требуют более пристального внимания. Историзм как ключевое понятие исторической науки формировался в эпоху Просвещения. Чаще всего о нем говорят и пишут как о чем-то самоочевидном. В то же время объяснение, чем же отличаются историописатели XVI–XVII веков П. Вергилий и У. Кемден от историков XIX века У. Стаббса и Дж. Э. Актона, либо отсутствует, либо остается непроясненным. Это тем более важно на фоне постоянных заявлений о кризисе историзма во второй половине XX века[6]. В данном контексте ключевое значение имеет труд Ф. Майнеке «Возникновение историзма»[7], который понимал историзм как «применение к исторической жизни новых жизненных принципов…», как одну из величайших духовных революций (сопоставимых с Реформацией) в западноевропейском мышлении[8]. Майнеке сравнивает историзм с «новым органом чувств»[9], обретенным историком в процессе этой научной революции. В диссертационном исследовании процесс становления историзма как базового принципа исторических исследований – способности «пространственно-временной ориентации в мире истории»[10] – рассматривается на примере развития исторического

---

[5] *Habermas J.* Der philosophische Diskurs der Moderne… S. 104.

[6] См.: *Трельч Э.* Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. М., 2007. С. 8; *Мильская Л. Т.* Эрнст Трёльч и проблемы философии истории. М. 1994; *Поппер К.* Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 49–79; № 9. С. 22–48; № 10. С. 29–58; *Troeltsch E.* Der Historismus und seine Überwindung. Fünf Vorträge. Berlin, 1924; *Krol R. A.* Friedrich Meinecke: Panentheism and the Crisis of Historicism // Journal of the Philosophy of History. 2010. № 4. P. 195–210; *Popper K.* The Poverty of Historicism. L., 1957.

[7] См.: *Meinecke F.* Die Entstehung des Historismus. Bd. 1, 2. München, 1936; *Майнеке Ф.* Возникновение историзма М., 2004.

[8] *Meinecke F.* Die Entstehung des Historismus. 1959. S. 2.

[9] *Майнеке Ф.* Возникновение историзма М., 2004. С. 6.

[10] *Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 9.

знания в британской традиции историописания эпохи Просвещения – чрезвычайно богатой и дающей обильную почву для обсуждения этой темы.

Объект исследования – британская традиция историописания и ее характерные черты в период становления историзма в британской историографии эпохи Просвещения.

Предметом исследования – процесс конструирования концепции национального прошлого Британии в эпоху Просвещения в контексте формирования Великобритании как национального государства.

Хронологические рамки исследования определяются развертыванием «проекта» Просвещения на Британских островах в период с 1660-х гг. до рубежа 1780-х – 1790-х гг. Начальная грань связана с эпохой Реставрации династии Стюартов и возрождением антикварной традиции в британском историописании, а конечная грань определяется кризисом историософии эпохи Просвещения в конце XVIII в.

Территориальные рамки исследования определяются локализацией центров разработки концепции национального прошлого Британии в эпоху Просвещения. Это, прежде всего, университеты Оксфорда, Кембриджа, Эдинбурга, а также такие центры исторического знания как Лондонское общество антикваров, Лондонское валлийское общество, общества любителей древностей в графствах и т.п.

Степень изученности. Историография исследуемой проблематики находится на стыке трех историографических областей, исследующих британское Просвещение, британскую национальную традицию историописания и процесс формирования британской нации.

Историография европейского Просвещения в целом, и британского, в частности, успешно развивается в рамках классической и новой социальной истории. В центре ее внимания проблемы становления гражданского общества и правового государства, развитие институтов социабельности и реформирование государственно-правового аппарата в эпоху Просвещения. В рамках данного направления исторических исследований наибольшую

известность получили сочинения Р. Портера, П. Гея, Э. Пагдена и многих других[11]. Это историографическое направление представлено огромным количеством работ, что свидетельствует о плотном историографическом освоении данной темы. В качестве самого недавнего на сегодняшний день обобщающего труда по теме выступает, созданный усилиями лучших европейских специалистов и переведенный на русский язык исторический словарь «Мир Просвещения»[12]. Отечественная историография гораздо скромнее. Данной теме посвятили свои исследования М.П. Айзенштат, Т.Л. Любутина, С.Б. Семенов и некоторые другие[13].

Вторая историографическая область определяется таким актуальным направлением исторических исследований как *история исторической науки*. Здесь надо отметить работы общего характера, относящиеся к развитию западной историографии в Новое время в целом, это работы А. Момильяно, Д. Келли, Дж. Ливена и советского историка М. Барга[14]. Обращает на себя

---

[11] См.: *Gay P.* The Enlightenment: The Rise of Modern Paganism. L., 1995; *Porter R.* The Enlightenment (Studies in European History). 2nd ed. Palgrave Macmillan. 2001; *Porter R.* The Creation of the Modern World: The Untold Story of the British Enlightenment. L., 2000; *Pagden A.* The Enlightenment: and why it still matters. Oxford, 2013; *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry Into a Category of Bourgeois Society. Trans. by Thomas Burger. Cambridge, Mass., 1989.

[12] Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. *В. Ферроне и Д. Роша.* Пер. *Н.Ю. Плавинской* под ред. *С.Я. Карпа*. М., 2003.

[13] Просвещение и его практики / Всемирная история. В 6 томах. Под общ. ред.: *А.О. Чубарьяна.* Т. 4. Мир в XVIII веке. М., 2013. С. 100–210; *Айзенштат М. П.* Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М., 2009; *Лабутина Т. Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. ИВИ РАН. М.: Наука, 2005; *Лабутина Т. Л., Ильин Д. В.* Английское Просвещение. Общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012; *Семенов С.Б.* Парадокс Джона Уилкса // Новая и новейшая история. 1997. N 5. С. 196–212.

[14] *Барг М. А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987; *Барг М. А., Авдеева К. Д.* От Макиавелли до Юма: Становление историзма. М., 1998; *Momigliano A. D.* Herodotean and the Thucydidean Tradition / *Momigliano A. D.* Classical Foundations of Modern Historiography. Chicago, 1990. Chapter 2. P. 29–54; *Momigliano A. D.* Ancient History and the Antiquarian, 1950; Gibbon's Contribution to Historical Method, 1954 / *Momigliano A. D.* Studies in Historiography. L., 1966; *Kelly D.R.* Faces of History: Historical Inquiry from Herodotus to Herder. New Haven and London, 1998; *Kelly D.R.* (ed.) Versions of History: From Antiquity to the Enlightenment. New Haven, 1991; *Levine J. M.* The Autonomy of History: Truth and Method from Erasmus to Gibbon. Cornell , 1999; *Levine J. M.* Humanism and history:

внимание попытка недавнего времени осмыслить данную проблематику в рамках издательского проекта ИВИ РАН «Всемирная история»[15]. Если вести речь о британской традиции историописания, то в отечественной историографии до сих пор она не стала предметом комплексного изучения. Хотя значительный вклад в разработку данной проблематики внес М.А. Барг, а по отдельным проблемам некоторые современные исследователи, такие как Н.С. Креленко, А.А. Паламарчук, А.Б. Соколов[16]. В целом же освоение темы представлено главами в учебниках по историографии средних веков и нового времени[17]. В западной исторической литературе изучение данной проблематики связано, в первую очередь, с представителями Кембриджской школы интеллектуальной истории, теоретические основания которой были заложены трудами Г. Баттерфилда и его знаменитым сочинением

---

origins of modern English historiography. Cornell, 1987; *O'Brien K.* Narratives of Enlightenment: Cosmopolitan History from Voltaire to Gibbon. Cambridge, 1997; и др.

[15] *Тункина И. В.* «Открытие» прошлого / Всемирная история. В 6 томах. Под общ. ред.: *А. О. Чубарьяна.* Т. 4. Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. С. 233–256.

[16] *Барг М. А.* Шекспир и история. М., 1979; *Барг М.А.* Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк / Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 274–316; *Креленко Н.С.* Образ Английской революции в общественной памяти Великобритании XVII–XVIII веков. Саратов, 2012; *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Историческая память и технологии антикварного дискурса: Англия раннего Нового времени / Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под редакцией *Л. П. Репиной.* М., 2008. С. 495–522; *Соколов А. Б.* Кларендон как историк / Диалог со временем. Вып. 45. 2013. С. 41–69; *Апрыщенко В. Ю.* От Просвещения к романтизму: шотландская антикварная традиция и поиски национального прошлого / Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории / Под ред. *Л. П. Репиной.* М., 2008. С. 554–589;.

[17] *Вайнштейн О. Л.* Английская историография XVI–начала XVII в. Гл. 9. / *Вайнштейн О.Л.* Западно-европейская средневековая историография. М.–Л., 1961. С. 420–457; *Ерофеев Н.А.* Социологическая и историческая мысль просветителей XVIII в. в Англии. Гл. IV / Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. Отв. ред. И.С. Галкин. М., 1967. С. 58–66; *Ерофеев Н. А.* Историческая мысль и историческая наука в Англии. Ч. 1. Разд. II. Гл. 3 / Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. Под ред. А.В. Адо и др. М., 1977. С. 84–96; *Ерофеев Н. А.* Английское Просвещение и историческая мысль. Шотландская школа. Раздел 1. Гл. 4. / Историография истории нового времени стран Европы и Америки. Под ред. И.П. Дементьева. М., 1990; *Ерофеев Н. А.* Торийская и вигская историография в Англии. Раздел 2. Гл. 3. / Историография истории нового времени стран Европы и Америки. Под ред. И. П. Дементьева. М., 1990.

«Англичанин и его история»[18]. Дж. Покок и близкие к этому направлению Дж. Робертсон, Р. Свит и другие британские и американские историки много сделали для освоения истории британского историописания эпохи Просвещения[19]. Их труды составили историографическую основу данного диссертационного исследования. Специальное внимание уделено степени изученности темы Юм как историк[20].

Третья область связана с *историографией «britishness»*, касающейся формирования британской идентичности на протяжении XVIII – начала XIX века в общем процессе складывания национального государства. В западной историографии эта проблематика представлена классическими сегодня работами Б. Андерсона, Э. Хобсбаума и других[21]. Британский «материал» обсуждается в работах прежде всего британских историков, таких как Л.

---

[18] *Butterfield G.* The Englishman and His History. Cambridge, 1944; *Butterfield G.* The Whig Interpretation of History. L.: G. Bell, 1931; *Butterfield G.* The Origins of Modern Science. 1300–1800. L., 1949; *Butterfield G.* History and Human Relations. L., 1951; *Butterfield G.* Man on His Past: The Study of the History of Historical Scholarship. L., 1955; *Butterfield G.* Moral Judgments in History. L., 1959.

[19] *Douglas D.C.* English scholars, 1660–1730. Oxford, 1939; *Pocock J. G. A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law: a study of English Historical Thought in the Seventeenth Century. A Reissue with a Retrospect. Cambridge, 1987; *Pocock J.G.A.* Barbarism and Religion, vols. 1–5. Cambridge, 1999, 2003, 2005, 2011; *Pocock J.G.A.* The Discovery of Islands: Essays in British History. Cambridge, 2005; *Sweet R.* Antiquaries: the Discovery of the Past in Eighteenth Century Britain. L., 2004; *Levine J. M.* The Battle of the Books: History and Literature in the Augustan Age. Cornell, 1991; *Kidd C.* Subverting Scotland's Past: Scottish Whig Historians and the Creation of an Anglo-British Identity, 1689-c.1830. Cambridge, 1993; и др.

[20] *Барг М. А.* Юм как методолог истории // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 70–82; David Hume: Philosophical Historian. Ed. by *D. F. Norton* and *R. H. Popkin*. Indianapolis, 1965; *Mossner E. C.* The Life of David Hume, 2d edn. Oxford, 1980; *Phillipson N.* Hume. Weidenfeld & Nicolson. L., 1989; *Wootton D.* David Hume, "the historian". David Fate Norton (Ed.) / The Cambridge Companion to Hume. Cambridge, 1993; The Cambridge Companion to Hume. Ed. By D. F. Norton and J. Taylor. Cambridge, 2 ed. 2009.

[21] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; *Валлерстайн И.* Конструирование народа: раса, нация, этническая группа // *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности. М., 2004; *Геллнер Э.* Нации и национализм / пер. с англ. *Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной*; ред. и послесл. *И. И. Крупника*. М., 1991; *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998; *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / Нации и национализм. М., 2002; Нации и национализм / *Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох* и др; Пер с англ. и нем. *Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского,* М., 2002; *Тишков В. А., Шнирельман В. А.* Введение / Национализм в мировой истории. М., 2007.

Колей, К. Кидд и некоторых других[22]. В отечественной историографии данная проблематика применимо к теме Британии эпохи Просвещения практически не получила изучения вообще[23]. Однако тема взаимосвязи истории исторического письма и нациестроительства нашла свое развитие в ряде работ отечественных и зарубежных исследователей[24]. Более подробно анализ степени изученности темы диссертационного исследования представлен в первой главе.

Целью диссертации является реконструкция процесса формирования концепции национального прошлого Британии и, прежде всего, выявление ее составных частей в контексте становления историзма в британской традиции историописания в эпоху Просвещения.

Задачи работы вытекают из научной актуальности изучаемой проблемы и поставленной цели:

– обнаружить трансформацию антикварной традиции историописания в Британии эпохи Просвещения;

– установить два различных концептуальных подхода к интерпретации национального прошлого, «неоримского» и критического, их эволюцию и соотношение в историографии эпохи Просвещения;

---

[22] *Colley L.* Britons: Forging the Nation 1707–1837. L., 1992; *Kidd C.* British Identities before Nationalism: Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800. Cambridge, 2006; *Kidd C.* The Forging of Races: Race and Scripture in the Protestant Atlantic World, 1600–2000. Cambridge, 2006.

[23] Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. М., 1987; *Кирчанов М. В.* Imagining England. Национализм, идентичность, память / М. В. Кирчанов. Воронеж, 2008; *Апрыщенко В.Ю.* Дэвид Юм и британская юнионистская традиция эпохи Просвещения // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 5–23; Имперская мифология и символика / Британская империя: становление, эволюция, распад. Под общ. ред. *В.В. Высоковой*. Екатеринбург, 2010. С. 127–141.

[24] *Смит Э. Д.* Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002; *Герман Р.Э.* История как средство создания нации: анализ этноконструктивистских теорий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практик. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21). В 3-х ч., Ч. I. С. 43–50; Парадигмы изучения прошлого и их актуализация / Историописание и историческая память // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Выпуск 13. Раздел 1. Ставрополь, 2012. С. 3–89; Исторические мифы и этнонациональная идентичность // Диалог со временем. 2007. № 21; Национальный характер, дух народа и образ Другого: способы познания и описания // Диалог со временем. № 39. 2012.

– раскрыть процесс секуляризации исторического письма в Британии эпохи Просвещения;

– определить вклад лексикографических изысканий в конструирование национального прошлого на примере англосаксонского периода;

– выяснить влияние политических дебатов XVII–XVIII вв. на сочинения британских историописателей эпохи Просвещения на примере дискуссии о «нормандском иге»;

– раскрыть тенденцию преодоления синкретизма в историописании эпохи Просвещения, процесс отделения истории от литературы на примере историописания о кельтском прошлом Британских островов;

– определить социальный и интеллектуальный контекст развития историописания в шотландском Просвещении;

– проанализировать концепцию истории Дэвида Юма и его сочинение «История Англии»;

– выявить составляющие элементы концепции национальной истории Британских островов на завершающем этапе эпохи Просвещения.

Методологическая база исследования. В основу диссертации положены общепризнанные критерии исторических научных практик, предполагающие изучение исторических явлений в их системности, взаимозависимости и диалектическом развитии. В отечественной историографии в последнее двадцатилетие очевиден интерес к вопросам теории истории, что соотносится с понимаемой в духе Т. Куна «историографической революцией», «эпистемологическим поворотом», «сменой парадигм». Диссертационное исследование базируется на основных положениях когнитивной истории, которая предстает в качестве новой научной парадигмы и позволяет анализировать человеческое сознание в целом и в различных его проявлениях на основаниях «строго знания» о прошлом. Своими корнями когнитивная история восходит к сочинениям А.С. Лаппо-Данилевского и Э. Гуссерля. Другим основополагающим в данной работе стало такое направление современных исторических исследований

как интеллектуальная история. Хотя оно и не имеет целостной исследовательской концепции, однако является продуктивным в изучении истории идей и особенно истории исторической мысли. В западной историографии развитие этого направления поддерживается рядом периодических изданий и в первую очередь основанным А. Лавджоем в 1940 году «Журналом истории идей», в отечественной историографии сходную роль играет альманах «Диалог со временем». Между когнитивной и интеллектуальной историей много общего, прежде всего в направленности на преодоление ограничений ранкеанской модели исторических исследований посредством изучения интеллектуально-ментального пространства прошлого. Труды представителей Кембриджской школы интеллектуальной истории Кв. Скиннера, Дж. Покока, Дж. Дана расширяют исследовательское поле интеллектуальной истории посредством интерпретации текста в политическом контексте исторической эпохи, что получило название метода «текст-в-контексте».

В диссертации используется актуализированный Кв. Скиннером концепт «неоримской» культуры эпохи Просвещения. Его суть сводится к выявлению одной из альтернативных версий понимания «свободы» политическими мыслителями раннего нового времени. Основополагающей в диссертации стала концепция А. Момильяно о генеалогии современного исторического метода посредством противоборства со времен античности двух исторических нарративов, всходящих в Фукидиду и Геродоту. Нарратив, построенный на линеарном повествовании с особым вниманием к политическому контексту событий, соотносился с фукидидовской традицией историописания. Подход Геродота в свою очередь базировался на универсализме, широте кругозора сообщаемых сведений, на внимании к географическим, этнографическим, культурным аспектам истории различных народов. В соответствии с концепцией Момильяно повествовательный нарратив и антикварные исследования интегрируются в единое целое в эпоху Просвещения в трудах Э. Гиббона.

Научная новизна определяется проведением комплексного анализа трех взаимосвязанных процессов эпохи Просвещения, которые ранее рассматривались изолировано друг от друга. Это формирование национальной идентичности британцев в ситуации национально-государственного строительства; конструирование образа национального прошлого в национальной традиции историописания Британии и формирования принципа историзма в процессе профессионализации исторического знания на Британских островах. Впервые в отечественной и зарубежной историографии определяются специфические черты британской традиции историописания, сформировавшиеся в эпоху Просвещения. Впервые в отечественной историографии дано обоснование хронологических рамок эпохи британского Просвещения с 1660–1688/1689 гг. по рубеж 1780/1790-х гг., а также предложена внутренняя ее периодизация. В диссертации показано, что складывание историзма в развитии исторического знания не имело строго поступательной перспективы. В частности, завершающий этап эпохи Просвещения как важной составляющей части процесса завершения формирования нации и национального самосознания британцев оказался сопряжен с резким усилением политизации исторического письма и одновременно расцветом мифотворчества о национальном прошлом. Ситуация кризиса историзма на завершающем этапе эпохи Просвещения также была связана с формированием гражданского общества в Британии и его коммерциализацией. Историописание в связи с этим оказалось подвержено запросам политической элиты и конъюнктуры читательского рынка.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Британская национальная традиция историописания эпохи Просвещения обладает такими ярко выраженными специфическими чертами как эмпиризм, антикварианизм и высокая политизированность;

2. Хронологические рамки эпохи Просвещения в Британии охватывают период чуть более ста лет; ее начало было связано с эпохой Реставрации

Стюартов (60-е – начало 80-х годов XVII века), ее завершение определяется предреволюционным десятилетием в Европе, кризисом «неоримского» нарратива и возникновением предромантических настроений в британской историографии (рубеж 1780-х – 1790-х годов);

3. Историописание эпохи Просвещения на Британских островах распадается на три этапа в своем развитии: 1. 1660-е – 1714-й годы – «антикварный»; 2. 1714-й – 1750-е «неоримский»; 3. 1760-е – рубеж 1780/1790-х годов – период кризиса раннего историзма в британской национальной традиции историописания;

4. Развитие британской традиции историописания эпохи Просвещения характеризуется противоборством двух различных концептуальных подходов в интерпретации прошлого – «неоримского» и критического, с тенденцией к преобладанию «неоримского» на втором и третьем этапе развития историописания в эпоху Просвещения;

5. Британская историография эпохи Просвещения отмечена преобладающим влиянием представителей шотландского Просвещениия в формировании концепции национального прошлого Британских островов в контексте формирования Великобритании как национального государства;

6. Составляющими элементами концепции национальной истории Британских островов на завершающем этапе эпохи Просвещения стали: величие древних кельтов наподобие древних греков и римлян; идея древней конституции Британии времен короля Альфреда; концепция нормандского ига; идея формирования в годы Реформации в Англии исключительной христианской англиканской церкви; революция XVII века интерпретировалась как акт сопротивления гражданского общества тирании и восстановления вольностей и свобод поданных Английского королевства;

7. Третий этап в развитии британского национального историописания в эпоху Просвещения характеризуется кризисом раннего историзма, резким усилением политической поляризации исторического письма и

одновременно кризисом синкретизма научного знания эпохи Просвещения, а также расцветом мифотворчества о национальном прошлом.

Практическая значимость работы. Основные положения диссертационного исследования имеют практическую значимость и могут быть применены в дальнейшем изучении истории Британии в эпоху Просвещения, а также истории исторического письма на Британских островах в целом. Полученные результаты позволяют осуществить пересмотр существующего взгляда на эволюцию историописания эпохи Просвещения в контексте формирования национальной идентичности на материале британской традиции историописания и могут быть использованы в образовательном процессе, в рамках дисциплин «История Нового времени стран Запада», «История исторической науки», «Историография всеобщей истории», «История страны изучаемого языка». Материалы исследования могут быть использованы при подготовке специальных курсов по истории Британии нового времени, истории интеллектуалов эпохи Просвещения, истории исторического письма. Фактический материал, собранный в диссертации, может быть привлечен для подготовки учебных пособий и учебников по истории Великобритании, истории Нового времени, истории исторической науки.

Апробация материалов исследования. Основные результаты работы были представлены в докладах и сообщениях на международных и всероссийских конференциях, организованных: кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Российского Государственного Гуманитарного Университета под руководством О.М. Медушевской (Москва, 1991, 1993, 1996, 2008, 2010, 2013); Российским обществом интеллектуальной истории под руководством Л.П. Репиной (Москва, 2007, 2013–2015,Челябинск, 2011), а также Уральским его отделением (Екатеринбург, 2007, 2009, 2012). В качестве выпускающего научного редактора Альманаха исследований всеобщей истории XVI–XX вв. «Imagines Mundi» были организованы дискуссии на заседаниях УрО РОИИ и публикация их результатов в двух

сериях Альманаха: «Альбионика» (Вып. 1 [2001]; 2 [2003]; 6 [2008]; 8 [2013]) и «Интеллектуальная история» (Вып. 3 [2004]; 4 [2006]; 5 [2008]; 7 [2010]). В качестве члена президиума Ассоциации британских исследований под руководством А.Б. Давидсона автор приняла участие в ряде международных англоведческих конференций (Москва, 2011, Ярославль 2012, Санкт-Петербург, 2013). Более полное представление о концепции национальной истории Британии оформилось в результате научного редактирования первого полного перевода на русский язык книги Нобелевского лауреата 1953 г. У. Черчилля «История англоязычных народов» в 4-х томах (Изд-во «Гонзо», 2012, 80 печ. л.). Основные результаты диссертационного исследования изложены в более чем 40 научных публикациях, в том числе 17 статьях, изданных в ведущих рецензируемых журналах, определенных ВАК. Общий объем 40,9 условных печатных листов. Текст диссертации был обсужден и рекомендован к защите на заседании кафедры Новой и Новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина 15 мая 2015 г.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, именного указателя.

ГЛАВА 1. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В БРИТАНСКОЙ ТРАДИЦИИ ИСТОРИОПИСАНИЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

1.1. ИСТОРИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Источниковая база исследования состоит из исторических и историографических источников. Ее характеристика определяется традиционной для отечественной историографии видовой классификацией. В данной классификации исторические источники структурированы по видам «целенаправленной человеческой деятельности как облеченные в материальную форму произведения, как средства для достижения той или иной цели, удовлетворения тех или иных общественных, человеческих потребностей»[25]. Специфика историографического исследования определяет вторичность классических исторических источников, которым уделяется внимание лишь в контексте развития историописания Британии в эпоху Просвещения. Характеристика наиболее важных из них в рамках общего обзора данного параграфа соответствует основным этапам классического источниковедческого анализа. А именно, *«внешняя критика»* базируется на характеристике следующих источниковедческих параметров: историческая эпоха возникновения, проблема авторства, существующие редакции и место их хранения. Следует обратить внимание на децентрализованную «систему» хранения исторических источников в Британии, что составляет немалую трудность в изучении англоведческой проблематики. Что касается истории переводов и публикации, «внутренней критики», а также *«источниковедческого синтеза»*, то в целом это нашло отражение в тексте последующих глав диссертации. Характеристика *историографических*

[25] *Медушевская О.М.* Классификация исторических источников / Источниковедение. Под ред. *И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева*. Глава 3. М., 2004. С. 144–152.

источников по истории историописания Британии в эпоху Просвещения определяется их распределением по историческим эпохам.

Средневековые сборники права и законодательные акты представлены в диссертационном исследовании публикациями англосаксонских и валлийских судебников, сочинениями «авторитетов» англосаксонского права. Важными источниками в понимании национального прошлого Британии как в эпоху Просвещения, так и сейчас остаются «Англосаксонские законы» (далее – АСЗ). Они дают представление о донормандской Англии и являются записью обычного права раннефеодальных англосаксонских королевств VII–IX веков, оформившегося в конце IX века в законы короля Альфреда. Тексты, как правило, записаны на уэссекском диалекте и сохранились в редакциях XI века[26].

Самый древний сохранившийся текст англосаксонских законов – законы одного из первых христианских королей Кента Этельберта, совпадающие по времени с миссией Св. Августина на Британские острова. Законы Этельберта входят в состав рукописи «Textus Roffensis», созданной в скриптории бенедиктинского монастыря в Рочестере на севере Кента около 1125 года и сегодня хранятся в библиотеке Рочестерского кафедрального собора. В манускрипт «Textus Roffensis» входит вторая самостоятельная рукопись – книга записей собора, которая была соединена вместе с законами Этельберта около 1300 года. Оцифрованный текст манускрипта доступен в режиме он-лайн на сайте Рочестерского кафедрального собора[27].

Основной массив текстов АСЗ связан с правлением королей Уэссекса – Ины, Альфреда, Этельстана и т.д. В эпоху Реформации эти тексты были спасены первым архиепископом Кентерберийским М. Паркером и по

[26] *Tucker JR. CH. E.* Anglo-Saxon Law: its development and impact on the english legal system // USAFA Journal of Legal Studies. № 127. 1991. P. 127–202. Режим доступа: https://www.academia.edu/5013232/Anglo-Saxon_Law_Its_Development

[27] Law of Æthelberht, attributed to Æthelberht of Kent. (560–616). The Textus de Ecclesia Roffensi per Ernulphum episcopum / The Book of the Church of Rochester through Bishop Ernulf. Режим доступа: http://www.rochestercathedral.org/news/categories/cathedral-news/88-textus-roffensis-online

завещанию отошли его родному колледжу Корпус Кристи в Кембридже. И по сей день основные тексты АСЗ находятся в собраниях отдельной Библиотеки Паркера в Корпус Кристи колледже Кембриджской университета. Они оцифрованы и доступны в режиме он-лайн[28]. Первая попытка расшифровки и публикации некоторых из них относится ко времени жизни Паркера[29]. История публикации «Англосаксонских законов» в изданиях 1644 и 1721 годов рассмотрены в третьей главе диссертации. Перевода на русский язык АСЗ не существует.

Яркое представление о самобытности валлийского средневекового права дают Законы Хивела Доброго, которые как и АСЗ, являются записью обычного права и результатом длительного предшествующего развития. Благодаря работам А.И. Фалилеева мы имеем достаточно четкое представление о составе и содержании рукописей Законов Хивела[30]. Это запись судебных слушаний IX века на валлийском языке Surexit Memorandum из Личфилдского евангелия; это запись Законов Хивела на латыни под названием «Peniarth 28»[31]; по-валлийски «Peniarth 29»[32]. Последний текст считается самым древним из сохранившихся текстов законов. Он находится в составе Черной Книги из Чирка XIII века и хранится в Национальной библиотеке Уэльса[33]. Законы Хивела Доброго дошли до нас во множестве списков, один из которых можно изучать в режиме он-лайн в собраниях

---

[28] Anglo-Saxon Laws. MS 383 / Parker Library on the Web. Режим доступа: http://parkerweb.stanford.edu/parker/actions/browse.do?category=ms_title&section=A

[29] Apxaionomia: sive De priscis Anglorum legibus libri, sermone anglico, vetustate antiquissimo, aliquot abhinc seculis conscripti, atq; nunc demum, magno iurisperitorum, & amantium antiquitatis omnium commodo, è tenebris in lucem vocati. / Gulielmo Lambardo interprete. Regum qui has leges scripserunt nomenclationem, et quid præterea accesserit, altera monstrabit pagina. Great Britain. Londini, ex officina Joannis Daij, 1568.

[30] *Фалилеев А.И.* Древневаллийские тексты / Древневаллийский язык. СПб., 2002. С. 53–87.

[31] Peniarth MS 28 (formerly Hengwrt MS 7) / National Library of Wales. Режим доступа: http://www.llgc.org.uk/?id=lawsofhyweldda

[32] Peniarth MS 29. National Library of Wales / Cyfraith Hywel website /Режим доступа. http://cyfraith-hywel.cymru.ac.uk/en/index.php

[33] Llyfrgell Genedlaethol Cymru, англ. / National Library of Wales. Режим доступа: http://isys.llgc.org.uk/

Библиотеки Паркера Кембриджской университета[34]. Заслуга выделения Законов из общего массива средневековых текстов и первая их публикация в 1730 году принадлежит выдающемуся английскому ученому и полиглоту У. Уоттону. Средневековое самобытное ирландское право представлено текстами Закона брегонов, большая часть которых хранится в библиотеке Тринити колледжа Дублинского университета[35]. Первая их публикация была предпринята лишь в середине XIX века[36]. Тексты законов валлийского и ирландского права ждут своего полного перевода на русский язык и публикации.

Дискуссия о «нормандском иге», развернувшаяся в XVII–XVIII веках, вызвала большой интерес к такому уникальному источнику, тяготеющему по своей природе к актовому материалу, как *«Книга Страшного суда»*, поземельной переписи 1085–1086 годов. Ее текст написан на средневековом латинском языке под названием «Liber de Wintonia» (англ. Book of Winchester), так как ее составление было связано с Уинчестером, столицей Уэссекса, где похоронены короли Альфред Великий и Кнуд. Первоначальные записи (отчеты и перечни) были сведены в два тома и хранились в бумагах Казны в Уинчестере. В *«Малой книге страшного суда»* (*англ.* Little Domesday) зафиксированы наиболее полные данные по графствам Эссекс, Норфолк, Саффолк. «*Большая книга страшного суда»* (*англ.* Great Domesday), на самом деле уступающая по объему первой, охватывает большую часть остальных территорий Англии и Уэльса. Это те земли на севере, которые позже получили названия графств Уэстморленд, Камберленд, Нортумберленд и епископство Дарем.

---

[34] Laws of Hywel Dda. MS 454 / Parker Library on the Web. Режим доступа: http://parkerweb.stanford.edu/parker/actions/browse.do?&category=ms_title&section=L

[35] Brehon laws and miscellanea. [microform]. MS 1316/1-5. / Trinity College Dublin Library. (Ireland). Режим доступа: http://stella.catalogue.tcd.ie/iii/encore/record/C__Rb13170484__S%20Brehon%20laws__Orightresult__U__X6?lang=eng&suite=cobalt

[36] Ancient laws of Ireland / Ed. W.N. Hancock, T. O'Mahony, A. G. Richey, W. M. Hennessy and R. Atkinson, text and trans. J. O'Donovan, E. O'Curry. Vols. I—VI. Dublin, 1865—1901.

Надо понимать, что значительная часть территорий Британских островов не была охвачена этой переписью. Лондон и Уинчестер, например, не попали в «обработку», по-видимому, в силу их городского статуса. Документ имел фискальное значение. Имена держателей земли и размеры их маноров закреплялись этой переписью и не подлежали обжалованию в дальнейшей исторической перспективе. Как свидетельствует судебная практика, данные книги часто запрашивались в ходе судебных слушаний. Интересно, что практически все данные Книги по отдельным держаниям (имя держателя, количество пахотной земли, размеры пастбищ, количество крестьян, проживающих на территории владений и т.д.) указаны применительно к трем периодам: 1066 год (год смерти Эдуарда Исповедника); год перехода к новому владельцу; 1086 год (года переписи). Два этих тома были перевезены в Старый Вестминстерский дворец в Лондон вероятно на рубеже XII–XIII веков. С 1740 года они хранились с другими бумагами в палате Казначейства в Вестминстерском аббатстве[37]. Первая публикация «Книги Страшного суда» была осуществлена в 1783 году. В 1859 году Книга была передана в Национальный архив Британии (сегодня храниться в Кью). Первым крупным исследователем этого важного документа стал британский историк права Ф.У. Мэйтленд. Его главными сочинениями стали «История английского средневекового права до времени правления Эдуарда I» и «Книга Страшного Суда и вне ее»[38]. В 1986 году под эгидой медиакорпорации Би-Би-Си к 900-летнему юбилею Книги был создан мультимедийный проект «Domesday Book». В работе над ним приняло участие более 9 млн. человек[39]. Летом 2006 года латинский текст «Книги

[37] *Hallam E.M.* Domesday Book through Nine Centuries. L., 1986.

[38] *Maitland F.W.* Domesday Book and Beyond. Cambridge, 1897; *Maitland F.W.* History of English Law before the Time of Edward I, with Sir Frederick Pollock, Cambridge, 1899.

[39] *Киселева Л.И.* Письмо и книга в Западной Европе в Средние века. Лекции по латинской палеографии и кодикологии. СПб., 2003.

Страшного суда» с переводом на английский язык стал доступен в режиме он-лайн[40].

Завершим характеристику источников правовой видовой принадлежности четырехтомным сочинением Эд. Кока «Институты законов Англии». Первый том, опубликованный при жизни автора в 1628 году, представляет комментарий на сочинение юриста XV века Т. Литтлтона «Трактат о землевладениях»[41]. Трактат стал только основой для комментариев Кока по основным проблемам государственно-политического строительства его времени. Последние три тома были опубликованы после смерти автора. Во втором томе в хронологическом порядке представлены тридцать девять конституционных актов Английского королевства и комментарии Кока к ним. Разбор «неписаной» конституции Англии начинается с Великой хартии вольностей 1215 года, 800-летний юбилей которой широко празднуется в Соединенной Королевстве сегодня[42]. В третьем и четвертом томах Кок реконструирует институциональное «тело» правового устройства королевства посредством исторических очерков, посвященных основным органам государственного управления. Это сочинение сделало Эд. Кока «авторитетом» англосаксонского права и стало основой судебной системы Британии[43]. Как представляется, перевод на русский язык комментариев к хотя бы самым главным законам, таким как «Великая хартия вольностей», просто необходим. Полная версия второго тома (как, впрочем, и других томов) доступна в сети интернет[44].

---

[40] Domesday Book. Britain finest treasure. Режим доступа: http://www.nationalarchives.gov.uk/domesday/

[41] Littleton's Tenures by Thomas Littleton. Режим доступа: https://archive.org/details/littletonstenur01littgoog

[42] Великая хартия вольностей хранится в Британской библиотеке. Режим додступа: http://www.bl.uk/events/magna-carta--law-liberty-legacy?ns_campaign=magna-carta-exhibition&ns_campaign=BritishLibrary_MagnaCarta_version1&ns

[43] *Кондратьев С.В.* Правовые и политические воззрения Эдуарда Кока // Правоведение. 1991. № 1. С. 56 – 61.

[44] Режим доступа: *Coke E.* The Second Part of the Institutes of the Laws of England, Том 2. Режим доступа:

Летописи, хроники, опубликованные в эпоху Просвещения представлены Англосаксонской хроникой, сочинением Беды Достопочтенного «Церковная история англов» и другими средневековыми памятниками. Большая часть из них была издана с критическими комментариями именно в эпоху Просвещения. Следует обратить внимание на связанность разрозненных по времени написания средневековых сочинений летописного характера. На самом деле первое по времени написания сочинение Гильды Премудрого легло в основание «Церковной истории англов» Беды Достопочтенного. Этот труд в свою очередь был положен Альфредом Великим в основу «Англосаксонской хроники (далее – АСХ). Этот ряд продолжили авторы IX века Ненний и XII века Гальфрид Монмаутский.

Бриттский монах VI века Гильдас Премудрый считается первым историком Британских островов. Его сочинение на латинском языке «О гибели Британии» достаточно серьезно изучено ученицей известного кельтолога С.В. Шкунаева Н. Ю. Чехонадской. «Это трактат из 110 глав – единственный рассказ о падении римской власти в Британии и завоевании ее в V в. англосаксами, который исходит почти от современника … Гильда кратко рассказывает всю историю Британии до своего времени; он дает ценные сведения и по церковной истории – рассказывает о первом британском мученике Альбане, критикует своих современников – епископов и пресвитеров»[45].

Отечественная исследовательница сообщает: «…до нас дошли только четыре более или менее полных рукописи, из которых три имеют самостоятельную текстологическую ценность: древнейшая *Коттонианская* **(«C»)**, X или XI в. [MS Cotton. Vitell A. VI], хранящаяся в Британском музее,

---

https://books.google.co.uk/books?id=bon4DpbhyyQC&printsec=frontcover&dq=Coke+E.+The+Second+Part+of+the+Institutes+of+the+Laws+of+England&hl=ru

[45] *Чехонадская Н. Ю.* Святой Гильда и ирландская традиция, или Три возраста Гильды // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Выпуск VI. М., 2004. С. 192.

Авраншская **(«A»)** конца XII в., в публичной библиотеке г. Авранша (во Франции – *В.В.*) под № 162 (ранее числилась под №№ I54 и 2890), *Кембриджская (Гластонберийская)* **(«D»)** в Кембриджской библиотеке (Dd.1.17), являющаяся не очень аккуратной копией С, и *Кембриджская (Соулийская)* **(«X»)** - Ff.I.27 (XIII в.). «С» значительно пострадала от пожара в XVIII в.; первые главы оказались утраченными. «D» представляет интерес только для восполнения пробелов «С». Фактически существует лишь три не зависящих друг от друга рукописи – «А», «С» и «Х», причем «Х» содержит лишь 27 глав памятника, однако, ключевых. «А» свойственен ряд особенностей, сильно отличающих ее от английской рукописной традиции. В ней сочинение Гильды разбито на предисловие и три книги; отдельные главы имеют свои заголовки. В ряде мест «А» дает существенно иной вариант текста; правка идет как в сторону собственно упрощения фразеологии, так и в сторону уяснения значения текста и снятия двусмысленностей»[46]. Первое критическое издание этого сочинения Гильды на латинском языке было осуществлено Т. Гейлом в 1687 году. Первый английский перевод был опубликован в 1838 году под редакцией Дж. Стивенсона[47]. В 2003 году Н.Ю. Чехонадская предприняла перевод сочинение Гильды «О погибели Британии» на русский язык[48].

Сочинение Гильдаса послужило моделью историописания для последующих англосаксонских авторов как на латинском, так и на древнеанглийском языках. Для историописателей эпохи Просвещения вторым по важности после Гильды автором в интерпретациях национального прошлого стал Беда Достопочтенный. Его сочинение «Церковная история англов» в 2001 году было переведено на русский язык московским

---

[46] *Чехонадская Н. Ю.* Святой Гильда и падение Римской Британии: Авт. дисс… к.и.н. М., 2001. С. 4.

[47] Gildas De excidio Britanniae : Ad fidem codicum manuscriptorum recensuit Josephus Stevenson. Londini : Sumptibus Societatis. 1838.

[48] *Гильда Премудрый.* О погибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / Пер., вступ. статья и примечания *Н. Ю. Чехонадской*. СПб.: Алетейя. 2003.

исследователем В.В. Эрлихманом. В предисловии он пишет: «… до нас дошло почти 160 рукописей «Церковной истории народа англов». Из них наиболее ранними являются четыре, записанные в Нортумбрии в VIII в. Самый древний – так называемый **[1]** *манускрипт Мура* (Moor MS), написанный ок. 737 г.; ныне он хранится в университетской библиотеке Кембриджа. Вторым по древности считается **[2]** *манускрипт*, хранящийся в Российской национальной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Петербург); он написан около 745 г. Чуть позже возник **[3]** *манускрипт «А»* XIV из Коттоновской коллекции Британского музея (около 770 г.). К тому же времени относится **[4]** *манускрипт Tiberius «С»* из той же коллекции, написанный в каком-то из монастырей Южной Англии; он интересен англосаксонскими глоссами на полях. … Большинство сохранившихся манускриптов «Истории» находится в европейских книгохранилищах. Самые крупные их коллекции хранятся в Оксфорде (27 рукописей), Лондоне (23 рукописи), Париже (21 рукопись) и Кембридже (14 рукописей)»[49]. Первая публикация Стэплтона 1565 года породила в это же время первый перевод на английский язык[50]. Первая критическая публикация в двух столбцах (древнеанглийский и латинский) была осуществлена А. Уэлоком в одном томе с АСЗ в 1643 году (стр.1–499).

Третий важный средневековый летописный источник – это «Англосаксонская хроника» (далее – АСХ). Напомним, что создание АСХ принадлежит королю Альфреду и его окружению. Здесь отечественные историки имеют в своем распоряжении перевод и публикацию АСХ, не так давно выполненный исследовательницей З. Ю. Метлицкой[51]. Она пишет: «Данный памятник раннесредневекового летописания сохранился в

---

[49] *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англов. / Пер. *В. В. Эрлихмана*. СПб.: Алетейя, 2001.

[50] Biographia Britannica Literaria: Or, Biography of Literary Characters of Great Britain and Ireland, Arranged in Chronological Order V. 1 [Thomas Wright] 1842. P. 288. https://books.google.ru/books?id=UCRUAAAAcAAJ&pg=PA287&dq=Bede,+Historia+Ecclesiastica+Gentis+Anglorum.+Ed.+J.+Smith.+Cantabrigiæ

[51] Англосаксонская хроника / Пер. с др.-англ. *З.Ю. Метлицкой.* СПб.: Евразия, 2010.

достаточно ранних рукописях: самая древняя из них написана первоначально в конце IX — первые годы X в. и пополнялась затем на протяжении X–XI вв. Важной его особенностью является то, что он написан не на латыни, а на народном языке и представляет собой в значительной степени "светскую" хронику… Поскольку нормандское завоевание привело к коренным и очень быстрым переменам в языке, мировосприятии и сознании в целом», обосновывает исследовательница, то рассматривать рукописи, созданные после 1066 года, для изучения англосаксонского периода не является обоснованным. Ключевыми являются рукописи **«A»** – *«Хроника Паркера»* (Колледж Корпус-Кристи, Кембридж, рукопись 173), **«C»** – *«Вторая Абингдонская хроника»* (Британский музей, Лондон, рукопись Tiberius B i), **«D»** – *«Вустерская хроника»* (Британский музей, Лондон, рукопись Tiberius B iv)[52]. Хоть первая попытка публикации АСХ связана с изданием Уэлока 1643 (стр. 501–579), однако первым полным критическим считается издание 1692 года, подготовленное Эд. Гибсоном. Перевод АСХ З.Ю. Метлицкой увидел свет в 2010 году.

Важным источником для расшифровки древнеанглийского языка на первом этапе Просвещения оказались *библейские тексты, житийная литература, сочинения отцов церкви.* Рукописный перевод «Семикнижья» англосаксонского монаха-бенедиктинца Эльфрика Грамматика/Ælfrīc на староанглийский язык является показательным примером. Эта рукопись хранится в Британской библиотеке и частично доступна он-лайн[53]. Первая ее публикация была подготовлена в 1698 году антикваром Туэйтсом под названием «Гептатий, Книга Иова и Евангелие от Никодима» параллельно на

---

[52] *Метлицкая З. Ю.* Историческое сознание англосаксонских анналистов IX–XI веков: по материалам Англосаксонской хроники. Авт. дисс… к.и.н. М. 2005. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/istoricheskoe-soznanie-anglosaksonskikh-annalistov-ix-xi-vekov-po-materialam-anglosaksonskoi

[53] Ælfric's Preface to Genesis (London, BL, Cotton Claudius B.iv, fol. 1r). Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_claudius_b_iv_f001r; Brandon H. Ælfric's Preface to Genesis: A Translation. Режим доступа: http://brandonwhawk.net/2014/07/30/aelfrics-preface-to-genesis-a-translation/

двух языках – латинском и древнеанглийском[54]. Эта работа стала важным этапом в расшифровке древних текстов и дальнейшей публикации работ Эльфрика. Исторический масштаб трудов и личности этого агиографа донормандского периода в истории Англосаксонской Британии сопоставим разве что с Бедой Достопочтенным. Его наследие – два сборника проповедей (первые публикации подготовлены в рассматриваемую эпоху[55]), три пособия для послушников, изучающих латинский язык, («Грамматика», «Словарь» и «Произношение») – имело решающее значение в процессе расшифровки антикварами конца XVII века староанглийского языка[56].

Изучение рукописей «Евангелия» Блаженного Августина (находится в библиотеке Корпус-Кристи колледж в Кембридже, Lib. MS. 286), «Жития Святого Уилфрида» (архиепископа Йоркского, современника Беды)[57], записанного Эддой-Стефаном в начале VIII века (сохранилось в двух списках: Британская библиотека, Cotton Vespasian D. vi.; Бодлианская библиотека в Оксфорде, Bodleian Library, Fell vol. III 34a-56b) и других текстов стали предметом внимания лексикографов-антикваров эпохи Просвещения[58]. В этом ряду следует выделить судьбу сочинения Ассера «Жизнь Альфреда Великого», манускрипт которого оказался в собрании Паркера. Русский перевод этого сочинения был осуществлен еще до

[54] Heptateuchus, liber Job, et Evangelium Nicodemi … 1698.

[55] An English-Saxon Homily on the Birthday of St. Gregory … 1709; An Essay upon Glory. Written Originally in French by the Celebrated Mademoiselle de Scudery. Done into English by a Person of the same Sex [i.e., *Elizabeth Elstob*]. L.: J. Morphew, 1708.

[56] *Клейнер Ю.А.* Латинская грамматическая традиция в Англии (Беда, Алкуин, Эльфрик) // История лингвистических учений: Средневековая Европа. Л., 1985. С. 69–76.

[57] *Kirby D. P.* Bede, Eddius Stephanus and the Life of Wilfrid // The English Historical Review. № 98 (386). January 1983. P. 101–114.

[58] См., напр.: *Eddius*. The Life of Bishop Wilfrid. Rerum anglicarum scriptores veteres / Historiae anglicanae scriptores. Gale et Fell. vol. I. 1684. P. 49–93; An English-Saxon Homily on the Birthday of St. Gregory… 1709; Exameron Anglice or The old English Hexameron. Ed. with an introd., a collation of all the manuscripts, a modern English transl., parallel passages from the other works of Aelfric and notes on the sources by S. J. Crawford. Hamburg: Unveränd. Aufl., Reprograf. Nachdr, 1921. (рукописные словари) и др.

революции М.М. Стасюлевичем[59]. З.Ю. Метлицкая сообщает нам следующее о судьбе манускрипта: «единственная рукопись «Жизнеописания» сгорела в 1731 г. К счастью, до этого текст был несколько раз издан. Однако первый его издатель (1574 г.), архиепископ Мэттью Паркер, обнаружив сходство между текстом «Жизнеописания» и более поздними «Анналами Сент-Ниотс», счел эти два текста вариантами одного и того же произведения и скомпилировал их. В результате в текст Ассера была вставлена легендарная история о том, как король Альфред, скрывавшийся от викингов в крестьянском доме, сжег лепешки, за которыми ему поручили проследить, и получил нагоняй от хозяйки. В дополнение к этому Уильям Камден, переиздавший публикацию Паркера в 1602 г., «украсил» ее не менее легендарными и красочными сведениями об основании Альфредом Оксфордского университета. Из-за гибели рукописи выявить эти вставки удалось далеко не сразу. Аутентичный текст «Жизнеописания» был опубликован только в 1904 г., когда источник уже успел обрести ореол «сомнительности» в глазах историков. … В самом тексте присутствуют во множестве образы, слова и сюжеты, характерные для агиографических сочинений (а на какие еще образцы мог опираться клирик IX в., который хотел рассказать не только о военных победах, но и о духовном мире своего господина и друга). Ассер описывает человека истово верующего, но при этом жестоко страдающего от своих сомнений и слабостей, несущего бремя государственных дел, но мечтающего об уединении и молитве. Этот портрет никак не совмещался в сознании историков с образом короля Альфреда, представленным в Англосаксонской хронике, а тем более – с образом победоносного могучего властителя, создателя английского государства, который они хотели увидеть. Мне кажется, именно ощущение внутреннего противоречия, редко высказываемое впрямую, заставляло и заставляет многих исследователей (см., напр., Smyth A.P. King Alfred the Great. N.Y.;

[59] *Ассер.* Жизнь Альфреда Великого / *Стасюлевич М.М*. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. В 3-х т. Пг., 1903–1916. Т. II. Пг., 1915. С. 306–336.

Oxford. 1995) настаивать на том, что «Жизнеописание» является «монашеской подделкой». На мой взгляд, никакого противоречия здесь нет, и свидетельства Ассера, вместе со всем прочим, что нам известно об Альфреде, создают очень цельный, живой и привлекательный образ»[60]. Представляется, что лучшей из публикаций «Жизни Альфреда Великого» Ассера до пожара 1731 года была та, которую предпринял Т. Гейл в 1684 году[61].

Самостоятельную группу источников составляют записи и публикации *ирландских, валлийских и древнегерманских саг*, начатые в эпоху Просвещения. Сложившийся эпос длительное время бытовал в устной традиции. Только в ситуации поиска своих культурных корней возник небывалый интерес к устной народной традиции. Публикация поэмы «Фингал» в 1762 году и дискуссия вокруг нее заставляют понять, что же реально было сделано на последнем этапе британского Просвещения. Постановка вопроса актуализируется популярностью кельтской мифологии в наши дни. По общему признанию, Ирландия является самым кельтским «остатком» на Британских островах. Отечественная исследовательница-кельтолог Н.С. Широкова считает, что именно с историей этого острова соотносятся четыре цикла кельтской мифологии, которые носят названия «Мифологический», «Уладский», «Фингал» и «Королевский». *Мифологический* цикл саг (*англ.* Mythological Cycle) имеет космогоническое значение. *Уладский* цикл саг (*англ.* Ulster Cycle) повествует о похождениях главного героя цикла Кухулина (*ирл.* Cú Chulaind,Cúchulainn, *англ.* Cuhullin) и колонизации уладами Шотландии. *Цикл Финна*, или Оссиана (*англ.* Fenian Cycle) повествует о Финне Мак Кумале (Finn McCool, Fionn mac Cumhaill) и его дружинниках-воинах фениях, или фианах. По преданию этот цикл был

[60] Англосаксонская хроника / Пер. с др.-англ. З. Ю. Метлицкой. СПб.: Евразия, 2010. С. 24, 151–152.

[61] Eddius. Rerum anglicarum scriptores veteres / Two distinct collections, the first by William Fulman, published under the auspices of Bishop Fell, the other by Thomas Gale, usually treated as complementary to the former. The present copy is bound uniformly and lettered: Historiae anglicanae scriptores. Gale et Fell. vols. I. 1684. P. 49–93. Режим доступа: https://archive.org/details/rerumanglicarums01fulm

записан его сыном бардом Оссианом. *Королевский* или исторический цикл (*англ.* Cycles of the Kings или Historical Cycle) рассказывает о легендарных верховных ирландских королях (*англ*. Sacred High Kings) первого тысячелетия нашей эры, заключающих ритуальный брак с «землей-родительницей» на пиру в Таре, etc.[62] Дж. Макферсон записал, перевел на английский и положил на стихи только один из циклов[63]. Под влиянием Макферсона началось активное разыскание рукописей. Существенный вклад в этот процесс внесли францисканские монахи, которые в XII–XIII веках записали фрагменты этих текстов на латыни. Местонахождение многих рукописей было обнаружено только в начале XIX века, часто они хранились в фамильных архивах кланов. В частности, старейший манускрипт на ирландском языке «Книга Бурой Коровы» (*ирл.* Lebor na hUidre; *англ*. Book of the Dun Cow), датируемый XII веком, был обнаружен только в 1837 году[64].

Валлийская мифология также представлена собственным корпусом текстов и приводится здесь, как и ирландская мифология, лишь с одной целью – показать богатство кельтского культурного наследия, получившего начало своего возрождения на третьем этапе эпохи Просвещения. Он состоит из «Красной Книги Хергеста» (*англ.* The Red Book of Hergest, *валл*. Llyfr Coch Hergest), больше известной под названием одного из циклов ее повестей «*Мабиногион*»; «*Белой Книги Ридерха*» (*англ.* The White Book of Rhydderch, *валл.* Llyfr Gwyn Rhydderch); «*Книги Анейрина*» (*англ.* The Book of Aneirin, *валл.* Llyfr Aneirin; «*Книги Талиесина*» (*англ.* Book of Taliesin, валл. Llyfr Taliesin); *Черной книги Кармартена* (*англ.* Black Book of Carmarthen)[65].

---

[62] См. об этом: *Широкова Н. С.* Мифы кельтских народов М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005.

[63] *Macpherson J.* Fingal, an Ancient Epic Poem in Six Books, together with Several Other Poems composed by Ossian, the Son of Fingal, translated from the Gaelic Language. Glasgow: Chapman and Lang, 1799.

[64] Lebor na huidre / The Book of the Dun Cow. Режим доступа: Royal Irish Academy. http://www.ria.ie/Library/Special-Collections/Manuscripts/Leabhar-na-Huidre

[65] См. об этом: Из ранней валлийской поэзии. Сост. А.*И. Фалилеев.* СПб., 2012. Режим доступа:http://publ.lib.ru/ARCHIVES/F/FALILEEV_Aleksandr_Igorevich/_Falileev_A.I..html;

Сохранившиеся манускрипты относятся к XIII–XIV векам, хранятся в Национальной библиотеке Уэльса и доступны в режиме он-лайн[66]. Первый перевод на английский и публикация одной из поэм «Книги Анейрина» «И Гододдин» (*англ.* Y Gododdin) относится к 1764 году и принадлежит Э. Эвансу[67]. Валлийская мифология приобрела известность и популярность в 30-х годах XIX века, когда леди Шарлотта Гест перевела «Мабиногион» с валлийского на английский в семи томах[68], и тем самым пробудила интерес к легенде о короле Артуре. Именно в валлийском эпосе присутствует упоминание о короле Артуре, приписываемое бардам Анейрину и Талиесину, хотя никто из британских историописателей эпохи Просвещения всерьез эту тему не обсуждал[69]. По-видимому, валлийская мифология в ее историческом развитии связана с народами, говорившими на языках бриттской группы, в то время как ирландская мифология – с историей народов гойдельской группы языков.

По вопросу о взаимосвязи древнегерманского эпоса и древнеанглийской литературы исследовательница О.А. Смирницкая утверждает, что до нас дошло всего четыре кодекса того времени. Это *Эксетерская книга (англ.* Exeter Book); *Кодекс «Беовульфа»*, известный также как «Codex Vitellius» или «Кодекс Ноуэла» (*англ.* Nowell Codex), рукопись которого находится в Коттоновской коллекции Британской библиотеке; *Верчелльская книга,* которая «сохранилась среди манускриптов библиотеки собора итальянского городка Верчелли (недалеко от Милана). Каким образом она попала туда, остается загадкой». «На этом фоне кажется исключением благополучная судьба четвертого кодекса, состоящего из четырех христианских поэм («Codex Junius»). Франциск Юниус получил его

Земцов В. Н. Черная книга Кармартена. То немногое, что мы о ней знаем: материалы к спецкурсу. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2007.

[66] The Four Ancient Books of Wales. Режим доступа: http://www.llgc.org.uk/index.php?id=6336

[67] *Evans E.* Some Specimens of the Poetry of the Ancient Welsh Bards.1764.

[68] The Mabinogion, from the Welsh of the Llyfr coch o Hergest … 1877.

[69] См. об этом: *Эрлихман В.В.* Король Артур. М., 2009: Morris J. The Age of Arthur. L., 1973.

в хорошем состоянии из рук архиепископа Ашера (Usher) и опубликовал в 1655 г. в Амстердаме, положив тем самым начало публикации древнеанглийских поэтических памятников. Кодекс был завещан Юниусом Оксфордскому университету, в Бодлианской библиотеке которого он находится и в настоящее время». Все четыре поэтических текста созданы примерно в одно время между VIII и X веками, никак не повторяют друг друга, каждый известен лишь в одном более позднем списке. Ситуация с их изучением по меткому замечанию специалиста по древнеанглийской поэзии Ч. Кеннеди напоминает «кучку стихов, почти совершенно закрытую головами ученых»[70]. О господствующей сниженной оценке германского эпоса (в частности поэмы «Беовульф») пишет Дж. Р. Р. Толкин в работе «Чудовища и критики» 1936 года[71].

Содержание *философских трактатов и сочинений* раннего нового времени определялось развернувшейся научной революцией XVI–XVII веков. Ее естественно-научный характер со всей очевидностью проявился в британском историописании эпохи Просвещения. Один из самых влиятельных антикваров первой половины XVIII века У. Стьюкли был прямым учеником и единомышленником И. Ньютона, в трудах которого индуктивный метод Ф. Бэкона[72] был распространен на естественную историю земли и библейскую хронологию. Речь идет о так называемой натурфилософии[73]. Индуктивный метод лег также в основание анализа метафизических явлений, таких как «чудеса» великомучеников и святых в житийной литературе, а также символа веры самого по себе. Особое место в диссертации заняли сочинения, связанные с так называемой «бангорианской

---

[70] *Смирницкая О. А.* Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. М., 1980. С. 171–232; Древнеанглийская поэзия / Издание подготовили *О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров*. М., 1982.

[71] См.: *Толкин Дж. Р. Р.* Профессор и чудовища: Эссе / Пер. с англ., лат., др.-исл. СПб.: Азбука-классика, 2004.

[72] *Бэкон Ф.* Новый Органон. переводчик Красильщиков С. / *Бэкон Ф.* Сочинения в 2-х т. М., 1971. Т. 2. С. 715.

[73] *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии. М., 2013.

контроверзой»[74]. В изучении этой дискуссии мы опирались на сочинения представителей противоборствующих течений. Труды «free thinkers» или вольнодумцев представлены сочинениями таких писателей как Д. Толанд, М. Тиндел и другими[75]. Среди трудов их оппонентов выделяются работы К. Миддлтона[76]. Традиционно в нашей историографии придавалось особое значение трактатам по политической философии и таким авторам как Дж. Гаррингтон, Дж. Локк, Эд. Берк. В нашем исследовании использованы те их работы, которые раскрывают отношение авторов к истории[77]. В контексте изучаемой проблематики важным является понимание такого уникального явления британской интеллектуальной культуры XVIII века, как моральная философия, так ярко представленная в философской концепции Д. Юма, его «Трактате о человеческой природе» и других сочинениях[78].

---

[74] *Hickes G.* Constitution of the Catholic Church, and the Nature and Consequences of Schism. L., 1716; *Hoadly B.* Preservative against the Principles and Practices of Non-Jurors both in Church and State, 1716; *Law W.* Three Letters to the Bishop of Bangor, from 1717; *Moss R.* The Report Vindicated from Misreports. 1718; *Sherlock T.* Remarks on the Bishop of Bangor's Treatment of the Clergy and Convocation and other works. 1718; *Smith A.* An Inquiry into the Causes of the Wealth of Nations, ed. M.S. Soares. Digital edition. 2007;

[75] *Коллинз А.* Рассуждение о свободомыслии / Английские материалисты XVIII в. Т. 2. М., 1967; Английское свободомыслие: Д. Локк, Д. Толанд, А. Коллинз. М., 1981. С. 116; *Tindal M.* Christianity as old as the creation; or the Gospel, a republication of the religion of nature. V. 1. L., 1730; *Toland J.* Christianity Not Mysterious: A Treatise Shewing, That there is nothing in the Gospel Contrary to Reason, Nor Above It: And that no Christian Doctrine can be properly called A Mystery. 1696.

[76] *Middleton C.* A Free Inquiry into the Miraculous Powers, which are Supposed to Have Subsisted in the Christian Church. L., 1749; *Warburton W.* Alliance between Church and State. L., 1736; Dr. Middleton's letter from Rome. L., 1847. Режим доступа: The Library of Congress/ https://archive.org/details/drmiddletonslett00midd; *Swift J.* Abstract of Collins's «Discourse of freethinking» / The works of Jonathan Swift, containing additional letters, tracts, and poems, with notes, and a life of the author, by *W. Scott.* L., 1824; *Bentley R.* Remarks on a late Discourse of Freethinking: In a letter to F.H. D.D. by Phileleutherus Lipsiensis. L., 1713.

[77] *Берк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993; *Harrington J.* The Commonwealth of Oceana. L., 1656; *Locke J.* Some Thoughts Concerning Reading and Study / *Locke J.* Works. In 2 vols. V. 2. N. Y., 1824. P. 317–322; *Locke J.* Two Treatises of Government. Ed. Peter Laslett. Cambridge, 1988.

[78] *Юм Д.* Трактат о человеческой природе / Юм Д. Сочинения в двух томах. М., 1996; *Hume D.* A Treatise of Human Nature (first published 1739–1740). Oxford, 2007; *Hume D.* Dialogues Concerning Natural Religion. 1779; *Hume D.* Of Civil Liberty (1741) … 1987. P. 2, 88–89; *Ferguson A.* Institutes of Moral Philosophy. 1769; *Ferguson A.* Principles of Moral

Формирование элементов гражданского общества в эпоху Просвещения в Британии сопровождалось расцветом *публицистики*. В данном диссертационном исследовании привлечен ряд сочинений, связанных с дискуссией «древних» и «новых» на рубеже XVII–XVIII веков. С одной стороны, это публицистические сочинения У. Темпла, его подопечного Дж. Свифта и других членов клуба «Мартин Скриблерус»[79]. Им противостояли «новые» в лице У. Уоттона, Р. Бентли, чьи сочинения переросли в настоящие научные исследования[80]. К философской публицистике относится ряд эссе Д. Юма, такие как «О гражданской свободе», «О деньгах», «О торговом балансе», «О налогах» и другие[81].

Существенную роль в проведении анализа сыграла *переписка* ведущих деятелей английского и шотландского Просвещения. Интенсивней всего изучалась переписка Д. Юма как самого популярного писателя-историка эпохи Просвещения. В нашем распоряжении были две фундаментальные публикации писем этого шотландского философа. Первую составил и издал самый авторитетный специалист по изучению наследия Юма в межвоенный период английский ученый Дж. Грейг, получивший литературную премию (*англ.* The James Tait Black Memorial Prizes) за изданную им в 1931 году

---

and Political Science; being chiefly a retrospect of lectures delivered in the College of Edinburg. 1792; *Мандевиль Б.* Басня о пчелах. М., 2000.

[79] *Свифт Дж.* Полное и правдивое известие о разразившейся в прошлую пятницу битве древних новых книг в Сент-джеймсской библиотеке. Пер. с англ. Ю. Левина; How Martin became a Great Critic // Memoirs of Martin Scriblerus. Ed. *Charles Kerby-Miller*. New Haven 1950. P. 129; Sir William Temple's essays … 1909. Режим доступа: https://archive.org/stream/sirwilliamtemple00tempuoft/sirwilliamtemple00tempuoft_djvu.txt; *Swift J.* A Full and true account of the battle …V. 1. L., 1784. P. 391–433.Режим доступа: http://books.google.ru/books?id=_ggfAAAAMAAJ&dq=Swift+J.+A+full+and+true+account; *Temple W.* Miscellenea. The Third Part. L., 1701. P. 256. Режим доступа: http://books.google.ru/books?id=x7w6AQAAMAAJ&pg=PA258&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=4#v=onepage&q=annotation&f=false; *Fontenelle B. de.* Digression sur les Anciens et les Modernes. P., 1688.

[80] *Bently R.* Dissertations upon the epistles of Phalaris: With an Answer to the Objections of the Hon. *C. Boyly*. L., 1697; *Wotton W.* Reflections upon Ancient and Modern Learning. L., 1694. Режим доступа: https://archive.org/details/reflectionsupon00wottgoog.

[81] *Hume D.* Of Civil Liberty (1741) … 1987. P. 2, 32–37, 88–89; *Hume D.* The Natural History of Religion. 1757.

биографию Юма[82]. Само по себе его сочинение «Дэвид Юм» сегодня является лишь историографическим фактом. В тоже время значение, подготовленной в ходе написания биографии, подборки писем в двух томах возрастает. Эта публикация является одной из самых востребованных в современном юмоведении. Во Введении к публикации Грейг пишет, что коллекция частных бумаг Юма полностью сохранилась и перешла его племяннику Дэвиду Юму «Secundus». Конечно, письма, написанные Юмом его адресатам сохранились не полностью, но близкие Юму люди сразу после его смерти обратились к его респондентам с просьбой прислать им письма Юма. Кое-что Юм-племянник уничтожил, в частности, письма дяди к его матери, к которой тот относился не слишком уважительно. Но, что еще более важно, Юм-племенник завещал коллекцию Эдинбургскому королевскому Обществу[83]. Грейг дает во Введении обзор около десятка предшествующих публикаций корреспонденции Юма, объясняет принципы отбора и археографические трудности при подготовке текстов к публикации. Грейг уделяет особое внимание письмам периода написания «Истории Англии», т.е. корреспонденции 1752–1761 годов. Второй авторитетной публикацией писем Юма является подготовленное двумя американскими историками Р. Клибански и Э. Мознером издание «Новых писем Дэвида Юма»[84]. Последний был автором основательной биографии Д. Юма, изданной в 1954 году[85] Авторы публикации собрали письма с 1737 по 1776 год, не включенные в двухтомное издание Грейга. Новая подборка дает представление о человеке и его эпохе, особое внимание уделяется переписке с известными мыслителями эпохи Просвещения А. Смитом, Дж. Босуэллем и Б. Франклином. В совокупности эти две публикации писем дают возможность реконструировать круг респондентов Юма, интерпретировать его представления об истории, а также его метод работы над «Историей

[82] *Greig J. Y. T.* David Hume. N. Y., 1931.
[83] The Letters of David Hume, ed. *J. Y. T. Greig,* 2 vols. Oxford, 1932. Vol. 1. P. XXI.
[84] New Letters of David Hume, ed. *R. Klibansky* and *E. C. Mossner*. Oxford, 1954.
[85] *Mossner E.C.* The Life of David Hume. Oxford, 1954.

Англии». В процессе нашей работы также использовалась переписка других историописателей эпохи Просвещения Г. Спелмена, Р. Бентли, К. Миддлтона и других[86].

В процессе работы использовалась *мемуарная литература*, демонстрирующая становление исторических взглядов авторов. Прежде всего, это «История моей жизни» Д. Юма, которая согласно его завещанию по сей день публикуется в каждом издании его работ. «Мемуары» Эд. Гиббона дают представление об интеллектуальных влияниях на будущего историка и автора «Истории упадка и гибели римской империи». Обращение к «Воспоминаниям об Исааке Ньютоне» У. Стьюкли было необходимо для понимания адаптации индуктивного метода в исторических исследованиях в британской традиции историописания эпохи Просвещения[87]. К ним примыкают *записки путешественников* в лице «диктатора литературной республики» С. Джонсона и французского путешественника Д'Соссюра[88]. Если говорить о *периодических изданиях*, то в диссертации были привлечены журналы обществ антикваров: «The Gentleman's magazine; журнал Лондонского валлийского общества «Transactions of the Honourable Society of Cymmrodorion» и другие. Особое место для понимания антикварной

[86] Henry Spelman to Wheloc, Sept. 28th, 1638 / *Adams E. N.* Old English Scholarship in England from 1566–1800. New Haven, 1917. P. 52; Richard Bently to William Wotton / *Bently R.* Dissertations upon the epistles of Phalaris … 1697; *Bently T.* A Letter to Mr. Pope Occasioned by Sober Advice from Horace; Pope's Sober Advice // Works of Mr. Alexander Pope. L., 1735; Correspondence of Richard Bently. In 2 vols. L., 1842; The Letter to Dr Waterland, 1730 / *Middleton C.* Miscellanies Works. In 5th vols. L., 1755. V. III. 1–66; *Stukeley W.* A Letter Dr Stukeley to Mr Macpherson on his Publication on Fingal and Timora. With a Print of Cathmor's Shield. L., 1763. P. 7.

[87] *Stukeley W.* Memoirs of Sir Isaac Newton's Life. L., 1752; *Hume D.* My Own Life / Hume D. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution of 1688. L., 1792. P. V–XV; *Boswell J.* Life of Samuel Johnson, rev. L.P.Powell, 6 vols. Oxford, 1934–1964; The Miscellaneous Works of Edward Gibbon, Esq: With Memoirs of His Life. 5 vol. L., 1814. V. 1. P. 60–61; и др.

[88] *Johnson S.* A Journey to the Western Islands of Scotland. L., 1791. Режим доступа: https://archive.org/details/journeytowestern00johnuoft; *Saussure de C.* A Foreign View of England in 1725–1729. L., 1995.

традиции в эпоху Просвещения имеет периодическое издание Лондонского общества антикваров «Vetusta monumenta»[89].

Первостепенное место в источниковой базе диссертационного исследования заняли *историографические источники*, а именно труды по истории Британии, появившиеся в эпоху Просвещения. Как показало наше исследование, предпочтения британских историописателей определялись принадлежностью к одной из историографических традиций, восходивших к древнегреческим историкам – Фукидиду и Геродоту[90]. Нарратив, построенный на линеарном повествовании с особым вниманием к политическому контексту событий, соотносится с сочинениями Фукидида. Подход Геродота в свою очередь базируется на универсализме, широте кругозора сообщаемых сведений, на внимании к географическим, этнографическим, культурным аспектам истории различных народов. В британском историописании эпохи Просвещения первая традиция транслировалась через римского историка Тацита и нашла свое воплощение в так названном «неоримском» дискурсе. Вторая, восходящая к Геродоту и эрудитам эпохи Возрождения, представлена в британском историописании XVII–XVIII веков трудами антикваров в Англии, Шотландии, Уэльсе и Ирландии.

В противоборстве двух этих тенденций в эпоху Просвещения формировался историзм как ключевой принцип научного историописания. Осмысление вопроса о назначении истории, поиск ответа на вопрос «как писать историю?» в большей степени оказались связаны с прагматичной

---

[89] Vetusta monumenta quae ad Rerum Britanicarum memoriam conservandam Societas Antiquariorum Londini sumptu suo edenda curavit. 1718–1906; The Gentleman's magazine, and historical chronicle. 1736. Режим доступа: https://archive.org/stream/gentlemansmagazi03marc#page/16/mode/2up; The European Magazine and London Review. Vol. 23. № 4. 1783; The Depositions, Arguments and Judgement in the Cause of the Church-Wardens of Trefdraeth, In the County of Anglesea, against Dr. Bowles; adjudged by the Worshipful G. Hay, L.L.D. Dean of the Arches: Instituted To Remedy the Grievance of preferring Persons Unacquainted with the British Language, to Livings in Wales. L., Retrieved 18 June 2013. Режим доступа: http://www.peoplescollection.wales/items/9086

[90] *Немировский А.И.* У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979. С. 36.

«неоримской» традицией. В определенной степени это было связано с преобладающим влиянием французской интеллектуальной мысли XVII века. Основополагающим текстом здесь стало сочинение двух богословов-янсенистов А. Арно и П. Николя «Логика, или Искусство мыслить»[91], впервые анонимно опубликованное в 1662 году[92]. Другим авторитетным автором в этой области явился Н. Фрере, чьи «Размышления»[93] были ответом на скептические аргументы его друга Ж. Левека де Пуйи[94]. В этих сочинениях были поставлены на обсуждение вопросы о подлинности и достоверности исторических источников. С другой стороны, блестящий литературный стиль и широта обобщений исторических сочинений Ш. Монтескье сформировали высокий «стандарт» «неоримской» историографической традиции[95]. Его сочинение «Размышления о причинах величия и падения римлян» 1734 года получило небывалую популярность в Англии. Однако прагматизм и идея здравого смысла определяли лицо английского варианта «неоримской» традиции. Блестящим образчиком являются размышления о «пользе истории» лорда Болингброка, столь долго проживавшего во Франции[96]. Шотландская традиция историописания в силу своей геополитической близости с французскими мыслителями раннего нового времени также в массе своей восприняла этот «неоримский» стандарт. Блестящий литературный стиль, широта обобщений, увлекательность и остроумие повествования отличают исторические сочинения Д. Юма, значительная часть жизни которого также была связана с Францией. Ранний социологизм сочинений французских и шотландских просветителей также

---

[91] См.: *Arnauld A., Nicole P.* La logique, ou L' art de pensei. P., 2011; *Арно А., Николь П.* Логика, или Искусство мыслить. М., 1991.

[92] *Wootton D.* Hume's 'Of Miracles': Probability and Irreligion // Studies in the Philosophy of the Scottish Enlightenment, ed. M. A. Stewart. Oxford, 1990. P. 191–229.

[93] См.: *Freret N.* Reflexions sur 1'etude des anciennes histoires et sur le degre de certitude de leurs preuves. P., 1729.

[94] *Pouilly de Levesque J.* Dissertation sur l'incertitude de l'histoire des premiers siècles de Rome. P., 1723.

[95] *Montesquieu C.-L. de Secondat, baron de.* The Spirit of the Laws. trans, and ed. A. M. Cohler and others. Cambridge, 1989.

[96] *Болингброк.* Письма об изучении и пользе истории. М., 1977.

роднит эти две национальные традиции историописания[97]. Именно в рамках «неоримского» подхода в эпоху Просвещения сформировалась новая целостная чисто светская непротиворечивая концепция национальной истории Британии представленная Д. Юмом в его «Истории».

Отцом-основателем антикварной традиции в Британии явился У. Кемден, чье сочинение «Британия» задало «стандарт» антикварного дискурса и пережило в эпоху Просвещения два переиздания с добавлением обширных комментариев и перечней вновь открытых источников. Первое было предпринято Эд. Гибсоном в конце XVII века[98]. Оно фактически явилось коллективным антикварным проектом с участием выдающихся лексикографов того времени Эд. Ллуйда, У. Николсона и некоторых других. Это издание «Британии» было вновь отредактировано и издано самим же Гибсоном в 1722 году и сейчас доступно он-лайн[99]. Второе новое, значительно расширенное и переработанное издание «Британии» У. Кемдена в трех томах, работа над которым заняла двадцать пять лет под руководством председателя Лондонского общества антикваров с 1771 по 1791 годы Р. Гофа, было опубликовано в 1789 году[100]. Эти издания дают ясное представление о «структуре» сложившегося антикварного «стандарта» историописания в

---

[97] *Middleton C.* The History of the life of M. T. Cicero, by Dr. *C. Middleton*. 2 Vols., L., 1741; *Turgot J.* Discours sur l'histoire universelle. P., 1751; *Turgot J.* On Universal History, 1751 / Turgot on Progress, Sociology and Economics: A Philosophical Review. Ed. *Ronald L. Meek.* Cambridge, 1973. P. 61–119; *Robertson W.* The History of the Progress and Termination of the Roman Republic (1783) // *Robertson W.* A new collection of essays should provide the spring-board for further work on Robertson: Stewart J. Brown (ed.), William Robertson and the expansion of empire. Cambridge, 1997; *Ferguson A*. An Essay on the History of Civil Society. 1767; *Ferguson A*. The History of the Progress and Termination of the Roman Republic. 1783; *Millar J.* Observations concerning the Distinction of Ranks in Society, 1771. Revised second edition, 1773.

[98] *Camden W.* Britannia. Newly Translated into English: with Large Additions and Improvments, Ed. Edward Gibson. L., 1695.

[99] *William Camden*, Britannia or a geographical description of Great Britain and Ireland together with the ancient lands etc. Revised by *Edmund Gibson*. Vol. 1. L., 1722. Режим доступа: https://ebooks.adelaide.edu.au/c/camden/william/britannia-gibson-1722/complete.html.

[100] Britannia: or, a chorographical description of the flourishing kingdoms of England, Scotland, and Ireland, and the islands adjacent; from the earliest antiquity. By *William Camden*. Translated from the edition published by the author in MDCVII. Enlarged by the latest discoveries, by *Richard Gough,* f. a. & r. ss. In three volumes. L., 1789.

эпоху Просвещения. Антикварную традицию историописания отличает описательный, детальный, опирающийся на разные типы исторических источников (монеты, монументы и другие редкости) подход на основе деления материала по графствам.

Именно в эпоху Просвещения произошел расцвет *истории графств*. Сотни неутомимых антикваров путешествовали по стране, переписывались и обсуждали свои «дела» в кофейных домах, провинциальных обществах, активно публиковали результаты своих изысканий. Блестящим примером являются «История Оксфордшира» Р. Плота, «История Уорикшира» У. Дагдейла и многих других[101]. Следует отметить, что обширный историографический материал по истории монет, монументов, надписей и прочим вещественным источникам затрагивается в диссертационном исследовании лишь отчасти[102]. Серьезным подспорьем в обобщении материала по деятельности антикваров на начало 80-х годов XVIII века стала работа члена Лондонского общества антикваров сэра Джона Фенна[103]. Показательным коллективным антикварным проектом стало сочинение «Английская историческая библиотека» под редакцией У. Николсона,

---

[101] *Borlase W.* The Natural History of Cornwall. Oxford,1758; Borlase W. Antiquities, Historical and Monumental, of the County of Cornwall. L., 1973; *Dugdale W.* The Antiquities of Warwickshire illustrated from Records, Leiger-Books, Manuscripts, Charters, Evidences, Tombes and Armes.; *Plot R.* The natural history of Oxford-shire: being an essay towards the natural history of England. Printed by L. Lichfield for C. Brome [etc.] L., 1705.; *Gough R.* The History and Antiquities of Croyland Abbey. L., 1783; и др.

[102] *Evelyn J.* Numismata: A Discourse of Medals. L., 1697; *Gough R.* Anecdotes of British Topography, 1768; *Goagh R.* Sepulchral Monuments in Great Britian. In 2 vols. L., 1785–1796; *Lyttelton C.* A Dissertation on the Antiquity of Brick Buildings in England, Archaeologia 1. 1770; *Nicolson W.* Of the English Medals and Coins from the Conquest / Nicolson W. The English Historical Library. Part. 3. L., 1699; *Palmer S.* A General History of Printing. L., 1732; A table of English gold coins, from the eighteenth year of King Edward III, when gold was first coined in England. With their several weights, and present intrinsic values. By *Martin Folkes,* Esq. L., 1736.

[103] *Fenn J.* Three chronological tables: exhibiting a state of the Society of Antiquaries of London, from its first rise in 1572. L., 1784. Режим доступа: http://books.google.ru/books/about/Three_Chronological_Tables.html?id (7.07.2014).

которое является обширным перечнем вещественных и письменных источников с их описаниями[104].

Значительное место в источниковой базе исследования заняли сочинения, посвященные изучению *древнего периода* в истории Британских островов. Представители антикварной традиции здесь заняли передовые позиции. Это, прежде всего, сочинения Дж. Обри, У. Стьюкли и других авторов, посвященные друидам, Стоунхенджу, Уэйвбери и другим мегалитическим сооружениям Британии[105]. Естественнонаучный поход антикваров демонстрирует работа Эд. Ллуйда, посвященная найденным в Британии остаткам древних животных и прочим окаменелостям[106]. На примере работ Г. Роулендса о древностях острова Англси и других авторов просматривается становление археологии как самостоятельной дисциплины в рамках антикварной традиции [107].

---

[104] *Nicolson W.* The English Historical Library; or Short View and Character of most of the Writers now extant either in Print or Manuscript which be Serviceable to Undertaking of General History of this Kingdom. L., 1696 (English edition, 1696; 1697; 1699; Scottish edition, 1702; Irish edition, 1724; полные позднейшие издания, 1732 и 1776).

[105] *Aubrey J.* Monumenta Britannica: or, A miscellany of British antiquities. illustrated with notes of Thomas Gale and John Evelyn ; annotated by Rodney Legg; archaeological consultant, William Hoade ; language adviser, Robert J. Briggs ; literary editor, John Fowles. 2 vols. Sherborne, Dorset, 1980; 1982; *Stukeley W.* Stonehenge … Preface. Режим доступа: http://www.sacred-texts.com/neu/eng/str/ ; *Stukeley W.* Abury, A Temple of the British Druids. V. II. L., 1743; *Stukeley W.* Abury … 1743. Режим доступа: http://www.avebury-web.co.uk/AburyWS/AburyWS.html; *Cooke W.* Patriarchal and Druidical religion. L., 1755; *Pezron P. Y.* The Antiquities of Nations; more particularly of the Celtae or Gauls, taken to be originally the same people as our ancient Britains. Englished by Mr. Jones. L., 1706; *Toland J.* The Critical History of the Celtic Religion and Learning Containing an Account of the Druids. 1726.

[106] *Eduardi Luidii.* Lithophylacii Britannici ichnographia: sive lapidum aliorumque fossilium Britannicorum singulari figura insignium, quotquot hactenus vel ipse invenit, vel ab amicis accepit, distributio classica: scrinii sui lapidarii repertorium cum locis singulorum natalibus exhibens. Additis rariorum aliquot figuris ære incisis; cum epistolis ad clarissimos viros de quibusdam circa marina fossilia & stirpes minerales præsertim notandis. 1699. Huddesford W. typographeo Clarendoniano, 1760. Режим доступа: http://books.google.co.uk/books/about/Eduardi_Luidii_Lithophylacii

[107] *Rowlands H.* Mona Antiqua Restaurata, an Archæological Discourse on the Antiquities Natural and Historical of the Island. Dublin, 1723; Mona Antiqua Restaurata: An Archaeological Discourse on the Antiquities, Natural and Historical, of the Isle of Anglesey, the Antient Seat of the British Druids. Printed for J. Knox. 1766. Режим доступа:

Политические дебаты Английской революции XVII века задали интенсивность изучения *средневековой истории Британии*. Вопрос о древности английской конституции разделил историописателей эпохи Просвещения на два лагеря. Строго антикварный подход в этом вопросе демонстрировали еще первые антиквары. Основоположником первого – антикварного – подхода стал Г. Спелмен, учредивший специальную стипендию для преподавания древнеанглийского языка в Кембридже. Его сочинения заложили основы взглядов представителей первого лагеря и были опубликованы посмертно[108]. Р. Бреди развил идеи Спелмена о преемственности англосаксонского и англонормандского периодов в истории королевства и впервые использовал понятие «феодализм» при анализе английской средневековой истории[109]. В этом ряду заметным явлением стала трехтомная работа У. Дагдейла, посвященная институту баронства в Англии[110]. Позиция противоположного лагеря, одержавшего верх в дискуссии о «нормандском иге», представлена уже названными трудами Эд. Кока, а также сочинениями Дж Селдена, У. Пети[111]. Уже Дж. Локк и последующие политические мыслители XVIII века апеллируют к «древней

---

https://archive.org/details/monaantiquarest00lhuygoog; *Bryant J.* A New System or Analysis of Ancient Mythology. In 2th vols. L., 1775; 1776.

[108] *Spelman J.* Aelfredi Magni, Anglorum regis invictissimi, vita tribus libris comprehcnsa a clarissimo dnojohanne Spelman / [ed. by O. Walker]. Oxon, 1678. URL: http://books.google.ru; *Spelman J.* The life of Alfred the Great / [ed. by T. Hearne], Oxford, 1709. Режим доступа: http://books.google.ru; *Spelman H.* Archaeologusy. 1626. P. 256 (misnumbered p. 254), cols. 1-2; *Spelman H.* The history and fate of sacrilege. L., 1698; Reliquiae Spelmannianae: The Posthumous Works of Sir Henry Spelman Kt. Relating to the Laws and Antiquities of England. Publish'd from the original manuscripts. With the Life of the Author. Oxford, 1698.

[109] *Brady R.* Introduction to the Old English History / *Brady R.* A Full and Clear Answer to a Book Written by William Petit, Esq. L., 1681; *Brady R.* A Complete History of England.1685; *Brady R.* An Historical Treatise of Cities and Burghs. 1690.

[110] *Dugdale W.* The baronage of England, or, An historical account of the lives and most memorable actions of our English nobility in the Saxons time to the Norman conquest, and from thence, of those who had their rise before the end of King Henry the Third's reign deduced from publick records, antient historians, and other authorities. L., 1675–1676.

[111] *Johannis Seldeni* Jurisconsulti Opera Omnia, tam edita quam inedita: in tribus voluminibus. Collegit ac recensuit; vitam auctoris, praefationes, & indices adjecit. Londini: Typis Guil. Bowyer. 1725–1726; *Petyt W.* The Antient Right of the Commons of England Asserted. L., 1680.

конституции» как данности национальной истории. Именно эта идея легла в основу созданной в эпоху Просвещения концепции национальной истории Британии.

Изучение *истории Реформации* в эпоху Просвещения определялось сложным конфессиональным ландшафтом Британии рубежа XVII–XVIII веков и сопровождалось острыми теологическими спорами. Позиция священников, отказавшихся присягать Вильгельму и Марии Оранским, нашла свое выражение в исторических сочинениях Дж. Колиера, Дж. Хикса[112]. Лодианская интерпретация была представлена сочинением «История Реформации» П. Хейлина[113]. На общем фоне выделяется своим строго антикварным подходом работа У. Дагдейла «Monasticon Anglicanum», описывающая «остатки» древних, заброшенных в годы Реформации, соборов и церквей[114]. Несомненным достижением в этом вопросе стала работа Г. Барнета «История Реформации церкви в Англии»[115]. История Реформации рассматривается автором по правлениям королей, далее следует погодная организация материала. Обращает на себя внимание тот факт, что Барнет был шотландцем по происхождению и ему, вероятно, было проще адаптировать материал истории Реформации в светский повествовательный контекст.

На третьем этапе британского Просвещения обсуждение событий *Английской революции XVII века*, пожалуй, заняло центральной место. Это определялось формированием трех идейно-политических течений в Британии последней трети XVIII века и общим углублением политизации британского общества в связи с Войной за независимость в Северной Америке и

---

[112] *Collier J.* Ecclesiastical History of Great Britain. 2 vol., 1708; 1714. *Hickes G.* Constitution of the Catholic Church … 1716.

[113] *Heylin P.* History of the Reformation. Ecclesia restaurata; or, the history of the reformation of the Church of England. L., 1661.

[114] *Dugdale W.* Monasticon Anglicanum, or, The history of the ancient abbies, and other monasteries, hospitals, cathedral and collegiate churches in England and Wales. With divers French, Irish, and Scotch monasteries formerly relating to England. In three volums. L., MCDCXIII. Режим доступа: https://archive.org/search.php?query=creator%3A%22Dugdale%2C+William%2C+Sir%22

[115] *Burnet G.* The History of the Reformation of the Church of England. Ed. Pocock. 7 vols. Oxford, 1865.

Французской революцией. Особое место в диссертационном исследовании заняло сочинение Д. Юма «История Англии», которое первоначально задумывалось автором как сочинение о правлении династии Стюартов в Англии. Первый том «Истории Англии» появился в 1754 году и был посвящен первым Стюартам. Том открывается восшествием на английский престол короля Якова I, представителя шотландской королевской династии Стюартов, и заканчивается событиями 1649 года, казнью его сына Карла I Стюарта. Юм был разочарован, работа была встречена холодно и враждебно. В 1756 году он выпустил второй том, посвященный событиям от казни Карла I и до восшествия на престол Карла II. Книга была встречена лучше. Зато два следующих тома, вышедшие в 1759 году, в разгар Семилетней войны, вызвали небывалый интерес и открытую дискуссию в прессе. Третий том посвящен Генриху VIII и Реформации, четвертый – Елизавете Тюдор. Сам Юм называл 3 и 4 тома «История дома Тюдоров». Далее последовали два тома по ранней истории Англии, опубликованные в 1762 году. Пятый том охватывал события от Великой Хартии вольностей до «самоуничтожения» династии Плантагенетов в Войне Алой и Белой роз, что в целом интерпретировалось Юмом как «франко-нормандское засилье» Британии. Последний из шести томов покрывал период от вторжения Цезаря до англосаксонской Гептархии включительно. Все тома вместе вышли после смерти Юма в 1778 году в новой хронологической последовательности соответственно историческому развитию Британии[116]. Юм, не испытывающий интереса к работе с историческими источниками, был хорошо знаком с текущей историографией и сумел на основе работ, прежде всего, представителей антикварной традиции создать целостное полотно национальной истории. Оно принципиально отличалось от сочинения Кемдена – это был увлекательный рассказ, заставляющий читателя размышлять. Было бы неверно сводить это сочинение Юма к только

[116] *Hume D.* The History of England. 6 vols. L., 1778. With new foreword. 1778 / Vol. 1. The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. Foreword by *William B. Todd*. Режим доступа: http://oll.libertyfund.org/titles/1868

«неоримскому» нарративу, автор выступает и как философ, наблюдающий за нравами людей. На русском языке небольшие по объему извлечения из «Истории» Юма впервые были опубликованы в двухтомном собрании его сочинений философа издания 90-х годов XX века. На рубеже веков благодаря усилиям С.Е. Федорова и его учеников увидели свет два тома, посвященные правлению Стюартов[117].

Конституционный контекст «Истории» Юма стал предметом дальнейших дискуссий и основанием для создания альтернативах версий национальной истории. Одним из ярких примеров является сочинение К. Маколей «История Англии от восшествия на престол Якова I и до правления Брауншвейгского дома»[118]. Историописательница публиковала свою восьмитомную историю Революции XVII века в течение двадцати лет. Оно пользовалось небывалой популярностью, но революционные события во Франции не оставили от нее и следа. Интерпретация К. Маколей революционных событий XVII века чаще всего толкуется как радикальная, левая. Нас же будет интересовать метод ее работы при сопоставлении с сочинением Д. Юма. В завершении следует сказать, что уже в первой половине XIX века оформилась вигская интерпретация национальной истории в лице Томаса Бабингтона Маколея, в сравнении с которым сочинение Д. Юма может интерпретироваться как консервативное и проторийское.

Завершается обзор источниковой базы диссертационного исследования определением места и значения *каталогов, словарей* и сопровождавших их *грамматик,* появившихся в изобилии в эпоху Просвещения. Расцвет лексикографии стал приметой эпохи Просвещения в Британии, соответствовал природе антикварного дискурса как такового и являл собой

---

[117] *Юм Д.* История Англии (Извлечения) / Юм Д. Сочинения в двух томах. Том 2. М., 1996. С. 711–735; *Юм Д.* Англия под властью дома Стюартов. В 2-х т. СПб., 2001, 2002; *Hume D.* The History of England. 6 vols. L., 1778; и др.

[118] *Macaulay C.* The History of England from the Accession of James I to that of the Brunswick Line, 8 vols. L., 1763–1783.

примеры интеллектуальных подвигов исследователей XVII–XVIII веков. Первым в этом ряду следует назвать «Тезаурус северных языков» Дж. Хикса и его помощника Уэйнли[119], доказавших на основе лингвистических данных древнегерманское происхождение английского народа и тем самым открывших англосаксонский период в истории страны. Ключевую роль в расшифровке мертвого ко времени эпохи Просвещения древнеанглийского языка сыграли «Словарь» 1659 года У. Сомнера и «Грамматика» 1689 года Дж. Хикса[120]. Значительный вклад в упрощение «Грамматики» и «Тезауруса» Хикса внесли такие английские антиквары как У. Уоттон, Эд. Туэйтс, брат и сестра Эльстобы[121]. Аналогичная работа по созданию «глоссографии» была проделана валлийским антикваром Эд. Ллуйдом в отношений кельтских языков[122]. Составленный Уэйнли «Каталог» манускриптов и редких книг семейства Харли, впоследствии вошедший в собрания Британской библиотеки, является примером историзма мышления его составителя и шедевром исторической мысли начала XVIII века, хотя имя автора даже не упомянуто при первой публикации каталога[123]. Сходная работа в молодые

---

[119] *Hickes G.* Linguarum veterum septentrionalium thesaurus grammatico-criticus et archæologicus. L., 1703–1705; *Wanley H.* Antiquae Literaturae Septentrionalis liber alter, seu Humphredi Wanleii Librorum Vetr. Septentrionalium, qui in Angliae Bibliothecis extant, nec non multorum Vett. Codd. Septentrionalium alibi extantium Catalogus Historico-Criticus, cum totius Thesauri Linguarum Septentrionalium sex Indicibus. Oxford: Clarendon, 1705.

[120] Dictionarium Saxonico-Latino-Anglicum, voces, phrasesque praecipuas Anglo-Saxonicas…cum Latina et Anglica vocum interpretatione complectens … Aecesserunt Aelfrici Abbatis Grammatica Latino-Saxonica cum glossario suo ejusdem generis. 2 pts. Oxford: W. Hall, 1659; 2nd edit, with additions by Thomas Benson, 1701; *Hickes G.* Institutiones Grammaricae Anglo-Saxonicae et Moeso-Gothicae. Oxford: at the Sheldonian Theatre, 1689.

[121] Hickesii Thesauri Grammatico-Critid Conspectus Brevis … Wotton's Short View of G. Hickes's Grammatico-Critical and Archaeological Treasure, trans. by M. Shelton; The Rudiments of Grammar, For the English-Saxon Tongue, First given in English: With an Apology for the Study of Northern Antiquities. Being very useful towards the understanding our ancient English Poets, and other Writers. L.: W. Bowyer, 1715, 2nd edn. L., 1737; *Thwaites Ed.* Grammatica Anglo-Saxonica … 1711.

[122] Archaeologia Britannica: an Account of the Languages, Histories and Customs of Great Britain, from Travels through Wales, Cornwall, Bas-Bretagne, Ireland and Scotland. 1707. Режим доступа: https://archive.org/details/archaeologiabri00lhuygoog

[123] Catalogue of the Harleian Manuscripts in the British Museum: With Indexes of Persons, Places and Matters. Printed by command of His Majesty George III. L., 1808–1812.

годы была проделана Уэйнли в составлении каталога манускриптов Бодлианской библиотеки в Оксфорде[124].

Таким образом, обзор источниковой базы по теме диссертационной работы свидетельствует о ее сложном характере. Основополагающими стали источники историографического характера – работы по британской истории Г. Спелмена, Р. Бреди, Дж. Обри, У. Стьюкли и других историописателей эпохи Просвещения. Однако классические исторические источники, которые привлекались этими историописателями, имели принципиальное значение для выявления вклада авторов в изучение того и иного периода в истории Британии, а так же выявления роли в формировании концепции национальной истории эпохи Просвещения. Доступными стали практически все основополагающие источники как исторического, так и историографического характера. Репрезентативность источниковой базы представляется достаточно высокой, что позволило решить задачи настоящего диссертационного исследования.

1.2. ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Концепция национальной истории Британии в эпоху Просвещения на первый взгляд недостаточно изучена в отечественной историографии. Отчасти это можно объяснить тем, что данная проблематика является частью истории исторической науки, развитие которой в отечественной историографии началось всего двадцать лет назад. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется различная степень освоенности трех историографических областей, лежащих в основе данного диссертационного исследования. Лучше всего проработана проблематика, относящаяся к эпохе

[124] Catalogi librorum manuscriptorum Angliae et Hiberniae in unum collecti cum indice alphabeticum. In two vols. Oxford, 1697. Режим доступа: https://play.google.com/books/reader2?id=ZMNJAAAAcAAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=en&pg=GBS.PP8

европейского и британского Просвещения. Что касается второй темы, то отечественные англоведы в последние десятилетия активно исследуют британскую традицию историописания. Но тема формирования британской национальной идентичности в эпоху Просвещения пока не нашла своего исследователя. Отсюда можно сказать, что в отечественной историографии удалось сделать только задел для изучения истории формирования концепции национальной истории Британии в конце XVII–XVIII веках.

Первая из трех историографических областей исследования – *историография европейского и британского Просвещения* – существует уже сто лет. Русский историк А.Г. Вульфиус писал: «Литература по истории Просвещения огромна… Дать полный перечень означало бы наполнить не один том. Поэтому для лиц, желающих войти наиболее целесообразным образом в вопрос, необходимо сделать тщательный отбор… но и это необходимое будет еще очень велико»[125]. Библиографический обзор, приведенный Вульфиусом, демонстрирует ярко выраженный французский «крен» дореволюционной историографии эпохи Просвещения[126]. Вульфиус по существу обобщил опыт дореволюционной историографии и вслед за великими «государственниками» Б.Н. Чичериным, Н.М. Коркуновым рассматривал Просвещение как третье великое духовное (философское, научное и литературное) движение в новой истории Западной Европы (наряду с гуманизмом и Реформацией) и показывал его как способ решения проблем, которые теснейший образом были связаны с жизнью общества и государства конца XVII–XVIII вв. Это формирование «естественной религии, расшатавшей устои исторической церкви», и «естественного права, поколебавшего исторические формы государства и общества»[127].

---

[125] *Вульфиус А.Г.* Основные проблемы эпохи «просвещения». Пг., 1923. С. 108.

[126] *Коркунов Н.М.* История философии права: Пособие к лекциям. 6-е изд. СПб., 1915; *Ковалевский М .* Происхождение современной демократии. Т. 2–3. 1897; *Чичерин Б.Н.* История политических учений. Ч. 2–3. 1872; 1874; *Кареев Н.И.* Новые культурные и общественные идеи / *Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время. Т. 3. СПб., 1904. С. 136–272.

[127] *Вульфиус А.Г.* Основные проблемы эпохи «просвещения». Пг., 1923. С. 3–4.

Прилагательное «естественная/ый», по-русски понимаемое как «природная/ый», отражало становление нового рационалистического мировосприятия человеком раннего нового времени и его представления о «естественном положении вещей».

Известный русский историк Н.И. Кареев, автор одного из первых учебников по истории Западной Европы и автор статьи «Просвещение» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, дает сходное определение: «Просвещение (Aufklärung) – культурно-исторический термин, которым обозначается преимущественно умственное движение на западе Европы в XVIII в. (siècle des lumières)… Как синоним Просвещения употребляется выражение “философия XVIII века”… С наибольшим удобством переход от идей реформационной эпохи к идеям эпохи Просвещения наблюдается в Англии конца XVII и начала XVIII в., когда получил свое развитие деизм, бывший завершением религиозной эволюции реформационной эпохи и началом так называемой “естественной религии”, которую проповедовали просветители XVIII в. В частности, как на родоначальника просветительной литературы XVIII в. можно смотреть на Локка»[128].

В советской историографии эпоха Просвещения интерпретировалась как эпоха перехода от феодализма к капитализму, как «широкое идейное движение в разных странах, связанное с борьбой буржуазии против феодализма». Кант, поставивший в 1784 году на обсуждение вопрос «Что такое Просвещение?», определялся как основатель историографии эпохи Просвещения. Из немецкой классической философии вырастало марксистское осмысление эпохи Просвещения как «периода безграничной веры в человеческий разум, в возможность перестроить общество на разумных основаниях, как эпохи крушения теологического мышления,

[128] Просвещение / Энциклопедическій словарь. Подъ редакціей профессора *И.Е. Андреевскаго, К.К. Арсеньева* и заслуженного профессора *Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго.* Т. XXV (49). СПб., 1898. С. 469; *Кареев Н.И.* Новые культурные и общественные идеи / История Западной Европы в новое время. Т. III. История XVIII века. Изд-е третье. СПб., 1904. С. 136–272.

торжества науки над схоластикой средневековья». Если дореволюционные историки обсуждали вопросы *континуитета* гуманизма-Реформации-Просвещения, то марксистские историки настаивали на *разрыве* буржуазной и феодальной общественно-экономических формаций. В основу такой интерпретации были положены идеи К. Маркса о Просвещении как идеологии восходящего класса буржуазии[129].

Английское Просвещение со всей очевидностью не укладывалось в данную интерпретативную модель, т. к. согласно марксистскому подходу к истории английская буржуазия уже победила в революции XVII века. Авторы статьи «Просвещение» в «Советской исторической энциклопедии» толковали Славную революцию 1688 года как «компромисс поднимающейся буржуазии и бывших феодальных землевладельцев». «Просветителям оставалось лишь завершить борьбу английской буржуазии за гегемонию во всех областях культуры и общественной мысли». Просвещение в начале XVIII века в Англии протекало под знаком «социального оптимизма» под началом его идеолога Шефтсбери. Однако его «миф о гармонии и универсальном добре» подвергся безжалостной критике Б. Мандевилем и Дж. Свифтом, утверждавшими, что «в основе благосостояния Англии лежат пороки и преступления». К середине века «английский просветительский рационализм переживает кризис». «Д. Юм производит скептическую переоценку возможностей человеческого разума. Как отметили О.Л. Фишман и А.Г. Левинтон, разум, по мнению Юма, не в силах проникнуть в сущность явлений. Человеком правит не разум, а привычка»[130].

Обратим внимание на то, что все-таки Юм использует слово «passion» в значении «страсть». И главная мысль его «Трактата о человеческом разумении»: страсти правят миром людей. Кроме того, очевидно, что в центре внимания характеристики английского Просвещения, представленной

---

[129] *Фишман О. Л., Левинтон А. Г.* Просвещение / Советская историческая энциклопедия. Том 11. М., 1968. С. 622–631.

[130] *Фишман О.Л., Левинтон А.Г.* Просвещение / Советская историческая энциклопедия. Том 11. М., 1968. С. 626.

авторами статьи в «Советской исторической энциклопедии», оказывается моральная философия, которой как раз и сильно английское Просвещение. И, конечно, это плохо сочетается с марксисткой идеей «завершить борьбу…буржуазии за гегемонию во всех областях культуры и общественной мысли». Итак, понятно, что английское Просвещение с его скептицизмом и обсуждением моральных основ человеческого существования было неудобным, непонятным и малоинтересным для советских историков. Они всецело были увлечены изучением Французского Просвещения[131]. Обращение к британскому материалу, как правило, ограничивалось лишь ссылкой на Гоббса и Локка. Советские философы напротив обращались к творчеству Ф. Бэкона, И. Ньютона, Б. Мандевиля, Д. Юма, к переводам их трудов, посвящали им монографические исследования[132].

В созданном в 1979 году пермским историком Л.Е. Кертманом первом на русском языке учебнике по истории Англии можно найти следующую характеристику эпохи Просвещения. Просвещение – это «могучее течение, революционное по своей сущности, антифеодальное по социальной направленности, антиабсолютистское по политической программе. Низвергая все догмы религии, отказываясь подчиняться каким-либо авторитетам, просветители стремились проанализировать общественные отношения, государственные формы с позиций свободного, ничем не ограниченного разума». Однако в интерпретации Л.Е. Кертмана «революционная идеология Просвещения носила на себе печать глубокой противоречивости, как противоречива была и сама революционность буржуазии ... Конечно,

---

[131] *Волгин В. П.* Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М.: АН СССР. 1958; Европейское просвещение и Французская революция XVIII века. Сб. науч.ст. Ред. *Г.С. Кучеренко, К.М. Андерсон.* М., б.и., 1988; и др.

[132] *Бэкон Ф.* Сочинения: В 2 т. / Под ред. *А.Л. Субботина.* М., 1971–1972; *Локк Дж.* Сочинения: В 3 т. Т. 1. М., 1960; *Мандевиль Б.* Басня о пчелах. Общ. ред. *Б.В. Мееровского.* М., 1974; *Субботин А. Л.* Фрэнсис Бэкон. М., 1974; *Субботин А.Л.* Бернард Мандевиль. М., 1986; *Михаленко Ю. П.* Философия Давида Юма – теоретическая основа английского позитивизма XX века. М., 1962; *Нарский И. С.* Давид Юм. М., 1973; *Мееровский Б.В.* Джон Толанд. М. 1979; и др.

субъективно великие умы эпохи Просвещения отнюдь не намеревались прославлять строй эксплуатации и угнетения… Сталкиваясь с жадностью, лицемерием, ханжеством, духовным убожеством, стяжательством рыцарей наживы, просветители бичевали эти пороки, веря в то, что путем просвещения, разъяснения их можно устранить и «естественный человек» предстанет во всем блеске своих добродетелей»[133].

«Историческая ограниченность» Просвещения наиболее ярко, по мысли Кертмана, была выражена именно в Англии, так как здесь просветители «не добивались коренных изменений общественного и государственного строя, поскольку революция была уже позади». И все же в немногих предложениях Кертман вводит новые аспекты в обсуждение английского Просвещения: журналистика (Р. Стил, Дж. Аддисон), публицистика и литература (Дж. Свифт, С. Ричардсон, Г. Филдинг), театр (Д. Гаррик) и изобразительное искусство (У. Хогарт). Адресная аудитория представителей английского Просвещения, по мысли Кертмана, сравнительно широкий круг приобщающихся к культуре людей «среднего класса». Социальная сатира – вот главное оружие английских просветителей[134]. Очевидно, что автор подразумевает широкий социальный и культурный аспект бытования идей Просвещения.

Последняя четверть века в отечественной историографии отмечена стремлением сосредоточится на особенностях национальных вариантов Просвещения. Показательным примером является содержание соответствующего раздела вышедшего в середине 1990-х годов четвертого тома «Истории Европы»[135]. В целом Просвещение здесь представлено как «период в истории Европы, хронологически заключенный между двумя революциями в Англии и Франции, ознаменованный становлением,

---

[133] *Кертман Л.Е.* География, история и культура Англии. Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М., 1979. С. 118.

[134] *Кертман Л.Е.* География, история и культура Англии. … С. 116–122.

[135] *Кисунько В.Г., Ревякин А.В.* Европейское Просвещение / История Европы. Т. 4. М., 1994. С. 298–327.

расцветом и кризисом комплекса идей, общественных настроений, форм исторического поведения и культурных предпочтений». В качестве ключевой его характеристики выступает «тоска по упорядоченности» во всех сферах бытия. Раздел «Английское Просвещение» традиционно сводится к идеям правового государства Т. Гоббса и Дж. Локка, позволившим на Британских островах «в отличие от Европейского континента большинство политический целей Просвещения … достигнуть еще в начале XVIII века»[136].

Однако «Просвещение в Англии столкнулось со сложнейшей этической проблемой:…как обеспечить порядок в индивидуалистическом обществе» конституционного государства. Как полагают авторы «открытость образа жизни высших классов» в Англии, приобщение низших слоев общества к новым ценностям позволили избежать «той глубокой пропасти между народной культурой и культурой властвующей элиты», так характерной для французского Просвещения. Английские просветители создали «работающую модель рационального типа жизненно-практических отношений между людьми» соответствующую новому гражданскому обществу. Однако «надежды просветителей на создание свободного, динамичного и вместе с тем стабильного общества померкли» в конце XVIII века. В результате начавшегося промышленного переворота и революции во Франции «Просвещение как широкое социокультурное движение быстро политизировалось и распалось на отдельные противоборствующие группировки и течения», что свидетельствовало о глубоком кризисе идеалов эпохи Просвещения[137]. Серьезное внимание в «Истории Европы» уделено шотландскому Просвещению. Уния 1707 года рассматривается здесь как травмирующий общественное сознание шотландцев акт, а история шотландского Просвещения как «история мучительных поисков выхода из того унизительного положения… провинции Соединенного Королевства». Это обстоятельство породило в среде шотландских просветителей ряд

[136] *Кисунько В.Г., Ревякин А.В.* Европейское Просвещение … С. 303.
[137] *Кисунько В.Г., Ревякин А.В.* Европейское Просвещение … С. 308.

продуктивных философских концепций. Например, концепция «экономического человека» А. Смита, изыскания в области моральной философии А. Фергюсона[138].

Последним словом в изучении эпохи Просвещения в отечественной историографии может считаться четвертый том коллективной монографии «Всемирная история» «Мир в XVIII в.» в рамках издательского проекта ИВИ РАН[139]. В нем показано, что сегодня Просвещение уже не может рассматриваться как «однородный идейный блок, как некий доктринальный канон, содержание которого поначалу тесно связывалось с трудами великих мыслителей – от Локка до Юма, от Монтескье до Руссо, от Лейбница до Канта», а затем его распространения на так называемую «периферию» Просвещения. Данный подход отражает глубокое влияние концепций современной французской историографии по изучению эпохи Просвещения[140]. К сожалению, работы крупных отечественных специалистов по британскому Просвещению, да и сама современная британская историография по этому вопросу обойдены вниманием. Это указывает на то, что британское Просвещение остается недостаточно изученным в отечественной историографии и слабо адаптируется к господствующей по сей день профранцузкой интерпретации эпохи европейского Просвещения.

В отечественном англоведении в последние два десятилетия обозначилось стремление к изучению различных аспектов становления гражданского общества в эпоху Просвещения. Переходом от традиционной политической интерпретации истории Англии XVIII века к «новой» социальной истории стали работы М.П. Айзенштат и С.Б. Семенова, в центре которых находятся институты социабельности в Англии второй половины XVIII века (клубы, периодические издания, общественные организации),

---

[138] *Кисунько В.Г., Ревякин А.В.* Европейское Просвещение … С. 312.

[139] *Карп С.Я.* Что такое Просвещение? / Мир в XVIII веке. М., 2013 / Всемирная история. В 6 томах / Под общ. ред.: А.О. Чубарьяна. Т. 4. С. 100–104.

[140] Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. *В. Ферроне и Д. Роша.* Пер. *Н.Ю. Плавинской* под ред. *С.Я. Карпа.* М.: Памятники исторической мысли, 2003.

роль монархии в общественной жизни британского общества, а также социальные движения за избирательную реформу[141]. Существенный вклад в разработку проблематики Просвещения в Британии внесла московская исследовательница Т.Л. Лабутина. В работе «Культура и власть в эпоху Просвещения», фактически полностью построенной на британском материале, исследовательница впервые в отечественной историографии вводит в научный оборот термин «Августианская Англия», который давно принят в англоязычной историографии Просвещения. В работах Т.Л. Лабутиной обсуждаются вопросы широкого культурного контекста – женское образование, «интеллектуальные биографии» Дж. Свифта, его патрона Темпла, Дефо и других британских писателей эпохи Просвещения[142]. Кроме того Т.Л. Лабутина выносит на обсуждение вопрос о периодизации английского Просвещения, имея в виду культурный контекст эпохи и выделяя «раннее» (первая половина XVIII века), «зрелое» (1740–1760-е гг.) и «позднее» (вторая половина XVIII века). Это несомненный шаг вперед по сравнению с периодизацией, принятой в советской историографии. В работе 1991 года «Просветительское движение в Англии» периодизация определялась социально-экономическим фактором, и выделялось два этапа английского Просвещения: первый этап – период господства мануфактур (конец XVII– первая половина XVIII в), второй этап связывался с

[141] *Айзенштат М. П.* Британский парламент и общество в 30–40 гг. XIX в. М., 1997; *Айзенштат М.П.* Западноевропейский парламентализм XVIII–XIX вв.: этапы становления и развития. М., 2001; *Айзенштат М.П.* Британия Нового времени. Политическая история: учебное пособие. М.: КДУ, 2007; *Айзенштат М. П.* Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М., 2009; *Семенов С.Б.* Политические взгляды английских радикалов XVIII в. Самара, 1995; *Семенов С.Б.* Парадокс Джона Уилкса // Новая и новейшая история. 1997. N 5. С. 196–212; *Семенов С.Б.* Радикальное движение и борьба за парламентскую реформу в Англии во второй половине XVIII века. Самара, 2008.

[142] *Лабутина Т. Л.* Просветительское движение в Англии // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 179; *Лабутина Т.Л.* Воспитание и образование англичанки в XVII веке. М., 2001; *Лабутина Т.Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005; *Лабутина Т. Л., Ильин Д. В.* Английское Просвещение. Общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012.

«появлением радикально-демократического крыла просветителей» (вторая половина XVIII века)[143].

Специфика второго предметного историографического поля темы – это *история историописания Британии в эпоху Просвещения* – определяется тем, что практически все отечественные британисты обращаются к работам авторов исторических сочинений XVII–XVIII веков, так как именно в этот период на основе критического метода и антикварного подхода начинается формирование истории как науки, а также концептуализация национального прошлого Британских островов.

Что касается изучения *кельтского прошлого* в британском историописании XVII–XVIII веков, то имена первопроходцев-«археологов» Дж. Обри и У. Стьюкли впервые в отечественной историографии в научный оборот были введены известным археологом С.А. Жебелевым[144]. «Во «Введении» его фундаментального труда 1923 года мы находим и первое в русской научной литературе четкое разделение мировой археологии на периоды: художественно-артистический (XV–XVI вв.), антикварный — с XVII в. и собственно научный (с конца XVIII–XIX вв.). Во второй половине XVIII в. обозначилось особое «эстетическое» течение в рамках антикварного периода. Это последнее возродило интерес к древностям в широких кругах европейского общества». С И.И. Винкельманом Жебелев связывает создание археологии как науки[145].

На современном этапе история ахеологической мысли была адаптирована санкт-петербургским ахеологом Л.С. Клейном. На основе многолетней исследовательской и преподавательской практики ученый в начале двухтысячных годов впервые на русском языке предпринял попытку

---

[143] Просветительское движение в Англии / Под ред. *Н. М. Мещеряковой.* М., 1991. С. 439.

[144] *Жебелёв С.А.* Введение в археологию. Ч. 1. История археологического знания. Пг., 1923.

[145] *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010. С. 25.

реконструкции всеобщей истории археологии[146]. Рассматривая процесс становления классической археологии, автор дал определение такому важному для нашего диссертационного исследования термину как «антикварианизм»: «Этим термином в современной историографии принято обозначать активность коллекционеров и знатоков материальных древностей, превышающую обычные интересы образованных людей, но не выходящую за рамки изучения самих этих вещей. При таком изучении вещи трактовались по отдельности, о культурном контексте любители древностей не подозревали, вещи собирались для любования, выставления и публикации. Вещи описывались, зарисовывались и классифицировались. Ценность их зависела от дороговизны материала, искусности работы, редкости и связи с особо почитаемыми субъектами истории или знаменитыми текстами классических авторов. Знатоки должны были это определить. Памятники были интересны как местные достопримечательности и для подтверждения исторических событий и народов»[147].

Клейн выделил три эпохи в развитии антикварианизма: «1) Реформация, совпадающая с последним этапом Возрождения, грубо говоря, XVI век; 2) эпоха научной революции – XVII век (Век Разума); и 3) Век Просвещения – XVIII». Разбирая первый этап, автор особое внимание уделил английскому антиквару У. Кемдену, труд которого «Britannia» он характеризует как «географическое описание Британии с подробной реконструкцией истории каждого города, с выяснением англосаксонских, галльских или римских корней местных названий, с описаниями местных памятников прошлого, с выявлением местной монетной чеканки. То есть историко-географическое описание и археологическая карта страны»[148]. Апогей «века разума», второго этапа антикварианизма, Л.С. Клейн связывает с деятельностью Дж. Обри и знатока кельтских языков Эд. Ллуйда. Главным

---

[146] См.: *Клейн Л. С.* История археологической мысли. СПб., 2011.

[147] *Клейн Л. С.* История археологической мысли. Курс лекций. В 2 томах. Т. 1. СПб., 2005. С. 95.

[148] *Клейн Л. С.* История археологической мысли… С. 98.

антикварием «века Просвещения», третьего этапа в развитии антикварной традиции, и «пионером полевой археологии» Клейн считает У. Стьюкли[149]. Зарождение британской национальной археологии автор связывает с концом XVIII – началом XIX века и называет этот период эпохой «курганомании в Англии», когда «интерес к античным древностям ослаб, а вместо него на первый план выступил интерес к отечественным древностям», когда уже старались «избежать фантазирования и изобретения истории»[150]. «Можно было ожидать, что в Англии на этой обширной базе археологической практики и будет сделан следующий шаг в развитии археологии. Ан, нет, он был сделан в Дании[151]». Оставим последний комментарий в стороне, в целом же скажем, что Л.С. Клейну как никому другому в отечественной историографии удалось осветить феномен антикваризнизма в Британии Нового времени.

Остается только согласиться с Клейном, что вышеупомянутые антиквары отбросили канон средневековых летописных сочинений о троянской или римской генеалогии британцев, разделяли убежденность в англосаксонском происхождении английского народа[152] и считали, что совокупность памятников (древних каменных сооружений, курганов и городищ) существовала до римлян и была оставлена древними британцами. Особенно продвинулся в понимании кельтской культуры Британии Эд. Ллуйд, «отстаивая значительную независимость кельтского общества от римских влияний и способность его на большую концентрацию сил (возведение мегалитических сооружений) и на сложную культуру»[153]. Конечно, в анализе английских антикваров Л.С. Клейн опирается на фундаментальные работы западных исследователей А. Шнаппа, Ст. Пиготта

[149] *Клейн Л. С.* История археологической мысли… С. 120.
[150] *Клейн Л. С.* История археологической мысли… С. 178.
[151] *Клейн Л. С.* История археологической мысли… С. 179.
[152] *Клейн Л. С.* История археологической мысли… С. 98.
[153] *Клейн Л. С.* История археологической мысли… С. 118.

и других, но адаптирует материал со знанием дела, встраивая в контекст общеевропейского развития исторической науки.

В завершении этого небольшого археологического экскурса в эпоху британского Просвещения укажем, что современная историческая наука не связывает мегалитические сооружения подобные Стоунхенджу с культурой кельтов. Им предшествовали некие другие народы чаще всего называемые бриттами[154]. Эта мысль подтверждается в сочинениях наиболее известного российского исследователя культуры кельтов Н.С. Широковой[155]. «Кельты Британских островов, которые по мнению древних авторов, были похожи на галлов и языком, и религиозными обрядами, и своей отвагой в бою (Tac.Agric, II) и находились в тесных отношениях с племенами Арморикансого полуострова (Caes. B.G., III; IV, 21) никогда не назывались …κελτοί… или Galli. Античные писатели называли их британцами, бритами, используя различные формы этого названия: …βρεττανοί, …, Brittani, Brittones. Шотландских кельтов называли, по крайней мере со времени экспедиции Агриколы (Tac.Agric, 10; 25) Caledoni или Caledones. У Аммиана Марцеллина (Amm.Marc., XX, 1) появляются наименования Picti и Scotti для обозначения двух британских племен. Т. Пауэлл отметил, что слова «кельт» и «кельтский» вошли в обиход применительно к древнему населению Британских островов с середины XVIII в. в результате становления романтизма»[156]. В данном диссертационном исследовании это подтверждается на материалах второй главы.

Однако «кельтоведение» эпохи Просвещения не ограничивается изучением материальных древностей XVII–XVIII веков. В предроматической историографии Британии нашло свое место изучение духовного мира

---

[154] *Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973. С. 266–267.

[155] *Широкова Н. С.* Мифы кельтских народов. М., 2005; *Широкова Н. С.* Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб., 2000.

[156] *Широкова Н. С.* Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб., 2000. С. 7.

кельтов. Макферсону, впервые адаптировавшему легенды о Финн Мак Кумале в поэме на английском языке «Фингал», посвятил свои сочинения сотрудник Пушкинского дома Ю.Д. Левин. Приведем цитату из его введения к русскому переводу «Фингала», представляющуюся характерной для литературоведческих исследований в целом: «… произошли ли каледонцы от кельтских германцев или от галлов, которые первые обосновались в Британии, при такой удаленности во времени это уже не имеет значения»[157]. Надо заметить, что «дискуссия об Оссиане» практически не коснулась отечественной историографии. Внимание уделялось лишь литературным достоинствам текста[158]. Небывалое развитие в отечественной историографии последних тридцати лет получило изучение кельтских языков. Здесь в первую очередь надо назвать работы филологов В.П. Калыгина и А.А. Королева, создавших учебник по истории кельтских языков[159]. Особого внимания заслуживают работы С.В. Шкунаева по адаптации средневековых ирландских текстов в русскоязычном историографическом пространстве[160]. Сочинение А.И. Фалилеева дает представление о сохранившихся памятниках на древневаллийском языке и являет собой образец синтеза филологии, литературы и истории[161]. Обращает на себя внимание работа уральского историка В.Н. Земцова, посвященная изучению одного из «текстов» валлийского эпоса, а именно – проблемам авторства, состава и содержания «Черной книги Кармартена»[162]. Представляется, что сегодня отечественная

---

[157] *Левин Ю.Д.* Оссиан в русской литературе. Л., 1980; *Левин Ю.Д.* «Поэмы Оссиана» Джеймса Макферсона // Дж. Макферсон Поэмы Оссиана. Л., 1983. С. 7.

[158] *Балобанова Е. В., Пиксанов Н. К*. Пушкин и Оссиан. Сочин. Пушкина, т. I, изд. Брокгауза и Ефрона, СПБ, 1907, стр. 98–114; *Введенский Д. Н.* Этюды о влиянии оссиановской поэзии в русской литературе, Нежин, 1916; *Маслов В. И.* Оссиан в России [Библиография русских переводов, переделок и подражаний Оссиану в конце XVIII и в начале XIX вв.], Л., 1928.

[159] *Калыгин В. П., Королев А. А.* Введение в кельтскую филологию. М.,1989.

[160] *Шкунаев С. В.* Похищение быка из Куальнге. М., 1985. *Шкунаев С.В.* Предания и мифы средневековой Ирландии. М.: МГУ, 1991; *Шкунаев С.В.* Саги об уладах. М.: Аграф, 2004.

[161] См.:*Фалилеев А.И.* Древневаллийский язык. СПб., 2002.

[162] См.: *Земцов В. Н.* Черная книга Кармартена. То немногое, что мы о ней знаем: материалы к спецкурсу. Екатеринбург, 2007.

кельтология интегрируется в однородную предметную область изучения кельтской культуры в истории Британских островов как «комплекса гуманитарных дисциплин, изучающих языки, литературу, историю, этнографию и археологию кельтских народов»[163]. При этом мы не должны упускать из виду сложный пространственно-временной контекст бытования кельтской культуры в истории Британских островов[164]. Кельты населяли острова до прихода римлян, оставались культурной «периферией» Английского королевства на протяжении длительного периода, сегодня заняли самодостаточное место в общебританском национальном контексте.

Тема *романизации кельтов* практически не рассматривалась в эпоху Просвещения, хотя была тесно связана с другой, интенсивно обсуждавшейся историописателями XVI–XVIII веков темой христианизации Британских островов. Ее мы рассмотрим в той части нашего историографического обзора, что касается степени изученности исследовательских практик просветителей эпохи Реформации и создания уникальной англиканской церкви. Здесь же коротко скажем, что данной проблематике посвятили свои работы Н.С. Широкова, А.Р. Мурадова, С.А. Доманина и другие исследователи[165]. Важной работой в данном контексте является статья А.А. Паламарчук, С.Е. Федорова об интерпретации авторами ирландского и шотландского происхождения рубежа XVI–XVII веков легенды о

---

[163] *Королёв А. А.* Кельтология / Лингвистический энциклопедический словарь. Главный редактор *В. Н. Ярцева.* М.: «Советская энциклопедия». 1990. С. http://tapemark.narod.ru/les/217d.html

[164] *Мурадова А.Р.* Кельты анфас и в профиль. М.: Ломоносов, 2010; *Доманина С.А.* Религиозно-политические процессы в Галлии и Британии в период Ранней Империи. автореферат диссертации по история на соискание степени к.и.н. по специальность 07.00.03 , Нижний Новгород. 1998.

[165] *Широкова Н.С.* Религия римской Британии. Учреждение императорского культа // МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира. Под редакцией профессора Э.Д. Фролова. Выпуск 13. Санкт-Петербург . 2013. С. 357–374; *Садовская М.С*. Культ императора в римской Британии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи (межвузовский сборник). Горький, 1985; *Мурадова А.Р.* Кельты анфас и в профиль. М., 2010; *Доманина С.А.* Религиозно-политические процессы в Галлии и Британии в период Ранней Империи. Автореферат диссертации. Нижний Новгород. 1998; *Доманина С.А.* История римской Британии в трудах М.С. Садовской // Британия: история, культура, образование. Вып. 2. Ярославль, 2012. С. 15–17; *Супрянович А. Г.* Христианство в Римской Британии // Античный Вестник. Омск, 1993. Вып. 1. С.138–144.

«британском Константине» и его матери «Святой Елене»[166]. Речь идет о возможном бриттском происхождении матери императора Константина и живучести этой легенды в северных королевствах.

Изучение периода *Англосаксонской Британии* усложняется бытованием в ту эпоху двух языков в письменной и устной традициях – латинского и древнеанглийского. Можно выделить два направления исследований, затрагивающих вклад представителей эпохи Просвещения в изучение древнеанглийской истории. Это лингвистические и исторические работы. Среди историков Англосаксонская Британия пользуется большой популярностью последние двадцать лет. На основе адаптации современной западной историографии удалось углубить изучение четырех принципиально важных сюжетов. Во-первых, это исследование, проведенное В.В. Эрлихманом по изучению мифа о короле Артуре[167], которое показало глубокую связь артурианы с кельтской мифологией[168], а также чужеродность данной темы мыслителям эпохи Просвещения с ее «неоримским» образом мысли[169].

Вторая тема связана с изучением Беды Достопочтенного. В подготовленном в 2001 году В.В. Эрлихманом издании «Церковной истории народа англов» лишь упоминаются первые переводчики этого текста с латинского на английский Т. Стэплтон (издание 1565 г.) и Дж. Стивенс (1723)[170]. Рассмотрению системы культурных представлений Беды на основе совокупности всех его работ посвящено монографическое исследование В.В. Зверевой[171]. Автор дает более развернутую историю перевода Беды в эпоху Просвещения и помещает между переводами Стэплтона и Стивенса издание

---

[166] *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Прошлое крупным планом: темпоральные измерения в антикварном дискурсе / Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2010. С. 234–245.

[167] *Эрлихман В.В*. Король Артур. М.: «Молодая гвардия», 2009.

[168] Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса / Перевод, вступ. статья и примечания *В.В. Эрлихмана.* М., 2002; Беда Достопочтенный … 2001.

[169] Возвращение короля / *Эрлихман В.В.* Король Артур. М., 2009. С. 276–297.

[170] *Эрлихман В.В.* Отец английской истории / Беда Достопочтенный ... С. 322–337.

[171] *Зверева В.В.* Новое солнце на Западе: Беда Достопочтенный и его время. СПб., 2008.

в параллельных текстах «Церковной истории» Роджера Даниэла 1644 года. Обратим внимание, что Р. Даниэл был лишь издателем, автором же перевода являлся А. Уэлок. А вот кто такие «декан Йорка Томас Гэль (1695–1702) и каноник Дарэма Джон Смит (1659–1715)» и его сын Джордж[172], напечатавший в 1722 новое критическое издание «Истории» Беды можно только догадываться. В целом же и В.В. Эрлихман, и В.В. Зверева строят свой анализ на современных классических переводах Беды и не уделяют особого внимания анализу истории перевода «Церковной истории» на английский язык в эпоху Просвещения. Не следует также упускать из виду католическую «линию» интерпретации Беды в ситуации Реформации и «пуританской революции», о чем можно найти сведения в работах А.Ю. Серегиной[173].

Третьим самостоятельным сюжетом Англосаксонской Британии в современной отечественной историографии стала эпоха Альфреда Великого. Здесь несомненным лидером стал воронежский исследователь А.Г. Глебов[174], которого совсем не занимает история реконструкции текстов с древнеанглийского в эпоху Просвещения. Эволюция образа Альфреда Великого в национальном историописании и сознании является предметом диссертационного исследования ученицы А.Г. Глебова Е.А. Каниболоцкой. Она выделяет три этапа этой эволюции. На первом этапе юристы и антиквары Елизаветинской эпохи, полагает исследовательница, сформировали основу для «распространения в английском общественно-историческом сознании репутации короля как человека, установившего в стране закон и порядок и заложившего правовые основы того, что впоследствии разовьется в английскую конституцию»[175]. Пальму первенства

---

[172] *Зверева В.В.* Новое солнце на Западе… С. 11, 211.

[173] *Серегина А.Ю.* Английская Реформация глазами католических историков XVI века режим доступа: http://krotov.info/history/16/3/seregina.htm

[174] *Глебов А. Г.* Англия в раннее средневековье. СПб., 2007; Глебов А. Г. Альфред Великий и Англия его времени. Воронеж, 2003.

[175] *Каниболоцкая Е.А.* Образ короля Альфреда Великого в английском общественно-историческом сознании периода средних веков и нового времени.

в этом автор отдает труду сэра Г. Спелмена «Жизнь короля Альфреда» как «объединившего в себе различные сюжеты альфредианской легенды и явившегося первой научной биографией Альфреда Великого»[176].

Е.А. Каниболоцкая совершенно верно указывает, что в эпоху Реставрации «пронормандские» интерпретации эпохи Вильгельма Завоевателя являлись антиальфредовскими по сути. Противостоящая им интерпретация «нормандского ига» опиралась на представление о древних свободах и обращалась к изучению истории Англии до Эдуарда Исповедника, т.е. ко временам Альфреда Великого[177]. Второй этап в эволюции образа короля Альфреда, по мнению автора, охватывает вторую половину XVII–XVIII вв. Уокеровская и хирновская публикации «Жизни короля Альфреда» Дж. Спелмана, находка т.н. «самоцвета Альфреда» развили миф о великом короле. Исследовательница подчеркивает усиление влияния на него политического контекста XVIII века: «… аксиомой стало утверждение о том, что английские короли управляют с согласия парламента и в интересах своего народа, … опираясь на традицию, …фигура Альфреда Великого … выступала символом сильной конституционной монархии». Публикации источников эпохи Альфреда Д. Уилкинсом, перевод на английский язык «Истории Англии» П. Рапина, а чуть позже сочинение Д. Юма «сформировали взгляд на короля Альфреда Великого как на справедливого, ученого и религиозного правителя, любимца подданных, неутомимого покровителя искусств, наук, правосудия и церкви, а также давали идеализированный взгляд на «англосаксонскую конституцию» и раннеанглийское общество». Это был «символ формирующейся британской нации, как никогда явно отождествляемой с династией Ганноверов»[178]. «Более того, мифологема Альфреда во времена долгого правления Георга III

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. 2011. С. 12.

[176] *Каниболоцкая Е.А.* Образ короля Альфреда … С. 13.

[177] *Каниболоцкая Е.А.* Образ короля Альфреда … С. 14.

[178] *Каниболоцкая Е.А.* Образ короля Альфреда … С. 15.

нашла свое отражение и была дополнена в художественной литературе, музыке, скульптуре, архитектуре, в том числе садово-парковой, что способствовало дальнейшему углублению понимания места Альфреда Великого в формирующемся общественном восприятии англосаксонского прошлого»[179].

Четвертым местом освоения Англосаксонской Британии в отечественной историографии стали исследования и первая полная публикация «Англосаксонской хроники». Наибольших результатов здесь удалось достичь З.Ю. Метлицкой. Во введении к изданию 2010 года в сжатом виде она дает историю изучения АСХ в раннее новое время. Автор показывает, что первый Кентерберийский архиепископ реформированной церкви М. Паркер и люди его окружения Джоселин и Ноуэлл способствовали спасению редких манускриптов в эпоху Реформации, когда погибли многие монастырские библиотеки[180]. В качестве следующей страницы изучения АСХ рассматривается собирательство антиквара Р. Коттона. З.Ю. Метлицкая сообщает о том, что практически все на сегодняшний день выявленные редакции АСХ уже оказались в его собрании (за исключением «Хроники Паркера», рукопись «А»). В немногих словах автором дана характеристика первой публикации Уэйлока 1643 года. Метлицкая показывает, что, несмотря на то, что в распоряжении Уэйлока было всего две редакции «G» и «А», он четко разводил фрагменты, взятые из разных манускриптов, что позволило позднее восстановить редакцию «G», фактически сгоревшую при пожаре 1731 года. Она замечает, что в публикации 1692 года Гибсон «объединил погодные статьи из разных рукописей вместе, никак их не различая, что породило многочисленные неясности и противоречия»[181]. Нигде в отечественной историографии не фигурирует имя первой переводчицы АСХ на английский язык Энн Гарни (правда уже в начале XIX века). Подчеркивая важность работы Дж. Хикса, З.Ю. Метлицкая почему-то относит его к

[179] *Каниболоцкая Е.А.* Образ короля Альфреда … С. 15.
[180] Англосаксонская хроника / Пер. с др.-англ. *З. Ю. Метлицкой*… С. 28.
[181] Англосаксонская хроника … С. 31.

кембриджским саксонистам, в то время как он окончил Магдален колледж в Оксфорде и жил впоследствии там же, а в сносках 63-65 библиографическое описание словаря Сомнера и «Тезауруса» Хикса не имеет точной хронологической привязки в году издания[182].

Публикация АСХ З.Ю. Метлицкой и ее комментарии стали важнейшим достижением отечественной историографии. Это заложило надежные основания для изучения процесса перехода от Англосаксонской к Англонормандской Британии, а также интерпретации 1066 года в истории Британских островов. В отечественной историографии тема «нормандского ига» была актуализирована учениками Б.Г. Могильницкого А.М. Нейманом и А.В. Якубом, которые первыми специально обратились к этой теме. Уже в их работах было показано, что к концу XVII века сформировались две точки зрения по вопросу о влиянии Вильгельма Завоевателя на последующее развитие Английского королевства. Первая – торийская – заключалась в высокой оценке политики первых нормандских королей как достойных предков династии Стюартов и преобладала до воцарения Вильгельма и Марии Оранских. В данной интерпретации «старое» дворянство выступало в качестве потомков нормандских баронов и являлось оплотом правящей династии и гарантом сохранения существующего порядка в стране. Прямо противоположная точка зрения – вигская – оформилась в результате Английской буржуазной революции и базировалась на представлении о нормандском завоевании как великой трагедии для английского народа, об установившемся в результате нормандском иге. Вильгельм Завоеватель и его бароны разрушили древнюю английскую конституцию – «до 1066 г. англосаксы жили как свободные и равноправные граждане, управление страной осуществлялось на основе принципа самоуправления через представительные учреждения»[183]. Древняя английская конституция была

[182] Англосаксонская хроника … С. 154.

[183] *Якуб А.В.* Проблема нормандского завоевания в английской исторической мысли XVII–начала XX вв. // Исторический ежегодник. Омский государственный университет 1999. С. 74.

восстановлена подданными английской короны в таких законах, как Хабеас корпус акт 1679 года, Билль о правах 1689 года и т.п.[184]

З.Ю. Метлицкая в аналитическом обзоре 2003 года замечает, что это деление на норманистов и антинорманистов сохраняется до сих пор. Она обращает внимание на Г. Спелмана как первого нормaниста в трудах которого говориться «о “приобретении” нормандцами Англии, о “соглашении” между Завоевателем и “Леди Британией”, его “почитаемой королевой”». Антинормандскую позицию она связывает с «историографией вигов», которая «стремилась найти в прошлом прообраз современного ей английского демократического государства. Историки этого направления представляли англосаксонское общество состоящим из общин свободных людей, участвующих в демократических институтах и способных даже избирать или смещать королей. В их сочинениях Вильгельм Завоеватель из родоначальника британского величия превратился в тирана, уничтожившего конституцию, а англосаксы из развращенного и опустившегося народа обратились в славных предшественников вершителей Великой революции». З.Ю. Метлицкая не называет никого из вигских историков, а фраза о том, что Э. Эльстоб в 1709 году «пытался доказать, что реформированная церковь полностью соответствует духу древней саксонской церкви», выглядит малоубедительной[185]. В целом же в работах З.Ю. Метлицкой, М.М. Горелова и других современных авторов[186] просматривается идея глубокого

---

[184] *Нейман А. М.* «Старые» и «новые» пути в истории. Некоторые проблемы методологии в английской буржуазной историографии 30–60 гг. XX в. Автореф. дисс. … канд ист. наук. Томск, 1977; *Якуб А. В*. Проблема нормандского завоевания Англии в современной английской буржуазной медиевистике (60-е – 80-е гг.). Автореф. дисс. … канд ист. наук. Томск, 1988; *Якуб А.В.* «Нормандское завоевание» как составная часть политической культуры английского общества в прошлом и настоящем // Личность. Культура. Общество. Том VII. Вып. 2(26). 2005. С. 285–294; и др.

[185] *Метлицкая З.Ю.* Англосаксонская Англия и нормандское завоевание. Аналитический обзор. М., 2003. С. 24; Метлицкая З.Ю. Власть и социальные структуры в раннесредневековой Англии. М., 2014.

[186] *Горелов М. М.* Датское и нормандское завоевания Англии в XI веке. СПб., 2007; *Метлицкая З.Ю.* Власть и социальные структуры в раннесредневековой Англии. М., 2014; *Гимон Т.В.* Ведение погодных записей в средневековой анналистике (Сравнительно-историческое исследование): Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 2001; *Гимон*

континуитета между эпохами Эдуарда Исповедника и Вильгельма Завоевателя.

Если говорить о филологах и литературоведах, то они занимаются изучением поэтики древнегерманского эпоса, лингвосемиотикой английской культуры и другими очень важными вопросами изучения англосаксонского периода в истории Британии[187], но чаще всего их работы носят внеисторический характер. На этом фоне отличаются сочинения О.А. Смирницкой, в которых мы встречаем высокую оценку работ саксонистов XVII–начала XVIII века Фр. Юния, Дж. Хикса, Т. Хирна. Автор разъясняет сложную судьбу англосаксонской поэзии, конец которой был положен в XI веке нормандским завоеванием и распространением французского языка [188]. Работами общего характера, зачастую учебниками, ограничивается в отечественной историографии знание «Англосаксонским законов». Вопрос о редакциях «Книги страшного суда» или «Великой хартии вольностей» в нашей историографии вообще не поднимался. Больше повезло Гальфриду Монмаутскому, труд которого был переведен в 1984 году на русский язык[189]. Однако его сочинения являются лишь талантливым переложением Гильды, Беды и Ненния и легенд о Мерлине из валлийского эпоса и не несут никакой оригинальной информации. Поэтому британские историописатели XVII–XVIII веков не обращали на этого автора XII века серьезного внимания. В

Т.В. Погодная статья 1049 г. Англосаксонской хроники: опыт микроистории / / Ното Historicus. ч. 1. М. 2003. С. 385-395; *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2011.

[187] *Алексеев М.П.* Литература средневековой Англии и Шотландии. М., 1984; Мельникова Е. А. Меч и лира. М., 1987; *Мелетинский Е. М.* Англосаксонская эпическая поэзия // История всемирной литературы: В 8 томах. М., 1983–1994. Т. 2. 1984. С. 478–482; *Янушкевич И.Ф.* Лингвосемиотика англосаксонской культуры. Волгоград, 2009; *Гвоздецкая Н.Ю.* Англосаксонская хроника (перевод и вступительная статья) // Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (Исследования и тексты). Иваново, 2000. С. 233–242; *Гвоздецкая Н.Ю.* Язык и стиль древнеанглийской поэзии. Иваново, 1995; *Гвоздецкая Н.Ю.* Женщины в «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного // Cursor Mundi. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Вып. 1. Иваново, 2008. С. 24–44.

[188] *Смирницкая О. А.* Поэтическое искусство англосаксов / Древнеанглийская поэзия. М., 1980. С. 171–232; Древнеанглийская поэзия. М., 1982.

[189] Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984.

отечественной литературе стало общим местом акцентирование роли Гальфрида в создании артурианы, к чему британские историописатели в этот период также не испытывали интереса.

Эпоха Реформации в истории Англии нашла свое отражение в отечественной историографии[190], но тема различных интерпретаций этих событий в британской традиции историописания обозначилась только в поселение годы. Прежде всего необходимо отметить труды В.Н. Ерохина и А.Ю. Серегиной. Исследователь из Нижневартовска В.Н. Ерохин отметил, что в первой половине XVII века формировались две интерпретации английской Реформации. Это концепция Дж. Фокса о богоизбраности английского народа и «лодианская» концепция об исключительности англиканской церкви. Г. Барнет определяется им в качестве знаковой фигуры в процессе становления научной историографии Реформации в Англии, также серьезное освещение получили работы П. Хейлина[191]. Следует отметить работы А.Ю. Серегиной, посвященные представителям английского католического сообщества второй половины XVI – начала XVII веков, которые оказались «пассивными зрителями» в борьбе интепретаций эпохи Реформации. Их историческая концепция фокусировалась исключительно на «католиках-рекузантах», которые в силу своего католического выбора были исключены из политической жизни страны[192]. Так как темы «происков

---

[190] Английская реформация (Документы и материалы) / Под ред. *Ю. М. Сапрыкина.* М., 1990; Англия в эпоху абсолютизма / Под. ред. *Ю. М. Сапрыкина.* М., 1984; *Урнов Д.* М. Борьба пуритан против театра в эпоху Шекспира / Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 239-243; *Штокмар В.В.* Борьба с пуританами как один из аспектов социальной политики Тюдоров во второй половине XVI века / Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974. Вып. 1. –С. 124-134; и др.

[191] См.: *Ерохин В.Н.* Методологические подходы к изучению истории религиозной реформации в Англии в современной британской историографии. Нижневартовск, 2008. С. 58–59.

[192] См.: *Серегина А.Ю.* Церковь и государство в политической мысли английской католической эмиграции конца XVI - первой четверти XVII вв. Дисс. … канд. ист. наук. М., 1999; *Серегина А.Ю.* Английская Реформация глазами католических историков XVI века; *Серегина А.Ю.* Подданные и тиран: король Иоанн в полемических произведениях английских католиков конца XVI - начала XVII века // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003; *Серегина А.Ю.* История и

цезарепапизма» и «поисков чистой первозданной христианской церкви» в эпоху Реформации и после нее перекликаются в отечественной историографии с темой распространения христианства на Британских островах, то здесь надо обратить внимание на статьи А.Ю. Серегиной, посвященные христианизации Британии[193].

Исследовательница впервые в отечественной историографии указывает на складывание в средневековой летописной традицией концепции о троекратном крещении Британии. Первое крещение (в I в. н. э.) традиционно связывалось с именем Св. Иосифа Аримафейского и правлением императора Тиберия, о чем упоминает хронист Гильдас, а также Тертуллиан. Второе крещение традиция связывала с легендарным королем бриттов Луцием (II в. н.э.). Серегина прямо называет факт «второго крещения» историографическим ошибкой Беды Достопочтенного, что у Гальфрида Монмаутского преображается в яркое повествование со множеством деталей[194]. «… Третье крещение Англии было связано с именем св. Августина, первого исторического архиепископа Кентерберийского, который в 596 г. был отправлен с миссией в Англию папой Григорием I Великим. Миссия св. Августина относительно хорошо документирована; кроме того, о ней известно из «Церковной истории» Беды Достопочтенного, считавшегося в XVI в. абсолютно надежным и авторитетным источником, более того, образцом историка»[195]. Исследовательница подмечает две трудности для историописателей эпохи Реформации – это «выбор “этнической” идентичности древней церкви» – британской или англосаксонской; в I и II в.

религиозная полемика в эпоху Реформации / Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. *Л. П. Репиной.* М., 2010. С. 717–756; *Серегина А. Ю.* Английское католическое сообщество второй половины XVI - первой трети XVII веков. автореферат диссертации. М., 2013.

[193] *Серегина А.Ю.* Мифы о крещении Англии в религиозной полемике конца XVI века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 12. М., 2004. С. 144-155. *Серегина А.Ю.* Мифы об обращении Англии в христианство и национальная /конфессиональная идентичность в XVI – начале XVII вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 21. М., 2007. С. 389–411.

[194] *Серегина А.Ю.* Мифы об обращении … С. 391–392.

[195] *Серегина А.Ю.* Мифы об обращении … С. 400.

н.э. могло не быть прямой связи с Римом. Подчеркивая «натяжки в толковании источников», Серегина выделяет две интерпретационные модели, сложившиеся в кругу Мэттью Паркера. Первая сводилась к тому, что миссионерская деятельность Св. Августина ограничивалась Кентом, в то время как за его пределами уже были христианизованные бритты. «Другая стратегия заключалась в обращении к англосаксонским источникам (посланию Эльфрика и т.п.) … толкование этих текстов призвано было показать, что во времена св. Августина англосаксонская церковь не знала мессы, трансубстанциации и прочих католических нововведений»[196]. Собственно паркеровская концепция христианизации и легла в основу интерпретации этого сюжета в эпоху Просвещения. Наше диссертационное исследование показывает, что английские антиквары второй половины XVII–XVIII веков не считали первые две версии крещения Британии правдоподобными, поэтому они не получили дальнейшего развития. В шотландской традиции историописания одновременно развивалась идея «чистой и простой апостольской религии».

В отечественной историографии Изучение *Английской революции XVII века* имеет давнюю и устойчивую традицию. Это обстоятельство определялся тем, что в дореволюционной историографии исследование английской революции актуализировалось проблемой происхождения конституционной монархии, в советский период оценкой событий как социальной революции, моментом перехода от одной общественно-экономической формации к другой. В последние время в российском англоведении вслед за ревизионисткой британской историографией центр внимания сместился к эпохе «старого порядка» в Англии. И только на этом этапе изучения английского XVII века в отечественной историографии появляется интерес к истории историописания в эпоху Просвещения, а также к антикварной традиции как таковой.

[196] *Серегина А.Ю.* Мифы об обращении …С. 400.

Следует, прежде всего, назвать учеников ленинградской исследовательницы В.В. Штокмар – С.Е. Федорова и С.В. Кондратьева[197]. С.Е. Федоров в сотрудничестве с своей ученицей А.А. Паламарчук проделал огромную работу по изучению антикварной традиции в Англии[198]. Они пришли к выводу о том, что «наиболее характерными для англичан конца XVI – первой половины XVII в. были три типа исторической памяти, механизмы которых устойчиво ориентировали современников либо на последовательную романизацию германского прошлого Британских островов, либо на повторную германизацию уже изрядно романизированной усилиями предшественников национальной истории, либо, наконец, — на разумное сочетание каждого из упомянутых концептов…»[199]. Первый тип в нашем диссертационном исследовании соотносится с понятием «неоримского», второй – весьма условно с «антикварным». Что же подразумевают авторы «разумным сочетанием» выше упомянутых двух? «Подход Сэлдена и остальных эрудитов, примыкавших к антикварному направлению, к проблеме права представлял собой срединный — и потому во многом более трезвый путь по сравнению с позициями Кока и Спелмана. В немалой степени это было обусловлено как более широким кругом источников, не ограничивавшимся сугубо юридическими и административными документами, так и характерной для антиквариев

[197] *Кондратьев С.В*. Юристы общего права в елизаветинской и раннестюартовской Англии / Англия XVII века. СПб., 1997. С. 85–136; *Кондратьев С.В*. Предреволюционная Шотландия // Европа. Международный Альманах. Вып. XI. Тюмень, 2012. С. 112–138; и др.

[198] *Паламарчук А.А. Федоров С. Е.* Рубежи антикварного сознания: история и современность в раннестюартовской Англии / Цепь времен. Образы прошлого в историческом сознании. М., 2005; *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Историческая память и технологии антикварного дискурса: Англия раннего Нового времени / Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 495–522; *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Прошлое крупным планом: темпоральные измерения в антикварном дискурсе / Образы времени и исторические представления. М., 2010. С. 226–245.

[199] *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Историческая память и технологии антикварного дискурса: Англия раннего Нового времени / Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 498–499.

установкой на поиск компромисса и умеренных, взвешенных формулировок»[200].

В нашем диссертационном исследовании позиция Селдена представлена как тяготеющая к кокианской традиции модернизации англосаксонского прошлого, а Г. Спелмен понимается как представитель антикварной традиции. Однако эта предположение требует дополнительного обсуждения и доказательств. Удачным представляется введение Федоровым и Паламарчук термина «репрезентирующие прошлое технологии» как «процесс постепенной адаптации менее привычных форм исторической памяти». Заметным событием в отечественной историографии стали подготовка выше названными авторами перевода на русский язык и публикация двух томов сочинения Д. Юма «История Англии», посвященных правлению династии Стюартов[201]. Обращает на себя внимание анализ историографической базы сочинения Юма, предпринятый А.А. Паламарчук[202].

При анализе антикварного дискурса раннего нового времени необходимо также принять во внимание работы В.В. Зверевой[203]. Особенно важным для данного диссертационного исследования является следующее наблюдение московской исследовательницы: «В 1660-е гг. представления британских ученых о задачах антикварного исследования стали меняться. Знание о прошлом предельно сблизилось со знанием о природе, и их предметы стали смешиваться друг с другом в хорографиях и естественных

---

[200] *Паламарчук А.А., Федоров С.Е.* Историческая память и технологии антикварного дискурса: Англия раннего Нового времени / Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под редакцией *Л. П. Репиной.* М., 2008. С. 518.

[201] *Юм Д.* Англия под властью дома Стюартов. Под общ. ред. *С.Е. Федорова.* В 2-х т. СПб., 2001, 2002.

[202] Библиография Давида Юма: реконструкция / *Юм Д.* Англия под властью дома Стюартов. Под общ. ред. *С.Е. Федорова.* Т. 2. СПб., 2002. С. 444–458.

[203] *Зверева В.В.* Интеллектуальная культура английских антикваров XVII века // Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории. Материалы научной конференции. М., 2000; *Зверева В.В.* Антикварианизм XVI–XVII веков представление прошлого в контексте научной революции дискурсе / Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. *Л. П. Репиной.* М., 2010. С. 756–771.

историях»[204]. При этом: «существенно меньше было изменений в понимании прошлого. В интерпретации антикваров история выглядела как статичная, лишенная внутренних переходов и качественных изменений, она мыслилась как сумма событий, и особого различения между культурами отдаленных эпох авторы не проводили»[205]. В.В. Зверева отмечает, что «в начале XVIII в. антикварная история и естественноисторические исследования постепенно стали расходиться. На их основании складывались новые исторические и естественнонаучные дисциплины. … «Тьма», окутывавшая, по словам Обри, периоды бриттской и англо-саксонской истории, также постепенно рассеивалась, и усилиями антикваров в интеллектуальной истории Британии создавались конвенциональные картины национального прошлого»[206]. Таким образом, в современной отечественной историографии мы видим три подхода к изучению антикварного дискурса в Британии XVII–XVIII веков. Они могут быть условно обозначены как «естественно-научный» (В.В. Зверева), «политико-правовой» (А.А. Паламарчук), «археологический» (Л.С. Клейн).

Обращает на себя внимание масштабная работа исследовательницы из Саратова Н.С. Креленко по рассмотрению эволюции образа Английской революции в представлениях британского общества с XVII по XX век включительно[207]. Известная своим культурологическим подходом Н.С. Креленко показывает этапы этой эволюции в соответствии с культурными эпохами. Историческая мысль барочной эпохи определяется автором как «растерявшаяся эпоха», в конце концов, находящая свою устойчивость в формировании «мест памяти», таких как «нормандское завоевание», «великий мятеж». Следующая эпоха названа в монографическом исследовании как эпоха просветительского рационализма, за которой следует

---

[204] *Зверева В.В.* Антикварианизм XVI–XVII веков … С. 765.
[205] *Зверева В.В.* Антикварианизм XVI–XVII веков … С. 767.
[206] *Зверева В.В.* Антикварианизм XVI–XVII веков … С. 771.
[207] *Креленко Н.С.* Английские просветители о революции середины XVII в. // Новая и новейшая история. Вып. 12. Саратов, 1989; *Креленко Н.С.* Образ Английской революции в общественной памяти Великобритании XVII–XX веков. Саратов, 2012.

романтическая эпоха и т.д. Креленко дает короткое, но емкое объяснение победы «теории завоевания» и одновременно обращает внимание на альтернативную ей концепцию Р. Бреди о позднем возникновении английского парламента. «В споре о месте и роли нормандского завоевания в истории Англии отразилась вся противоречивость эпохи… В целом и общем барокко – это стиль мышления и поведения людей «растерявшейся эпохи», разуверившейся во всем унаследованном и вместе с тем еще не нашедшей почвы для нового символа веры»[208]. Интересна оценка английского Просвещения как «культурного климата, мира» в котором действовали философы и писатели – «века Августа». Хотим обратить внимание на то, что «августианский век (августинианский?)» Н.С. Креленко определяет периодом с 1650 по 1750 годы, никак не обосновывает эти хронологические рамки. В то время как вопрос о границе между «растерявшейся» эпохой и эпохой оптимистического рационализма представляется весьма важным[209].

Отечественная историография британской традиции *историописания эпохи Просвещения,* посвященной национальной истории, фактически сводится к двум именам. Это лорд Г. Болингброк[210] и Д. Юм[211]. Отечественные историки много сделали для того, чтобы вписать литературное наследие этих влиятельных персонажей XVIII века в общеисторический контекст эпохи Просвещения. Однако они остаются слабо

---

[208] *Креленко Н.С.* Образ Английской революции … С. 34–35.

[209] *Креленко Н.С*. Образ Английской революции … С. 57.

[210] *Барг М.А.* Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк / *Болингброк Г.* Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 274–316; *Креленко Н.С.* Осмысление революционного периода Болингброком / Образ Английской революции в общественной памяти Великобритании XVII–XX веков. Саратов, 2012. С. 58–65; *Креленко Н.С.* Причудливая память потомков: Английская революция в общественной мысли Великобритании XVIII века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 4. М., 2001.

[211] *Барг М. А.* Юм как методолог истории // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 70–82; *Барг М. А.* Юм как историк английской революции середины XVII в. // Европа и Америка на перекрестке эпох. Иваново, 1992; *Креленко Н.С.* «Via media» и «История Стюартов» Дэвида Юма / *Креленко Н.С.* Образ Английской революции в общественной памяти Великобритании XVII–XVIII веков. Саратов, 2012. С. 65–74; *Апрыщенко В.Ю.* Дэвид Юм и британская юнионистская традиция эпохи Просвещения // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 5–23.

вписанными в контекст развития именно британского историописания как представители его «неоримской» направления. В последнее время ростовский историк В.Ю. Апрыщенко обратился к теме шотландского историописания эпохи Англо-шотландской унии 1707 года[212].

Тема *«britishness»* применительно к эпохе Просвещения в отечественных исследованиях нашла свое раскрытие скорее в литературоведческих работах, таких как «Англия в памфлете» и других[213]. Проблема формирования британской идентичности в XVIII – начале XIX века еще ждет своего исследователя. Обращает на себя внимание работа М.В. Кирчанова, фокус которой сосредоточен «идентичностных дискурсах и проектах» в истории английской политики и литературы XVI–XX веков[214]. Если же говорить об осмыслении британской традиции историописания в эпоху Просвещения в целом, то весьма продуктивными являются рассуждения С.Е. Федорова о «британском варианте контекстуализации национальной истории»[215]. Можно ли говорить о едином британском дискурсе или различных вариантах национальных историй? Исследователь из Санкт-Петербурга знакомит отечественного читателя с предложенной еще сорок лет назад авторитетным британским историком Дж. Пококом концепцией «новой британской истории», базирующейся на общебританском «многоголосном» проекте национальной истории. Если же подводить черту под современным состоянием отечественной историографии по изучению

---

[212] *Апрыщенко В. Ю.* От Просвещения к романтизму: шотландская антикварная традиция и поиски национального прошлого / Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории / Под ред. *Л. П. Репиной*. М., 2008. С. 554–589; и др. работа автора; *Апрыщенко В.Ю.* Клановая система горной Шотландии: традиции и модернизация. Ростов-на-Дону, 2006.

[213] Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. М.: «Прогресс», 1987; Имперская мифология и символика / Британская империя: становление, эволюция, распад. Екатеринбург, 2010. С. 127–141; Английская лирика первой половины XVII века. М., 1989; *Герман М.* Уильям Хогарт и его время. Л., 1977; Английская поэзия в русских переводах. М., 1981; Английская классическая эпиграмма. М., 1987.

[214] *Кирчанов М. В.* Imagining England. Национализм, идентичность, память / М. В. Кирчанов. Воронеж, 2008.

[215] *Федоров С.Е.* Британский вариант контекстуализации национальной истории (когнитивный и коммуникативный аспекты) // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. М., 2006. С. 186–187.

национальной истории британского историописания эпохи Просвещения то можно сказать, что ее объединяет «приверженность трем основным принципам: неприятие однолинейного подхода к изучению идей и практик XVIII в.; отказ от трактовки Просвещения как унитарного, однородного феномена и признание того, что в нем имеются темные стороны, полосы света и тени, центры и периферийные зоны; наконец, … новая культурная история должна иметь дело со всем разнообразием прошлого»[216].

1.3. ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПО ИССЛЕДУЕМОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ

Зарубежная историография по теме исследования представлена почти исключительно англоязычной литературой, которая в свою очередь с большим трудом поддается обозрению. Ее характеристика в данном параграфе, как и в предыдущем, подчинена трехчастной структуре – историография эпохи Просвещения вообще и британского в частности; историография истории исторического письма в Британии в эпоху Просвещения; и историография вопроса о британской идентичности и ее формировании на протяжении XVII–XVIII веков. Фокус анализа сосредоточен преимущественно на исследовательской литературе последних пятидесяти лет, что определяется формированием в 1960-е – 1970-е годы «новой исторической науки». Именно в этот момент история исторического письма становится самостоятельным направлением исследований. Кроме того, внимание в историографическом обзоре обращено на работы только принципиального характера для выполнения данного исследования.

Еще в 60–70-е годы XX века общепризнанным было представление о Просвещении как целостном интеллектуальном движении, которое распространилось по всей Европе. Его представители созрели как для осознания проблем современности, так и для их решения посредством

[216] Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. *В. Ферроне и Д. Роша*. М., 2003. С. 573.

модернизации общества. Просветители представали как люди, совмещавшие в себе глубокое и оригинальное мышление с выраженным осознанием действенности своих идей. Они одновременно выступали и как космополиты – добровольные участники обмена идеями вне политических границ, и как патриоты, посвятившие себя улучшению дел в своих странах. Сегодня эта точка зрения является представляется упрощенной и не продуктивной.

Отцами-основателями альтернативного взгляда на эпоху и интеллектуальное наследие Просвещения стали представители Франкфуртской школы Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно, опубликовавшие в 1944 году совместную работу «Диалектика Просвещения»[217]. В купе с сочинением другого представителя этой школы Герберта Маркузе «Одномерный человек»[218] они сформировали критическое отношение к эпохе Просвещения, усматривая в ней порождение пороков современного им общества XX века. Эти философы сформировали так называемую «критическую теорию» общественного развития, которая должна освободить человеческую чувственность от подавляющих ее рациональных нормативов эпохи Просвещения. Хоркхаймер, Адорно, Маркузе, а вслед за ними Юрген Хабермас стали символом «левых» в Европе и призывали «перепрочесть» контекст эпохи Просвещения. Последний развивал идею о дурно понятых, вульгарно интерпретированных идеях эпохи Просвещения[219]. Сегодня проблема заключается не только во фронтальном наступлении постмодернизма, где Просвещение рассматривается как ложный пророк, абсолютизирующий значение рационализма и универсальности[220]. Постмодернистская критика пересеклась с другими тенденциями в западной

---

[217] *Хоркхаймер М., Адорно Т. В.* Понятие просвещения / Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., СПб., 1997. С. 16–60.

[218] *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального обществаю М., 2002.

[219] *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М. М. Беляева и др. М., 2003; *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry Into a Category of Bourgeois Society. Trans. by Thomas Burger. Cambridge, Mass., 1989.

[220] *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху/ Пер. с фр. И. Стаф под ред. В. Гайдамака. СПб., 1997; *Фуко М.* Рождение клиники. М., 1998; *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М., 1999.

исторической науке, результаты которых, так или иначе, подрывают сложившееся в 1970-е годы представление о европейском Просвещении как целостном интеллектуальном проекте. И здесь можно выделить три направления историографических исследований.

Первое заключается в исследовании истоков оригинальных идей эпохи Просвещения. Где их начало? Что принципиально отличает эту эпоху от эпохи Гуманизма? Например, союз между писателями и издателями, о чем пишет Р. Шартье на примере Франции[221], существовал задолго до эпохи Просвещения. Это обстоятельство уже сознательно использовали представители «литературной республики» (*англ.* republic of letters)[222]. Многие проблемы эпохи Просвещения – конфликт между личными и общественными интересами, преобразование общества и политики посредством развития коммерции – все эти вопросы уже обсуждались и в XVII веке, если не ранее. Скорее всего, речь надо вести об интеллектуальной преемственности идей эпохи Просвещения с идеями эпохи Возрождения, о чем достаточно убедительно писал итальянский историк А. Момильяно[223].

Второе направление состоит в стремлении уточнить предмет исследования. Мало того, что географические рамки Просвещения расширены до самых дальних окраин Европы, но и представление о просветителях как некоем сообществе с набором интеллектуальных практик не является сегодня столь определенным. Круг тех, кто участвовал в развитии интеллектуальной среды эпохи Просвещения, неуклонно расширяется. К философам и писателям добавляются представители естественных наук и искусств, издатели и книготорговцы. Конечно, все это дает более полное представление о культуре эпохи Просвещения, но

---

[221] *Шартье Р.* Письменная культура и общество. Пер. с фр. и послесл. И. К. Стаф. М.: Новое издательство, 2006; *Шартье Р.* Книги, читатели, чтение // Мир Просвещения. Исторический словарь … 2003.

[222] *Goldgar A.* Impolite Learning. Conduct and Community in the Republic of Letters 1680–1750. New Haven, L., 1995; *Jardine L.* Erasmus, Man of Letters. Princeton, 1993.

[223] *Momigliano A. D.* Classical Foundations of Modern Historiography … 1990.

одновременно угрожает лишить концепт Просвещения, казалось бы, обретенной им ранее логической стройности[224].

Третье направление в изучении эпохи Просвещения тесно связано с первыми двумя. Так как преемственность с предшествующим периодом привлекает все большее внимание, а сфера применения и развития идей Просвещения постоянно расширяется, – исследователи все больше сосредотачиваются на различных вариантах Просвещения. Католическое Просвещение на юге Европы следует отличать от протестантского северного Просвещения. Изучение Просвещения в национальном контексте стало еще более популярным, особенно среди англоязычных историков. Ярким примером является сборник статей под редакцией Р. Портера и М. Тейча, фокус которого сосредоточен на адаптации идей Просвещения в различных национальных контекстах[225]. Таким образом, общее видение Просвещения ускользает из нашего поля зрения. Некогда единое движение Просвещения все больше и больше фрагментируется. При этом надо отметить «родовое пятно» историографии Просвещения в целом: западная историография, как и отечественная, испытывает до сих пор преобладающее воздействие французской традиции в толковании эпохи Просвещения. Об этом свидетельствуют работы Э. Пагдена и других в основном французских исследователей[226]. Данное обстоятельство актуализирует предпринятое нами исследование.

Особого внимания заслуживают труды Роя Портера, прежде всего, книга под его редакцией о национальных вариантах Просвещения и работа «Просвещение: Британия и создание современного мира», в особенности

---

[224] См., наприм.: *Darnton R.*The Business of Enlightenment: A Publishing History of the Encyclopédie, 1775–1800. Cambridge, Mass., 1987; *Darnton R.*The Literary Underground of the Old Regime. Cambridge, Mass., 1982; и др.

[225] The Enlightenment in National Context. Eds. *R. Porter, M. Teich*. Cambridge, 1981.

[226] *Porter R.* The Enlightenment (Studies in European History). 2nd ed. Palgrave Macmillan. 2001; *Porter R.* The Creation of the Modern World: The Untold Story of the British Enlightenment. L., 2000; *Pagden A.* The Enlightenment: and why it still matters. Oxford, 2013; Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. *В. Ферроне и Д. Роша*. … 2003.

главы посвященные «рационализации религии» и «секуляризации» общественного сознания[227]. В отличие от П. Гея или Кв. Скиннера Р. Портер осознанно дистанцируется от политического контекста эпохи Просвещения[228]. Подробнее остановимся на его издательском проекте рубежа 70–80-х годов XX века «Просвещение в национальном контексте», где выделено тринадцать его национальных вариантов. В первых строках введения Портер провозглашает цель – сломать стереотипы, унаследованные от французского Просвещения (атеизм, радикализм, литературные салоны) и сосредоточится на роли интеллектуальных элит в различных вариантах Просвещения. Внимание авторов сосредоточено, как пишет Портер, на социальной истории культуры или социологии знания, то есть не на анализе самих идей, а на их корнях, бытовании и «развертывании» их интеллектуалами в конкретных национальных ситуациях. Первая глава «Просвещение в Англии» написала самим Р. Портером. Автор показывает, что именно Англия стала «местом» зарождения базового комплекса идей Просвещения – закон, свобода, справедливость и т.д. Основные его концепты уже были включены в Билль о правах 1689 года: личная свобода, обеспеченная «Habeas Corpus Act», религиозная терпимость; представительство в парламенте; неприкосновенность частной собственности; достаточно лояльная цензура и свобода слова. Свобода предпринимательской деятельности, невзирая на сохранение социальной иерархии, сделала возможным накопление богатства и достижение счастья людей неаристократического происхождения. Высокий уровень грамотности и сложившаяся система грамматических школ не делали нужды в образовательной реформе. Сформированная в начале XVIII века социальная

---

[227] *Porter R.* Enlightenment: Britain and the Creation of the Modern World. L., 2000. P. VII; *Porter R.* English Society in the Eighteenth Century. L., 1982; The Enlightenment in National Context. Eds. R. Porter, M. Teich. Cambridge, 1981.

[228] См.: *Gay P.* The Enlightenment: The Rise of Modern Paganism. L., 1995; *Skinner Qu.* Visions of Politics: Volume I: Regarding Method. Cambridge, 2002; *Skinner Qu.* Visions of Politics: Volume II: Renaissance Virtues. Cambridge, 2002; *Skinner Qu.* Visions of Politics: Volume III: Hobbes and Civil Science. Cambridge, 2002.

система позволяла добиваться успеха в рамках установленных правил игры[229].

В коротком историографическом экскурсе Портер показывает негативное отношение к философии и мыслителями эпохи Просвещения, бытовавшее в самой британской историографии от эпохи романтиков до поколения социальных историков 1960–1970-х годов. Марксистский историк К. Хилл называл общество эпохи Просвещения «обществом йеху» и писал о «моральной пустыне» этого «века»[230]. Историки литературы обычно использовали понятие Августианская эпоха, что позволяло им абстрагироваться от жесткого рационализма эпохи Просвещения. Великий просопограф Л.Б. Нэмир и некоторые американские последователи британского историка П. Берка[231] вообще считали, что Англия благополучно избежала «заразы» Просвещения, достигнув в XVIII веке «царства» благодати, реализма и конца идеологии[232]. Позиция Р. Портера иная – увидеть уникальное лицо британского Просвещения.

Историк выделяет такую черту британского Просвещения как прагматизм, указывая на то, что это была некая философия целесообразности, искусство жить хорошо. Это стало неписаным «правилом» английского просвещенного сознания, балансирующего между свободами и самоограничениями. Просвещение санкционировало стремление к счастью, и с этой целью англичане приступили к созданию общества потребления и равных возможностей[233]. Ключевая дилемма, которую стремились разрешить английские мыслители эпохи Просвещения от Дж. Локка до И. Бентама заключалась в разрешении вопроса: как можно создать общество, в котором

---

[229] *Porter R.* Enlightenment: Britain and the Creation of the Modern World. L., 2000. P. 8.

[230] *Hill C.* Reformation to Industrial Revolution. Harmondsworth, 1969. P. 281

[231] См.: *Burke P.* A Social History of Knowledge: From Gutenberg to Diderot. Cambridge, 2000; *Burke P.* A Social History of Knowledge Volume II: From the Encyclopedie to Wikipedia. Cambridge, 2012.

[232] *Porter R.* Enlightenment: Britain and the Creation of the Modern World. L., 2000. P. 4.

[233] См.: *Letwin W.L.* The Origins of Scientific Economics. L., 1963; *Appleby J.O.* Economic Thought and Ideology // Seventeenth-Century England. Princeton, 1978.

отдельно взятый человек мог бы реализовывать свои права на жизнь, свободу, богатство и счастье, но при этом оно обладало бы стабильностью и солидарностью, не погружаясь в разрушительную анархию. Вторым специфическим обстоятельством, определяющим английское Просвещение, считает Портер, была рыночная экономика, сформировавшая средний класс. Портер заключает, что сам по себе открытый рынок индивидуальных возможностей определил понимание идей английских мыслителей, стремящихся в своих работах к примирению и балансу между индивидуальным и общественным, торговлей и аристократизмом, совестью и любовью к себе, наукой и религией[234].

Вторая историографическая область определяется таким актуальным направлением исторических исследований как *история исторической науки*. Очевидным здесь является тот факт, что лингвистический «поворот» 60–70-х годов XX века сделал тему исторической рефлексии одной из главных в «новой исторической науке»[235]. И в этом смысле опыт западная историография обладает опытом более глубокого освоения проблематики истории исторического письма. В качестве отца-основателя направления этих исследований следует назвать американского историка культуры А. Лавджоя и указать на основанный им в 1940 году «Журнал истории идей»[236]. Другим отцом-основателем еще более влиятельным в британской историографии со всей определенностью стал кембриджский «апостол» Г. Баттерфилд. Его сочинение 1931 года «Вигская интерпретация истории» произвело революцию в британской историографии середины XX века. Работы «Англичанин и его история», а в особенности последняя работа «Моральные

[234] *Porter R.* Enlightenment: Britain and the Creation of the Modern World. L., 2000. P. 13.

[235] *Kuhn T.S.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1962; *Foucault M.* L'archéologie du savoir. Paris: Gallimard, 1969; *White H.* Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore, 1973.

[236] *Lovejoy A.* Reflections on the history of ideas // Journal of the History of Ideas. Vol. 1. №. 1. Jan., 1940. P. 3–23.

суждения в истории» стали программными для развития последующей историографии в Британии[237].

Итальянский историк Арнальдо Момильяно стал первым, кто всецело занялся проблематикой изучения исторического письма в длительной исторической ретроспективе. Будучи профессором римской истории, он на протяжении всей жизни искал ответ на вопрос о том, каким образом сложилось современное знание о прошлом вообще и об античном мире в частности. Особый интерес он испытывал к эпохе Гуманизма, а также эпохе Просвещения в свете их «классических оснований». Уже в работах 1950-х годов Момильяно показал, что в трудах гуманистов произошло возрождение двух традиций исторического письма эпохи античности. Первая – фукидидовская традиция – простые истории-повествования, организованные в линеарных и событийных последовательностях. Вторая – антикварная – восходила к Геродоту и представляла собой жанр исторического письма, в котором философские, литературные, топографические и другие сюжеты исторического повествования стояли выше политического нарратива. Как полагал Момильяно, именно антикварианизм взял на себя решение новых задач в свете конфессиональных споров эпохи Реформации и по-прежнему отличался от повествовательной традиции. По мнению историка, только в XVIII веке начинается сближение этих двух традиций исторического письма, а соответственно и типов исторического мышления и завершается формированием современных методов и принципа историзма в исторических исследованиях [238].

Эпоха Просвещения как время, когда повествовательный нарратив и антикварные исследования интегрируются в единое целое, представляет

---

[237] *Butterfield G.* The Englishman and His History. Cambridge, 1944; *Butterfield G.* The Whig Interpretation of History. L.: G. Bell, 1931; *Butterfield G.* The Origins of Modern Science. 1300–1800. L., 1949; *Butterfield G.* History and Human Relations. L., 1951; *Butterfield G.* Man on His Past: The Study of the History of Historical Scholarship. L., 1955; *Butterfield G.* Moral Judgments in History. L., 1959.

[238] *Momigliano A. D.* Herodotean and the Thucydidean Tradition. Chapter 2. P. 29–54; The Rise of Antiquarian Research. Chapter 3. P. 54–80; Tacitus and Tacitist Tradition. Chapter 5. P. 109–132 // *Momigliano A. D.* Classical Foundations of Modern Historiography … 1990.

особый интерес для Момильяно. С его точки зрения XVIII век имеет особое место в генеалогии современного исторического метода. Эдвард Гиббон, считает он, является олицетворением слияния двух традиций исторического письма – первым представителем этого синтеза и предшественником современных научных практик. В современных исторических штудиях источниковедческое исследование неотделимо от его оформления в виде повествовательного нарратива на основе философской концептуализации. Именно этот синтез позволил, наконец, преодолеть существовавшее издавна деление на «истории» и «древности». В 1950-х годах Момильяно полемизировал с другим итальянским философом и историком старшего поколения Б. Кроче, который связывал преодоление дуальной генеалогии исторического письма с немецкой историографией и Л. фон Ранке. Момильяно считал, что становление историзма произошло пятидесятью годами ранее. Может быть, еще более важным достижением Момильяно является установление преемственности между историческими исследованиями античности и раннего нового времени. До него господствовало представление о разрыве с предшествующей традицией исторического письма[239].

В сочинениях Момильяно позднего периода происходит уточнение некоторых оценок. В работе 1980 года «Место античной историографии в историографии нового времени», где старая тема взаимодействия «истории» и «эрудиции» звучит с новыми акцентами. Момильяно стремится объяснить

[239]*Momigliano A. D.* Ancient History and the Antiquarian. 1950; Gibbon's Contribution to Historical Method. 1954; George Grote and the Study of Greek History. 1952; The Place of Herodotus in the History of Historiography. 1958; Historiography on Written Tradition and Historiography on Oral Tradition. 1961 // *Momigliano A. D.* Studies in Historiography. L., 1966; *Momigliano A. D.* A Piedmontese View of the History of Ideas; Tradition and the Classical Historian; Polybius' Reappearance in Western Europe; Historicism Revisited // *Momigliano A. D.* Essays in Ancient and Modern Historiography. Middletown, Conn., 1977; *Momigliano A. D.* Eighteenth-Century Prelude to Mr. Gibbon; After Gibbon's Decline and Fair; Polybius Between the English and the Turks; Edward Gibbon fuori e dentro la cultura italiana // *Momigliano A. D.* Sesto contributo. 1980; *Momigliano A. D.* The Place of Ancient Historiography in Modem Historiography; The Rhetoric of History and the History of Rhetoric: on Hayden White's Tropes; Considerations on History in an Age of Ideologies // *Momigliano A. D.* Settimo contributo. 1984.

парадокс: почему классицизм остается ориентиром и в XVIII веке, когда цель и назначение истории стали существенно отличаться от античности и эпохи Возрождения. Центральный его тезис заключается в том, что в новой ситуации XVIII века отсылка к классическому прошлому принадлежит именно антикварам, а не представителям повествовательной традиции. Этот тезис Момильяно перекликается с выводами, которые были сделаны в результате нашего исследования. Непрерывность исторической традиции стала возможной благодаря приспособляемости исследовательского инструментария и методов эрудитов к новым условиям времени. Антикварная эрудиция имела решающее значение в религиозных спорах раннего нового времени и сохраняла за собой в эпоху разногласий авторитетную позицию «правдивого историописания». По этой причине, заключает Момильяно, антикварная традиция стала наиболее важной частью исторического письма после 1600 года[240]. Таким образом, сохраняя фокус внимания на изучении трансформации и адаптации классического наследия, Момильяно воссоздал генеалогию традиции историописания в западной интеллектуальной культуре нового времени. Его работы по изучению исследовательских практик в эпоху раннего нового времени до сих пор оказывают имеют решающее влияние на интерпретацию исторического письма XVIII века.

Однако на современном этапе интерпретационная «схема» Момильяно выглядит упрощенной. Наиболее убедительная попытка расширить и дополнить идеи итальянского историка принадлежит американскому историку Марку Филлипсу, который претендует на создание альтернативного подхода к изучению исторической мысли и письма XVIII века в Британии[241]. М. Филлипс полагает, что наступила пора для переоценки

---

[240] См.: *Momigliano A.* The Place of Ancient Historiography in Moder Historiography. 1980. // Momigliano A. D. Settimo contributo. 1984.

[241] *Phillips M. S.* Reconsiderations on History and Antiquarianism: Arnaldo Momigliano and the Historiography of Eighteenth-Century Britain // Journal of the History of Ideas, Vol. 57, No. 2. Apr., 1996. P. 302.

этой концептуальной схемы и призывает рассмотреть различные «жанры» писательской литературы, более четко понять интересы историописателей XVIII века и их адресной аудитории. Новизна подхода Филлипса, как полагает он сам, заключается во внимании к структурам повседневности и анализе личного жизненного опыта писателей. Он стремится сосредоточиться на духовной (*англ.* inward) жизни писателей как отдельных личностей и повседневной жизни британского общества и ставит под сомнение классическую (в духе Момильяно) концепцию истории, связанную с двумя фундаментальными способами интерпретации. Марк Филлипс полагает, что в самом широком смысле для писателей XVIII века на кону была необходимость найти *принципиально новые формы* исторического нарратива, которые бы отвечали потребностям коммерциализированного общества и базировались на признании ценностей и потребностей неаристократической аудитории. Кроме того, исследователь настаивает на необходимости рассматривать историческую литературу XVIII века как «многожанровую», где антикварные исследования были не единственным «жанром», который противостоял политическому нарративу и претендовал на реконструкцию прошлого. Религиозная история, история нравов, литература, биография, мемуары и романы – все утверждало свое понимание истории и боролось за внимание читателей в состязательном пространстве «публичной сферы». Разные «жанры», говорит Филлипс, предлагали различные альтернативы истории, общим для них было сопротивление господствующему приоритету политики[242].

В эссе 1996 года М. Филлипс ставит на обсуждение три взаимосвязанных проблемы. Во-первых, при том, что номинальная диалектическая связь между двумя историографическими «жанрами» «история» и «антикварианизм» остается, фактически в своих поздних работах Момильяно отдавал предпочтение изучению антикварной традиции,

[242] *Burke P.* Reflections on the Origins of Cultural History / J. Pittock, A. Wear [eds.], Interpretation and Cultural History. L., 1991; *Peardon T.* The Transition in English Historical Writing. N. Y., 1933.

а истории-рассказу отводил консервативную и бесперспективную роль. Во-вторых, полагает М. Филлипс, внимание к взаимодействию только двух жанров представляется ограниченным и произвольным. Недавние исследования «подъема» романа в XVIII веке ясно показывают, что с литературной точки зрения это был период плодотворных экспериментов. Сам Момильяно указывает на сосуществование жанров, которые имплицитно тяготеют к этнографии Геродота или социологии М. Вебера. Можно говорить о расцвете «жанра» биографии, путешествия (*англ.* travel writing), истории нравов, а также разнообразных литературных «поджанров» в духе «Персидских писем» Монтескье и тому подобное. В-третьих, Момильяно с точки зрения Филлипса предпринимает на удивление мало усилий, чтобы объяснить «момент», который он описывает как центральный в его схеме развития исторического письма – это конвергенция истории и эрудиции на протяжении XVIII века. Эта идея персонифицируется исключительно в Гиббоне или Винкельмане. На деле такая интерпретация лишает антикварную традицию, сильно изменившуюся в ситуации религиозных войн и философского скептицизма, права на формирование оригинальной концепции и ослабляет ее объяснительную ценность.

Кроме того, взаимосвязь «публичного» в фукидидовском варианте и «частного» в гомеровском, замечает Филлипс, описывается Момильяно с поразительной краткостью. В эпоху Просвещения «то, что было вторичным становится основным. То, что было первично – войны и династии, становится вторичным»[243]. Изменения подобного масштаба должны найти более глубокое объяснение, нежели это делает итальянский историк. Исходя из этой формулировки ответ на вопрос о том, что стало основой историописания в XVIII веке, можно легко дать с точки зрения классической политической теории: гуманистическая историография ввела резкое разграничение между общественной и частной жизнью и отдала строгое

[243] *Momigliano A. D.* Eighteenth-Century Prelude to Mr. Gibbon // *Momigliano A. D.* Sesto contributo. 1980. P. 251.

предпочтение первой. История была задумана как рассказ о публичных деяниях человека. Конечно, первенство общественной жизни еще не означало, что частные проблемы могли быть полностью исключены из повествования, тем не менее, включение «частных» сюжетов занимает подчиненное положение, общественные мероприятия стоят выше частных. Эпоха Просвещения в Британии, считает Филлипс, поставила под вопрос примат общественной жизни, линии разделения «общественного» и «частного» стали размытыми. Несомненно, наиболее ощутимые изменения произошли в связи с формированием в Великобритании коммерциализированного общества, которое бросило вызов классической высокой оценке политики и сниженной – коммерции. «Торговля никогда не была уважаемой государственным делом до прошлого века», – пишет Дэвид Юм. Шотландские мыслители Юм, Смит, Фергюсон, Миллар и другие способствовали созданию «новой науки о человеке», которая сосредоточилась на проблемах гражданского общества. В рамках широкого толкования истории шотландскими писателями военные и политические деятели заняли незначительное положение по сравнению с достижениями в области торговли, воспитания и образования. Конечно, интерес политике как таковой не был утерян, но возникло отчетливое представление, что общество больше не может изучаться исключительно в политическом контексте. Все это формирует новые разнообразные исторические «жанры». В работе 2000 года «Общество и сантименты» Марк Филлипс прямо ставит задачу – экзаменовать конкретные текстуальные особенности, которые отличают историческое письмо в общем корпусе литературы XVIII века[244]. Обратим внимание на использование автором таких понятий как «интертекстуальность», «жанры», что роднит его с известным американским историком культуры Х. Уайтом. Представляется, что критика концепции Момильяно, предпринятая Филлипсом, имеет под собой основания, но его

[244] *Pillips M.S.* Society and Sentiment: the Genres of Historical Writing in Britain 1740–1820. Princeton, 2000. P. 9.

собственный анализ исторического письма в Британии второй половины XVIII века пока не выглядит убедительным. Однако проблема, связанная с существованием «разновидностей» историографических источников, несомненно, существует. М. Филлипс ставит эту проблему и предпринимает попытку ее решения.

Историография изучения *антикварной традиции*, которая была связана преимущественно с изучением вещественных памятников и становлением археологии, представлена фундаментальными работами такими авторитетными именами как А. Шнапп, Дж. Дэниэл, Ст. Пиготт и другие[245]. Следует обратить внимание на то, что в современной историографии наблюдается стремление пересмотреть представление об антикварах как дилетантах, разрушавших археологические памятники. Это свойственно, прежде всего, работе Тима Мюррея «Переосмысливая антикварианизм». Он настаивает на том, что к концу XVIII века сложился особый интеракционистский антикварный метод (*англ.* interactionist methodology of antiquarianism). Суть его заключалась в осознании антикварами важности объектов материальной культуры прошлого Британии; в осмыслении взаимосвязи предметов материальной культуры и письменной традиции; в переходе от чистой эмпирики к сопоставлению исторических источников, компаративным построениям, позволявшим выделять культуры или этапы культурного развития[246].

Настоящей одой антикварианизму является сочинение британской исследовательницы Розмари Свит «Антиквары: открытие прошлого в Британии XVIII века»[247]. Этот фундаментальный труд построен на основе

---

[245] *Daniel G. E.* A hundred years of archaeology. L., 1950; *Daniel G. E.* A hundred and fifty years of archaeology. 2d ed. L., 1975; *Schnapp A.* The discovery of the past. The origins of archaeology. 1996. Transl. fr. French (origin. 1993); *Clark J. G. D.* Prehistoric England. N. Y., L., 1941; *Childe V.G.* Scara Brae. L., 1931. http://www.archeologia.ru/Library/Book/32033ea9376c/page270; *Пиготт Ст.* Друиды. Поэты, ученые, прорицатели. М.: Центрполиграф, 2005.

[246] *Murray T.* Rethinking Antiquarianism // Bulletin of the History of Archeology. 2007. 17(2). P. 15.

[247] *Sweet R.* Antiquaries: The Discovery of the Past … 2004.

исследования институциональной организации Лондонского общества антикваров и других подобных ему организаций. В сочинении Р. Свит просматривается влияние Б. Андерсона и его сочинения «Воображаемые сообщества», об этом свидетельствует, прежде всего, структурирование материала и названия глав: глава 8 – «Сохранение» (*англ.* «Preservation»), глава 9. – «Популяризация» (*англ.* «Popularisation»), глава 10. – «Достижения» (*англ.* «Achievement»). Но, может быть, самым ценным в исследовании Р. Свит является распределение антикварного наследия XVIII века в связи с периодами национальной истории: глава 3 – «Древние бритты», глава 5 – «Англосаксы» и т.д. Данное сочинение показывает, какую огромную работу проделали антиквары в эпоху Просвещения по «открытию» национального прошлого. Исследовательница делает на первый взгляд парадоксальный комментарий: «На самом деле, антиквары XVIII века имеют больше общего с профессиональными историками XXI века в методологии, работе с историческими источникам и решении трудностей гармонизации эрудиции и стиля, нежели – с авторами «великих нарративов» национальной истории, такими как Рапин, Юм, Робертсон, которые в целом определили стартовые позиции дискуссий в исторической мысли и отношения к прошлому в этот период»[248]. В целом к оценкам Т. Мюррея и Р. Свит примыкает ряд коллективных монографий, вышедший к 300-летнему юбилею Лондонского общества антикваров в 2007 году[249].

Изучение «*неоримского» дискурса* в Британии XVIII века связано, с одной стороны, с политическим контекстом интеллектуального климата эпохи Просвещения, что ярко представлено в работах Кв. Скиннера, с другой, с писательским (литературным) контекстом, рождением великой английской литературы в Августианскую эпоху, что можно наблюдать на примере уже упомянутых сочинений М. Филлипса. В контексте истории

[248] *Sweet R.* Antiquaries: The Discovery of the Past … 2004. P. XIV.

[249] Visions of Antiquity: The Society of Antiquaries of London 1707–2007. *Susan Pearce* (Editor). Publisher: Society of Antiquaries of London, 2007; *Harris G.* Antiquaries in Britain, 1707–2007. Recording and illustrating. Making History. Royal Academy of Arts. 2010; и др.

исторического письма «неоримский» дискурс и его конфликт с «почвеннической» антикварной традицией в Британии фундаментально исследовал только один писатель – американский историк Дж. Ливен. На сегодняшний день его основательное сочинение «Битва книг: история и литература в Августианскую эпоху» является лучшим по проблематике спора «древних» и «новых» в Британии на рубеже XVII–XVIII веков[250]. Автором досконально изучена динамика этой интеллектуальной битвы и основные тексты, возникшие в ходе ее развертывания. Однако вывод, который делает Дж. Ливен в своей работе о том, что в результате к 1730-м годам установилось видимое равновесие, аргументы были исчерпаны, ни одна из сторон не одержала очевидной победы, поставлен в нашем исследовании под сомнение. Представители «неоримской» традиции одержали убедительную интеллектуальную и эмоциональную победу над лидерами лагеря «новых» Р. Бентли и У. Уоттоном, что в перспективе на этапе зрелого Просвещения привело к формированию концепции национальной истории в ее «неоримском» варианте. В ряде других своих фундаментальных сочинений, сходных по масштабу мысли и обобщений с сочинениями А. Момильяно, Ливен сосредоточил свое внимание на исследовании формирования принципа историзма в европейской традиции историописания нового времени в целом[251]. Его, как и Момильяно, можно на сегодняшний день рассматривать в качестве классика по теме истории исторического письма эпохи раннего нового времени. К этому кругу примыкают британский историк Хью Тревор-Ропер[252] и американский историк Дональд Келли[253].

---

[250] *Levine M. J.* The Battle of the Books: History and Literature in the Augustan Age. Cornell, 1994.

[251] *Levine J. M.* The Autonomy of History: Truth and Method from Erasmus to Gibbon. Cornell, 1999; *Levine J. M.* Humanism and history: origins of modern English historiography. Cornell, 1987; *Levine M. J.* Method in the History of Ideas: More, Machiavelli, and Quentin Skinner // Annals of Scholarship. № 3. 1986. P. 37–60; *Levine M. J.* Re-Enacting the Past. Essays on the Evolution of Modern English Historiography. Aldershot, 2004.

[252] *Trevor-Roper H.* History and Enlightenment. Yale, 2010.

[253] *Kelly D.R.* Faces of History: Historical Inquiry from Herodotus to Herder. New Haven and London, 1998; *Kelly D.R.* (ed.) Versions of History: From Antiquity to the Enlightenment. New Haven, 1991.

Изучение истории исторического письма эпохи Просвещения, посвященного *средневековой истории Англии,* отражено в сочинениях Элеанор Адамс, Дэвида Дугласа и Джона Покока. Американская исследовательница Адамс очень точно реконструировала историю изучения текстов на древнеанглийском языке в небольшой по объему работе 1917 года «Древнеанглийские исследования в Англии с 1566 по 1800». Ценность этому исследованию придает Приложение, в котором помещена переписка между главными «саксонистами» той эпохи Дж. Хиксом, Эд. Туэйтсом, Э. и У. Эльстобами, а так же ряд их рукописных исследований[254]. Общий подход, предложенный Э. Адамс, существенно углубил британский историк Д. Дуглас, специалист по нормандскому периоду истории Англии. Его сочинение «Английские ученые 1660–1730» было удостоено престижной литературной премии (англ. The James Tait Black Memorial Prizes) в 1939 году. Эта работа является примером сочетания блестящего литературного стиля и глубокого научного анализа, что является приметой британской традиции историописания вообще. Если Адамс делит материал по векам, то Дуглас разбирает персональный вклад крупных «саксонистов» в реконструкцию древнеанглийского языка. Убедительной является его оценка масштабности интеллектуального наследия и вклада в изучение древнеанглийских текстов Дж. Хикса, а также вторичности работ Т. Хирна. Отметим, что автор стремится к реабилитации Р. Бреди в споре о «нормандском иге», что, несомненно, что в последствии способствовало пересмотру негативной вигской интерпретации нормандского завоевания Британии и его последствий[255].

Сочинением, развенчавшим миф о «нормандском иге», стала работа Дж. Покока «Древняя конституция и феодальный закон: изучение английской исторической мысли XVII века», вышедшая в 1957 году. Ученик Г. Баттерфилда, Покок исследовал возникновение концепта «древняя

[254] *Adams E. N.* Old English Scholarship in England from 1566–1800. New Haven, 1917.
[255] *Douglas D.C.* English scholars, 1660–1730. Oxford, 1939.

конституция», увязав его с именем выдающегося юриста XVII века Эд. Кока. Историк показал взаимосвязь понятий «древняя конституция» и «нормандское иго» как смысловой оппозиции, сформировавшейся в ходе ожесточенных политических дебатов XVII века. Дж. Покок доказал, что в ситуации формирования европейских национальных государств повсеместно наблюдалось стремление к «удревнению» законов и обычаев королевств. Особое внимание в дискуссии о 1066 годе он уделил консервативному лагерю в лице Г. Спелмена и Р. Бреди на фоне провигского и радикального течений XVII века[256]. Работы Дж. Покока до сегодняшнего дня имеют решающее значение для проблематики диссертационного исследования.

История *изучения Реформации*, христианизации Британских островов, секуляризации исторического письма в эпоху Просвещения – особая тема в британской традиции историописания, специфическая, пока еще до конца не нашедшая отражения в отечественной историографии. Это связано, прежде всего, с особым положением англиканской церкви на Британских островах – с одной стороны, установившаяся религиозная терпимость, с другой – исключение неангликан из государственно-политической жизни страны. Здесь надо отметить две ключевые работы. Во-первых, это сочинение историка из Оксфорда Брайена Янга «Религия и Просвещение в Англии XVIII века: теологические дебаты от Локка до Берка»[257]. Он показывал, что теология и историописание в интеллектуальном контексте эпохи британского Просвещения являются фактически неразрывными понятиями. Историописатели и священники – это, как правило, одни и те же люди. Автор использует такие понятия как «просвещенное духовенство», «вигский клир», «клерикальный торизм», «локкианский антидогматизм» и тому подобные[258].

---

[256] *Pocock J. G. A.* The Ancient Constitution .... 1987.

[257] *Young B. W.* Religion and Enlightenment in Eighteenth-Century England: Theological Debate From Locke to Burke. Oxford, 1998; *Young B. W.* The Soul–Sleeping System: Politics and Heresy in Eighteenth–Century England // The Journal of Ecclesiastical History. Volume 45. Is. 1. January 1994. P. 64–81.

[258] *Young B. W.* Religion and Enlightenment in Eighteenth-Century England: Theological Debate From Locke to Burke. Oxford, 1998. P. 80.

Янг стремится показать, что интеллектуалы XVIII века уже обсуждали те проблемы, которые ставили представители Франкфуртской школы в середине XX века, об этом свидетельствует хотя бы название второй главы «Просвещенческая метафизика и контр-просвещенческий мистицизм». Центристская позиция в теологических спорах середины XVIII века сводилась, по мнению автора, к следующему тезису: путь к «священному знанию» возможен только посредством мистической критики рациональной религии, безбожия, которое также является верой, но верой аморальной и эгоистичной. Так как вопросы морали были доминирующими в дебатах просвещенного духовенства, поэтому, считает Янг, в Англии так называемые «free thinkers» не смогли прижиться. Особое место в работе занимает ключевая фигура этих дебатов – епископ Глостерский Уильям Уорбуртон[259].

Другим основополагающим трудом является сочинение кембриджского историка философии, специалиста по Гегелю и Юму, Дункана Форбса «Либеральная англиканская идея истории», получившая престижную литературную премию (*англ.* Prince Consort Prize Essay) в 1950 году. Обсуждая тему господствующего рационализма в историописании середины XX века, автор призывает внимательнее рассмотреть исторические представления «либеральных англикан» начала XIX века на примере историка Томаса Арнольда и людей его круга. Тем самым Форбс поднимает тему взаимосвязи морали, христианской религии и исторической ответственности, разбирая пост-просвещенческую, романтическую фазу развития исторического письма в Британии. Данное сочинение позволяет отчетливее увидеть «неоримский» профиль историописания эпохи Просвещения и его мифотворческую природу[260].

Изучение *истории XVII века* в историописании эпохи Просвещения определяется двумя самыми популярными сочинениями по национальной истории во второй половине XVIII века – это «История Англии» Д. Юма и

---

[259] *Young B. W.* Religion and Enlightenment… P. 167–212.

[260] *Forbes D.* The Liberal Anglican Idea of History. Cambridge , 1952.

«История Англии» Кэтрин Маколей. Только в самые последнее время личность и творчество писательницы нашли свое отражение в ряде современных работ в свете развития гендерных исследований. Это статьи Дж. Покока, Карен О'Брайен, Натали Земон Дэвис[261]. Личность Д. Юма как историка привлекала большее внимание. Работы общего характера, освещающие жизнь и творчество писателя в целом, вышли из под пера Дж. Грейга, Э. Мознера, Н. Филиппса[262]. Сочинения, посвященные творческой лаборатории Юма-историка, не так уж многочисленны. Специальное внимание этому вопросу уделено в двух издательских проектах под редакцией американского специалиста по философии эпохи Просвещения Дэвида Нортона. Сходный интерпретационный контекст представлен в работах двух выдающихся историков философии Д. Форбса и Д. Левингстона[263]. В 2013 году увидела свет коллективная монография под редакцией М. Спенсера «Дэвид Юм. Исторический мыслитель, исторический писатель», прохладно встреченная критикой[264]. Выделяются работа британского историка У. Уоттона, который исследовал вопрос о том, какие

---

[261] *Pocock J. G. A.* Catharine Macaulay: patriot historian / Women writers and the early modern British political Tradition. Ed. Hilda L. Smith. Cambridge, 1998. P. 243–259; *Davis Zemon N.* History's Two Bodies // The American Historical Review. Vol. 93. №. 1. 1988. P. 1–30; *O'Brien K.* Catharine Macaulay's histories of England: liberty, civilisation and the female historian / *O'Brien K.* Narratives of Enlightenment: Cosmopolitan History from Voltaire to Gibbon. Cambridge, 1997. P. 251–173.

[262] *Greig J. Y. T.* David Hume. N. Y., 1931; *Mossner E.C.* The Life of David Hume. Oxford, 1954; *Mossner E. C.* The Life of David Hume, 2d edn. Oxford, 1980; *Phillipson N.* Hume. L., 1989.

[263] David Hume: Philosophical Historian. Ed. by *D. F. Norton* and *R. H. Popkin*. Indianapolis, 1965; The Cambridge Companion to Hume. Ed. By *D. F. Norton* and *J. Taylor*. Cambridge, 2 ed. 2009; *Livingston D.* Hume's Philosophy of Common Life. 1984; *Livingston D.* Philosophical Melancholy and Delirium. Hume's Pathology of Philosophy. Chicago, 1998; *Forbes D.* Hume's Philosophical Politics. Cambridge, 1975.

[264] David Hume. Historical Thinker, Historical Writer. Mark G. Spencer (ed.). Pennsylvania, 2013; *Tolonen M.* Review: David Hume. Historical Thinker, Historical Writer. Mark G. Spencer (ed.). Pennsylvania, 2013 // Philosophy in Review XXXIV. 2014. № 6; *Evnine S.* Hume, Conjectural History, and the Uniformity of Human Nature // Journal of the History of Philosophy. Vol. 31, № 4. October. 1993. P. 589–606*; Schmidt C. M.* David Hume: Reason in History. Pennsylvania, 2004.

концепции исторического развития оказали влияния на Юма-историка[265]. Уже анонсирован выход книги Дж. Харрисона «Интеллектуальная биография Юма»[266]. Несмотря на обилие работ по теме «Юм как историк» до сих пор не проведена работа по выявлению источниковой базы «Истории Англии», сохраняется преувеличенная оценка его вклада в формирование национальной истории. Такой подход представляется сегодня упрощенным. Таким образом, «История Англии» Дэвида Юма еще ждет своего критического разбора и определения места этого труда в британской традиции историописания.

Тема *«britishness»* или формирования британского национального сознания на протяжении XVII–XVIII веков стала предметом внимания британской историографии в связи с общенациональной дискуссией рубежа XX–XXI веков по вопросу «кто мы, британцы?»[267]. Самой популярной и наиболее цитируемой в этой дискуссии стала работа Линды Коллей «Британцы: формирование нации, 1707–1832», за которую исследовательница поучила престижную литературную премию (*англ.* The Wolfson History Prizes) в 1992 году. Это сочинение структурировано в соответствии с подходами новой социальной истории и имеет следующие разделы: «Протестанты»; «Выгоды» (экономические структуры); «Периферия» (национальные и колониальные окраины); «Доминирование», (изменения в правящей элите); «Его королевское Высочество» (монарх как символ нации); «Власть женщин»; «Власть мужчин»; «Победители?». Вывод исследовательницы выглядит несколько упрощенным – британскую нацию сформировала внешнеполитическая угроза, а именно Франция. И тем ни менее сочинение Л. Коллей дает общее представление о социальных процессах, сопровождавших формирование британской нации, однако лишь

---

[265] *Wootton D.* David Hume, «the historian». … 1993; The Cambridge Companion to Hume. Ed. By *D. F. Norton* and *J. Taylor*. Cambridge, 2 ed. 2009.

[266] *Harris J. A.* Hume, An Intellectual Biography. Cambridge, 2015.

[267] *Браун Г.* Что значит быть британцем // Россия в глобальной политике. № 5. 2006.

косвенно затрагивает вопрос о формировании «интеллектуальной карты» британской нации[268].

Господствовавшая в британской историографии до 60–70-х годов XX века вигская концепция национальной истории и потребность ее преодоления актуализировали изучение нереализованных, альтернативных концепций национального прошлого в историописании эпохи Просвещения. Ярче всего этот тезис был сформулирован в статье Дж. Покока 1973 года «Британская история: мольба о новом объекте»[269]. Этот кембриджский историк одним из первых обратил внимание на связь процессов развития национальной историографии и формирования национальной идентичности, призвав к формированию нового объекта британской истории. Главная проблема современной историографии истории Британии, полагал он, это англоцентризм. Его преодоление невыгодно для правящей элиты и будет откладываться в текущей историографии насколько это будет возможно. В тоже время новая концепция британской истории не имеет альтернативы, полагал Покок. В рамках традиционной интерпретации национальной истории на другие народы Британии возлагается ответственность за доминирование англичан в историческом прошлом Британских островов. Понятно стремление историков независимой Ирландии написать свою собственную историю без преобладания Англии, но это другая крайность, не отвечающая исторической реальности. Осознавая англо-шотландскую, британо-ирландскую полярность, проникая все глубже в дух истории различных культур, мы должны осознавать их историческую неразделимость, пишет историк. «Мое намерение заключается в том, чтобы дать (новое – *B.B.*) прочтение британской истории и понимание того, какими словами это может быть выражено... Здесь нет истории, которая не была бы многогранной, и нет никаких прочтений, которые не имели бы

---

[268] *Colley L.* Britons: Forging the Nation 1707–1837. L., 1992.

[269] *Pocock J.G.A.* British History: A plea for a new subject // The Journal of Modern History. Vol. 47. № 4. 1975. P. 601–621.

альтернативы»[270]. Историк призывает видеть различные «элементы» «англоговорящего архипелага» при сохранении комплексного видения единого исторического дискурса.

Сорок лет спустя Покок предваряет этой же «мольбой» свою последнюю книгу «Открытие Остров», полагая, как можно догадаться, что «новая британская история» так и не стала мейнстримом современной британской историографии[271]. Продолжая развивать идею «новой британской истории» Дж. Покок поместил здесь новое эссе «Два королевства и три истории?», имея в виду, что ирландская история остается исключенной из общего исторического контекста. Но тема имеет, несомненно, развитие в современной историографии. Это работы историка К. Кидда, который охарактеризовал шотландское историописание эпохи Просвещения как «ниспровержение шотландского прошлого», отречения от него шотландскими интеллектуалами во имя Унии 1707 года. Он настаивал на том, что именно шотландцы в период 1689–1830 годов были инициаторами искусственно созданной британской нации[272]. В этом же ряду следует отметить состоявшуюся переоценку событий английского XVII века. В работах Дж. Моррила, К. Рассела и других «гражданская смута» преобразилась в «Войну Трех Королевств» 1639–1651 годов (*англ.* Wars of the Three Kingdoms)[273]. Обращает на себя внимание статья Л. Коллей «Britishness и другие: аргументы», в которой автор четко обозначила складывание четырех национальных идентичностей (англичане, шотландцы, ирландцы, валлийцы) в Соединенной Королевстве и показала взаимосвязь современных

---

[270] *Pocock J.G.A.* British History: A plea for a new subject // The Journal of Modern History. Vol. 47. № 4. 1975. P. 601–621.

[271] *Pocock J.G.A.* The Discovery of Islands: Essays in British History. Cambridge, 2005.

[272] См.: *Kidd C.* Subverting Scotland's Past … 1993; *Kidd C.* British Identities before Nationalism… 2006; *Kidd C.* The Forging of Races: Race and Scripture in the Protestant Atlantic World, 1600–2000. Cambridge, 2006.

[273] См. об этом: The British Problem, c. 1534–1707: state formation in the Atlantic Archipelago. Brendan Bradshaw and John Morrill (eds.). Basingstoke: Macmillan. 1996; *Morrill J.* The Nature of the English Revolution. L., 1993; *Gentles I.* The English Revolution and the Wars in the Three Kingdoms, 1638–1652, Modern Wars in Perspective. Ed. *H. M. Scott* and *B. W. Collins*. Harlow, 2007. P. 3.

межнациональных проблем с истолкованием их общего прошлого[274]. Том Нейрн, Тони Смит и другие показали, что национальные традиции, понимаемые как интеллектуально-ментальные конструкции настолько же современны, как сами нации[275]. Все это как никогда актуализирует тему исследования данной диссертации.

Обращает на себя внимание попытка отечественного исследователя из Санкт-Петербурга С.Е. Федорова осмыслить эту историографическую ситуацию в британской историографии. Он выделил три сложившихся направления в рамках «новой британской истории». Первое направление представлено историками, «позиция которых близка к так называемому холистическому подходу (Дж. Моррилл и его последователи). Эти историки видят задачу новой британской истории в создании монументальной панорамы становления британского составного государства, в ходе строительства которого взаимодействие его основных композитов (валлийского, английского, шотландского и ирландского) демонстрировало не только многообразие составлявших его исходную базу политических и этнокультурных моделей, но и тенденцию к преодолению политического сепаратизма и формированию единой британской идентичности». Второе направление С.Е. Федоров определяет как редукционистский подход (последователи К. Расселла), представители которого «отрицают наличие в британской истории постоянно объединяющего историю ее отдельных народов процесса, но при этом считают возможным говорить о наличии отдельных периодов, когда комплексное влияние различных этнокультурных факторов было максимальным или собственно «пан-британским» («эпизоды» единой британской истории 1603–1608, 1638–1651 и 1688–1690, 1707 гг.)». Наконец, выделяется группа исследователей, которые связывают

[274] *Colley L.* Britishness and Otherness: An Argument // The Journal of British Studies. 1992. № 4. P. 309–329.

[275] *Нейрн Т.* Интернационализм и второе пришествие // Нации и национализм / *Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох* и др. М., 2002; *Смит Э. Д.* Национализм и историки / Нации и национализм. М., 2002; *Nairn T.* The Break-up of Britain: crisis and neonationalism, 2nd ed. L., 1981.

перспективы новой британской истории с компаративистским подходом, предусматривающим наряду с выявлением общих, «британских» по своей сути, закономерностей, поиск этнокультурного своеобразия британских регионов[276].

Таким образом, обзор зарубежной историографии по исследуемой проблематике свидетельствует о ее высокой актуальности в современном культурно-историческом пространстве европейских народов. Кроме того, в сравнении с отечественной историографией ее отличает более глубокая проработанность и состязательность различных точек зрения, разных направлений в изучении истории историописания Британии в эпоху Просвещения. Формирование «новой британской истории» в лице Дж. Покока и его последователей К. Кидда, Л. Коллей делает тему национальной памяти, ее конструктов и «конструкторов» как никогда актуальной. Наиболее сложной для понимания, восприятия и адаптации в отечественной историографии является тема «просвещенного англиканства», представленная трудам Д. Форбса, Б. Янга и некоторых других. Идея А. Момильяно о наличии в интеллектуальном поле эпохи Просвещения двух традиций историописания, восходящих к Фукидиду и Геродоту, также является продуктивной в данном диссертационном исследовании.

Обзор источников и литературы по теме исследования демонстрирует обоснованность постановки проблемы реконструкции процесса формирования концепции национального прошлого Британии, выявления ее составляющих элементов в контексте становления историзма в британской традиции историописания в эпоху Просвещения. Источниковая база исследования, представленная историческими (опубликованными и

[276] *Федоров С.Е.* Британский вариант контекстуализации национальной истории (когнитивный и коммуникативный аспекты) // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конференции / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2006. С. 186–187.

неопубликованными) и историографическими источниками, является вполне репрезентативной. В ходе исследования нами выявлено новое качественное состояние источниковой базы по данной проблематике. Большая часть ключевых текстов доступна в оцифрованном виде в режиме он-лайн на порталах Британской, Бодлианской библиотек и других древлехранилищ. Состояние отечественной историографии эпохи Просвещения по-прежнему может быть охарактеризовано как профранцузское. Историософия британского Просвещения остается до сих пор недостаточно изученной. Специальных работ по истории историописания в Британии XVII–XVIII веков в отечественной историографии нет, встречаются лишь вкрапления этих сюжетов в исторических справках к публикациям важнейших исторических источников. Западная историография данной проблематики несопоставимо разнообразнее и масштабнее. Вопрос о кризисе историзма, «нищете историцизма», поднятый в 50–70-е годы XX века, актуализировал изучение истории исторического письма в эпоху Просвещения. Идея А. Момильяно о формировании историзма в процессе конвергенции «политической истории» и антикварного дискурса в XVIII веке остается актуальной. С работами Момильяно связано выделение изучения истории исторического письма в самостоятельное направление исследований, продолженное впоследствии Дж. Пококом, Дж. Ливеном, Д. Келли, Х. Тревор-Ропером. История изучения британского историописания эпохи Просвещения многогранна. В общем ряду самых современных работ выделяются сочинение Р. Свит, посвященное антикварам XVIII века, работа Б. Янга о христианских основаниях британской традиции историописания, труды К. Кидда о забвении шотландцами своего национального прошлого в ситуации стремления сформировать дуалистическую англо-шотландскую монархию в эпоху Просвещения. Однако и эта историография интерпретирует развитие исторического письма в британской традиции историописания по линеарно-восходящей траектории. Подобный подход сегодня представляется упрощенным и не позволяет выявить

мифологические основания сформировавшейся в эпоху Просвещения концепции национальной истории Британии.

Глава 2. АНТИКВАРНАЯ ТРАДИЦИЯ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

2.1. СПОР «ДРЕВНИХ» И «НОВЫХ» НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВЕКОВ: «НЕОРИМСКИЙ» И КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОШЛОГО

Спор о «древних» и «новых» – это дискуссия была широко известная на рубеже XVII–XVIII веков, которая ныне в значительной степени забыта. В Англии ее начало было положено публикацией в 1690 году небольшого эссе английского сельского джентльмена сэра Уильяма Темпла. В ответ хлынул поток малых и больших сочинений. В английской интеллектуальной жизни началось одно из наиболее заметных событий, которое Джонатан Свифт назвал «битвой книг». Почва для него подготавливалась на протяжении XVI-XVII веков, когда в среде антикваров постепенно сформировался вопрос: были ли греки и римляне в культурном отношении выше последовавших за ними народов? Или же людям рубежа XVII–XVIII веков в той или иной степени удалось достичь их уровня, и может быть даже в чем-то его превзойти? Эссе сэра Уильяма оказалось всецело сосредоточено на данном вопросе. В поисках ответа на него участники спора обратились к обширному историческому материалу от античности до нового времени. По ходу дискуссии шло формирование нового представления об истории и ее назначении. Этому вопросу и посвящен данный параграф.

Вынесенный на обсуждение вопрос был поставлен таким образом, будто от его решения зависела судьба всей западной цивилизации: пойдет ли она вперед к чему-то новому и лучшему, развивая классические образцы, или же будет продолжать сожалеть о прошедшем «золотом веке» и сетовать на упадок современного мира. С практической точки зрения нужно было определиться: следовать ли строго правилам и примерам классической жизни и литературы, которые вступали в конфликт с современным миром или позволить себе некоторую долю свободы в размышлениях и действиях. В

течение нескольких десятилетий внимание к этому вопросу не ослабевало, почти каждый образованный англичанин имел свое мнение на этот счет и готов был его отстаивать. Конечно, у этой дискуссии имелись более широкие основания, и за Ла-Маншем она была еще более шумной и острой[277]. Однако к 1730-м годам буря стихла, и установилось, по крайней мере, видимое равновесие. Аргументы были исчерпаны, хотя ни одна из сторон не одержала очевидной победы.

На самом деле, битва в значительной степени закончилась вничью, чтобы не предпочитали думать на этот счет как тогда, так и сейчас. Еще задолго до того, как спор закончился, «поле» борьбы уже было четко поделено. Все, что связывалось с накоплением знаний в области естественных наук и философии, было выиграно «новыми». Все то, что казалось литературы и искусства, т.е. воспроизведения «древних образцов», остались надежно в руках «древних». Хотя Темпл, а за ним и его сторонники отстаивали тезис о том, что все искусства и науки вышли из древности, в течение долгого времени почти все были удовлетворены этим компромиссом. Однако это деление на «древних» и «новых» носило условный характер. И при ближайшем рассмотрении, очевидно, что, по крайней мере, одна из областей знания не могла быть однозначно причислена к компетенции ни «древних», ни «новых». Это была ИСТОРИЯ, и ни одна из сторон в дискуссии не могла с уверенностью сказать, принадлежит ли история к накопительной области знаний или является одним из видов искусств? В этом и заключалась очевидная трудность, с которой было не так легко справиться, и которую нельзя обойти вниманием при рассмотрении долгого и проблематичного признания значения «битвы книг» в становлении национального историописания в Британии XVIII в.

---

[277] Спор о древних и новых: антология. М., Искусство, 1985; *Lecoq A.-M.* La Querelle des Anciens et des Modernes: XVIIe‑XVIIIe siècle. Précédé d'un essai de Marc Fumaroli, suivi d'une postface de Jean Robert Armogathe. Paris, 2001; *Boruchoff D. A.* The Three Greatest Inventions of Modern Times: An Idea and Its Public / Entangled Knowledge: Scientific Discourses and Cultural Difference. Ed. Klaus Hock and Gesa Mackenthun. Münster and New York, 2012. P. 133–163.

Дело в том, что с самого начала в Ренессансном гуманизме и Возрождении скрывался парадокс. С одной стороны, гуманисты воскресили классику античности и приступили, подражая ей, к решению практических задач современности. Особенно высоко они оценили ее литературные достоинства и возобновили изучение и применение приемов и методов древней риторики. С другой стороны, «открытие» древних авторов формировало интерес к их жизненному миру. Возникал вопрос: как и почему они писали свои сочинения. В результате, ученые эпохи Возрождения изобрели многие из приемов и методов современной филологии. Но две эти тенденции, которые сначала находились в гармонии друг с другом, в конце концов оказалась несовместимы. По мере того как гуманисты изучали организацию власти древних и возводили классику в универсальной вневременной статус, их исследования начали подтачиваться их же представлениями о древнем мире. Они постепенно стали осознавать непоследовательность древних авторов, противоречивость содержания их трудов. Таким образом, тенденция идеализации античности столкнулась с развивающимся новым критическим осмыслением истории. С течением времени эти различия усиливались – между подражанием и изучением, риторикой и филологией, литературой и историей. Стало очевидным, что выбора не избежать, «битва книг» и стала проявлением этого кризисного момента в становлении «нового» историописания в Британии в первой половине XVIII века.

Если говорить об историографии вопроса, то «битву книг» изучают в контексте истории английской литературы, где она рассматривается как литературный фон произведений Джонатана Свифта и Александра Поупа. Но Свифт был враждебно настроен к современности и равнодушен к истории, кроме того, он написал свое произведение «Битва книг» задолго до того, как спор закончился, в 1697 году. Первой и может быть не самой удачной попыткой рассмотреть эту дискуссию в русле истории идей стали работы Р.Ф. Джонса, который был пионером в постановке вопроса о нарастающих

различиях между литературой и историей в раннее новое время. Именно он показал первым «битву» как один из эпизодов большой дискуссии между «древними» и «новыми»[278]. В 1970–1980-е эта тема была подхвачена другим американским историком Дж. Ливеном и помещена в интеллектуальный контекст изучения «Августинианской эпохи» в истории Британии[279]. Кроме того существует литература, позволяющая проследить истоки спора, влияния на него итальянского Возрождения и его распространения в Западной Европе[280]. Если же говорить об изучении вопроса в отечественной историографии, то данная работа развивает и углубляет идеи выдающего советского историка М.А. Барга о становлении историзма в раннее новое время[281].

Однако вернемся к сути вопроса. Сегодня Уильяма Темпла (1628–1699), автора эссе «О знаниях древних и новых» 1690 года[282], чаще всего помнят как патрона Джонатана Свифта, а кроме того, как выдающегося дипломата и политического мыслителя[283]. Ко времени написания эссе он был одним из влиятельных политических деятелей Лондона. Будучи послом в Гааге, Темпл содействовал успешному завершению Второй англо-

[278] *Jones R. F.* The Background of the Battle of the Books // Washington University Studies. № 7. 1920. P. 99–162; *Jones R. F.* Ancients and Moderns Reconsidered // Eighteenth-Century Studies. № 15. 1981. P. 72–89;

[279] *Levine M. J.* Method in the History of Ideas: More, Machiavelli, and Quentin Skinner //Annals of Scholarship. № 3. 1986. P. 37–60; *Levine M. J.* The Battle of the Books: History and Literature in the Augustan Age. Cornell, 1994; *Levine M. J.* The Autonomy of History. Truth and method from Erasmus to Gibbon. Chicago. 1999.

[280] *Black R.* Ancients and Moderns in the Renaissance: Rhetoric and History // Journal of the History of Ideas. № 43. 1982. P. 3–32; *Hans B.* The Querelle of the Ancients and the Moderns as a Problem for Renaissance Scholarship // Journal of the History of Ideas. № 20. 1959. P. 3–22; *Keller A.C.* Ancients and Moderns in the Early Seventeenth Century // Modern Language Quarterly. № 11. 1950. P. 79–82.

[281] *Барг М.А.* Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк / Болингброк. Письма об изучении и пользе истории … С. 275–315; *Барг М. А. Авдеева К. Д.* От Макиавелли до Юма: Становление историзма. М., 1998.

[282] Sir William Temple's essays … 1909. Режим доступа: https://archive.org/stream/sirwilliamtemple00tempuoft/sirwilliamtemple00tempuoft_djvu.txt

[283] *Маколей Т.Б.* Сэр Виллам Темпл / *Маколей Т.Б.* Полное собрание сочинений. Т. III. Исторические и критические опыты. СПб., 1862. С. 140–236; *Courtenay T.P.* Memoirs of the Life, Works, and Correspondence of Sir William Temple, 2 vols. L., 1836; *Marburg C.* Sir William Temple. New Haven, 1932; *Woodbridge H. E.* Sir William Temple: The Man and His Works. N-Y., 1940; *Faber R.* The Brave Courtier: Sir William Temple. L., 1983.

голландской войны, заключению Тройственного союза 1668 года (в составе Англии, Швеции, Голландии), а также достижению брачного союза между Вильгельмом Оранским и принцессой Марией Стюарт в 1677 году.

Сэр Уильям не был ученым и его интерес к «старому» и «новому» определялся практическими целями. Однако писателем он был искусным и ко времени написания эссе его сочинение 1673 года «Наблюдения в отношении Республики Соединенных Провинций»[284] уже выдержало несколько изданий. Исследователи единодушны в том, что Уильям Темпл написал свое эссе под влиянием двух весьма смелых для такого времени сочинений, появившихся в 80-х гг. XVII в. Это работа английского теолога Томаса Барнета «*Священная теория Земли*», сначала вышедшая на латинском, а затем английском языке[285] и коротенькое эссе «*Отступление по поводу древних и новых*»[286] талантливого «верификатора», в будущем академика Французской Академии Бернара Фонтенеля, автора ранее нашумевших «Разговоров о множестве миров»[287].

Появление обеих работ определялось растущим объемом знаний в области «естественной истории» Земли и стремлением решить вопрос о научном объяснении ее происхождения. Эти сочинения носили космогонический характер и отражали в значительной степени спекулятивное стремление авторов объяснить происхождение Вселенной, планет и Солнца. Несмотря на то, что У. Темпл был далек от естественнонаучных изысканий, он, как политик, тонко уловил идейную

---

[284] *Temple W.* Observations upon the United Provinces of the Netherlands. L., 1673.

[285] *Burnet T.* The Sacred Theory of the Earth. First edition, 1684 Режим доступа: http://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/book/lookupname?key=Burnet%2C%20Thomas%2C%201635%3F-1715

[286] *Fontenelle B. de.* Digression sur les Anciens et les Modernes. P., 1688; Фонтенель Б. Отступление по поводу древних и новых / *Фонтенель Б.* Рассуждения о религии, природе и разуме. Отв. ред. Х.Н. Момджян. М., 1979. С. 172–188. Режим доступа: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/lebovedefontenel/0/j42.html

[287] *Fontenelle B. de.* Entretiens sur la pluralit é des mondes. P., 1686; Разговоры о множестве миров господина Фонтенеля парижской академии наук секретаря. Пер. *А. Кантемира.* СПб., 1740. Режим доступа: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/lebovedefontenel/0/j42.html.

подоплеку «нового» объяснения «начала начал Земли»[288]. Его позиция – позиция моралиста и скептика, заключалась в убеждении о неизменности человеческой природы. Она базировалось на представлении о том, что все человеку было дано уже при сотворении мира. На страницах эссе Темпл использовал две красноречивые метафоры, которые прочно вошли в интеллектуальное поле последующей дискуссии. Первая – он сравнил «нового» человека с карликом, стоящим на плечах «гигантов», имея в виду, что современный человек видит дальше, потому что он «стоит» на опыте «древних». Вторая – «древние» уже обладали ясным представлением о природе, и современный человек только уточняет/отражает видение «древних». Эти две метафоры «карлик/гигант» и «отражающий/источающий» свет стали ключевыми в последующей полемике.

Обратим внимание читателя на то, что 90-е XVII в. в Англии были эпохой Исаака Ньютона и Роберта Бойла – эпохой бурных естественнонаучных открытий. И конечно, многим хотелось дать ответ «ретрограду» Темплу, но его авторитет и почтенная старость были серьезными препятствиями для открытого ответа. Однако два молодых академика Лондонской королевской академии пошли в атаку – филолог-классик, и как сегодня считают, один из основателей исторической филологии и научной школы эллинизма в Британии, Ричард Бентли (1662–1742) и Уильям Уоттон (1666–1727). Уоттон и Бентли были друзьями, что определялось общим кругом знакомств и интересов, главным из которых было увлечение классической филологией. С большим удовлетворением Уоттон нашел в Бентли единомышленника в оценке сочинения Темпла. Но особое удовольствие молодым классицистам доставляло то, что он допустил курьезную ошибку, высоко оценивая некоторые ложные, как уже тогда

[288] *Пучков П.А.* Спор «древних» и «новых» на исходе XVII века // Преподавание истории в школе. 2006. № 11. С. 24–28.

полагали филологи, послания древнегреческого тирана Фалариса[289]. Уоттон сразу увидел свой шанс прославиться и взял слово с Бентли изложить свои мысли по этому вопросу[290]. Здесь действительно было, где развернуться «новой» науке и преподать урок противнику.

Дело в том, что Темпл, рассуждая о красоте и литературных достоинствах «древних» и «новых» языков и, в частности, о прозе, называет в качестве самых уважаемых сочинений древних авторов Басни Эзопа и Эпистолы Фалариса, датируемых VI в. до н.э. - «временем Кира Великого и Пифагора». «Я думаю, что в Эпистолах Фалариса больше Увлекательности, силы Духа, больше Остроумия и Гения, чем в любом другом сочинении, которое я когда-либо видел, либо у древних, либо у новых», - высказывал свою точку зрения Темпл, – «Такое разнообразие Страстей при таком обилии вызовов и обстоятельств Жизни и Правления, такая Свобода Мысли, такая Смелость Выражения, такая Щедрость к своим Друзьям, такое Презрение к своим Врагам, такое Почитание Ученых людей, такое уважение Хороших, такое Знание жизни, такое Презрение к Смерти, такая Природная Сила и осознанность Мести»[291]. Именно этот небольшой пассаж и стал «яблоком раздора», и одновременно «точкой роста» «новых».

Первым в спор вступил У. Уоттон, когда в 1694 году (и снова 1697 г.) издал «Размышления о знаниях древних и новых»[292]. По оценке американского исследователя Дж. Ливена, «… из всех работ в полемике, которые уже появились на английском или французском языках, несомненно, она была самой разумной»[293]. Надо заметить, что за Уоттоном к этому времени уже закрепилась слава «молодого гения», вундеркинда, который в

---

[289] *Фролов Э. Д.* Бык Фалариса: миф и реальность в предании об акрагантском тиране VI в. до н. э. // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. Под ред. *Э. Д. Фролова*. СПб., 2002; *Фролов Э. Д.* Парадоксы истории — парадоксы античности. СПб., 2004. 115–127.

[290] Richard Bently to William Wotton / *Bently R.* Dissertations upon the epistles of Phalaris … P. 6.

[291] Sir William Temple's essays … P. 34–35.

[292] *Wotton W.* Reflections … 1694. Режим доступа: https://archive.org/details/reflectionsupon00wottgoog.

[293] *Levine M. J.* The Battle of the Books… P. 34.

шестилетнем возрасте читал Библию на английском, латинском, греческом и древнееврейском языках, впоследствии выучил арабский, сирийский, халдейский. В отличие от старика Темпла, который забыл греческий язык и с большим трудом читал на нем, Уоттон был выдающимся лингвистом своего времени. В 20 лет он уже был избран членом Лондонской королевской Академии. Его научная карьера началась с перевода сочинения французского историка-янсениста Луи Дюпена «Новая история церковных писателей»[294], первый том которого на английском языке вышел в 1692 году.

В отличие от короткого эссе Темла, «Размышления» Уоттона были полновесной книгой. И надо заметить, что пиетет перед античными авторами «нового» классициста был также высок, как и у Темпла. Уоттон полагал, что уже древние сформировали основы знаний в области морали и политики – однако считал, что к их трудам также можно отнестись критически. То, что никто не пытался этого сделать, еще не означает, что это не может быть сделано вообще. В целом оппоненты были единодушны в оценках античного наследия и оценок человеческой природы. Различия касались их взглядов на будущее. И здесь Уоттон был более оптимистичен, чем его оппонент. Темпл сравнивает работы новых историков Иоганна Слейдена, Энрико Давила, Фамианус Страда с сочинениями Геродота, Тита Ливия и Цезаря. Его симпатии целиком на стороне последних историков. Уоттон соглашался с этим, но с определенными оговорками. Да, он признал красноречие и высокий стиль древних авторов, но для него история и риторика не одно и то же. Любимый античный автор Уоттона – Полибий, влияние которого он прослеживает в «Мемуарах» Филиппа де Комина и «Истории Тридентского собора» Паоло Сарпи. Что же касается Давила и Страда, он пишет, что «…если бы и была веская причина доверять их нарративам, то только после разбора приемов их письма»[295]. Уоттон знал, о чем писал, он уже в 1689 году начал готовить собрание манускриптов для своего друга Бентли, опираясь на

[294] *Dupin L.* Nouvelle Bibliothèque des auteurs ecclésiastiques. 19 vol. P., 1691–1715; *Dupin L.* A new history of ecclesiastical writers. 13 vol. L., 1692–1699.

[295] Wotton W. Reflections… 1694, P. 23, 44, 318.

пример Мобильона и приемы работы изложенные им в «Дипломатике» 1681 года[296]. Сопоставление различных редакций одного и того же источника, составление глоссариев было новым, захватывающим делом, триумфом изобретательности «новой» эпохи.

Но решающий удар по позициям «древних» нанес Ричард Бентли, который не планируя того с самого начала, написал серьезную академическую работу под названием «Диссертация по поводу Эпистол Фалариса»[297]. Он всего лишь откликнулся на просьбу Уильяма Уоттона обосновать подложность Эпистол Фалариса. Текст Бентли спровоцировал резкую полемику с переводчиком и комментатором издания Эпистол Фалариса 1695 года Чарлзом Бойлом из Тринити колледж (Оксфорд). Дело в том, что чуть ранее Бентли уже выдержал полемику с другим знатоком греческого языка, переводчиком и комментатором издания Эврипида 1694 года Джошуа Барнсом из Иммануил колледжа (Кембридж). И в той, и другой ситуации Бентли стоял на позиции, что в практике софистов периода поздней Греции, как и во времена Фукидида, Сократа общим местом были литературные мистификации, подражания. Острая дискуссия с Барнсом и Бойлом застала Ричарда Бентли взяться за перо. В результате в 1697 году им была защищена «Диссертация по поводу Эпистол Фалариса».

Бентли, хоть и был лишен очевидного блеска свойственного Уоттону (избран в академию в 1695 году), имел серьезную подготовку, как в области гуманистической филологии, так и в том, что можно называть «новой» наукой толкования древних текстов. Он много работал в Бодлианской библиотеке в Оксфорде и был знатоком собрания ее редких манускриптов. Бентли заявил о себе в 1691 году в ходе подготовки к публикации одного из шедевров библиотеки – уникальной греческой хроники Иоанна Антиохийского или Иоанна Малалы. Главный редактор этого издания, д-р

[296] Wotton to Bently, may 14, 1689 // Correspondence of Richard Bently. L., 1842. In 2 vols. V. 1. P. 1–5.

[297] *Bently R. A.* Dissertation Upon the Epistles of Phalaris: With an Answer to the Objections of the Hon. C. Boyly. 1697.

Джон Милл, ректор колледжа Сент Эдмунд Холл в Оксфорде, попросил Бентли посмотреть уже подготовленный к публикации текст и высказать свои замечания. В результате Бентли написал целый трактат объемом в 100 страниц, текст которого вошел в первую публикацию оксфордской «Хронографии» Иоанна Малалы. Этот короткий трактат показал, что Бентли является одним из лидеров среди здравствующих английских ученых, знатоков древних языков. Легкость, с которой он восстанавливал неясные места, уверенность его исправлений, отсылки к другим источникам демонстрировали совершенно «новый» подход к литературным текстам древности, глубоко отличный от подхода «древних» английских классицистов. В 1695 году его успехи позволили Бентли занять место куратора Королевской библиотеки в Сент-Джеймском дворце. Его статус и авторитет ко времени написания «Диссертации» был, несомненно, высок.

В «Диссертации по поводу Эпистол Фалариса» «метод» Бентли был продемонстрирован со всей ясностью, блеском и убедительностью. В достижении поставленной цели – доказать ложность тезиса об авторстве Эпистол Фалариса – он использовал не столько филологические, сколько исторические аргументы. Главным аргументом Бентли была хронология. Датировка жизни Фалариса играла решающую роль в его аргументации. Он показал, что невозможно синхронизировать детали Эпистол со временем жизни Фалариса. Разве существовали уже тогда города, что упоминаются в тексте Эпистол? Является ли математик Пифагор современником Фалариса? Восхищаясь литературными достоинствами Эпистол, Бентли стремился показать, что каждое сочинение классиков написано в определенных условиях и обстоятельствах и требует, прежде всего, исторического объяснения. Что было также новым, так это то, что он апеллировал в своей аргументации к нелитературным памятникам – монетам, надписям, монументам эпохи античности. И это был момент «разрыва» истории и филологии. Однако текст получился трудным для чтения и до некоторой степени, занудным, так как автор стремился показать свой «метод».

Сам Темпл, как видный политик, был вынужден уклониться от открытого ответа и Уоттону, и Бентли. При этом он зорко следил за текущей дискуссией и несомненно был в курсе дела, поскольку приобретал каждую новую книгу в ходе этого спора. В частной же переписке Темпл хоть и был согласен с важностью и значимостью работ по переводу, комментированию и изданию древних авторов, но при этом замечал, что «новые» должны быть «волшебниками», чтобы в «своих комментариях, глоссариях, аннотациях быть более учеными, чем сами древние»[298]. Современная ученость, полагал он, была в значительной степени занудна и – в общем и целом – необязательна. Эта точка зрения в открытой полемике еще имела прочные позиции, но была обречена в исторической перспективе. Только после смерти Темпла в 1699 году первый в ряду его сторонников, Джонатан Свифт, дал ответ за своего патрона. В 1696 году он написал и 1704 году издал сатирическое сочинение «Битва книг» в качестве пролога к «Сказке бочки» под названием «Полное и правдивое известие о разразившейся в прошлую пятницу битве древних и новых книг в Сент-Джеймсской библиотеке». Хотя сразу следует оговориться, что, по большому счету, Свифт не являлся участником спора «древних» и «новых». Здесь скорее мы имеем дело с литературной «картинкой» спора, изображением его в аллегорических образах. И тем ни менее, это сатирическое сочинение стало кульминацией зашиты античности «древними».

Дадим слово автору предисловия «Полного и правдивого известия» к читателю: «Следующее ниже рассуждение… было написано примерно… в 1697 году, когда бушевала известная распря по поводу древней и новой учености. Спор возник после появления опыта на эту тему сэра Уильяма Темпла. Далее последовал ответ У. Уоттона, бакалавра богословия, с приложением, написанным д-ром Бентли, где тот пытался опорочить сочинителей Эзопа и Фаларида, которых сэр Уильям Темпл немало

[298] *Temple W.* Miscellenea. The Third Part. L., 1701. P. 256. Режим доступа: http://books.google.ru/books?id=x7w6AQAAMAAJ&pg=PA258&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=4#v=onepage&q=annotation&f=false.

восхвалял в своем вышеупомянутом опыте. В этом приложении доктор свирепо напал на новое издание Фаларида, выпущенное достопочтенным Чарлзом Бойлом (ныне графом Оррери), на что г. Бойл отвечал обстоятельно со всею ученостью и остроумием, а доктор пространно ему возражал. В ходе спора публика была крайне возмущена, видя, что два вышеозначенных почтенных джентльмена без каких-либо оснований грубо обращаются со столь достойной и заслуженной особой, как сэр Уильям Темпл. Раздору не было конца, и тогда, повествует наш автор, КНИГИ в Сент-Джеймсской библиотеке… включились в спор и завязалась решительная битва. Однако рукопись, пострадавшая от непогоды или какой иной случайности, повреждена в некоторых местах, и мы так и не можем узнать, которая же из сторон одержала победу»[299].

Две гениальные аллегории создает Свифт на страницах «Битвы книг». Первая. Гора Парнас имеет две вершины и поделена между двумя народами. Суть конфликта между ними заключается в том, что «древние» сидят на более высокой вершине и заслоняют вид на восток «новым». Последние предлагают либо поменяться местами, либо – сравнять лопатами вершину «древних» до удобного «новым» уровня. Ответ «древних» прост – лопаты здесь не помогут, т.к. их вершина – сплошная скала, а вот нарастить свою вершину – это их совет «новым». Другой аллегорией у Свифта является конфликт паука и пчелы. Паук, самонадеянный, злой и грубый, свил себе гнездо в углу библиотеки. Беспечная пчела, черпающая свою силу в природе, чуть не разрушила его жилище. Возник спор. Да, паук силен в математике и архитектуре, но искусства и пользы пчелы ему никогда не достичь. «Какое существо благороднее, то ли, которое в ленивом созерцании четырех дюймов в окружности, преисполненное спеси и целиком поглощенное собою, превращает все в испражнения и отраву, не производя ничего, кроме мушиного яда и паутины, или же то, которое, скитаясь по необозримым

[299] *Swift J.* A Full and true account of the battle … 1784. P. 391–433. Режим доступа: http://books.google.ru/books?id=_ggfAAAAMAAJ&dq=Swift+J.+A+full+and+true+account.

просторам, благодаря неутомимым поискам, изрядному прилежанию, здравому смыслу и умению распознавать суть вещей, приносит в дом мед и воск?»[300]. Свифт устами Эзопа дает оценку «новым»: «Каковы бы ни были претензии новых, никакого своего искусства, насколько помню, они не создали, если только не считать их большой способности к сатире и сваре, весьма близких по своей природе и сути к паучьему яду; и как бы они не уверяли, будто извлекают ядовитую слюну исключительно из самих себя, в действительности они пополняют свой яд, пожирая паразитов и гадов нынешнего века»[301].

«Битва книг» и «Сказка бочки» дали Уоттону шанс переиздать свои «Рассуждения» в 1705 году с новым введением, где он высмеял ортодоксальность Свифта[302]. Свифт ответил новым изданием «Сказки бочки» в 1710 году с соответствующими комментариями, но аргументы сторон были явно исчерпаны. В «битве книг» наступило затишье. Новая волна активности в дискуссии «древних» и «новых» поднялась через несколько лет и была связана с активностью молодого поэта Александра Поупа (1688–1744), который замыслил перевести величайшую поэму античности – «Илиаду» Гомера. Образование и жизненный путь Поупа определялись ограничениями, накладываемыми в Англии католическим вероисповеданием.

Состоятельность семьи, а также личные устремления позволили ему изучать языки и свободно читать произведения на английском, французском, итальянском, латинском и греческом языках. Перенесенный в 12 летнем возрасте туберкулез, сделал его горбуном маленького роста, что во многом определило его занятия литературой. В 1709 году состоялся литературный дебют Александра Поупа – в подражание своему любимому поэту Вергилию

---

[300] Цит. по: *Пучков П.А.* Спор «древних» и «новых» на исходе XVII века // Преподавание истории в школе. 2006. № 11. С. 24–28. *Свифт Дж.* Полное и правдивое известие о разразившейся в прошлую пятницу битве древних и новых книг в Сент-джеймсской библиотеке...

[301] Цит. по: *Пучков П.А.* Спор «древних» и «новых»… С. 24–28; *Swift J.* A Full and true account… P. 391–433.

[302] *Wotton W.* Reflections upon Ancient and Modern Learning. With Observations upon the Tale of a Tab, 3th ed. L., 1705.

он опубликовал «Пасторали», принесшие ему мгновенно славу. Его поэма «Опыт о критике» 1711 года была опубликована анонимно, была хорошо принята публикой, и демонстрировала появление нового сильного бойца в стане «древних». Именно в это время Поуп сошелся с писателями Джоном Геем, Дж. Свифтом, Томасом Парнеллом и Джоном Арбетнотом, которые и образовали знаменитый сатирический клуб Скриблерус. Его целью было высмеивать заблуждения и занудность вымышленного ученого Мартина Скриблеруса.

Страстное желание Поупа перевести «Илиаду» на английский язык было связано с его стремлением продемонстрировать свою точку зрения на «стандарт» перевода древних «великих», а также появлением в 1709 году «Илиады» на французском языке в переводе мадам Дасье. В 1713 году Поуп объявил о своем проекте, и издал шесть томов «Илиады» с 1715 по 1720 год. Конечно, это был великий поэтический перевод, на котором произрастали последующие поколения британцев, о котором Сэмюэл Джонсон сказал, что это сочинение «не имеет шансов иметь себе равных в наш век», это «величайшая книга, которая когда-либо была написана»[303]. Справедливости ради надо отметить, что это был не первый опыт перевода Илиады на английский язык. Талантливый поэт и драматург, душеприказчик Уолтера Рейли Джордж Чапмен опубликовал перевод поэмы еще в 1611–1615 годах. Череда последующих переводчиков «Илиады» на английский язык обширна, но версия Поупа имела самую широкую популярность и пользуется ей до сих пор.

Как «новые» реагировали на ошеломляющий успех «Илиады» Александра Поупа? Из более поздней полемики мы читаем «их» ответ Поупу в лице племянника Бентли: «Вы, кажется, очень злы на Д-ра Бентли последнее время. И это потому, что он сказал (при мне, я был свидетель), что Ваш Гомер был жалкой чепухой? Это может быть названо

[303] *Boswell J.* Life of Samuel Johnson, rev. L.P.Powell, 6 vols. Oxford, 1934–1964. V. 3. P. 256.

модернизированным Гомером или чем-то еще; но, чего здесь определенно мало или вообще нет, так это следов Древней Греции. Д-р Бентли сказал правду. За Вашей спиной сотни людей говорят тоже самое. Гомер переведенный, сначала на английский, во-вторых положенный на рифму, в-третьих – не с оригинала, но, и это в четвертых, с французского перевода в прозе, да еще сделанный женщиной, каким же Дьяволом должен быть этот Гомер? Для тех, кто знает греческий язык и сравнит Вашу Версию с Оригиналом, как это сделал я во многих местах, должен знать, что Вы ничего не знаете об этом»[304]. Самому Ричарду Бентли приписывают фразу: «это очень милая поэма, но я должен сказать, что это не Гомер»[305]. Успех «древних» у публики был несомненен, они продемонстрировали свое превосходство над педантами-лексикографами. «Как Мартин стал великим критиком» – было неизменной темой клуба «Скриблерус»[306]. Наступил «век императора Августа» и его великих поэтов Виргилия, Горация и Овидия – век расцвета английской литературы XVIII века, произросшей на античных образцах.

А что же история, как складывалась ее судьба в Августинианскую эпоху Британии? «Новым» предстояла долгая и кропотливая работа. Как писал анонимный автор в 1742 году, «мы имеем Локка, Ньютона и Драйдена, но мы не можем похвастаться Ливием, Фукидидом или Тацитом»[307]. История медленно, но верно формировала свой собственный «модус вивенди». «Точкой роста» здесь стало наследие Уильяма Кемдена (1551–1623), основателя кафедры истории в Оксфорде в 1622 году (*англ.* Camden Professorship of Ancient History at the University of Oxford). Его ученик и наследник на этом посту Дегори Уир опубликовал в октябре 1623 года на

---

[304] *Bently T.* A Letter to Mr. Pope Occasioned by Sober Advice from Horace; Pope's Sober Advice // Works of Mr. Alexander Pope. L., 1735. V. 4. P. 14, 71–89.

[305] Цит. по: *Levine J.* The Battle of Books…P. 222.

[306] How Martin became a Great Critic // Memoirs of Martin Scriblerus … P. 129.

[307] Collection of State Papers of the First Earl of Orrery. 1642. *Thomson M. A.* Some Developments in English Historiography duting Eighteenth Century, University College Inaugural Lecture. L., 1957.

латинском языке работу «О природе и способе чтения истории»[308], ставшую его инаугурационной речью. Книга была хорошо встречена, сосредоточена на изучении светской истории и выдержала несколько изданий. Англоязычная версия под названием «Метод и Причина для чтения гражданской и церковной историй» была опубликована в 1685 году Эдмундом Боуном[309]. В момент, когда в 1694 году были опубликованы «Размышления» Уоттона, перевод Боуна переживал свое второе издание. Предисловие к нему написал один из преемников Уира на посту главы кафедры древней истории в Оксфорде Генри Додуэл. Работу Уира можно считать началом разработки метода в британской традиции историописания. Конечно, это была еще антикварная традиция, но она свидетельствовали о возрастающем интересе экзаменовать древние тексты также хорошо, как древние слова, усиливался призыв к новому стандарту точности и критицизма. И что было очевидным – работа «новым» предстояла тяжелая.

Но что было еще более важным, так это то, что именно на волне спора «древних» и «новых» возникает проект переиздания главного сочинения Уильяма Кемдена «Британия». И если гражданскую историю Англии нельзя было пока что представить как хорошо организованный нарратив – то лучшим доказательством этого была «Британия» Кемдена. Она была прекрасным примером антикварной эрудиции и знакомства с последними и лучшими примерами европейской учености. Проект первой половины 90-х годов возглавил Эдмунд Гибсон (1669–1748), впоследствии ставший епископом Лондона, который приобрел известность подготовкой публикации «Англо-саксонской хроники» в 1692 году. Гибсон развернул обширную деятельность по составлению комментариев к «Британии» Кэмдена и собрал сильную команду. От Шотландии – знатока естественной истории Британии сэра Роберта Сибалда из Эдинбургского университета, от Уэльса – знатока

---

[308] *Whear D.* De ratione et methodo legendi historias. Режим доступа: http://www.philological.bham.ac.uk/whear/text.html

[309] *Whear D.* The Method and Order for Reading both Civil and Ecclesiastical Histories. L., 1685.

кельтских языков Эдварда Ллуйда, служителя Ашмолеанского музея в Оксфорде, составителя трехтомной «Английской исторической библиотеки» Уильяма Николсона[310]. Ивлин Джон, друг Уоттона и Бентли, который работал над собственной «Нумизматикой»[311]. Новое издание Кемдена получилось блестящим воплощением современного совместного продвижения в изучении прошлого[312]. Хотя новому изданию еще было далеко до совершенства – Рим строился не один день, но Кемден, подобно античным авторам, занял место в «пантеоне богов» и получил новый перевод и комментарии. Дж. Локк считал, что в библиотеке каждого джентльмена должна появиться новая «Британия»[313].

Наилучшей попыткой соединить два модуса в развитии истории в разгар «битвы книг» были работы вышеупомянутого епископа Уильяма Николсона. В 1696 году он выпустил первую часть своей «Английской исторической библиотеки»[314] – это был обзор истории Британии с критическими комментариями нарративов и других исторических источников. Как он верно полагал, еще не было написана простая и понятная общая история королевства. Он также понимал, что это задача по плечу только «…мастерам в наших древних, так и современных языках; сведущих в письменах бриттов, римлян, саксов, данов и других древних, знакомых с историками начиная с эпохи Вильгельма Завоевателя»[315]. Лексикография как отрасль знания получила в результате спора «древних» и «новых» невиданное ранее развитие. Например, У. Уоттон в «Защите размышлений»

---

[310] *Nicolson W.* Of the English Medals and Coins from the Conqest / Nicolson W. The English Historical Library … Part. 3. L., 1699.

[311] *Evelyn J.* Numismata: A Discourse of Medals. L., 1697.

[312] *Camden W.* Britannia. Newly Translated into English: with Large Additions and Improvments, Ed. Edward Gibson. L., 1695.

[313] *Locke J.* Some Thoughts Concerning Reading and Study // *Locke J.* Works. In 2 vols. V. 2. N. Y.: Harper, 1824. P. 317–322.

[314] *Nicolson W.* The English Historical Library; or Short View and Character of most of the Writers now extant either in Print or Manuscript which be Serviceable to Undertaking of General History of this Kingdom. L., 1696.

[315] EHL. Sig. A. A3v.

1705 года отмечает работу Джорджа Хикса «Тезаурус северных языков»[316], который еще в 1689 году издал англо-саксонскую грамматику на латинском языке (второе расширенное издание – в 1705 году). Уоттону был близок метод Хикса, он, как и Бентли, использовал написание букв и значений слов в соответствии с датировкой документа. Другим крупным специалистом англосаксонского языка был соратник Хикса по Оксфорду Эдвард Туэйтс. Все это показывало, что англосаксонское наследие становится «новым» объектом осмысления, как с точки зрения учебных целей, так и в значительной степени в политическом и конфессиональном контексте. Казалось бы, реализация проекта средневековой английской истории достигала своего апогея, но вскоре Туэйтс умер молодым, Хикс – изношенным от старости, кто-то посвятил себя священническим обязанностям как Гибсон, став епископом Лондона. Казалось, «новые» проиграли «битву книг».

Показательной является оценка антикваров лордом Болингброком в «Письмах об изучении и пользе истории» (написанных в начале 30-х годов, опубликованной в 1752 году) как компиляторов, «которые редко имеют возможность узнать закулисную сторону дела, от которой зависят все официальные документы, и столь же редко наделены умением и талантами, необходимыми, чтобы должным образом собрать воедино то, что они действительно знают: они не в состоянии видеть работу рудника, но их усердие собирает то, что выбрасывается наружу». Они, с точки зрения Болингброка, не историки, задачей которых «является – или должно являться – отделение чистой руды от породы, чеканка из нее монеты и обогащение, а не обременение человечества». Он не видит таковых среди современных ему англичан. Вот Энрико Давила – «превосходный историк», которого он признает равным во многих отношениях Титу Ливию. «У нас есть лишь два исторических сочинения, во всех отношениях сравнимые с античными, – это

[316] *Hickes G.* Linguarum veterum septentrionalium thesaurus grammatico-criticus et archæologicus. L., 1703–1705.

история царствования Генриха Седьмого лорда Бэкона и история наших гражданских войн в прошлом столетии… лорда-канцлера Кларендона … у нас отсутствует общая история…; равным образом нет у нас, о чем я сожалею гораздо больше, ни частных исторических исследований, за исключением тех двух, о которых я упомянул, ни создателей мемуаров, ни собирателей документов и анекдотов… теми, кем могут похвастать другие нации, начиная с Коммина, Гвиччардини, Дю Белле, Паоло, Давилы, Фуана»[317]. Эта оценка национального историописания свидетельствует о явной приверженности лорда Болингброка к лагерю «древних» и недооценке, непониманию «нового» подхода в осмыслении прошлого, нового критицизма и нового метода историописания.

Что естественно, в ходе спора о «древних» и «новых» возникла необходимость осмыслить степень влияния «великого Рима» на историю Британских островов. В ходе обсуждения этого вопроса британские историописатели оказались расколотым. Дж. Спелмен, сын Генри Спелмена, писал: «сказать по правде [вторжение] римлян являлось больше выгодой, чем бедствием» для бриттов, которые имели более «низкую природу» и оказались в результате завоевания «рабами с проявлением соответствующих этой ситуации наклонностей», одновременно извлекая выгоду и страдая от своего нового положения[318]. Данная бинарная оппозиция «варвары бритты и римская цивилизация» являлась преобладающей в понимании национального прошлого на начальном этапе эпохи Просвещения. Именно с эпохой Римской империи связывались первые рецепции христианства на Британских островах.

Суть позиции «древних» сводилась к тому, что цивилизация римлян не может быть превзойдена, ей можно только подражать. Другая точка зрения в большей степени определялась политической конъюнктурой и приобрела влияние в свете победившей Славной революции. Она базировалась на

---

[317] *Болингброк.* Письма об изучении и пользе истории … С. 56, 61, 79.
[318] *Sweet R.* Antiquaries: The Discovery of the Past … P. 156.

представлении о «вторжении римлян», о конфликте института гражданственности двух культур, о потере свободы и независимости кельтов (галлов), так ярко описанных Тацитом. Генеалогия британских свобод и вольностей восходила к сопротивлению римлянам в первые века нашей эры. Так же по мере увеличения владений Британии на протяжении XVIII века новая империя все больше ассоциировалась со старой.

Если же говорить об антикварном дискурсе осмысления Римской Британии, то существенным обстоятельством было достаточно большое количество письменных источников этого периода. Однако все они имели латинское происхождение – Тацит, Цезарь, Диодор Сицилийский, Аммиан Марцеллин и другие. Уже в 1512 году Дж. Лиландом был опубликован «Итинерарий Антонина Августа» 225 года, дающий описание всех римских дорог, в том числе в Британии. Эта работа стала основой для для реконструкции Кемденом этого периода в сочинении «Британия». Его интерпретация общей романо-британской древней истории, усвоенная первыми антикварами, фактически бытовала на протяжении всего XVIII века. Ее подчеркивание в антикварном дискурсе объединяло британцев с их современниками в Европе и в тоже время отделяло от ирландцев и жителей других частей Британских островов, избежавших прямого вторжения римлян.

В ряду первых конкретных исследований были вышедшая в 1658 году работа Томаса Брауна, посвященная разбору погребальных практик римлян на примере графства Норфолк[319] и труд Уильяма Сомнера 1693 года «Трактат о римских фортах в Кенте»[320]. Реконструкция Вала Адриана была осуществлена в комментариях Томаса Бертона к новому изданию «Итинерария» 1658 года, что в совокупности с другими данными давало

[319] *Browne T.* Hydriotaphia, Urn Burial, or a Brief Discourse of the Sepulchral Urns lately found in Norfolk. Режим доступа: http://penelope.uchicago.edu/hydrionoframes/hydrion.html

[320] *Somner W.* A Treatise of the Roman Ports and Forts in Kent ... Publish'd by J. Brome. To which is prefixt the life of Mr Somner [by Bishop Kennet]. Oxford: Printed at the Theatre, 1693.

достаточно целостное представление о римской провинции Британия I–IV веков н. э.

В результате концепт общей романо-британской истории стал образовательным клише эпохи Просвещения и обусловил серьезное отношение к изучению античной литературы и латинского языка в британской интеллектуальной традиции. Представители высшей аристократии все больше проявляли интерес (а соответственно вкладывали средства) в изучение романского наследия. «Гран тур» с посещением вечного города и обозрением Колизея стал стандартом образовательных практик для подрастающих «британских львов». Джон Талман, один из трех основателей воссозданного Лондонского общества антикваров в 1707 году, хотя и не относился к слою высшей аристократии, являлся страстным любителем романского искусства.

Итак, к 30-ым годам XVIII века буря стихла. Что же до итогов спора «древних» и «новых» в Британии, то, казалось бы, она закончилась вничью, как полагал самый крупный специалист в этом вопросе американский историк Дж. Ливен. Однако это была точка бифуркации. Изучение классических языков и литературы пошло своим путем. Здесь в исторической перспективе сформировался высокий гражданский нарратив национальной истории как один из литературных жанров. В антикварной традиции, особенно в той еще части, что касалась лексикографии, креп критический подход. Плотный описательный (*англ.* thick discription) характер исторического письма, стремление к точности, сосредоточенность на конкретных памятниках национального прошлого – все это отличало антикваров от «древних». Однако Уильям Темпл сделал великое дело, написав эссе «О знаниях древних и новых» в 1690 году. Напряженность интеллектуального и идейного противостояния между «новыми» и «древними» породила такие образчики изящной словесности как «Размышления о знаниях древних и новых» Уильяма Уоттона 1694 года, с блеском защищенную Ричардом Бентли «Диссертацию по поводу Эпистол

Фалариса» 1697 года. Работа Дегори Уира о методе давала основания для создания новой светской истории, была популярна и по сути своей близка к эрудитской традиции континентального историописания. Спор «древних» и «новых» ясно обозначил два полярных взгляда на то, что такое история, как писать историческое сочинение и каково ее предназначение. Это были две противоборствующие концепции историописания, «неоримская» и критическая. Но что является еще более важным: дискуссия «древних» и «новых» обратила антикваров к изучению истории Британии на новых основаниях. Критическому изданию подверглись «Англо-саксонская хроника», сочинения Беды Достопочтенного и другие памятники национального прошлого. Это породило подъем в развитии лексикографии кельтских и древнеанглийского языков. И в этом отношении история историописания в Августианскую эпоху на Британских островах еще только должна быть написана как в отечественной, так и зарубежной историографии.

2.2. «СВЕТСКАЯ» И «ДУХОВНАЯ» ИСТОРИЯ В БРИТАНИИ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ: РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ И СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПИСЬМА

Какова «воля Бога»? Кто может знать «Его волю»? Какими средствами она осуществляется? Эти вопросы лежат в самой сердцевине британского Просвещения. Надо заметить, что конфессиональной специфике британского исторического письма до сих пор не уделено сколько-нибудь серьезного внимания в отечественной историографии. Впрочем, это замечание применимо к истории историописания «переходной эпохи» в целом. Здесь во главе угла находится вопрос: каким образом средневековая «церковная» история трансформировалась в «светскую» гражданскую историю нового времени. Ее становление в различных национальных традициях, несомненно,

определялось особенностями конфессионального развития. Британская историческая традиция в этом контексте заслуживает особого внимания уже в силу того, что здесь приверженность англиканскому вероисповеданию являлась доминантой историографии нового времени. Как писал в 1790 году Э. Берк: «Мы знаем, более того, мы чувствуем душой, что религия – основа гражданского общества, источник добра и утешения; мы в Англии в этом настолько убеждены, что можем утверждать, что у нас девяносто девять человек из ста выступают против безбожия. Если догматы нашей религии потребуют дальнейших объяснений, мы не призовем атеизм, чтобы прояснить их. Мы не станем освещать наш храм ложным светом. [...] Из всех религий мы выбрали протестантизм и исповедуем его не равнодушно, но с рвением»[321].

В раннее новое время историописатели, как хорошо известно, в массе своей выходили из церковной среды. В британском обществе эпохи Просвещения образованному человеку без титула англиканская церковь (наряду с университетом и судом) сулила успешную карьеру, как с точки зрения социального, так и материального статуса. Епископат, духовные лорды имели высокое положение и большое влияние в обществе. В историографии пока еще не дана оценка их включенности в политическую жизнь страны, но скажем, что важнейшие прелаты англиканской церкви являлись по статусу членами палаты лордов. Вклад «духовников» в развитие британского историописания в эпоху Просвещения и находится в центре внимания данного параграфа.

Установившаяся религиозная терпимость в британском обществе XVIII века изменила сами поведенческие практики священнического сословия. В повседневности их платье и образ жизни мало чем отличались от простых граждан. Особенно это поражало путешественников с континента. Швейцарец Сезар де Соссюр в конце 20-х гг. XVIII века писал: «Иностранец удивляется, находя духовенство в публичных местах, в тавернах, в

[321] *Берк Э.* Размышления о революции во Франции // Социс. 1991. № 6. С. 116.

харчевнях, где они курят и пьют совсем, как и миряне; но, так как ни один из них не скандалит, вы быстро привыкаете к этому зрелищу»[322]. И многие из священников стали активными участниками бурного процесса развития научного знания XVIII века. Физик, викарий Уильям Дерем и натуралист и орнитолог дьякон Гилберт Уайт внесли вклад в изучение «естественной истории» и натурфилософии. Доктор богословия, эллинист Ричард Бентли, епископ Глостера Уильям Уорбуртон и его товарищ, епископ Уорчестера Ричард Хард, заложили основы современной классической филологии. Философ Джордж Беркли, поэт Томас Перси и писатель, автор «Тристрама Шенди», Лоуренс Стерн, наконец, автор теории народонаселения Томас Роберт Мальтус – все они были священниками. Однако самым известным в этом ряду является декан собора святого Патрика в Дублине Джонатан Свифт.

Процесс секуляризации сознания британского общества со всей очевидностью проявился в эпоху правления последних Стюартов. Об этом свидетельствовали активные нападки на доктринальные основания Библии в среде самого англиканского духовенства, а также со стороны так называемых «free thinkers», свободных мыслителей или «вольнодумцев». В свете научной революции И. Ньютона и Р. Бойла в центре внимания оказалось изучение исторического и космогонического контекста Библии, что с неизбежностью ставило под сомнение божественность миссии Христа, а также доктрину «триединства». Все эти вопросы не были новыми, но встали остро перед решительно меняющимся британским обществом рубежа XVII–XVIII веков. Что более важно, они породили новый ответ в среде британских мыслителей эпохи Просвещения. Дискуссия о «Religion of Nature», «естественной религии» или деизме была начата рационалистически мыслящим философом, католиком, перешедшим в англиканство и ирландцем по происхождению Джоном Толандом (1670–1722). В 1696 году он издал книгу «Христианство

[322] *Saussure de C.* A Foreign View of England in 1725-1729. L., 1995. P. 132.

без тайн»[323], имевшую красноречивый подзаголовок «Трактат, в котором показывается, что в Евангелии не содержится ничего противоречащего разуму или недоступного и что ни один догмат христианства не может быть назван непостижимой тайной в прямом смысле слова»[324].

Идеи Толанда были подхвачены и развиты, прежде всего, в среде «free thinkers», где особенно активно протекал процесс рационалистического осмысления христианского вероучения. Именно эти авторы подробно изучались в отечественной историографии советского периода[325]. Среди них, несомненно, выдающимся мыслителем был Энтони Коллинз (1676–1729). Друг и последователь Джона Локка, он в сочинении «Рассуждение о свободомыслии»[326] 1713 года писал: «...если люди или пренебрегают мышлением, или позволяют убедить себя, что они не имеют права свободно мыслить, они не только не смогут достичь совершенства в науках, они дойдут до самого большого абсурда, какой только можно себе представить, как в принципе, так и на практике. Сколько их, абсурдных представлений о божестве не только у язычников, но и у христиан!»[327] Сочинение Коллинза вызвало острую полемику. Отповедь ему дали два самых ярких полемиста эпохи, причем из разных лагерей. Из лагеря «новых» взял на себя этот труд Ричард Бентли, написав сочинение «Заметки о новейшем рассуждении о свободомыслии» в 1713 году[328]. Из лагеря «древних» в этом же году откликнулся Джонатан Свифт небольшим эссе «Рассуждения о свободомыслии Коллинза, изложенном простыми словами». Оба

---

[323] *Toland J.* Christianity Not Mysterious … 1696.

[324] Английское свободомыслие: Д. Локк … С. 116.

[325] *Мееровский Б.В.* Джон Толанд. М., 1979; Английские материалисты XVIII века. В трех томах. М., 1967; Английское свободомыслие: Д. Локк, Д. Толанд, А. Коллинз. М., 1981.

[326] *Коллинз А.* Рассуждение о свободомыслии //Английские материалисты XVIII в. Т. 2, М., 1967. С. 162.

[327] Цит. по: *Антисери Д., Реале Дж.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. 3. От Возрождения до Канта. СПб., 2002. Р. 334. Режим доступа: http://www.cyclopedia.ru/93/202/2677359.html

[328] *Bentley R.* Remarks on a late Discourse of Freethinking: In a letter to F.H. D.D. by Phileleutherus Lipsiensis. L., 1713.

священнослужителя разносили в пух и прах сочинение Коллинза, первый обвинял его в незнании текста Библии, другой доказывал, что «человеческий род в массе так же приспособлен думать, как и летать»[329].

Вольнодумство достигло своего пика в 1730 году в работе английского философа Мэттью Тиндела. Его работа имела название «Христианство так же старо, как сотворение мира, или Евангелие – восстановление естественной религии» и получила среди современников статус «библии деизма»[330]. Христианство и прочие религии Тиндел относил к области суеверий, полагая, что «естественная религия», соответствующая законам природы, стара как мир. Работа получила большую популярность и вызвала резкую реакцию со стороны теологов – Р. Бентли и других. Хотя эта и другие работы «вольнодумцев» наделали много шума, Эдмунд Берк пятьдесят лет спустя в «Размышлениях о Французской революции» писал: «… у нас были писатели, нашумевшие в свое время, которых можно характеризовать подобным образом (Берк имеет ввиду французских атеистов – *В.В.*). Сейчас они пребывают в полном забвении. Кто из теперешних сорокалетних прочел хоть одно слово Коллинза, Толланда, Тиндела, Моргана и прочих, некогда называвших себя свободными мыслителями? И вообще, читал ли их кто-нибудь? Спросите лондонских книгопродавцев, где сейчас эти светочи мира? Очень скоро за ними в небытие отправятся и их немногие последователи»[331].

Вольнодумцы, «free thinkers», получив глубокий и убедительный ответ из лагеря духовенства, скоро сошли на нет, занявшись «размышлениями о человеческом разумении» (хотя за ними в историографии прочно закрепился статус основателей европейского деизма). Наиболее убедительный ответ вольнодумцам дал доктор богословия (*англ.* Doctor of Divinity) и классицист из Тринити-колледж в Кембридже Коньерс Миддлтон (1683–1750). Надо отметить, что труды этого англиканского священника стали вершиной

---

[329] *Swift J.* Abstract of Collins's … P. 184.

[330] *Tindal M.* Christianity as old as the creation … 1730.

[331] *Берк Э.* Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993. С. 70.

нарастающего скептицизма в отношении дела веры в британском обществе. Первоначальную известность Миддлтон получил многолетним ожесточенным спором с главным участником «битвы книг» Ричардом Бентли, правда, по другому поводу – в дискуссии о проекте Бентли «нового» перевода Нового завета[332].

Миддлтон несомненно испытывал интерес к истории. И, посетив Рим в компании и по приглашению антиквара барона Колрейна в 1724 и 1725 годах, он собрал коллекцию античных рукописных древностей (позже опубликовал и продал своему другу Хорасу Уолполу). На обратном пути в Англию Миддлтон посетил «мастерскую» мавристов в Сан-Жермен-де-Пре и имел личную беседу с Бернаром Монфоконом. Посещение «священного города» и встречи с «папистами», и, в частности, с будущим папой Бенедиктом XIV, неизбежно вели его к переосмыслению раннего христианства и раздумьям об истоках «идолопоклонства» «папистов». И в небольшом эссе «Письмо из Рима», опубликованном в 1729 году, он показывал, что отличительные черты «папизма» (ладан, святая вода и пр.) были заимствованы ранней Христианской церковью из языческих традиций Древнего Рима и были распространены уже в первые века христианства[333]. Его критицизм также ярко проявился в суждениях о Великом потопе, где он опирался на исследования своего товарища, антиквара и натуралиста Джона Вудворта об ископаемых животных[334].

Небезынтересным является факт его участия в дискуссии по поводу появления первого печатного станка на Британских островах. В то время было распространено мнение, что первый печатный пресс и соответствующее оборудование в Оксфорд привез из Германии в годы правления Генриха VI один из работников типографии Гутенберга Фредерик

---

[332] *Middleton C.* Remarks, paragraph by paragraph, upon the Proposals lately published by Richard Bentley for a new Edition of the Greek Testament and Latin Version, L., 1721.

[333] Dr. Middleton's letter from Rome. L., 1847. Режим доступа: The Library of Congress/ https://archive.org/details/drmiddletonslett00midd

[334] The Letter to Dr Waterland, 1730 / *Middleton C.* Miscellanies Works . In 5th vols. L., 1755. V. III. 1–66.

Корцеллис. Распространению этого мнения в эпоху Реставрации способствовал большой патриот Оксфорда Ричард Аткинс[335]. И когда в 1732 году вышло основанное на этом суждении трехтомное издание «Всемирная история книгопечатания»[336], Миддлтон досконально разобрал происхождение этого «ложного мифа»[337] и убедительно показал, что первопечатником по праву должен быть назван дипломат и торговец середины XV века Уильям Кекстон. Кекстон познакомился с печатным делом в Брюгге и в 1476 году установил печатный пресс в Вестминстере. Первой книгой, напечатанной на его станке, были «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера. Осведомленность и наблюдательность Миддлтона в этом вопросе объяснялись тем, что он долгие годы исполнял должность библиотекаря в Кембридже. Кроме того, как замечает Х. Тревор-Ропер, эта дискуссия определила в дальнейшем более строгое отношение к технике библиографического оформления. Это был малый, но очень важный вклад в развитие исторического знания[338].

Героем Миддлтона, как философ, оратор, и в какой-то степени, как государственный деятель был Цицерон. В 1741 году популярность получила написанная Миддлтоном книга о нем[339]. Цицерон, как и Миддлтон, в свое время противостоял двум крайним позициям – строгим стоикам (ортодоксальному духовенству) и бескомпромиссным скептикам (открытым деистам). Книга была написана прекрасным стилем, и историками нашего времени оценивается как одна из самых важных по римской истории первой половины XVIII в.[340] Кроме того, в ней была предложена новая форма исторического письма – документированная биография[341]. Книга принесла

---

[335] *Atkyns R.* The Original and Growth Printing. L., 1664.

[336] *Palmer S.* A General History of Printing. L., 1732.

[337] *Middleton C.* A Dissertation concerning the Origin of Printing in England. Cambridge, 1734–1745. MW. V.V. P. 321–372.

[338] *Trevor-Roper* H. History and Enlightenment. Yale, 2010. P. 92.

[339] The History of the life of M. T. Cicero, by Dr. *C. Middleton*. 2 Vols., L., 1741.

[340] *Trevor-Roper H.* History and Enlightenment. Yale, 2010. P. 98.

[341] Что впоследствии будет заимствовано другими авторами XVIII в.: викарем Уильямом Мейсоном/Mason (1725-1797), который создаст в 1775 году биографию своего

ему славу как ученому, но, в очередной раз, ясно продемонстрировала его приверженность «естественной религии». К этому времени Миддлтону исполнилось 60 лет. Его патрон лорд-хранитель малой королевской печати в 1740–1742 годы Джон Херви умер в 1743 году. Годом ранее, в 1742 году политическая конъюнктура начала меняться в связи с отставкой Роберта Уолпола. И многолетние надежды Миддлтона получить «доходное место» (епископа Вестминстера, или главы частной школы Чатерхаус) были похоронены.

Итогом жизненного пути и квинтэссенцией скептицизма Миддлтона стало последнее, опубликованное еще при его жизни, сочинение 1749 года «Свободное исследование чудодейственных сил, которыми, как предполагается, наделена христианская церковь»[342]. Это был его «завет» – ответ как «свободным мыслителям», так и «ревностным защитникам» христианства. В этом сочинении Миддлтон выдвинул два тезиса: первый, церковные чудеса должны быть приняты на веру, либо отклонены в массе своей вообще; и второе, что есть различие между сообщениями отцов ранней христианской церкви по вопросам веры и их сообщениями в качестве очевидцев исторических событий. Книга вызвала бурю эмоций и справа, и слева. И после смерти Миддлтона, несколько месяцев спустя, его друзья и недруги сокрушались о провале карьеры столь блистательно образованного человека. Однако, что стало ясно в исторической ретроспективе, именно он своими сочинениями и неподражаемым стилем повествования разрушил остатки суеверий в отношении христианства в британском образованном обществе. И хотя он заслужил среди современников репутацию неверующего человека, он всегда оставался искренним христианином. Таким образом, Коньерс Миддлтон был одним из тех гигантов, кто расчистил поле для создания секулярной истории. И именно его труды, а не Болингброка, как показал американский историк Норман Торри, оказали влияние на

товарища и известного поэта-сентименталиста Томаса Грея/Gray (1716-1771); Джеймс Босуэлл/Boswell напишет двухтомную работу «Жизнь Самюэля Джонсона» в 1791 году.

[342] *Middleton C.* A Free Inquiry into the Miraculous Powers …1749.

исторические воззрения Вольтера[343]. По большому счету это означало резкое снижение статуса теологии и ее растворение в истории.

Важно отметить, что в основании критического метода Миддлтона лежала не дедуктивная модель Рене Декарта, а индуктивный метод И. Ньютона, первое правило которого гласит: «не должно принимать в природе иных причин сверх тех, которые истинны и достаточны для объяснения явлений… природа ничего не делает напрасно, а было бы напрасным совершать многим то, что может быть сделано меньшим. Природа проста и не роскошествует излишними причинами вещей…»[344]. Но Миддлтон пошел дальше Ньютона с его анализом физического мира, и приложил этот метод к области теологии. Работы этого английского клирика заложили основания для формирования утилитарной концепции религии – ее понимания как основного столпа организации общества и государства. Это начинание было подхвачено и нашло отражение в работах представителей следующего поколения клерикальных мыслителей. В частности, в сочинении одного из «диктаторов» «литературной республики» епископа Глочестерского Уильяма Уорбуртона «Альянс между Церковью и Государством»[345].

И что совершенно определенно, так это влияние Миддлтона на основателя британской исторической традиции Эдварда Гиббона, который будучи студентом Оксфорда в 1752 году уже познакомился с работой Миддлтона «Свободное исследование чудодейственных сил». В «Истории моей жизни» он пишет: «Прогресс моих изменений можно показать, по крайней мере, историей моего умственного созревания. Прошло совсем немного времени с тех пор как доктор Миддлтон «Свободным исследованием» посеял тревогу в богословском мире: много чернил и много желчи было излито в защиту первоначальных (христианских – *В.В.*) чудес; и два наиболее скучных их поборника были увенчаны академическими почестями в Оксфорде. Имя Миддлтона было не популярно; и запрет на него,

[343] *Torrey N. L.* Voltaire and the English Deists. 1963. Oxford, P. 173–174.
[344] *Ньютон И.* Математические начала … С. 37.
[345] *Warburton W.* Alliance between Church and State. L., 1736.

что естественно, заставил меня внимательно прочитать его сочинения и тех его противников. Его смелая критика, которая приближает к пропасти неверия, произвела на мой разум удивительное воздействие; …Элегантность стиля и свобода аргументов были отбиты щитом предрассудков. Я все еще поклонялся репутации, или скорее именам, святых и отцов церкви, которых доктор Миддлтон развенчивал; не мог он один уничтожить мою благочестивую веру в то, что способность чудодейственных сил была присуща церкви первые четыре или пять веков христианства. Но я был не в состоянии противостоять весомости исторических свидетельств, … мой вывод не был уж таким абсурдным, что чудеса являются проверкой истины, и что церковь должна быть праведной и чистой, что становится видимым проявлением божественности»[346].

Обратим внимание читателя на то, что главным сочинением Гиббона стала книга под названием «История упадка и гибели Римской империи», где сюжет-интерпретация первых веков христианства является главным и наиболее удачным. Здесь он, как историк, стремящийся к достоверному знанию, вынужден игнорировать канон церковной истории как мало достоверный. История первоначального христианства лишена у Гиббона всякой святости, поэтому первый том, вышедший в 1776 году, сразу был осужден официальной церковью, а его автор назван «язычником». В целом же христианство Гиббоном интерпретируется как новая культура, погубившая культуру великого Рима и предопределившая установление «темных» средних веков. И, как замечает Хью Тревор-Ропер, Миддлтон стал путеводной звездой для Гиббона, он постоянно присутствует в его переписке и работах, находится ли «этот последней деист» в Риме, Париже или Лондоне[347].

Как можно заметить, историзм, в первую очередь, формировался в историографически насыщенной и самой актуальной интеллектуальной

[346] The Miscellaneous Works of Edward Gibbon, Esq: With Memoirs of His Life. 5 vol. L., 1814. V. 1. P. 60–61.

[347] *Trevor-Roper H.* History and Enlightenment. Yale, 2010. P. 114–115.

плоскости XVIII века – классике, за что восемнадцатый век и получил название «неоримского»[348]. В центре внимания авторов был период перехода от язычества к христианству. Самые острые дискуссии разворачивались по вопросам текстологии Библии и античных авторов. Неизбежно это историографическое «поле» меняло ситуацию в изучении и национального прошлого. Реформация церкви на Британских островах стала самой острой темой политических и теологических дискуссий на рубеже XVII–XVIII веков.

Завершившаяся «пуританская революция» сформировала по крайней мере две интерпретации событий церковной Реформации в Англии[349]. Родоначальником первой был ярый поборник протестантизма Джон Фокс, который в сочинении «Книга мучеников» сформулировал идею богоизбраности английского народа[350]. Вторая о праведности и исключительности англиканской церкви восходила к архиепископу Лоду и его последователям. Самым значимым текстом в этой интерпретации была «История Реформации в Англии» Питера Хейлина[351]. Дискуссия определялась доказательствам самостоятельности христианской церкви на Британских островах от папской курии, отсюда вопрос христианизации был в центре внимания[352]. И в том, и другом случае, с точки зрения техники исторического письма – это была заданная Полидором Вергилием эрудитсткая обильная цитация в «англиканском» теологическом духе. Новая эпоха требовала светской интерпретации событий Реформации, понятной для активно читающей публики с точки зрения «здравого смысла». И наряду с

---

[348] *Foxe J.* Actes and Monuments of these Latter and Perillous Days, Touching Matters of the Church. L., 1563.

[349] *Ерохин В.Н.* Методологические подходы к изучению истории религиозной реформации в Англии в современной британской историографии. Нижневартовск, 2008. С. 58–59.

[350] *Foxe J.* Acts and Monuments. L., 1563.

[351] *Heylin P.* History of the Reformation. Ecclesia restaurata; or, the history of the reformation of the Church of England. L., 1661.

[352] *Серегина А. Ю.* Мифы об обращении Англии в христианство и национальная/конфессиональная идентичность в XVI – начале XVII веков / Исторические мифы и этнонациональная идентичность // Диалог со временем. 2007. № 21. 389–412.

политическим и теологическим контекстом осмысления событий Реформации появляется рационалистически исторический контекст с его проблемами поиска источников и их интерпретации.

Справедливо будет открыть эту новую страницу изучения Реформации в Англии именем богослова и влиятельного человека эпохи Вильгельма Оранского Гилберта Барнета (1643–1715), епископа Солсбери (с 1689). Основной работой Барнета стало трехтомное сочинение «История Реформации церкви в Англии»[353]. Первый том вышел в 1679 году и был посвящен правлению Генриха V, второй – в 1681 году и покрывал правление Елизаветы Тюдор. Третий том появился на свет в 1714 году и содержал дополнительные и корректирующие материалы к первым двум. Гилберт Барнет родился в Эдинбурге, был шотландцем и уже в тринадцать лет получил степень магистра в университете Абердина. В смутные годы Протектората молодой человек предпринял традиционный Гранд тур: Кембридж, Оксфорд, Соединенные провинции, Франция. В Амстердаме он изучил древнееврейский. Будущий эпископ Солсбери свободно говорил на голландском, французском, греческом, латинском и древнееврейском языках. Вернувшись в Шотландию в 1665 году, Барнет был рукоположен в сан и вел небольшой сельский приход. В 1669 году без его инициативы был избран в качестве главы кафедры богословия в университете Глазго (*англ.* chair of Divinity at the University of Glasgow), который покинул в 1674 году и обосновался в Лондоне, активно включившись в придворную и политическую жизнь. Это был блестяще образованный и повидавший мир человек, потенциально готовый к решению экстраординарных исследовательских задач.

И скоро такая возможность представилась. В середине 1670-х годов Гилберт Барнет с большим желанием откликнулся на предложение своих друзей дать отповедь только что появившемуся французскому переводу

[353] *Burnet G.* The History of the Reformation of the Church of England. Ed. Pocock. 7 vols. Oxford, 1865.

книги «Возникновение и развитие Англиканского раскола»[354]. Ее автором был не принявший Реформацию английский католический священник Николас Сандерс (1530–1581). Впервые работа была опубликована на латинском языке в 1585 году в Кельне. Эта римско-католическая интерпретация «схизмы», история отпадения Англии от «матери-церкви», представала как политический акт алчного и жадного до денег Генриха VIII. Уже в следующем поколении Сандерс получил прозвище «Доктор Клеветы/Dr Slanders», а появившийся французский перевод 1674 года просто взывал к серьезному разбору тенденциозности его сочинения с «англиканских» позиций. Выполнение этой-то непростой миссии и взял на себя Барнет.

К моменту написания «Истории Реформации в Англии» Барнет уже имел некоторый опыт историописания. В 1678 году вышло его первое сочинение «Жизнь и деяния Джеймса и Уильяма герцогов Гамильтонов»[355]. Во введении к этому сочинению мы можем найти понимание им ремесла историка. Одни сочинения-истории похожи на «романсы», пишет Барнет, другие переполнены ошибками и ложью – все это вызывает недоверие ко всем сочинениям о прошлом. В действительности только два «сорта» историков достойны общественного доверия. Первые – это те, кто помогают понять историю. «Это все те люди, которые сами были вовлечены в события и способны писать историю, так как знают лучше как дело показать и преподнести». Вторые – это те, кто «пишет историю по подлинным документам, находящимся в их распоряжении – документам кабинета министров, публичным актам – квалифицируются наилучшим образом, так

[354] *Sanders N.* De origine ac progressu schismatis Anglicani. Colomn, 1585; Rise and growth of the Anglican schism by Nicolas Sander. Oxford, 1877. Режим доступа: http://archive.org/stream/riseofschism00sanduoft/riseofschism00sanduoft_djvu.txt

[355] *Burnet G.* The memoirs of the lives and actions of James and William, dukes of Hamilton and Castle-Herald. Oxford, 1852. Режим доступа: https://archive.org/details/memoirsoflivesac00burn

как дают миру правдивую информацию о событиях»[356]. Джилберт Барнет относит себя ко вторым. В его распоряжении был архив герцогов Гамильтонов, однако история шотландских герцогов была историей совсем недавнего прошлого и показывала неоднозначность отношений Карла I Стюарта с ковенанторами в событиях конца 40-х годов XVII века, и была неудобна Стюартам – поэтому рукопись после просмотра Карла II подверглась редакции. Казалось бы, история Реформации, за которую взялся Барнет на этот раз, была историей отстоящей на век и далее.

Но здесь он столкнулся с трудностью другого рода. Британский музей еще не был создан, как и каталог Бодлианской библиотеки. И основное хранилище государственных бумаг и публичных документов находилось в хаосе. Несмотря на то, что он получил свободный доступ в Офис государственных бумаг (*англ.* State Paper Office, в будущем «Паблик рекорд офис»), созданный в годы правления Якова I, в этом было мало пользы – документы были в полном беспорядке. Несомненную помощь для его дела могла оказать коллекция манускриптов библиотеки сэра Джона Коттона, но здесь возникла другая трудность. Сэр Джон затребовал две рекомендации – одного из государственных секретарей и архиепископа Кентерберийского. Последний отказал Барнету. Но что важно, в уже подготовленной публикации Барнет перечисляет все манускрипты и книги, которые он смог добыть и скопировать для своего сочинения. И более того, он обращается к читателям первого тома: «всех людей, кто имеет хоть какие-нибудь бумаги, относящиеся ко времени Реформации церкви в Англии, правлению Эдварда VI, королевы Марии и королевы Елизаветы, самым убедительным образом прошу дать знать о них м-ру Ричарду Чисвелу, книгопродавцу,… для того, чтобы они внимательным образом были изучены автором первой части этой истории, чтобы уже … завершить необходимую работу»[357]. Надо обратить

[356] A Life of Gilbert Burnet, Bishop of Salisbury by *T. E. S. Clarke*. Cambridge, 1907. P. XII.

[357] A Life of Gilbert Burnet, Bishop of Salisbury by T. E. S. Clarke. Cambridge, 1907. P. XVIII.

внимание на то, что документы служат Барнету не просто основой для его нарратива – он помещает их в конце каждого тома. И делает это не только для подтверждения своих суждений, но и для самостоятельной оценки публикой и для того, чтобы они служили будущим историкам. Один из самых известных английских историков XIX века Генри Галлам впоследствии скажет: это «было большим достижением, впервые в Англии, насколько я знаю: к тексту прикреплено большое количество документов, хотя нередко на латыни, которая не является обычным делом в современных публикациях»[358].

Сочинение Барнета «История Реформации в Англии», как скоро отметили его критики, имело много неточностей, ошибок и носило следы спешки. «Нет работы, которая бы столь строго критиковалась… – пишет историк церкви Р. Диксон, – что касается меня, я далек от того, чтобы разделить эту беспредельную критику… Необходимо помнить, что это была первая работа по общей истории (*англ.* work of nature of general history), основанная на аутентичных источниках, появившаяся в этой стране. Автор был очень трудолюбив, и учился быть точным… Эта была первая попытка представить критическое суждение об Английской Реформации на основе источников той эпохи. Позиция Барнета откровенно протестантская; но Барнет имел достаточно широты ума и уверенности в данном вопросе, чтобы быть выше вульгарных уловок умолчания и искажений. Он исследовал свой предмет в философском духе. Реформация была в его сознании работой Проведения, действующего через поступки несовершенных людей»[359].

Несмотря на то, что характер его истории провиденциальный, Гилберт Барнет фактически продемонстрировал новый исторический метод. Он совершенно отбрасывает нарратив «цитат» Питера Хейлина и концентрируется на объяснении происхождения идей в круговороте событий. Он стремится увидеть контраст между ситуацией, которая формировала идею

---

[358] *Hallam H.* Literatury of Europe. V. IV. L., P. 369.

[359] *Dixon R.W.* History of the Church of England from the Abolition of the Roman Jurisdiction. 1887. V. II. 359.

Реформации и результатом преобразований – реформированной церковью. И не удивительно, что книга стала популярной, несмотря на множественные ошибки – ее автор демонстрировал новый исследовательский подход, широту ума и честность. Немалую роль в его новом видении истории играло знакомство с произведениями лучших историков его времени. Он знал и восхищался сочинением Паоло Сарпи (1552–1623) «История Тридентского собора» и считал ее лучшей из известных по церковной истории[360].

В значительной степени под влиянием сочинения французского историка Жака Де Ту (1553–1617) «История моего времени» Барнет пишет, начиная с 1683 года, другое свое значительное сочинение – «История моей жизни»[361]. Первый том выходит в 1724 году и завершается событиями Славной революции. Второй том – уже после его кончины – в 1734 году и завершается заключением Утрехтского договора 1713 года. «История моей жизни» была попыткой засвидетельствовать эпоху глазами историка. В отношении второго тома эта попытка в значительной степени удалась. Но первый том Барнета неизбежно сравнивали с сочинением лорда Кларендона (1609–1674) «История мятежа», вышедшем в 1702 году. Сравнение было не в пользу «Джибби», и это понятно уже в силу вовлеченности двух людей в события Революции. Исторические сочинения Джилберта Барнета позволили уже современникам говорить об особом его стиле. И оценки «древних», классицистов, были суровыми. Вердикт Дж. Свифта был таков: «Я никогда не сталкивался с таким плохим стилем … грубый, полный непристойностей, в выражениях часто шотландских, используемых в просторечье»[362]. Любимый автор «древних» Кларендон подражает античным авторам великолепием стиля, драматизмом повествования. Но Барнет поставил перед собой совсем другую задачу – реализм и точность воспроизведения[363].

---

[360] *Burnet G.* The History of the Reformation of the Church of England. Ed. Pocock. 7 vols. Oxford, 1865. V. 1. P. 581, V. II. P. 355, V. III. P. 10.

[361] *Burnet G.* History of My Own Time. 2 vols. L., 1724; 1734.

[362] *Swift J.* Works. Ed. Temple Scott. V. X. P. 327, 336.

[363] A Life of Gilbert Burnet, Bishop of Salisbury by T. E. S. Clarke. Cambridge, 1907.

Надвигающаяся ситуация смены престолонаследника в связи с бездетностью королевы Анны, а также осознание скорого собственного конца заставили Барнета позаботится о внесении дополнений и изменений в первые два тома «Истории Реформации церкви в Англии». В 1714 году – в последний год правления королевы Анны и начала правления Ганноверской династии – вышел третий том его «Истории». Напряженность ситуации также задавалась выходом в этом году второго тома работы богослова Джереми Коллиера (1650–1726). Первый том его сочинения «Церковная история Великобритании»[364] вышел в 1708 году и покрывал период до Реформации. Второй том был посвящен XVI веку и по времени издания совпал с выходом третьего тома Гилберта Барнета. Несомненно, это были две самостоятельные и конкурирующие интерпретации событий Реформации в Англии.

Коллиер, в отличие от Барнета, был англичанином, закончил Кайюс колледж в Кембридже и получил степень магистра в 1676 году. Он был епископом, не присягнувшим Вильгельму и Марии Оранским, якобитом, настаивавшим на божественном происхождении королевской власти. Коллиер стоял скорее на проторийских, консервативных позициях. Его слог ласкал слух изысканного читателя подобного Свифту. К слову сказать, Коллиер, молодость которого пришлась на период Реставрации, был еще и заметным театральным критиком[365]. Барнет напротив был в фаворе у Вильгельма и Марии Оранских, получив доходное епископство Солсберийское в 1689 году. Он был сторонником вигов и оказался в сложном положении в последние годы жизни, т.к. виги получили отставку в 1710 году, а пришедшие к власти тори заключили мир в Утрехте 1713 года с католической Францией. Виги, не без основания, опасались, что престол займет Претендент. Существовала реальная опасность нового «папистского

[364] *Collier J.* Ecclesiastical History of Great Britain. 2 vol., 1708; 1714.

[365] *Starkie A.* Contested Histories of the English Church: Gilbert Burnet and Jeremy Collier // Huntington Library Quarterly. Vol. 68, №. 1-2, March 2005. P. 335–351; The Uses of History in Early Modern England. Ed. *Paulina Kewes*. San Marino, 2006. P. 329–346.

заговора». И действительно в 1715 году вспыхнуло неудавшееся восстание якобитов.

В напряженной и состязательной атмосфере авторы – Гилберт Барнет и Джереми Коллиер – обсуждали вопрос взаимоотношений церкви и государства. И тот, и другой тексты отражали сложный процесс определения новой роли церкви и государства в обществе. Реакция на них ясно указывает на изменения, произошедшие в английском обществе за последние 30 лет, последовавших за изданием второго тома Барнета в 1681 году. Сама тема попала в центр ожесточенной полемики в прессе, и шире – в интеллектуальное поле первых лет правления новой династии Ганноверов. Это было открытое обсуждение, где каждый желающий мог выражать свое мнение в «Evening Post», «London Magazine» и пр. И то, что последовало далее, получило название Бангорианского спора или контроверзы (*англ.* Bangorian Controversy), хронологически затянувшейся до 1717 года[366].

Начало контроверзы связывают с посмертной публикацией в 1716 году книги, уже упомянутого в первом параграфе как автора «Тезауруса северных языков», священника Джорджа Хикса (1642–1715) «Конституция Католической церкви, природа и последствия Раскола»[367]. Он заслуживает особого внимания и станет главным героем дальнейшего повествования. Хикс был неприсягнувшим священником, как Коллиер, и написал свою работу с позиций этой небольшой группы священников. В 1689 году эти священники сочли себя не свободными от клятвы, данной Стюартам. В ту пору их было около 400, из них – девять высших иерархов церкви, в том числе архиепископ Кентерберийский Томас Санкрофт[368]. Церковный «раскол» 1689 года не был доктринальным, хотя в центре его был постулат о божественности королевской власти. Этот политический вопрос касался

---

[366] *Старки Э.* Англиканская церковь и Бангорская дискуссия, 1716–1721 гг. (Реферат) / Церковь религиозное сознание в Новое и Новейшее время. М., 2010. С. 157–165.

[367] *Hickes G.* Constitution of the Catholic Church … 1716.

[368] Non-Jurors / Catholic Encyclopedia. New York: Robert Appleton Company. 1913.

совести англиканских священников. Таким образом, неприсягнувшие священники номинально стали якобитами, хотя, как правило, активно не поддержали восстания якобитов 1715 и 1745 годов. И, сразу скажем, что впоследствии вопрос был закрыт со смертью «молодого претендента» в 1788 году.

В 1716 году в атаку против Хикса пошел молодой, только начинающий свою карьеру, епископ Бангора Беньямин Хэдли (1676–1761). Он выпустил работу под названием «Предостережение против принципов и практики неприсягнувших священников, как по отношению к Церкви, так и Государству»[369]. В «Истории английской мысли XVIII века» Лесли Стивен характеризует Хэдли как самого неприятного священника в истории англиканской церкви XVIII века. «Хэдли ненавидели по многим причинам… он был неряшливый, неуклюжий, чрезвычайно упрямый, часто неясно выражающий свои мысли, по-видимому, в конце концов, уклончивый в определенных ответах; в некоторых случаях … с затаенной злобой по отношению к своим врагам»[370]. Он претендовал на поддержку вигов и премного преуспел в этом. Позже Хэдли будет нанят Робертом Уолполом в качестве журналиста и будет писать под псевдонимом «Британикус» корреспонденции в «Лондонский журнал» (*англ.* «London Journal»)[371]. Хэдли сделает успешную карьеру, будет любителем театра и покровителем искусств (например, художника Уильяма Хогарта).

По существу сочинения Джорджа Хикса и Беньямина Хэдли, написанные, казалось бы, на историко-религиозную тематику, были двумя конкурирующими представлениями об основах правления в Англии. Неприсягнувшие священники и в том числе Джордж Хикс, выстраивали «линию» соподчинения сверху вниз: Бог избирает короля и епископов как лидеров государства, наделяя их «божественной благодатью». Именно на

---

[369] *Hoadly B.* Preservative against the Principles and Practices of Non-Jurors …1716.

[370] *Stephen L.* History of English Thought in the Eighteenth Century.1876. L., P. 152–153.

[371] The Uses of History in Early Modern England. Ed. *Paulina Kewes*. San Marino, 2006.

такое представление о божественном праве королей и прелатов опиралась традиционная земельная аристократия и партия тори. Другая точка зрения – Хэдли и вигов – заключалась в том, что источник власти зиждется в народе, и передается священникам и королю – таким же простым людям как все прочие. И «божественное откровение» доступно каждому. Политическая ситуация в стране благоприятствовала этой точке зрения: Георг I поддерживал партию вигов в парламенте и их расширительное толкование королевских прерогатив с целью сломить силу аристократии, палаты лордов, а также якобитов. Существенным препятствием для всех английских королей, и в особенности для первых Ганноверов, было присутствие епископов в палате лордов.

Кульминацией и разрешением спора стала проповедь Хэдли 31 марта 1717 года «Сущность царства Христова» (*англ.* «The Nature of the Kingdom of Christ»), произнесенная перед самим королем Великобритании. В этой известной и не раз потом издававшейся проповеди, Хэдли, опираясь на фразу из текста Евангелия от Иоанна (18:36): «Царство Мое не от мира сего», выводил тезис об отсутствии какого-либо библейского обоснования наделения церкви властью. Он соотнес церковь с царством небесным, т.е. «не от мира сего», и указал, что, исходя из текста Евангелия, Христос не делегировал свои полномочия каким-либо представителям на земле[372]. Проповедь вызвала бурю эмоций среди англиканского духовенства. В дискуссии приняли участие ранее упоминавшийся архиепископ Карлайла Уильям Николсон в «Английской исторической библиотеке»; декан Или Роберт Мосс; Томас Шерлок, с 1728 года епископ Бангора (впоследствии епископ Лондона); священник и преподаватель Эммануил колледж Кембриджа Уильям Лоу и многие другие[373]. Всего на сегодняшний день

[372] *Starkie A.* The Church of England and the Bangorian Controversy, 1716–1721. Boydell, 2007.

[373] *Law W.* Three Letters to the Bishop of Bangor, from 1717; *Moss R.* The Report Vindicated from Misreports … 1718; *Nicolson W.* English Historical Library. In three parts…L.,

выявлено по этому вопросу около двухсот памфлетов 53 авторов[374]. В мае 1717 года были созваны высшие иерархи церкви (*англ.* Convocation) и создан специальный комитет с целью изучения проповеди Хэдли. И когда она была осуждена, король распустил Конвокацию, которая не созывалась в течении последующих 130 лет, а некоторых из оппонентов Хэдли Георг I лишил церковных постов.

После бангорианской контроверзы теологические споры остались в лоне «матери-церкви», а вопросы веры окончательно переместились в сферу частной жизни английского общества. Государство возвысилось над церковью. Но именно ее представители и вступят в бой с другой надвигающейся опасностью и крайностью – деизмом. Именно священники станут передовым отрядом цеха историков, антикваров, мыслителей. Случай Коньерса Миддлтона тому красноречивый пример. В философском плане выше изложенное привело к формированию агностицизма в Англии – доктрины о невозможности познания абсолютных основ реальности через субъективный опыт. Скептицизм и агностицизм – вот ключевые понятия становления британского исторического письма в Авугстианскую эпоху[375].

В конце наших рассуждений о секуляризации исторического знания в Англии эпохи Просвещения в качестве лакмусовой бумажки используем «Историю Англии» Дэвида Юма как первое историческое сочинение, выдержанное в духе светской истории. Третий том «Истории» посвящен правлению Генриха VIII. Для анализа нами была взята глава XXXI, охватывающая период с 1534 года, от Акта о супрематии, до 1538 года, что увязано Юмом с появлением наследника мужского пола – будущим королем Эдуардом VI. Гилберт Барнет у Юма занимает первое место по частотности

1714; *Sherlock T.* Remarks on the Bishop of Bangor's Treatment of the Clergy and Convocation and other works. 1717; и др.

[374] Hoadle Benjamin / New Schaff-Herzog Encyclopedia of Religious Knowledge, Vol. V. Michigan, 1953. P. 301. Режим доступа: http://www.ccel.org/ccel/schaff/encyc05/Page_301.html

[375] *Clark J. C. D.* English Society, 1660–1832: Religion, Ideology and Politics During the Ancient Regime. Cambridge, 2000.

цитат в этой главе – около 20 раз на 45 страницах. Другие авторы появляются с большим отрывом, в частности, Дж. Коллиер – 4 раза. В отношении Юма также можно сказать, что именно под влиянием К. Миддлтона[376] он написал и опубликовал в 1748 года эссе «О чудесах», в 1757 году работу «Естественная история религии»[377], а также изданную посмертно работу «Диалоги о естественной религии»[378].

Вытеснение из средневекового исторического нарратива «духовной» составляющей привело к порождению в Британии такого уникального явления как моральная философия. Кафедры моральной (иногда встречается перевод «нравственной») философии возникли во всех британских университетах: Оксфорд (1621, *англ* White's Chair of Moral Philosophy); Кембридж (1683, *англ.* Professorship of Moral Theology or Casuisticall Divinity); в Университете Глазго (1727) и т.д. Наивысшего своего выражения моральная философия достигла в сочинениях ирландско-шотландского философа Френсиса Хатчесона. Названия его работ которого говорят сами за себя: «Размышления о моральности добра и зла», «Эссе о природе и проявлении страстей» и другие[379]. Сниженный вариант моральной философии представлен трудами Бернарда Мандевиля, например, «Взроптавщий улей, или мошенники, ставшие честными»[380], в которых, с одной стороны, показана аморальность «буржуазной морали», с другой стороны, пороки и беды выступают у Мандевиля двигателями прогресса (сытость приводит к лени и т.п.). Скептицизм в отношении человеческой природы, необходимость иерархии как социального института – эти идеи стали основополагающими в философии британского Просвещения[381].

---

[376] *Porter R.* Enlightenment: Britain and the Creation of the Modern World. L., 2000. P. 124–129.

[377] *Hume D.* The Natural History of Religion. 1757.

[378] *Hume D.* Dialogues Concerning Natural Religion. 1779.

[379] *Young B. W.* Religion and Enlightenment in Eighteenth-Century England … 1998.

[380] См.: *Мандевиль Б.* Басня о пчелах. М., 1974.

[381] *Forbes D.* The Liberal Anglican Idea of History. Cambidge, 1952.

Таким образом, к середине XVIII века в британском историописании провиденциальная «духовная» история уступает место «светской». При том, что Э. Берк совершенно обоснованно мог заявлять в 1790 году: «Мы знаем и гордимся знанием, что человек религиозен изначально; что атеизм противен не только нашему разуму, но и нашим инстинктам и поэтому не может долго служить их подавлению. Но если в момент мятежа или в состоянии пьяной горячки, вызванной паром, вырвавшимся из адского котла, который сегодня яростно кипит во Франции, мы откроем нашу наготу, отбросив христианскую веру, которая до сих пор была нашей славой и утешением, великим источником цивилизации для нас и для других народов, то можно опасаться (ибо известно, что ум не выносит пустоты), как бы грубое, пагубное и унизительное суеверие не заняло ее места»[382].

2.3. АНТИКВАРНОЕ ОБЩЕСТВО И ЭМПИРИЗМ В БРИТАНСКОЙ ТРАДИЦИИ ИСТОРИОПИСАНИЯ XVIII ВЕКА

Антикварианизм стал основой формирования британской исторической традиции в новое время. С этим утверждением трудно спорить. Но что кроется за ним – понять достаточно сложно. Явление это уникальное, британское и по своей природе отражает особенности исторического развития Великобритании и такие черты национального характера британцев как прагматизм и уважение традиции. Антиквары эпохи Просвещения на первый взгляд мало чем отличались от антикваров елизаветинской эпохи. Они также были собирателями артефактов старины – древних рукописей, археологических находок, надписей, редких камней и прочих диковин. Но в проекте Просвещения миссия антикваров была принципиально иной и заключалась в адаптации «прошлого» к новому коммерциализированному обществу, которое формировало свой «запрос» и хотело знать о своем

[382] *Берк Э.* Размышления о революции во Франции // Социс. 1991. № 6. С. 117.

прошлом в соответствии с ним. Антикварное знание формировало новую культурную идентичность британцев, выстраивая связь между прошлым и настоящим.

Конечно, антикварианизм был присущ ренессансной культуре в целом, но только в Англии эта традиция получила такое широкое распространение. Ранний антикварианизм елизаветинской эпохи был связан, прежде всего, с генеалогией. Широкую популярность тогда получили «хронографии», которые были началом изучения основ географии, топографии, картографии в историческом контексте. Несмотря на потрясения «великой смуты», антикварианизм продолжал развиваться и в XVII веке. Имена Джона Селдена, сэра Уильяма Дагдейла, Элиаса Эшмола широко известны и сегодня. В восемнадцатом веке в Британии счет антикварам шел уже на сотни. Несопоставимо более обширной стала география их исследований. Шло оформление метода антикварных изысканий. Здесь-то и возникает существующий в историографии водораздел между «историками» и «антикварами».

Следует сразу сказать о биполярности оценок антикварианизма в исторической литературе. Первая сниженная оценка заключается в том, что антиквары были любителями и дилетантами, занимавшимися «сомнительным изучением» предметов «сомнительной ценности». Красноречива оценка лорда Болингброка в «Письмах об изучении и пользе истории» (1731). Рассуждая о мотивах, по которым люди начинают заниматься историей, он выводит в отдельный «класс» антикваров – тех, кто «не становится от занятий историей ни мудрее, ни лучше, облегчает изучение ее другим и направляет их к целям более полезным; это те, кто снимает хорошие копии с плохих рукописей, объясняет смысл непонятных слов и берет на себя великое множество других грамматических трудов», но что до Болингброка лично, то он не принесет «в жертву полжизни ради собирания

всего того ученого хлама, которым заполнена голова антиквара»[383]. Именно таким выведен Джонатан Олдбак (*англ.* Jonathan Oldbuck) в романе Вальтера Скотта «Антиквар» (1816). В изучении истории археологии эта сниженная оценка сохраняется и сегодня[384].

Однако в 60-е гг. XX века появляются работы Арнальдо Мамильяно и позже Алена Шнапа, которые сформировали иную точку зрения. Антикварианизм XVIII века заложил основы формирования многих исторических дисциплин – нумизматики, сфрагистики, истории искусств и многих других. К этой точке зрения присоединилась современная британская исследовательница Розмари Свит[385]. И тем не менее, в работе «Классические основания современной историографии» Момильяно дает определение антиквара как «человека, который заинтересован в исторических фактах, не будучи заинтересованным в истории…сегодня его встретишь редко… антиквар пал жертвой специализации…»[386]. Сторонники этого подхода стремятся реабилитировать значимость антикваров нового времени в глазах научной общественности и показать их великий вклад в деле формирования истории как науки. Задача данного параграфа проанализировать вклад британских антикваров в становление национальной традиции историописания.

В контексте научной революции рубежа XVII–XVIII веков и спора «древних» и «новых» антиквары твердо заняли сторону «новых». Именно их исследования показывали, что эмпирические данные играют первостепенную роль в уточнении исторических и других научных данных. Сама дискуссия «древних» и «новых» заставила британских антикваров в 1707 году вновь объединиться в Общество (*англ.* Society of Antiquaries of London),

---

[383] *Болингброк.* Письма об изучении и пользе истории … С. 8–9.

[384] *Daniel G. E.* A Hundred and Fifty Years of Archaeology. L., 1976.; Trigger, Bruce G. A History of Archaeological Thought: Second Edition. N. Y., 2006.

[385] *Momigliano A.* Studies in Historiography. L., 1969; *Momigliano A.* The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley, 1990; *Schnapp A.* The Discovery of the Past: the origins of archaeology. L., 1997 *Sweet R.* Antiquaries: the Discovery of the Past … 2004.

[386] *Momigliano A.* The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley, 1990. P. 54.

запрещенное Яковом I в 1604 году. Неофициальная организационная встреча состоялась в Медвежьей таверне на Стрэнде в декабре 1707 года. Энтузиастами консолидации сил стали три товарища и влиятельных антиквара последних лет правления королевы Анны – Джон Талман, Джон Бегфорд и Хамфри Уэйнли.

Короткая характеристика интеллектуальных занятий наших героев выглядит следующим образом. Джон Талман (1677–1726) – католик, художник-любитель, обладатель уникальной коллекции своего отца Уильяма Талмана, знаменитого архитектора эпохи Вильгельма Оранского. Позже, в 1709–1717 годах Талман будет проживать в Италии и собирать предметы тамошней старины, став другом папы Климента XI. Именно он будет избран первым директором Антикварного общества в январе 1717 года и завещает обществу значительную часть своей коллекции. Другую часть Антикварное общество приобретет с аукциона после его смерти в 1726 году.

Другим отцом-основателем Антикварного общества был библиофил, собиратель баллад и книгопродавец Джон Бэгфорд (1650–1716), который начинал с торговли обувью, а с 1680 года занялся книготорговлей. С этой целью бывал в Гарлеме, Лейдене и Амстердаме, выполняя заказы влиятельных людей. Его заказчиками были лидер партии тори, первый граф Оксфорд, Роберт Харли и его сын Эдвард, также выдающийся политический деятель и покровитель искусств[387]; друг И. Ньютона и Р. Бойла, библиофил и президент Лондонской королевской академии в 1684–1686 годах Сэмюэл Пепис; натуралист и медик, впоследствии президент Лондонского королевского общества в 1727–1741 годах сэр Ханс Слоун; геолог и создатель «естественной истории» Британских островов Джон Вудворд и многие другие. Бэгфорд пользовался репутацией знающего и надежного человека, способного быстро добывать нужные книги. У него завязались дружеские отношения со всеми ведущими знатоками древностей его

[387] Харлеанская коллекция (Harley Collection) является одной из главных коллекций Британской библиотеке в Лондоне.

времени. Бэгфорд внес существенный вклад в подготовку новейшего издания «Британии» Кемдена (1695), а также в переиздание других книг, о которых позаботилось Общество, как, например, сочинение Джона Стоу «Обзор Лондона». И, несмотря на то, что помнят Бэгфорда сегодня больше как собирателя баллад, в начале XVIII века он был одним из первых библиографов своего времени.

И наконец, третьим был антиквар Хамфри Уэйнли (1672–1726), сын священнослужителя, который начинал с торговли тканями в родном городе, благодаря покровительству епископа Ковентри и Личфилда Уильяма Ллойда в 1695 году отправился учиться в Оксфорд. Там он работал в качестве ассистента Бодлианской библиотеки до 1700 года, затем переехал в Лондон. Здесь Уэйнли получил работу помощника Ханса Слоуна, когда тот исполнял обязанности секретаря Лондонского королевского общества. Затем и до конца жизни Уэйнли был хранителем библиотеки и коллекций вышеупомянутого семейства Харли. Однако наибольший вклад в национальную историю Уэйнли внес изучением староанглийской литературы. В 1705 году он подготовил и издал «Каталог англосаксонских манускриптов», которым увековечил память о себе как великом палеографе[388]. В 1706 году Уэйли был избран членом Лондонского королевского общества.

Итак, эти трое в 1707 году приняли общее решение подать королеве Анне прошение о получении хартии на собирание и издание британских древностей. Тогда же они договорились, что общество должно заниматься древностями по преимуществу относящиеся в истории Британии и по времени – к периоду до правления первых Стюартов[389]. Первоначальный проект деятельности общества предполагал подготовку и издание 35 редких книг. Не получив поддержку короны, антиквары с 1707 года все же начали

[388] Antiquae literaturae septentrionalis liber alter. Catalogue of manuscripts containing Anglo-Saxon. Oxford: Clarendon.

[389] Society of Antiquaries London. Режим доступа: http://www.sal.org.uk/about-us/our-history/

проводить регулярные встречи с обсуждением докладов и составлением протоколов заседаний. Поэтому, несмотря на то, что только в 1717 году произошло официальное образование Антикварного общества и коронная хартия была получена от Георга II только в 1751 году, общество ведет свою историю с 1707 года. В 1780 году король Георг III предоставит обществу помещение для заседаний в Сомерсет-Хаус и уже в XIX веке общество переедет в Барлингтон-хаус (*англ.* Burlington House), где и располагается до сегодняшнего дня[390].

Первым секретарем Антикварного общества был избран тогда еще молодой человек Уильям Стьюкли (1687–1765) – может быть, самый выдающийся в ряду антикваров XVIII века[391]. К его влиянию на историописание XVIII века мы еще будем обращаться. Биография Уильяма Стьюкли является классическим примером в антикварном мире той эпохи. По своей основной специализации он был медиком, закончив Корпус Кристи колледж в Кембридже. Имел практику и был избран в 1720 году членом Королевской коллегии врачей Лондона. Показательно, что в 1729 году он принял духовный сан и стал настоятелем прихода церкви Всех Святых в Стэмфорде в графстве Линкольншир с 1730 по 1747 год, с 1747 до смерти был настоятелем церкви Святого Георгия Великомученика на Квин Сквер в Блумсбери в Лондоне. Так выглядит внешняя сторона его жизни. Всю свою сознательную жизнь он занимался исследованиями. Автор одной из последних биографий этого многогранного человека Дэвид Хайкок выделяет два аспекта его исследовательской деятельности: изучение «микрокосма» – Стьюкли как доктор и анатом; и «макрокосма» – философ и антиквар. Чтобы понять характер его многочисленных и разнообразных интеллектуальных занятий, надо представлять какое влияние на него оказал его старший современник Исаак Ньютон. Стьюкли, будучи студентом Кембриджа, посещал его лекции и был восхищен им. А в 1717 году как земляк из

[390] Society of Antiquaries London. Режим доступа: http://www.sal.org.uk/
[391] *Piggott S.* William Stukeley: an eighteenth-century antiquary. L., 1950.

Линкольншира свел личное знакомство с Ньютоном, который в то время уже был президентом Лондонского королевского общества (с 1703). Стьюкли начал выполнять некоторые поручения Ньютона в качестве секретаря этого общества, и вскоре (в 1718) был избран его членом. Последующие десять лет жизни Ньютона он находился с ним в постоянном контакте, любил беседы и общение с ним. В лице Стьюкли мы имеем приверженца теории «естественной философии» Исаака Ньютона или «натурфилософии», которой Стьюкли будет руководствоваться всю жизнь. Как дань уважения в начале 1750-х годов он напишет первую биографию этого выдающегося математика и философа[392].

И Ньютон, и Стюкли испытывали интерес к естественной истории, астрономии и истории религии, и особенно библейской хронологии. Ньютон самостоятельно изучил древнееврейский язык и последние двадцать лет жизни занимался исключительно этими вопросами[393]. Его неотступно волновала как предшествующая, так и будущая естественная история земли[394]. Стьюкли был хорошо осведомлен о данном аспекте частных исследований Ньютона и также посвящал все свое время истории религии и «натурфилософии». В центре его изысканий находится вопрос, поставленный писателями предшествующего поколения, такими как священник Томас Барнет, математик Ньютон, «free thinker» Джон Толанд – вопрос о божественном происхождении человечества. И надо заметить, что в результате исследований Стьюкли и ряда его современников, вместо смутного представления о доисторическом периоде развития человека, на рубеже XVIII–XIX веков сформировалась достаточно четкая система деления древней истории на три «века» – «three-age system» – каменный, бронзовый, железный. Опираясь на вторичный материал «остатков» в сочетании с

---

[392] См.: *Stukeley W.* Memoirs of Sir Isaac Newton's Life. L., 1752. P. I, 4, 7. Режим доступа: http://www.newtonproject.sussex.ac.uk/view/texts/normalized/OTHE00001

[393] *Карцев В. П.* Ньютон. М., 1987., С. 358; *Акройд П.* Исаак Ньютон. Биография. М., 2011.

[394] *Haycock D. B.* Dr William Stukeley: Science, Religion and Archaeology in Eighteenth-Century England. Woodridge, 2002.

классическими текстами, Библией, записками путешественников, а также исследованиями в области натурфилософии, антиквары смогли создать жизнеспособный исторический контекст, в котором древние археологические памятники, такие как мегалитические сооружения Стоунхендж или Эйвбери, имели принципиальное значение.

Именно изучению этих двух объектов и посвятил основную часть свой жизни Уильям Стьюкли. Впервые он посетил эти объекты в 1720 году и только в 1740 году вышла первая его книга «Стоунхендж, храм восстанавливающий британских друидов»[395] и 1743 году «Эйвбери, храм британских друидов»[396]. Ключевую роль в формировании концепции Стьюкли в отношении этих «каменных кругов» сыграла работа антиквара предшествующего поколения, также медика по профессии, и как Стьюкли. Джон Обри (1626–1697) первым, кто дал научное описание этих памятников в собрании «Памятники Британии» 1793 года. В 1666 году Обри зарисовал план расположения камней, а также обнаружил меловые лунки, расположенные на равном расстоянии друг от друга по кругу (всего 56 штук, «лунки Обри»)[397]. Интересно как Обри в «Британские памятники» (*лат.* «Monumenta Britannica») располагает «избранные британские древности» (*англ.* miscellany of british antiquities). Он выделяет четыре «класса»: 1. «Templa Druidum», храмы друидов, в частности Эйвбери и Стоунхендж, которые он интерпретирует как «храмы под открытым небом»; 2. «Chorographia Antiquaria», обследование ранних городских и военных объектов, в том числе римских городов, «лагерей» (городищ) и замков; 3. обзор могильных памятников, дорог, монет и урн; 4. аналитические

[395] См.: *Stukeley W.* Stonehenge, A Temple Restor'd to the British Druids. L., 1740.
[396] См.: *Stukeley W.* Abury, A Temple of the British Druids. V. II. L., 1743.
[397] *Trigger G.B.* A History of Archaeological Thought. 2 ed. Cambridge, 2006. P. 106–110.

материалы, касающиеся эволюции почерков, средневековой архитектуры, костюма и формы щитов[398].

О проделанной Обри работе Л.С. Клейна пишет: «В четвертой части для понимания книги были предложены четыре *хронологически выстроенных типологии*: «архитектоническая» (архитектурные стили), «графическая» (системы письменности), «аспидологическая» (классификация щитов, изображенных на могильных камнях) и одежная (классификация последовательно сменяемых одежд, так сказать история моды). Для установления этой хронологической типологии Обри устанавливал типичную анатомию памятников и сравнивал памятники между собой и с письменной и устной традицией. «Эти древности столь чрезвычайно древние, - писал он, - что их не достигает ни одна книга, так что нет пути восстановить их, кроме как «сравнительной наукой древностей» («comparative antiquitie»), которую, оказавшись в затруднительном положении, я написал с самих памятников»[399]. Работа так и не была опубликована при жизни автора целиком, но Стьюкли познакомился с рукописью Обри в Бодлианской библиотеке в 1717 году.

Следует обратить внимание на то, что елизаветинский антиквар Уильям Кемден называет Эйвбери «старым лагерем со рвом»[400]. Обри же, а за ним и Стьюкли связывают мегалитические сооружения с доримской Британией. У. Стьюкли, продолжая работу Джона Обри, обратил внимание на сопутствующие памятники основного «круга» Стоунхенджа диаметром 33 метра, а также начал раскопки курганов в этом районе. В результате 20-ти летних исследований он пришел к выводу, что Стоунхендж был храмом исконной патриархальной религии – проторелигии современного

---

[398] *Aubrey J.* Monumenta Britannica: or, A miscellany of British antiquities. illustrated with notes of Thomas Gale and John Evelyn ; annotated by Rodney Legg; archaeological consultant, William Hoade ; language adviser, Robert J. Briggs ; literary editor, John Fowles. 2 vols. Sherborne, Dorset, 1980; 1982.

[399] *Клейн Л. С.* История археологической мысли. Курс лекций. В 2 томах. Т. 1. СПб., 2005. С. 116.

[400] *Клейн Л.С.* История археологической мысли. Курс лекций. СПб., 2005. Т.1 . С. 116.

христианства. Как считал Стьюкли, он был построен выходцами из Ближнего Востока, возможно, финикийцами, прибывшими сюда сразу после Великого потопа еще при жизни Авраама или сразу после него[401]. Они-то и стали прародителями кельтов, основали религию друидов и построили загадочные каменные сооружения. Стьюкли датировал постройку Стоунхенджа серединой первого тысячелетия до нашей эры.

Хотя современная археология углубляет датировку Стоунхенджа на два тысячелетия и базируется на протокельтском происхождении друидов – сочинение Стьюкли не утратило своего значения по сей день. Именно с его именем крупный британский археолог XX в. Стьюарт Пиготт связывает начало друидического объяснения Стоунхенджа и Эйвбери, а также процесс романтизации кельтов, друидов и доримской истории Британских островов. Стьюкли дал по-своему убедительный ответ на один из главных вопросов эпохи Посвящения: было ли христианство единственной истинной верой. В контексте Великих географических открытий и знакомства с религиозными практиками других народов, а также религиозной ситуацией в своем отечестве ответ Стьюкли был в универсальности божественного, в глубокой взаимосвязи «естественной» религии и христианской.

Современная оценка трудов Стьюкли также должна учитывать и тот факт, что они были созданы в ситуации «памфлетных войн» в Британии первой трети XVIII века. Сам антикварий пишет в 1730 году, что главный мотив в его исследований – «сразить деистов с неожиданной стороны»[402]. Он имел в виду, прежде всего, «free thinker» Джона Толанда, который имел личные встречи с Обри и мечтал написать книгу о друидах. Но только посмертно в 1726 году были опубликованы его письма под общим названием

---

[401] Цит. по: *Пиготт С.* Друиды. Поэты, ученые, прорицатели. 2005. С. 145.

[402] Цит. по: *Haycock D. B.* Dr William Stukeley: Science, Religion and Archaeology in Eighteenth-Century England. Woodridge, 2002; Stukeley to Roger Gale, 25 June 1730, in SS 3, p. 267. Режим доступа: http://www.newtonproject.sussex.ac.uk/view/texts/normalized/OTHE00017

«Критическая история кельтской религии»[403]. «Моим намерением было, – пишет Стьюкли, – кроме сохранения памяти об этих необыкновенных монументах, которым сейчас грозит разрушение, распространить по мере сил моих и расширить знание о древней и истинной религии, возродить в ученых умах дух христианства… согреть наши сердца истинным смыслом религии, лежащим посередине между суевериями невежества и вольнодумством учености, между энтузиазмом и разумным почитанием Господа, что, по моему мнению, нигде не происходит лучше, чем в англиканской церкви»[404].

Следует обратить внимание на то, что в результате этих дискуссий слово «кельт» прочно вошло в национальный обиход, вытеснив слово «бритт» в отношении доримского периода истории Британии. Пиготт отдает первенство в этом вопросе французскому монаху Полю Пезрону (1639–1706), опубликовавшему в 1703 году книгу «Древности наций. Особенно кельтов или галлов, народов первоначально идентичных древним британцам»[405]. В 1706 году вышел английский перевод этой книги, сделанный Дэвидом Джонсом[406]. В ней происхождение кельтов прямо возводилось к библейским «героям» Иафету и Ною. Но актуализация темы в англоязычном публичном пространстве несомненно принадлежит Стьюкли. «Хотя патриархальная религия Стьюкли была на время забыта, его защита друидического происхождения Эйвбери, Стоунхенджа и других каменных кругов, – пишет Стюарт Пиготт, – долго продолжала жить и укрепляться в национальном фольклоре, становясь неотъемлемой его частью»[407]. Кроме того Пиготт подробно разбирает процесс мифологизации кельтов антикварами XVIII –

---

[403] См.: *Toland J.* The Critical History of the Celtic Religion and Learning Containing an Account of the Druids. 1726.

[404] Цит. по: *Пиготт С.* Друиды. Поэты, ученые, прорицатели. М., 2005. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/okkultizm/pig/04.php; Piggott S. William Stukeley: An Eighteenth-Century Antiquary. L., 1950; 1985.

[405] Antiquité de la nation et de la langue des Celtes, autrement appellez Gaulois, par le R. P. Dom *P. Pezron*. Paris, 1703.

[406] См.: *Pezron P. Y.* The Antiquities of Nations; more particularly of the Celtae or Gauls, taken to be originally the same people as our ancient Britains. Englished by Mr. Jones. L., 1706.

[407] *Пиготт С.* Друиды. Поэты, ученые, прорицатели. М., 2005. С. 147.

начала XIX в. и показывает как друиды в их сочинениях фактически превращаются в римских богов.

Работы У. Стьюкли о Стоунхендже и Уэйвбери, сочинение священника со «священного острова друидов» Англси Генри Роулендса «Возрождение древней Моны, археологическое рассмотрение естественных и исторических древностей острова»[408], Уильяма Болейза из Корнуолла «Естественная история Конуэлла»[409] и многих других свидетельствовали о формировании нового поколения антикваров, основой мировоззрения которых стала «натурфилософия» Исаака Ньютона. Как замечает современный исследователь Дэвид Хэйкок, эти антиквары демонстрируют новый подход к историческим «остаткам». Они начали опираться на гипотезы, так как еще не могли дать удовлетворительного объяснения тому, что мы сейчас называем «доисторическим», дописьменным периодом истории человечества. Будучи вовлеченными в современные им теологические и научные дискуссии, сосредоточенные на вопросах происхождения человечества и религии, они свободно включали в свои исследования идеи и материалы из других дисциплин, и, что более важно, стремились дать убедительную концепцию национального прошлого своего отечества[410].

Вышесказанное позволяет говорить о началах формирования в британском историописании такой дисциплины, как археология. Стюарт Пиготт и другие историки археологии прямо называют период 1660–1730 годов «золотым веком» антикварного движения. С точки зрения Пиготта, Стьюкли был выдающимся археологом, который проводил очень важную работу в Стоунхендже и Эйвбери и создал новую парадигму, определившую судьбу антикварианизма в целом. Пиготту, как археологу, трудно простить Стьюкли отказ от полевых работ после принятия сана в 1729 году.

---

[408]См.: *Rowlands H.* Mona Antiqua Restaurata, an Archæological Discourse on the Antiquities Natural and Historical of the Island. Dublin, 1723.

[409] См.: *Borlase W.* The Natural History of Cornwall. Oxford,1758.

[410] *Haycock D. B.* Dr William Stukeley: Science, Religion and Archaeology in Eighteenth-Century England. Woodridge, 2002.

Действительно, остаток своей жизни он посвятил исследованиям древней религии друидов и борьбе с деизмом и, как полагал Пиготт, в угоду англиканской церкви[411].

Что же касается других «отделов» исторического знания, то отправной точкой для всех антикваров XVIII в. стало новое издание работы Уильяма Кемдена «Британия», осуществленное Эдмундом Гибсоном в 1695 году. Антиквары уточняли, развертывали, интерпретировали основные тезисы «документалиста» Кемдена. Сотни энергичных людей неутомимо путешествовали по графствам, раскапывали курганы, зарисовывали развалины церквей, надписи на монументах, записывали все, что они видели или слышали. Антиквары были неутомимыми собирателями и коллекционерами и просто таки горели любовью к прошлому. Эти люди находились в постоянном контакте, обменивались информацией и делали выписки друг для друга. О масштабах их деятельности можно судить по издательскому проекту Антикварного общества Лондона «Древние памятники» или «Vetusta monumenta»[412], а также таблицам о деятельности общества с 1717 по 1784 году, изданным антикваром Джоном Фенном[413].

Общая картина их деятельности выглядит следующим образом. В 1717 году в составе Лондонского общества антикваров было всего 23 члена, в следующем – уже 45, в 1740 – 100 человек. В момент получения королевской хартии в 1751 году в обществе состояло 150 членов. Георг II стал патроном общества и все его члены стали прибавлять к своему имени аббревиатуру «FSA», что означало «член Лондонского общества антикваров» (*англ.* Fellows of Society Antiquaries). В разгар Семилетней войны в 1759 году показатель

---

[411] *Murray T.* Rethinking Antiquarianism // Bulletin of the History of Archeology. 2007. 17(2). P. 15.

[412] См.: Vetusta monumenta quae ad Rerum Britanicarum memoriam conservandam Societas Antiquariorum Londini sumptu suo edenda curavit. 1718–1906; *Grazia Lolla M.* Ceci n'est pas un monument: Vetusta Monumenta and antiquarian aesthetics / Producing the Past: Aspects of Antiquarian Culture and Practice, 1700–1850. Eds Martin Myrone and Lucy Peltz. Ashgate. 1999.

[413] *Fenn J.* Three chronological tables … 1784. Режим доступа: http://books.google.ru/books/about/Three_Chronological_Tables.html?id

численности вырос до 200 членов, в конце 1760-х достиг 250 (из них 45 почетные и иностранные члены). В 1772 году их стало чуть больше 300; в начале Войны в независимость США в 1775 – 350 (45), на рубеже 1770–1780 годов – больше 400 (45). Что касается членских взносов, то в 1717 году вступительный взнос составлял 10 шиллингов 6 пенсов, ежемесячный – 1 шиллинг. В 1751 году вступительный членский взнос переизбранных членов составил 2 фунта 2 шиллинга, вновь избранные платили 5 ф. 5 ш., ежегодный взнос – 1 ф. 1 ш.[414]. Для сопоставления порядка цен скажем, что годовой доход священника небольшого прихода составлял около 100 ф. ст., а фунт стерлингов в XVIII в. славился своей устойчивостью.

О публикаторской активности Лондонского общества антикваров говорят следующие цифры. В первое десятилетие 1717–1727 – вышло 27 томов материалов; в следующие десять лет – №№ 28–49; 1737–1747 – №№ 50–70. Эти первые 70 томов и составили серию «Vetusta monumenta», на характеристике которой мы остановимся чуть подробнее ниже. С 1748 года начинается новая нумерация, всего до начала XX века вышло 7 серий: вторая серия выходила с 1748 по 1789 года, третья с 1790 по 1796; четвертая была публикована с 1799 по 1815; пятая – между 1816–1835 годами; шестая – 1821–1885; седьмая – 1893–1906[415]. Стоимость номеров первой серии колебалась от 10/20 шиллингов до 70/80. Самым дорогим изданием Лондонского общества антикваров XVIII века стал 20-й том второй серии – посмертно изданная работа антиквара Мартина Фолкса «Таблицы английских серебряных и золотых монет» в 1763 году – 2 ф. 2 ш. Таким образом, членские взносы были немалые, стоимость томов была достаточно высокой. Тома распространялись по предварительной подписке, что подтверждает высокую востребованность на литературу такого рода в Британии XVIII в.

---

[414] *Fenn J.* Three chronological tables … P. 6, 10.

[415] *Harris G.* Antiquaries in Britain, 1707–2007. Recording and illustrating. Making History. Royal Academy of Arts. 2010.

Если характеризовать Лондонское общество антикваров как институт социабильности, то по существу оно было организованно как обычный английский клуб. Но получение королевской хартии в 1751 году дало обществу покровительство короны, статус юридического лица и возможность обладать собственностью. Президентами общества, как правило, становились люди близкие ко двору[416]. Первым президентом Лондонского общества антикваров был Питер Ле Неве, королевский герольдмейстер (с 1704) и член Лондонского королевского общества. С 1724 по 1749 годы эту почетную должность занимал один из самых богатых людей Англии пэр Олджернон Сеймур, обладатель титулов граф Хертфор, герцог Сомерсет и других. Недолго в 1749–1750 годах президентом был внук Карла II по линии герцогини Портсмутской, член Королевской академии наук, меценат и пэр – Чарлз Ленокс, граф Ричмонд. Обретение обществом нового статуса связано с его следующим президентом в 1750–1754 годах математиком и последователем И. Ньютона Мартином Фолксом, который на тот же момент был президентом Королевской академии наук (с 1741). Он был антикваром и специализировался на истории монетного дела. Широкую известность получила его упомянутая выше, как самое дорогостоящее антикварное издание XVIII века, работа «Таблица английских золотых монет с 18-го года правления короля Эдуарда III»[417].

Но не менее важным является сформировавшееся в среде антикваров первой половины XVIII века представление о классификации древностей. В работе Джона Фенна 1784 года мы находим следующий «Индекс древностей»[418]:

Класс I.	Класс II	Класс III.	Класс IV.	Класс V.	Класс VI.	Класс VII.
Древности 1. британские	1. монеты 2. медали 3. печати	1. крепости 2.	1.Аббатства 2.1. Церкви 2.2.	1. Одиночные портреты	1. исторические издания	1.Планы-карты 2.

[416] *Fenn J.* Three chronological tables … P. 35.

[417] A table of English gold coins, from the eighteenth year of King Edward III, when gold was first coined in England. With their several weights, and present intrinsic values. By *Martin Folkes,* Esq. L., 1736.

[418] *Fenn J.* Three chronological tables … P. 6.

(кельтские) 2. романские 3. саксонские 4. датские	4. факсимиле с печатью	дворцы 3. ворота 4. кресты	Капеллы 3.1. Тумбы 3.2. Гробницы 4.1. фонтаны 4.2. окна	2. Два и более портретов	(англ.Historical Prints) 2. описание турниров (англ. Procession)	Избранные издания

Классификация исторических источников у английских антикваров носит сугубо прагматический и эмпирический характер. Выделение первого класса, «древностей» или «остатков», определялось принадлежностью материальных объектов (фибулы, щиты, шлемы, горны и т.п.) к тем или иным периодам истории Британии. Второй класс показывает становление нумизматики, фалеристики, сфрагистики. Третий и четвертый класс касался архитектурных ценностей, пятый – изобразительных, шестой – инкунабул и других первопечатных книг (в основном эпохи Генриха VIII), седьмой – картографических источников. В таблице Фенна мы находим распределение всех 70 томов «Vetusta Monumenta» по семи классам и можем сделать вывод, что в первой половине XVIII в. шире всего изучались церкви, капеллы (IV класс) и печати, монеты (II класс). А также со всей очевидностью мы получаем ответ на вопрос: чем же занимались антиквары? Ответ достаточно прост – вещественными историческими источниками. Поэтому очень важным аспектом их публикаторской деятельности была зарисовка и «фиксация» исторических «остатков». И в этом смысле тома «Vetusta monumenta» напоминают скорее графические альбомы, нежели научные исследования. И в этом их большая ценность: значительная часть вещественных исторических источников того времени сегодня либо разрушилась от времени, либо была реконструирована.

Итак, визуализация прошлого стала одной из главных задач антикваріев. И здесь следует упомянуть имя человека, который сыграл ключевую роль как художник, работавший над оформлением первой серии публикаций Лондонского общества антикваров «Vetusta monumenta». Это гравер, антиквар, знаток художественного антиквариата и член общества (с

1717) Джордж Вертью (1684–1756)[419]. Сегодня он известен, прежде всего, портретами своих современников, а также книжными иллюстрациями. Большую историческую ценность имеют оставленные им записки, которые должны были войти по замыслу автора в книгу по истории искусства Англии. Однако Вертью не смог реализовать этот замысел. Его коллекция, а также архив после смерти были приобретены Хорасом Уолполом и легли в основу четырехтомной работы Уолпола «Анекдоты живописи в Англии»[420], опубликованной в 1760-х годах, и «Каталог граверов, родившийся и проживающий в Англии» 1763 года[421].

Интересно, что, как считают Стюарт Пиготт и другой не менее известный британский историк XX в. Дэвид Дуглас, к середине XVIII века произошел упадок антикварианизма – закончился его «золотой век»[422]. В какой-то степени это так. Антиквары, специализирующиеся в большей степени на национальном прошлом, были «вытеснены» интересом к классическим исследованиям, наступила «Августинианская эпоха». Наблюдалась также тенденция и к общественной конъюнктурности исторического письма и его большей литературности, что плохо сочеталось с «сухим» и въедливым стилем мысли и письма антикваров. «История Англии» Д. Юма стала беспрецедентно самым популярным историческим сочинением середины века. А антиквар стал ассоциироваться с дилетантом Хорасом Уолполом, которого так и не приняли в члены Антикварного общества Лондона[423]. Но сама по себе традиция настоящего антикварианизма продолжала развиваться, что со всей очевидностью просматривается на

---

[419] *Myrone M.* The Society of Antiquaries and the Graphic Arts: George Vertue and his Legacy / Visions of Antiquity: The Society of Antiquaries of London 1707–2007. *Susan Pearce* (Editor). Publisher: Society of Antiquaries of London, 2007. 463 p. P. 99–123.

[420] См.: *Walpole H.* Anecdotes of Painting in England. In 3 Vols. L., 1849.

[421] См.: A Catalogue of Engravers: Who Have Been Born, Or Resided in England. Printed for J. Dodsley, 1786.

[422] *Douglas D. C.* English Scholars, 1660–1730, 2d ed. L., 1951; *Piggott S.* Ruins in a Landscape. Essays in Antiquarianism. Edinburgh, 1976.

[423] *Lawrence I.* Lipking. The Ordering of the Arts in Eighteenth-Century England Books on Demand; *Morris R. Brownell.* The Prime Minister of Taste: A Portrait of Horace Walpole. New Haven, 2001.

примере вероятно наиболее значимого антиквария с точки зрения эволюции исторического письма в Британии второй половины XVIII века – Ричарда Гофа (1735–1809)[424].

Единственный сын одного из директоров Ост-Индской компании и члена парламента Гарри Гофа, Ричард в детстве был не по годам развитым ребенком. В возрасте пятнадцати лет уже сделал несколько серьезных переводов с французского, в шестнадцать – опубликовал работу под названием «Atlas Renovatus, или модернизированная география»[425], что свидетельствовало о его раннем интересе к истории карт. Надо заметить, что на протяжении всей жизни он собирал карты и делал их копии, рассматривая их как исторические «тексты»[426]. В шестнадцать лет Гоф поступил в Корпус Кристи колледж в Кембридже, где начал серьезные исследования британской топографии. Оставив Кембридж в 1756 году без степени, Гоф пустился в свои антикварные «путешествия» по Англии, Уэльсу и Шотландии, в т.ч. в Кройленд (*англ.* Croyland), Питерборо и другим местам. Путешествие в Кройленд было моментом, когда, как он сам писал, «моя карьера антиквария буквально началась»[427]. Уильям Стьюкли стал образцом подражания для молодого Гофа, которого он глубоко уважал и которым восхищался. В 1770-е годы Гоф, унаследовав большое состояние, продолжил антикварные исследования, не испытывая серьезных финансовых трудностей; учитывая цену полевых исследований, написания и стоимость большинства антикварных изданий, это имело огромное значение.

Как сегодня очевидно, Гоф не был оригинальным писателем, и вошел в историю антикварианизма, прежде всего, как редактор и комментатор. Но его работа по «концентрации» накопленного антикварного знания имела беспрецедентный результат. Об этом свидетельствуют три

---

[424] *Whittemore P.* A very British antiquary: Richard Gough, 1735–1809. Wynchmore Books, 2009.

[425] См.: *Goagh R.* Atlas Renovatus, or Geography modernized. L., 1767.

[426] *Millea N.* The Gough Map: The Earliest Road Map of Great Britain. Oxford, 2007.

[427] *Gough R.* The History and Antiquities of Croyland Abbey. L., 1783.

широкомасштабных антикварных проекта, реализация которых заняла практически всю его сознательную жизнь. В 1768 году он обобщил результаты своих десятилетних исследований в сочинении «Британская топография»[428], которая фактически стала справочником-сборником топографических сочинений других авторов в отношении всей территории Британских островов. Целью Гофа было сосредоточить в одном «месте» накопленный антикварами материал по топографии, познакомить широкую публику с малоизвестными изданиями.

Второе издание «Британской топографии» было осуществлено в 1780 году, и он чуть было не закончил третье издание в 1808 году, но рукопись сгорела в результате пожара в типографии. Вторым его большим проектом было новое, значительно расширенное и переработанное издание «Британии» Уильяма Кемдена в 1789 году. Надо обратить внимание на то, что именно Гоф стал инициатором этого проекта в 1773 году[429]. Третьим из его великих творений было сочинение «Надгробия в Великобритании»[430]. По существу это был свод могильных памятников, сохранившихся на территории Британских островов и датированных автором от норманнского завоевания до пятнадцатого века. Сочинение было издано в трех томах и выходило между 1786 и 1799 годами. Второе его издание находилось в стадии подготовки на момент смерти Гофа. В дополнение к этим основным реализованным проектам, Гоф как председатель Антикварного общества участвовал в других многочисленных антикварных предприятиях, наиболее важным из которых была поддержка написания истории графств. Например, Джона Хатчинса «История и древности Дорсета», сочинение Томаса Нэша по

---

[428] См.: *Gough R.* British Topography. L.,1780.

[429] Britannia: or, a chorographical description of the flourishing kingdoms of England, Scotland, and Ireland, and the islands adjacent; from the earliest antiquity. By William Camden. Translated from the edition published by the author in MDCVII. Enlarged by the latest discoveries, by *Richard Gough*, f. a. & r. ss. In 3th volumes. L., 1789.

[430] *Gough R.* Sepulchral Monuments; Клей Л.С. дает перевод «Погребальные памятники Великобритании».

истории Ворчестера, Оуэна Меннига и Уильяма Брея по истории Сюррея, сочинение Джона Николса по истории Лестершира и другие.

Труды Ричарда Гофа показывают преодоление «техники» коллекционирования антикваров начала XVIII в. «Количество» описанных исторических источников в его работах переходит в новое качество знания и интерпретации. Действительно, до Ричарда Гофа, почти все исследования гробниц были связаны с единичными захоронениями и статуями. Он один из первых начал практиковать сравнительный и критический подход в комплексном изучении памятников периода Норманской Британии и смог вывести целостную «картину» готического стиля, который ярко проявился в архитектуре и скульптуре Британии этой эпохи. Еще в предисловии к изданию 1768 года «Британской Топографии», Гоф писал о своем методе: «Если бы остатки древних зданий были бы рассмотрены вместе, мы бы увидели систему готической архитектуры в ее различных вариантах: мы должны были бы все ее части свести к правилам: их даты зафиксировать вместе»[431]. Например, разбирая неудачу бенедиктинского монаха и французского антиквара Б. де Монфокона (которого Гоф высоко ценил) в комментировании древних памятников, Гоф писал, что француз не проявил никакого интереса к нравам и обычаям прошлых обществ и даже не попытался сделать какого-либо сравнительного анализа памятников или исследовать развитие их стиля и презентации[432]. Т.о., «монументы» в исследованиях антикваров второй половины XVIII в. становились «историческими фактами», которые при надлежащем рассмотрении могли не только компенсировать недостаток информации письменных источников, но также и опровергать уже сложившиеся ложные датировки или неверные представления.

Одним из наиболее важных вкладов антикваров в сохранение национального наследия были созданные по их заказу гравированные

[431] *Gough R.* Anecdotes of British Topography. L., 1768. P. XX.

[432] *Goagh R.* Sepulchral Monuments in Great Britian. In 2 vols. L., 1785–1796. Vol. 1. P. 8.

изображения «монументов» (о роли Джорджа Вертью в создании «Vestuta Monumenta» говорилось выше). Как президент Антикварного общества Гоф заботился о том, чтобы каждый памятник и здание, представляющие исторический интерес, были зафиксированы[433]. Гравером-иллюстратором его собственных книг был известный Джеймс Бесуаер. К «фиксации» рушившихся на глазах памятников готической архитектуры были привлечены лучшие рисовальщики эпохи, такие как Джеймс Эссекс, Джон Картер, и Джейкоб Шнебели. Именно благодаря усилиям Гофа готическая архитектура стала цениться гораздо выше. Как считает современная английская исследовательница Розмари Свит, так называемое «готическое возрождение» восемнадцатого века коренится не в дилетантизме Уолпола и его готическом романе «Замок Отранто» (написан в 1764 году), а прочно опирается на антикварное движение, представленное Гофом и его товарищами – антикварами и архитекторами, в том числе Бесуаером, Эссексом, Картером[434]. В этом смысле Гоф и другие подхватили эстафетную палочку из рук президента Антикварного общества 1765–1768 годов Чарлза Литтлтона, епископа Карлайла, который одним с первых начал систематическое изучение истории готической архитектуры[435].

Несколько слов надо сказать о самооценке антикварами своего дела. «Занятия древностями» в их глазах было признаком джентльменства, патриотизма и служения родине. Во введении к «Британской топографии» Гоф пишет: «Слава этого века и нации заключается в том, чтобы проникнуть в дебри Европы, пустыни Азии и Африки за остатками греческой, римской и еще более ранней архитектуры, но ни один художник не предлагает свои услуги для восславления памятников наших предков, для сохранения

---

[433] *Gough R.* ….Gentleman's Magazine VIII. Part. 2. 1788. P. 689.

[434] *Crook J. M.* John Carter and the Mind of the Gothic Revival. L., 1995;

[435] *Hunter M.* John Aubrey and the Realm of Learning. L., 1975. P. 205–208; *Lyttelton C.* A Dissertation on the Antiquity of Brick Buildings in England. Archaeologia 1. 1770. P. 140–147.

древностей в своей собственной стране»[436]. В свой сочинениях Гоф сосредоточился, вопреки господствующим в исторических исследованиях его времени «неоримским» ценностям, на древностях бриттов, саксов, данов. Особую значимость он придавал изучению англо-саксонского периода, считая эту эпоху английской истории самой «темной».

Предтеча английских романтиков, известный английский поэт и художник Уильям Блейк (1757–1827), приобрел любовь к средневековому прошлому, когда он был отдан на обучение в мастерскую выше упомянутого гравера Джеймса Бесуаера с 1772 по 1778 годы[437]. В частности, Блейк делал рисунки зданий и памятников в Лондоне для «Надгробий» Ричарда Гофа и был глубоко впечатлен простотой и чистотой их стиля. Он был вдохновлен историей древних бриттов, которая питала его вдохновение позже в поэзии и искусстве[438]. Это заставляет задуматься о переосмыслении антикварного наследия эпохи Просвещения. Недавние исследования подтверждают необходимость признания глубокого влияния антикварианизма на различные аспекты культурного развития британского общества и его неоценимый вклад в сохранение общего национального наследия[439].

---

[436] *Goagh R.* Anecdotes of British Topography. L., 1768. P. XX.

[437] *Geoffrey L.* Keynes, Blake Studies. Essay on his Life and Work. Oxford, 1971; *Bindman D.* Blake's Gothicised Imagination and the History of England / *Morton D.* Paley and *Michael Phillips,* eds., Essays in Honour of Sir Geoffrey Keynes. Oxford, 1972. P. 29–49.

[438] *Smiles S.* The Image of Antiquity: Ancient Britain and the Romantic Imagination. New Haven and London, 1994. P. 46–112.

[439] *Frew J.* An Aspect of the Early Gothic Revival: The Transformation of Medievalist Research // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes XLIII. 1980. P. 174–185; *Gerrard C.*The Patriot Opposition to Walpole. Politics, Poetry and National Myth, 1725–1742. Oxford, 1994. P. 101–141; *Groom N.* Thomas Percy's Reliques of Ancient English Poetry: its Context, Presentation and Reception. Ph.D. diss. Univ of Oxford, 1993. P. 192–237; *Kidd C.* Subverting Scotland's Past… 1993; *Kidd C.* Gaelic Antiquity and National Identity // English Historical Review. November 1994. Vol. 109 Is. 434, P. 1197; *Maria Grazia Lolla*. «Monuments» and «Texts». Antiquarianism and Literature in Eighteenth and Early Nineteenth-Century Britain. Ph.D. diss., Univ. of Cambridge, 1997; *Newman G.* The Rise of English Nationalism. L., 1987. P. 110–117; O'Halloran F. Antiquarian Debate on the Celtic Past and Ethnic Identity in Scotland and Ireland / Conflict, Identity and Economic Development: Ireland and Scotland 1600–1839. Preston. 1985. P. 135–147; *Ousby I.* The Englishman's England. Taste, Travel and the Rise of Tourism. Cambridge, 1990. P. 92–129.

Кроме творческой биографии Гофа в «зачет» антикваров середины – второй половины XVIII века идет их активное участие в издании журнала «Gentleman's Magazine», который начал выходить в 1731 году. Это был первый толстый журнал наподобие изданий «Русской старины» или «Русского богатства» в пореформенной России, т.е. журнал историко-литературного направления. С 1736 года он носил название «The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle»[440]. А самым замечательным обстоятельством является то, что антиквары по завещанию на правах дарения начали оставлять свои коллекции Лондонскому обществу антикваров. Или королевской семье, как это сделал Ханс Слоун, сменивший Исаака Ньютона на посту президента Лондонского королевсткого общества в 1727 году. Он завещал свою коллекцию королю Георгу II с условием выставить ее на всеобщее обозрение, если парламент выплатит душеприказчику 20 тыс. фунтов стерлингов. В 1753 году по Акту парламента о Британском музее эти деньги были выплачены, коллекции Слоуна объеденены с коллекциями других знаменитых антикваров, а именно с библиотекой Роберта Коттона, Харлеанской библиотекой (которую, как мы помним, формировал Хамфри Уэйнли). Таким образом, было положено основание Британскому музею, а впоследствии и библиотеке при нем. С этого времени – с середины XVIII века – памятники национальной истории и не только стали доступны широкому кругу исследователей. Первоначально в музее было три отдела: печатные книги; рукописи и естественно-научные достопримечательности. «В 1772 г. музей закупил коллекцию греческих ваз сэра Гамильтона, а в 1802 король Георг III пожаловал музею уйму древностей, отнятых у армии Наполеона в Египте, в том числе знаменитый Росетский камень – билингву ... С этого времени музей, не теряя функций библиотеки, стал главным хранилищем древностей Британии, ее археологическим центром»[441].

---

[440] См. например: The gentleman's magazine, and historical chronicle. 1736. Режим доступа: https://archive.org/stream/gentlemansmagazi03marc#page/16/mode/2up

[441] *Клейн Л. С.* История археологической мысли. Курс лекций. В 2 томах. Т. 1. СПб., 2005. С. 120.

Музей стал вместилищем так называемой естественной истории. Отечественная исследовательница В.В. Зверева пишет: «Исторические древности – руины, обломки, находки из земли, а также природные древности – окаменелости (fossils) и раковины – заставляли исследователей строить гипотезы об облике того мира, частью которого они были. Стремление объяснить эти обломки близких и далеких времен привело к созданию умозрительных конструкций древних обществ, кельтской, римской, англо-саксонской Британии, а также образов природного мира в прошлом. Главным источником, освещавшим далекое прошлое, была Библия»[442].

Деятельность антикваров стала ключевым «ферментом» в формировании «британских идентичностей до национализма» (шотландцев, валлийцев, ирландцев и т. п.), как это недавно показал один из влиятельных современных специалистов по эпохе британского Просвещения К. Кидд. Изучение древних обычаев и языков Британии, истории Шотландии и англо-саксонских «конституций» обеспечивалось эмпирической базой, на которой эти идентичности конструировались[443]. Таким образом, история формирования национального сознания британцев является гораздо более сложным явлением, чем это показано в работе Л. Коллей «Британцы: формирование нации»[444]. Как бы то ни было, сегодня признают, что национальная идентичность формируется из чувства общего национального прошлого и общего национального наследия. Р. Гоф и ему подобные, принципиально не вовлеченные в политическую или богословскую полемику, считали своим долгом «создание» общего национального наследия и повышение престижа нации за рубежом. И что очень важно, именно они

---

[442] *Зверева В.В.* Антикварианизм XVI–XVII веков представление прошлого в контексте научной революции дискурсе / Образы времени и исторические представления. М., 2010. С. 767.

[443] См.: *Kidd C.* British Identities before Nationalism… 2006.

[444] См.: *Colley L.* Britons: Forging the Nation 1707–1837. New Haven, 1992.

подчеркнули значимость англо-саксонского периода как периода заложившего основания национальной истории.

В данном параграфе более подробно было рассмотрено творческое наследие двух наиболее значимых антикваров эпохи Просвещения – Уильяма Стьюкли и Ричарда Гофа. Но в стране насчитывалось несколько сотен подобных им неутомимых тружеников, чья деятельность имела значимый общественный резонанс. Они обсуждали свои «дела» в кофейных домах, литературных клубах и провинциальных обществах, публиковали результаты своих изысканий в памфлетах, периодической печати и толстых фолиантах. И то, чем антиквары занимались, касалось всех – церкви, юристов и политиков. Антиквары добились признания своих достижений и вклада в исследование британской истории. Это побуждало их к дальнейшим трудам, формировало чувство гордости за свое дело и страну, и, в конце концов, питало национальный патриотизм. Миссия антикваров в XVIII в., с одной стороны, соответствовала идеологическому проекту вигов, а, с другой, питала ностальгию тори по прошлому. Таким образом, антикварианизм являлся коллективным проектом XVIII века, цель которого заключалась в восстановлении, «фиксации» и демонстрации знания о прошлом. Антикварное общество Лондона совместно с Лондонской королевской академией, а также многочисленными обществами в графствах формировали сеть перекрестных линий интеллектуальных коммуникации от Европы до Индии и Америки. Они были институциональным воплощением «республики писем» эпохи Просвещения.

Другой британский исследователь Тим Мюрей пришел к выводу о формировании особого интеракционистского антикварного метода (*англ.* interactionist methodology of antiquarianism), который формировался в Британии на протяжении XVI–XVII веков. Его действенность в XVIII веке определялась тремя обстоятельствами:

– материальные остатки доисторического прошлого Британии, а шире объекты материальной культуры, приобрели особое значение;

– усложнилась картина представлений о доримской Британии, где взаимосвязь предметов материальной культуры иначе не могла быть понята, кроме как через антикварный дискурс;

– произошел переход от чистой эмпирики к сопоставлению исторических источников, что уже было характерно для более поздних работ Стьюкли.

«Интеракционистская методология» английского антикварианизма позволила, как считает Мюрей, практикующим исследователям делать две «вещи». Во-первых, выстраивать все доступные данные – этнографический материал, остатки материальной культуры и данные текстов – в одно целое, четко формировать объект исследования и непротиворечивую «куртину» в стремлении нейтрализовать иррациональную или мифологическую составляющую процесса исторического познания; а во-вторых, проводить, как бы мы сейчас сказали, экспертизу ценности исторических источников в соответствии с принципом их «достоверности»[445].

Именно в творческом наследии британских антикваров XVIII века ярче всего представлена такая черта исследовательской культуры нового времени как эмпиризм, т.е. опора на знание, добытое опытным путем. Девизом антикваров XVIII века стало изречение одного из них – сэра Ричарда Колта Хора (*англ.* Colt Hoare): «мы говорим, исходя из фактов, а не из теории». Это качество было зафиксировано еще Фр. Бэконом в «Новом Органоне»: «Эмпирики, подобно муравью, только собирают и довольствуются собранным...». Еще есть «рационалисты-пауки». А есть «пчелы», что извлекают «материал из садовых и полевых цветов», но располагают и изменяют его «по своему умению»[446]. В конечном счете, именно последними и досталась пальма первенства в национальной традиции британского историописания в эпоху зрелого Просвещения.

---

[445] *Murray T.* Rethinking Antiquarianism // Bulletin of the History of Archeology. 2007. 17(2). P. 15.

[446] *Бэкон Ф.* Новый Органон. переводчик Красильщиков С. / *Бэкон Ф.* Сочинения в 2-х т. М., 1971. Т. 2. С. 715.

Итак, на первом этапе Британского Просвещения – 1660–1714 годы – сложилась мощная антикварная традиция, основания которой были заложены идеями гуманистов и формированием структур буржуазного общества на Британских островах в XVI–XVII веках. Интеллектуальная линия преемственности Кемден-Спелмен-Бреди-Барнет-Хикс-Уоттон-Бентли (см. об этом подробнее в третьей главе) в осмыслении национального прошлого позволила на новых критических основаниях воссоздать адекватную версию национальной истории в ее ключевых моментах. Сложившаяся в этот период лексикографическая традиция, о которой пойдет речь подробнее в следующей главе, дала антикварам надежную основу в интерпретации исторических источников по разным в языковом отношении периодам национальной истории – кельтскому, англосаксонскому и англонормандскому. В основе антикварного дискурса лежал «индуктивный метод» Ф. Бэкона, основанный на восхождении от «простого к сложному». Именно он сформировал такую специфическую черту национального историописания как эмпиризм – опора на конкретные памятники и неприятие отвлеченных метафизических построений в исторических исследованиях. Однако политическая и социальная конъюнктура последующего развития Британии, а именно складывание британской нации, поставили антикварный дискурс в противоборство с другой умозрительной «неоримской» традицией историописания в национальной историографии XVIII века.

Глава 3. ФОРМИРОВАНИЕ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КАРТЫ» ПРОШЛОГО БРИТАНИИ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

3.1. ЛЕКСИКОГРАФИЯ В БРИТАНСКОЙ ТРАДИЦИИ ИСТОРИОПИСАНИЯ: АНГЛОСАКСОНСКИЙ ПЕРИОД

Англосаксонский период британской истории оставался «терра инкогнита» в период Англонорманской Британии и был открыт эпохой Просвещения. Усилиями ученых-антикваров была восстановлена эта «страница» истории Британских островов. «Заветным ключиком» к ее «прочтению» явился к тому времени уже забытый, мертвый древнеанглийский язык. Расшифровать его, прочитать «Англосаксонские хроники» и другие «программные» манускрипты эпохи раннего средневековья стало актуальной задачей ученых-лексикографов. В Британии сложилась сильная лексикографическая традиция, под знаком которой развивалось национальное историописание эпохи Просвещения. Тогда и сформировалось классическое представление об англосаксонской гептархии – семи раннесредневековых королевствах. Именно текст Библии стал медиатором между древнеанглийским и английским языком. В IX веке все королевства были объединены под началом Уэссекса. Однако с этого времени и далее королевство испытывало натиск с востока викингов и данов. В начале X века английский престол занял датский король Кнут. Вторжение Вильгельма Завоевателя в 1066 году стало завершением истории Англосаксонской Британии.

По справедливому замечанию Д. Дугласа, новая школа «саксонистов» сложилась под сильным влиянием сэра Уильяма Дагдейла (1605–1686), деятельность которого обеспечила связь между антикварами елизаветинской

эпохи и их новой генерацией в эпоху Просвещения[447]. Антиквар и королевский герольд в период Реставрации, Дагдейл возглавил беспрецедентное антикварное издание середины XVII века – трехтомное издание на латинском языке «Английские обители, история аббатств и других монастырей и церквей Англии и Уэльса» или по-латински «Monasticon Anglicanum» (1655, 1661, 1673)[448]. Это был коллективный проект, инициатором которого стал наставник и старший товарищ Дагдейла знаток Северной Англии и Йоркшира антиквар Роджер Додсворт. Сам Дагдейл собирал материалы по графству Уорикшир. Материалы по Восточной Англии предоставил Генри Спелмен, очень важная персона для нашего последующего повествования. Уильям Сомнер способствовал сбору и обработке материалов, связанных с Кентербери и графством Кент и т.п. Дайгдейлу, по существу, пришлось стать редактором издания после смерти Додсворта в 1654 году[449]. Обращение к ранней истории монастырей и церквей Англии как никогда показало необходимость расшифровки древнеанглийских рукописей. Уже в 1693 году появился первый анонимный английский перевод «Monasticon Anglicanum», выполненный, как сегодня считают, Джеймсом Райтом. Двадцать пять лет спустя, в 1718 году, также анонимно был издан более точный перевод с дополнениями испаниста Джона Стивенса. Этот трудолюбивый антиквар работал над расширением «Monasticon Anglicanum» и за четыре года до своей смерти в 1722 году опубликовал два дополнительных тома к нему[450]. Итак, проект Дагдейл-Додсворт стал вызовом и основой для поиска достоверного исторического знания об Англосаксонской Британии.

---

[447] *Douglas D.C.* English scholars, 1660–1730. Oxford, 1939. P. 31–60.

[448] См.: *Dugdale W.* Monasticon Anglicanum, or, The history of the ancient abbies, and other monasteries, hospitals, cathedral and collegiate churches in England and Wales. With divers French, Irish, and Scotch monasteries formerly relating to England. In three volums. L., MCDCXIII. Режим доступа: https://archive.org/search.php?query=creator%3A%22Dugdale%2C+William%2C+Sir%22

[449] *Douglas D. C.* English scholars, 1660–1730. Oxford, 1939. P. 42–43.

[450] См.: The history of the antient abbeys, monasteries, hospitals, cathedral and collegiate churches: Being two additional volumes to Sir William Dugdale's Monasticon Anglicanum by John Stevens. L., 1722–1723.

Несмотря на то, что над созданием «Monasticon Anglicanum» трудилось много людей, в историографии это сочинение прочно ассоциируется с именем Дайгдейла. Эта и две другие его работы положили начало критическому изучению английской средневековой истории. Одной из них является, опубликованное в 1656 году, сочинение «Древности Уорикшира»[451], ставшее на последующее столетие образчиком написания истории графств. Другой – грандиозно задуманная книга «Бароны Англии» (1675, 1676)[452]. Первый том был посвящен аристократии до царствования Генриха III; второй (менее полный) – дворянству, рост которого наблюдался между 1272 и 1358 годами; третий (еще короче второго) был доведен до 1676 года. Предмет оказался, вероятно, слишком обширным для одного ученого и вследствие этого содержал много неточностей, давших повод для острой критики. Члены Геральдической палаты (*англ.* College of Arms) также жаловались на то, что они не могли полагаться на эти книги при рассмотрении спорных родословных[453]. И, тем не менее, труд Дагдейла был основан на привлечении массы оригинальных источников, которые он как королевский герольдмейстер черпал из Капеллы свитков в Тауэре и коллекций других государственных ведомств. Кроме того, он широко использовал частные архивы благородных семей. Дагдейл поставил перед собой сверхзадачу – развеять «легендарные вымыслы и хитросплетенные басни с целью льстить либо заветным фантазиям старых семей, либо необоснованным предположениям новых»[454]. На самом деле, взывая к воссозданию «чистой» истории пэров Англии, он воспевал их особый

[451] См.: *Dugdale W.* The Antiquities of Warwickshire illustrated from Records, Leiger-Books, Manuscripts, Charters, Evidences, Tombes and Armes. Режим доступа: http://www.xmera.co.uk/dugdale_cat/index.php

[452] См.: *Dugdale W.* The baronage of England, or, An historical account of the lives and most memorable actions of our English nobility in the Saxons time to the Norman conquest, and from thence, of those who had their rise before the end of King Henry the Third's reign deduced from publick records, antient historians, and other authorities. L., 1675–1676.

[453] Dugdale // Biographia Britannica, Or the Lives of the Most Eminent Persons who Have Flourished in Great Britain and Ireland from the Earliest Ages Down to the Present Times by *Andrew Kippis.* L.: J. Nichols. Vol. 5. 1793. P. 477–486.

[454] Цит. по: *Douglas D.C.* English scholars, 1660–1730. Oxford, 1939. P. 52.

социальный статус, восходящий к древности, и в значительной мере преуспел в этом. По этой причине его книга имела большой успех. Дагдейл был первым, кто осознал глубокую связь вопросов генеалогии, земельных отношений и власти в эпоху раннего средневековья или то, что сегодня называют «генезисом феодализма» [455].

Хотя уже вскоре начали раздаваться голоса о «большом плагиате» Дайгдейла – и сегодня доказано, что его сочинения опирались в значительности степени на материал собранный другими авторами[456], – его заслугой перед наукой было «преподнесение оригиналов» и, как заметил другой крупный антикварий этой эпохи Томас Хирн, это было его «главным достоинством»[457]. Стремление к объективной оценке исторических источников, сам характер его работ и особый интерес к средневековым древностям стал стимулом для многих, кто пошел по его стопам. Исследования Уильяма Дагдейла служат символом начала великой эпохи в изучении раннефеодальных королевств в британском историописании. Ни в каком другом из отделов антикварных исследований это развитие не было столь заметным в ранний период эпохи Просвещения. Не зря период 1660–1730 годов именуют «великой эпохой» в истории изучении англосаксов, у основания которой стоял Уильям Дагдейл. За эти годы длинная череда его верных последователей прилагала настойчивые усилия для воссоздания англосаксонского прошлого, и, несомненно, самыми выдающими среди них были Джордж Хикс и Хамфри Уэйнли.

При всех выдающихся достоинствах их работ необходимо отметить существенный вклад их предшественников в формирование традиции изучения англосаксонского средневековья. Мощным толчком в изучении древнеанглийского языка стала Английская Реформация, ярые адепты

---

[455] *Stenton F.* Anglo-Saxon England / Oxford History of England. Oxford, 1943. Vol. XIX. P. 291.

[456] *Hamper W.* Life, Diary, and Correspondence of Sir William Dugdale. L., 1827. P. 497.

[457] Remarks and Collections of *Thomas Hearne*. Vol. VIII. Oxford, 1907. P. 268.

которой стремились найти «чистую» веру в англосаксонском прошлом. Архиепископ Кентерберийский М. Паркер в этой связи проявлял живой интерес к истории и собрал коллекцию редких рукописей. В частности, в его собрании оказались такие манускрипты англосаксонского прошлого как Евангелие Августина Кентерберийского VI века[458], одна из лучших редакций «Англосаксонской хроники» IX века, сегодня известная как «Хроника Паркера»[459]. Также в его руках оказался латинский текст «Жизнь Альфреда Великого» епископа Ассера[460], опубликованный вскоре Кемденом в 1605 году. Другим выдающимся деятелем периода Реформации был Лоуренс Ноуэлл (1515–1571), который также собирал англосаксонские документы, работал над их расшифровкой и составил первый рукописный англосаксонской словарь «Vocabularium Saxonicum»[461]. Он стал обладателем единственной сохранившейся рукописи текста древнеанглийского эпоса «Беовульф», получившей название «Кодекс Ноуэлла»[462]. Он изучал и делал маргиналии к «Эксетерской книге» (*англ.* Exeter Book), антологии англосаксонской поэзии X века. Но Паркер и Ноуэлл, и многие другие, движимые интересом к истории, все-таки в первую очередь были заняты

---

[458] «Евангелие» Блаженного Августина/St Augustine Gospels первого архиепископа Кентерберийского, рукопись изготовлена в Италии, датируется VI-м веком, находится в библиотеке Корпус-Кристи колледж в Кембридже (Lib. MS. 286).

[459] «Англосаксонские хроники», рукопись «А», так называемая «Хроника Паркера», находится в Колледж Корпус-Кристи в Кембридж (Lib. MS. 173). Практически полностью уничтожена пожаром 1731 года. См. подр.: Англосаксонская хроника / Пер. с др.-англ. *З. Ю. Метлицкой*. СПб., 2010.

[460] См.: *Ассер.* Жизнь Альфреда Великого / *Стасюлевич М.М.* История средних веков … Т. II. С. 306–336; Spelman J. Aelfredi Magni, Anglorum regis invictissimi, vita tribus libris comprehcnsa a clarissimo dnojohanne Spelman / [ed. by O. Walker]. Oxon, 1678. URL: http://books.google.ru; *Spelman J.* The life of Alfred the Great / [ed. by T. Hearne], Oxford, 1709. Режим доступа: http://books.google.ru; *Глебов А. Г.* Англия в раннее средневековье. СПб., 2007; *Каниболоцкая Е. А*. Образ короля Альфреда Великого в английском общественно-историческом сознании периода средних веков и нового времени. Авт. дисс… к.и.н. Воронеж, 2011. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/obraz-korolya-alfreda-velikogo-v-angliiskom-obshchestvenno-istoricheskom-soznanii-perioda-sr#ixzz3FwxOk2qK

[461] *Marckwardt A. H.* The Sources of Laurence Nowell's «Vocabularium Saxonicum» // Studies in Philology.Vol. 45, №. 1. January, 1948. P. 21–36. North Carolina, Article Stable URL: http://www.jstor.org/stable/4172828

[462] Кодекса Ноуэла/Nowell Codex Рукопись находится в Британской библиотеке с остальной частью Коттоновской коллекции (Cotton Vitellius A. Xv).

отысканием прототипа реформированной Генрихом VIII церкви в примитивном церковном государственном устройстве англосаксов.

Острые политические дебаты «Великой смуты» середины XVII века многократно усилили необходимость в познании англосаксонского прошлого. Юристы общего права стали усматривать начало «свобод» Английского королевства в правовой системе примитивных общин англов, саксов и ютов. Сэр Эдвард Кок, хоть и не был историком, всегда связывал происхождение общего права с саксонской древностью. Антиквар и юрист Джон Селден, ключевая фигура антикварного мира XVII века, обратился к англосаксонским правовым институтам до Вильгельма Завоевателя в своей работе «Analecta Anglo-Britannica» (1615), где писал: «Ссылаться на происхождение наших английских законов в эпоху нормандского завоевания … это большая ошибка, потому, что они имеют гораздо более ранее происхождение»[463]. И уже в середине XVII века политики и юристы остро осознавали недостаточность знаний древнеанглийского языка и испытывали острую потребность в изучении древних законов английского королевства.

Решающая заслуга в создании первой публикации англо-саксонского словаря принадлежала упомянутому выше коллекционеру древностей, другу Роберта Брюса Коттона, состоятельному человеку и антиквару Генри Спелмену. З.С. Метлицкая обращает внимание на Г. Спелмана как первого нормaниста, в трудах которого «Glossarium Archailogicum» (1664), «Argumentum AntiNormannicum» (1682) говориться «о «приобретении» нормандцами Англии, о «соглашении» между Завоевателем и «Леди Британией», его «почитаемой королевой»[464]. Именно он учредил в Кембридже в 1640 году ежегодную стипендию для преподавания древнеанглийского языка, дабы содействовать изучению «домашних

[463] Цит. по: *Douglas D.C.* English scholars, 1660–1730. Oxford, 1939. P. 62.

[464] *Метлицкая З.Ю.* Англосаксонская Англия и нормандское завоевание. Аналитический обзор. М., 2003. С. 24

древностей, касающихся нашей церкви и возрождения языка»[465]. Так Спелмен писал в 1638 году: «В нашем распоряжении уже есть некоторые рукописные словари, выполненные людьми, сведущими в этом языке. Все, что я пытаюсь сделать, так это собрать их в одно целое»[466]. Спелмен поручил первому преподавателю курса англосаксонских исследований Абрахаму Уэлоку (1593–1653) заняться решением этой задачи. Однако только после смерти Генри Спелмена, когда в 1657 году эту должность занял Уильям Сомнер, словарь был создан. Первый всеобъемлющий «Dictionarium Saxonico-Latino-Anglicum»[467] увидел свет в 1659 году, быстро получил распространение и стал широко использоваться в преподавании древнеанглийского языка в университетах. Основой основ в этом нелегком деле, как пишет сам Сомнер во введении, был «латино-саксонский вокабулярий» англосаксонского монаха-бенедиктинца Эльфрик Грамматика (*др.англ.* Ælfrīc) (955–1020) к его «Латинской грамматике»[468], рукописные словари, составлявшиеся в круге Паркера к Евангелиям и оставшийся в архиве Ноуэлла «вокабуляр» к древним английским законам[469].

Британская исследовательница начала XX века Элеанор Адамс отметила, что значительный вклад в создание англосаксонского словаря Сомнера внес Мерик Казабон (1599–1671), сын осевшего в последние годы жизни в Лондоне выдающегося французского ученого Исаака Казабона. Мерик Казабон, также как и отец, был рожден в Женеве и сведущ в диалектах немецкого языка. Он состоял в переписке с Сомнером и лично встречался с ним, а также прислал ему перечень соответствий древнегерманских и древнеанглийских слов[470]. Словарь Сомнера давал

---

[465] Henry Spelman to Wheloc, Sept. 28th, 1638 / *Adams E. N.* Old English Scholarship in England from 1566–1800. New Haven, 1917. P. 52.

[466] *Adams E. N.* Old English Scholarship… P. 53.

[467] См.: Dictionarium Saxonico-Latino-Anglicum, voces, phrasesque praecipuas Anglo-Saxonicas…cum Latina et Anglica vocum interpretatione complectens … Aecesserunt Aelfrici Abbatis Grammatica Latino-Saxonica cum glossario suo ejusdem generis. 2 pts. Oxford, 1701.

[468] См.: Exameron Anglice or The old English Hexameron. … 1921.

[469] *Adams E. N.* Old English Scholarship … P. 56.

[470] *Adams E. N.* Old English Scholarship … P. 59–60.

соответствие слов на трех языках – древнеанглийском, латинском и английском. Эта пионерская по своей сути работа стала воплощением задачи Спелмена и сформировала надежную перспективу исследований англосаксонского прошлого.

Прежде чем вести речь о дальнейшем развитии древнеанглийской лексикографии следует отметить, что решающую роль в расшифровке древнеанглийского языка сыграли связи с немецкими учеными и университетами. Наряду с отцом и сыном Казабонами, здесь должен быть упомянут выдающийся немецкий филолог Франциск Юний-младший (1589–1677). Он был рожден в семье профессора древнееврейского языка из Гейдельберга и ребенком перевезен в Лейден. В дальнейшем его судьба оказалась тесным образом связана с 21-м герцогом Арунделом, по приглашению которого в 1620 году он стал воспитателем его сына и начал разбирать коллекцию манускриптов этого древнего рода. Его Естественные способности к языкам (отец – француз, мать – голландка), ранние занятия диалектами немецкого языка, а также исключительное мастерство в точности перевода сделали его пионером в изучении древнегерманских языков, в том числе древнеанглийского. Юний-младший был первым, кто научно доказал родство древнеанглийского языка с германской группой языков и транскрибировал многие уже существующие глоссарии древнеанглийских текстов. Он собирал материалы для создания словаря «Etymologicum», рукопись которого попала в Бодлианскую библиотеку и использовалась Сомнером для словаря 1659 года. В 1665 году Юний-младший первым успешно справился с изданием текста Библии на готском языке «Codex Argenteus», который выполнил епископ Вульфила в IV веке[471]. Четвероевангелия Вульфилы в издании Юния подготовлено параллельно на древнеанглийском и готском языках. Этот ученый первым показал сложную структуру «Кодекса Ноуэла», в составе которого обнаружил текст эпоса

[471] *Скардильи П.* Готы: язык и культура / Пер. с нем. *А. Д. Сыщикова.* СПб., 2012. С. 313–314.

«Беофульф»[472]. За всем этим пришло осознание, что древнеанглийский язык в VI–XI веках также находился в развитии и испытывал влияния извне.

Исследовательница О.А. Смирницкая указывает на Юния-младшего как основателя издательской традиции древнеанглийских поэтических памятников. В 1655 году в Амстердаме он опубликовал рукописный кодекс, сегодня носящий его имя «Codex Junius»[473]. Первое издание Эксетерской книги, стихотворных текстов из Верчелльской книги приходится на середину–вторую половину XIX века. Кодекс «Беовульф», или «Кодекс Ноуэлла» сильно обгорел во время известного пожара Коттонской библиотеке 1731 года. Только в 1786–1787 году исландский ученый Торкелин сделал два списка, что позволило ее опубликовать позже. Т.е. из четырех кодексов древнеанглийской поэзии, дошедших до нас, Юний-младший уже в середине XVII века выделил и опубликовал один из них, значительно опередив развитие лексикографической традиции в изучении древнеанглийских поэтических текстов[474].

После создания словаря У. Сомнера в 1659 году ближайшая перспектива развития древнеанглийских исследований была связана с двумя первыми английскими университетами – Кембриджем и Оксфордом. В Кембридже под руководством профессоров-обладателей стипендии «Spelman's Lectureship» вскоре сформировался мощный центр «саксонистов». Их движущей силой стал Томас Гейл (1635–1702), которого отличали широкий круг интересов и беспрецедентное влияние на современников. Заняв в Кембридже должность регию-профессора греческого языка в 1666 году и, будучи последователем традиции европейских эрудитов, он к 1691

---

[472] См. подробнее: *Kiernan K.* Beowulf and the Beowulf Manuscript. Rev. ed. Ann Arbor. Michigan, 1996.

[473] Caedmonis Monachi Paraphrasis Poetica Genesios ac praecipuarum Sacrae paginae Historiarum, abhinc annos M. LXX. Anglo-Saxonice conscripta, et nunc primum edita a Francisco Junio.

[474] *Смирницкая О. А.* Поэтическое искусство англосаксов / Древнеанглийская поэзия. М., 1980. С. 171–232; Древнеанглийская поэзия. М., 1982.

году блестяще справился с изданием *трех великих текстов* англосаксонского периода: Гильдаса, «Жития святого Уилфрида» и Ненния.

Латинский текст «О гибели Британии» Гильдаса Премудрого[475], бриттского монаха VI века, первого историка Британских островов, несомненно, привлекал внимание многих исследователей и до Гейла. Но, около пятнадцати публикаций «О гибели» (начиная с Полидора Вергилия) были основаны на двух ранее обнаруженных рукописях. Первая сегодня хранится в библиотеке Кембриджского университета («D»), другая пострадала в результате пожара в библиотеке Коттона 1731 года («C»). Однако Гейлу удалось открыть третий манускрипт («X»), в настоящее время он также находится в библиотеке Кембриджского университета. Путем перекрестного анализа всех трех латинских рукописей Гейл реконструировал ставший сегодня каноническим текст сочинения Гильдаса[476] и опубликовал его в 1687 году во втором томе «Historiae Britannicae, Saxonicae, Anglo-Danicae Scriptores»[477]. Таким образом, Томас Гейл стал основателем традиции критического изучения этого самого раннего по времени исторического источника периода нашествия англосаксонских племен на Британские острова.

Томасу Гейлу также принадлежит заслуга первого англоязычного издания «Жития Святого Уилфрида», архиепископа Йоркского (634–709), записанное Эддой-Стефаном в начале VIII века[478]. Интерес к Святому Уилфриду в середине XVII века был сформирован болландистами, которые

---

[475] См.: Gildae de Excidio Britanniae, fragmenta, liber de paenitentia, accidit et Lorica Gildae / Ed. *H. Williams*. L., 1899; Gildas. The Ruin of Britain and other works. Ed. and transl. by M. Winterbottom. (History from the Sources. Gen. ed. J. Morris, 7). L., Chichester, 1978. https://archive.org/stream/gildaedeexcidiob00gilduoft#page/n5/mode/2up; О погибели Британии ... 2003.

[476] *Чехонадская Н. Ю.* 2001: Святой Гильда и падение Римской Британии: Авт. дисс… к.и.н. М., 2001. С. 4.

[477] См.: Historiae Britannicae, Saxonicae, Anglo-Danicae Scriptores XV. Oxford, 1687. P. 247–455. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=7StDAAAAcAAJ&printsec=frontcover&dq=Historiae+Britannicae,+Saxonicae,+Anglo-Danicae+Scriptores

[478] См.: The Life of Bishop Wilfrid by Eddius Stephanus. Ed. & trans. *B. Colgrave*, Cambridge, 1985.

занимались подготовкой и изданием «Acta Sanctorum». Гейл по запросу Ж. Мабильона передал мавристам для публикации копию манускрипта из Коттоновской коллекции Бодлианской библиотеки (2) [датируется концом XI века или началом XII века]. Под влиянием запроса французских эрудитов Гейл неожиданно обнаружил в библиотеке Солсберийского Собора вторую и более полную рукопись «Жития» и самостоятельно осуществил превосходное издание 1691 года. На сегодняшний день манускрипт (1), обнаруженный Гейлом, хранится в Британской библиотеке [датируется IX веком, с дополнениями XI века]. И, наконец, третьим впечатляющим проектом Т. Гейла стало первое издание источника IX века «История бриттов» на латинском языке[479], авторство которого, как предполагают, принадлежит валлийскому монаху Неннию.[480]. Заметим, что именно в этом тексте впервые упоминается король Артур и двенадцать его битв. Таким образом, благодаря Гейлу «История Бриттов» надолго оставалась объектом обсуждения последующей обширной историографии, его публикация оставалась классической до середины XIX века, а «Житие Уилфрида» заняло свое место как важный источник по истории седьмого века в Англии.

Кембридж прославили и другие выдающиеся «саксонисты» того времени. Среди них ориенталист Абрахам Уэлок, первый держатель стипендии Спелмена, осуществивший, именно благодаря этому, в 1643 году первое англоязычное издание латинского текста монаха-бенедиктинца Беды

---

[479] См.: *Nennius.* British history and The Welsh Annals / Ed. and transl. by *J. Morris.* L., Chichester, 1980; Historia Brittonum cum additamentis Nennii // MGH AA T. XII. Chronica minora saec. IV. V. VI. VII. Vol. 3/ Ed. *T. Mommsen.* Berolini, 1891. P. 111–222; *Ненний.* История бриттов / Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 171–193.

[480] Автор единственного перевода на русский язык А. С. Бобович пишет: «Известно более 30 рукописей «Истории бриттов». Наиболее ранние датируются IX или X в., самые поздние — XIII или даже XIV в. В ряде рукописей авторство приписано Гильдасу. Ненний как автор этого сочинения называется редко. Перед нами, видимо, — компиляция. В тексте можно выделить ряд интерполяций и добавлений, автором которых был скорее всего Ненний». В основу русского перевода положены рукописи, хранящиеся в Лондоне, в Британском музее («Harleianus 3859» и «Cotton, Vesp. DXXI — «Н», «К»); добавлены «предисловие» Ненния и стихи из одной поздней рукописи (Cantabrigensis, Corpus Christi college, N 139). Ненний. История бриттов … С. 171–193.

Достопочтенного (672–735) «Церковная история народа англов» и параллельно первое издание «саксонской» версии конца IX века[481]. Надо заметить, что один из первых литературных переводов Беды на английский язык принадлежит выше упомянутому Джону Стивенсу, переводчику «Monasticon Anglicanum»[482]. Уэлок работал сразу с несколькими латинскими рукописями, которые имели много лакун, а «саксонская» версия перевода Беды эпохи Альфреда Великого еще не имела критического издания. Сопоставление позволило Уэлоку точнее сформировать текст Беды, сделать предположение о недошедшем протографе рукописей и дать перевод на современный английский язык с комментариями. Публикация Уэлока оценивается британской исследовательницей начала XX века Э. Адамс как «заметное достижение» в изучении «Церковной истории» Беды[483].

В 1644 году другой питомец Кембриджа – полиглот, арабист, библиотекарь и преподаватель Клэр колледжа – Уильям Уэлок на основании одновременной интерпретации и публикации трех текстов из «наследия Паркера» – Беды «Церковной истории англов», АСХ и древних англосаксонских законов – подготовил первое издание АСЗ[484]. В томе, состоящем из 800 страниц, на последних двухстах расположены законы уэссекских королей по правлениям. Следует обратить внимание, что законы до Эдуарда Исповедника помещены в двух столбцах (на древнеанглийском и латинском языках), после – только на латинском языке. Ошибки перевода издания Уэлока были выправлены в издании, подготовленном Уилкинсом в 1721 году[485].

---

[481] См.: Historiae ecclesiasticae gentis Anglorum libri V a venerabili Beda presbytero scripti. *Wheelock Abraham* (ed.). Texts in Latin and Old English, with notes and additional texts. Cantabrigiae: Excudebat Rogerus Daniel. Cambridge, 1643.

[482] *Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англов … 2001.

[483] *Adams E. N.* Old English Scholarship … P. 54–55. Режим доступа: https://archive.org/stream/oldenglishschola00adamuoft#page/54/mode/2up

[484] Historiae ecclesiasticae gentis Anglorum … 1643. Режим доступа: http://books.google.ru/books/about/Historia_ecclesiastica_gentis_Anglorum.html?id=mD9KAAAAcAAJ&redir_esc=y

[485] См., напр.: Leges Anglo-Saxonicae Ecclesiasticae et Civiles... 1721; и др.

К изданию «Церковной истории» Беды 1643 года Уэлок присовокупил часть «Англосаксонской хроники» с переводом ее на английский язык и первым выделил ее из других средневековых текстов как самостоятельный исторический памятник[486]. А в следующем 1644 году переиздал с расширенными критическими комментариями собрание древнесаксонских законов «Archaionomia»[487] Уильяма Ламбарда (1568), ученика Л. Ноуэлла и современника У. Кемдена, создав на долгое время лучшее издание законов короля Альфреда. Таким образом, Уэлок обратил внимание на группу основных источников по ранней истории Английского королевства.

Исследовательница В.В. Зверева приписывает издание 1644 года в параллельных текстах «Церковной истории» Беды – Роджеру Даниэлу, в то время как он был лишь издателем. Надо внести ясность в вопросе о вкладе «декана Йорка Томаса Гэля (1695–1702) и каноника Дарэма Джон Смит (1659–1715)» и его сын Джорджа, напечатавшего в 1722 году новое критическое издание «Истории» Беды[488]. Оба – Абрахам Уэлок и Томас Гейл – осознавали необходимость углубленного изучения «Церковной истории» Беды, что требовало совершенствования знаний в древнеанглийском языке эпохи короля Альфреда. Эта задача была решена только в начале XVIII века Джоном Смитом (1659–1715), который получил соответствующую подготовку под руководством Т. Гейла в Кембридже и потратил четырнадцать лет на подготовку этого издания «Церковной истории» Беды. Оно было снабжено развернутым научно-справочным аппаратом с

---

[486] 61 Chronologia Saxonica / Ed. Ьy A. Wheloc. 1643. Англосаксонская хроника … 2010. С.153.

[487] См.: Apxaionomia: sive De priscis Anglorum legibus libri, sermone anglico, vetustate antiquissimo, aliquot abhinc seculis conscripti, atq; nunc demum, magno iurisperitorum, & amantium antiquitatis omnium commodo, è tenebris in lucem vocati. / Gulielmo Lambardo interprete. Regum qui has leges scripserunt nomenclationem, et quid præterea accesserit, altera monstrabit pagina. Great Britain. Londini, ex officina Joannis Daij, 1568. Holding library: Kings College: Rare Books. M.71.09.

[488] *Зверева В.В.* Новое солнце на Западе… С.11, 211.

сопоставлением версий и выделением разночтений, и сохраняло статус лучшего до критического издания Кристофера Пламмера 1896 года[489].

И все же основные достижения британских «саксонистов» на рубеже веков были связаны с Оксфордом. В 90-е годы XVII века здесь сложилась группа блестящих молодых ученых, главой и движущей силой которых был Эдвард Туэйтс (1661–1711), несомненный лидер и превосходный учитель. Широкий круг его интересов определяется, с одной стороны, должностью профессора моральной философии (1704) и регию-профессора[490] греческого языка в Оксфорде (1708), с другой, его назначением в качестве наставника – «пресептора» – в изучении древнеанглийского языка с 1699 года. Он стал вдохновителем, соратником и учителем около 50 талантливых учеников. Одним из его начальных, правда, нереализованных проектов была идея публикации «Истории» Павла Орозия (385–420) в англосаксонском переводе эпохи короля Альфреда Великого[491]. Первой программной работой Туэйтса, обеспечившей ему имя в ученом мире, стала публикация в 1698 году староанглийского перевода «Семикнижья» англосаксонского монаха-бенедиктинца Эльфрика Грамматика/Ælfrīc (955–1020) под названием «Гептатий, Книга Иова и Евангелие от Никодима»[492]. Сопоставление Туэйтсом латинской и древнеанглийской версий давало новое знание о структурах древнего языка англосаксов. Эта работа стала важным этапом в понимании и дальнейшей публикации работ Эльфрика, ученого и агиографа донорманского периода. Однако лучшим изданием подобного рода стала работа 1698 года ученика Туэйтса Кристофера Роулинсона – публикация

---

[489] Bede, Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum. … 1722. Это издание было основано на «рукописи Мура» / Moore manuscript (Cambridge, University Library, Kk. 5. 16); *Douglas D.C.* English scholars, 1660-1730. Oxford, 1939. P. 75.

[490] «Regius professorship», или почетная должность профессора, учрежденная короной и означающая признание выдающихся заслуг ученого в конкретной области знания. Должность «Regius Professor of History» была основана Георгом I в 1724 году в Кембриджском университете.

[491] См.: *Павел Орозий*. История против язычников / Пер., вступ. ст., комм. и указ. *В. М. Тюленева.* 1-е изд. В 3 т. Серия: Византийская библиотека. СПб.: Алетейя. 2001–2003.

[492] См.: Heptateuchus, liber Job, et Evangelium Nicodemi … 1698.

англосаксонского перевода трактата Боэция «Об утешении философией»[493], сделанного, как полагают, самим королем Альфредом. Это была захватывающая и продуктивная работа оксфордских «саксонистов», в ходе которой одновременно были использованы многочисленные латинские версии и древнеанглийские тексты IX века. Латинский язык стал проводником между древнеанглийским и современным английским языком эпохи Просвещения.

Критическое изучение древнеанглийских законов и англосаксонской хроники, начатое Уэлоком в Кембридже, было продолжено трудами двух блестящих молодых ученых в Оксфорде – Дэвида Уилкинса и Эдмунда Гибсона. Оба сразу начали свою карьеру как англосаксонисты. Наставником обоих был антиквар Уильям Николсон (1655–1727), который в течение 1678 года изучал немецкий язык в Лейпциге, а затем с 1679 года в Оксфорде впервые начал вести занятия по древнеанглийским источникам. Как мы уже хорошо знаем, он стал редактором-издателем «Historical Libraries» в конце 90-х годов XVII века[494]. В процессе обучения он широко использовал публикацию Уэлока «Древние английские законы» и вместе со своими учениками остро ощущал необходимость подготовки нового издания.

Издание «Церковных и гражданских англосаксонских законов» 1721 года осуществил как раз первый из двух учеников Николсона – Дэвид Уилкинс (1685–1745)[495]. Немец по происхождению, уроженец Мемеля, Уилкинс в качестве странствующего студента посетил Берлин, Вену, Рим, Париж и, в конце концов, оказался в Оксфорде. Он сформировался как ориенталист, овладев древнееврейским, коптским, армянским и англосаксонским языками. В 1712 году получил степень магистра и вскоре занял должность хранителя библиотеки Ламбетского дворца, официальной

---

[493] *Boethius.* King Alfred's Old English version of Boethius. De consolatione philosophise. Ed *W. J. Sedgefield*. Oxford. 1899. P. XXI. Режим доступа: https://archive.org/stream/kingalfreds00boetuoft#page/n23/mode/2up

[494] См.: *Nicolson W.* The English Historical Library … 1696.

[495] См.: Leges Anglo-Saxonicae Ecclesiasticae et Civiles… 1721.

резиденции архиепископа Кентерберийского в Лондоне. Уилкинс занимал эту должность всего три года, но успел существенно расширить каталог известных манускриптов англосаксонского периода. Развернутое предисловие с обзором всех известных англосаксонских законов к публикации Уилкинса 1721 года написал Николсон. Тексты англосаксонских законов расположены здесь в двух столбцах – древнеанглийская и латинская версии, к сочинению прилагались глоссарий и развернутый указатель. Уилкинс дает сопоставительный анализ «правды» Этельберта по двум текстам: «Textus Roffensis» из Коттоновской коллекции Бодлианской библиотеки и тексту из Кентерберийской коллекции законов, используя транскрибцию уже выполненную другим выдающимся оксфордским англосаксонистом Уильямом Эльстобом.

Крупный британский историк XIX в. Ф.У. Мэтланд дает следующую оценку работы Уилкинса: «У нас есть первая группа самых древних кентских законов, таких как, Этельберта (ок. 600), Лотаря, Эдрика (ок. 675), и Витреда (696)… уэссекского короля Ины (690). Затем следует печальный пробел… перед законами Альфреда; … С десятого века и момента консолидации Английского королевства, законодательство становится гораздо более привычным делом. Эдвард, Этельстан, Эдмунд, Эдгар издавали важные законы ... Серия этих «правд» (*англ.* dooms – *В. В.*) приобретает завершенный вид в кодексе Кнуда, одного из лучших юридических памятников одиннадцатого века… Некоторые из этих «правд», забытых много веков, были напечатаны Уильямом Ламбардом в его «Archaionomia» (1568). Расширенное и улучшенное издание этой книги было опубликовано Абрахомом Уэлоком в 1644 году в Кембридже. Еще более расширенная коллекция была издана в 1721 году Дэвидом Уилкинсом в «Церковных и гражданских англосаксонских законах». Именно это издание и было в ходу до середины XIX века[496].

[496] *Maitland F.W.* The materials for english legal history. Political Science Quarterly, Volume 4. Режим доступа: https://archive.org/stream/jstor-2139140/2139140_djvu.txt

Другим выдающимся учеником Николсона был Эдмунд Гибсон (1669–1748), о котором уже упоминалось. В возрасте двадцати одного года в 1692 году он опубликовал «Англосаксонскую хронику»[497] (далее – АСХ) и атрибутировал ее как древнейшую летопись VI–XI веков. Издание АСХ Гибсона было первым изданием древнеанглийских текстов, осуществленных на основе словаря 1659 года и грамматики 1689 года (о «Грамматике» Хикса подробнее ниже). Надо заметить, что это новое издание АСХ также готовилось в тесном сотрудничестве с У. Николсоном. Он в 1682 году уже покинул Оксфорд, получив епископскую кафедру в Карлайле, но постоянно консультировал Гибсона в древненемецком языке при подготовке этого издания. Уже во введении Гибсон заявил о необходимости исправления публикации АСХ Уэлока, несмотря на то, что она была пионерской с точки зрения критики источника[498]. Но, как сегодня хорошо известно, из семи сохранившихся оригинальных редакций АСХ Уэлок анализировал только одну – «Хронику Паркера». Гибсон же использовал четыре из оставшихся шести[499]. Гибсон сделал новый латинский перевод, который расположен параллельно с древнеанглийским текстом. Таким образом, издание 1692 года базировалось на ключевых редакциях АСХ и оставалось образцом вплоть до середины XIX века[500]. Однако З. Ю. Метлицкая делает следующий комментарий: «Готовя свою публикацию, Гибсон пользовался книгой Уэлока (то есть текстом рукописей «G» и «A», рукописью «E», а также копиями рукописей «B» и «F»). Однако он рассматривал их как списки (может быть,

---

[497] См.: Англосаксонская хроника / Пер. с др.-англ. *З. Ю. Метлицкой*. … С. 154; Chronicon Saxonicum… 1692.

[498] Two of the Saxon Chronicles Parallel. Ed. *J. Earle* and *Ch. Plummer*. Oxford, 1892. P. CXXVIII-CXXIX. В данном издании дан анализ двух редакций АСХ – редакций «A» и «E». Режим доступа: https://archive.org/details/twosaxonchronic03earlgoog; См. подробное о истории перевода: Англосаксонская хроника. Пер. с др.-англ. З. Ю. Метлицкой. СПб.: Евразия, 2010. – 282 с.

[499] *Метлицкая З. Ю.* Историческое сознание англосаксонских анналистов IX–XI веков: по материалам Англосаксонской хроники. Авт. дисс… к.и.н. М. 2005. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/istoricheskoe-soznanie-anglosaksonskikh-annalistov-ix-xi-vekov-po-materialam-anglosaksonskoi

[500] *Sykes N.* Edmund Gibson, Bishop of London 1669–1748. A Study in Politics and Religion in the Eighteenth Century. L., 1926. P. 10.

неточные) одного и того же авторского текста и объединил погодные статьи из разных рукописей вместе, никак их не различая, что породило многочисленные неясности и противоречия. Тем не менее, издание Гибсона, охватывавшее большую часть рукописей и снабженное подробными комментариями на латыни, было для своего времени очень основательным и более чем на сто лет стало самым авторитетным источником для тех, кто не имел возможности познакомиться с Англосаксонской хроникой в рукописях»[501].

В круг выдающихся оксфордских англосаксонистов также входили брат и сестра Эльстобы. Элизабет Эльстоб (1683–1756), или как ее называли «саксонская нимфа», свободно владела восемью языками и была первой женщиной в англосаксонских исследованиях, что было беспрецедентным фактом для того времени. Будучи юной леди, она последовала в Оксфорд за своим старшим братом Уильямом (1673–1715). Она, как и брат, приобрела высокую квалификацию в расшифровке древнеанглийских рукописей и искусстве их публикации. И, несмотря на раннюю смерть Уильяма, плоды трудов Эльстобов ясно указывают на их значительный вклад в общее дело «саксонистов» рубежа XVII–XVIII веков. В 1699 году У. Эльстобом был подготовлен и напечатан пробный «отпуск» древнеанглийского текста Павла Орозия эпохи Альфреда в транскрибции Юния[502], который Эльстоб перевел и аннотировал для публикации[503]. Но издание не пошло в тираж при его жизни, вероятно, из-за недостатка средств. Им же был подготовлен текст и латинский перевод «Жития Вульфстана», Вустерского епископа XI века[504]. Наконец Эльстоб проделал большую работу по подготовке к изданию древнеанглийских законов, которая заключалась в исправлении редакции

[501] Англосаксонская хроника / Пер. с др.-англ. *З. Ю. Метлицкой*… С. 31.

[502] См.: Орозий короля Альфреда (конец IX в.) / *Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX-XIII вв.: Тексты, пер., коммент. М., 1979. 268 с. С. 13–36.

[503] См.: Hormesta Pauli Orosii quam olim patrio sermone donavit /Elfredus magnus, Anglo-Suxonum rex doctissimus. Ad exemplar Junianum edidit Wilhelmus Elstob, A. M. et Coll. Univ. Socius. Oxonise, e Theatro Sheldoniano. 1699.

[504] См., наприм.: The Vita Wulfstani of William of Malmesbury, ed. R. R. Darlington, CS, 3rd ser., 40. L.: Camden Society, 1928.·

Уэлока и добавлении аннотаций Спелмена, Селдена, Юния, Хикса, а также собственных суждений. Во введении к будущей работе Эльстоб рассуждает о развитии английского языка от древних «правд» до Великой хартии вольностей, здесь же он помещает исторический очерк, в котором каждый правитель предстает в виде законодателя. Со смертью Эльстоба этот проект перешел к Уилкинсу, который и завершил его в начале 20-х годов XVIII века[505]. Имя же Эльстоба ушло в тень. Со смертью брата в 1715 году Элизабет оказалась фактически исключена из мира ученых и окончила жизнь в забвении и нищете. Однако ее великими личным достижением было составление одной из первых «древнеанглийских-английских» грамматик[506], а также первая попытка полного издания «Проповедей» Эльфрика с переводом на английский язык и комментариями[507]. При непосредственной поддержке Хикса было опубликовано 36 страниц издания, однако работа не была закончена, вероятно, в связи со смертью брата и Хикса в 1715 году.

Вершиной англосаксонских исследований рубежа веков стало творчество Джорджа Хикса (1642–1715). Широкая эрудиция и мощное влияние на исследователей-современников обеспечили ему прочные позиции лидера в англосаксонских исследованиях. Хикс учился в колледже Святого Джона в Оксфорде под руководством одного из первых крупных англосаксонистов XVII века Томаса Маршала (1621–1685). В 1665 году Хикс получил степень магистра в Линкольн колледж, был рукоположен в 1666 году и начал делать священническую карьеру. Верность Стюартам и архиепископу Кентерберийскому Санкрофту в 1689 году заставили его последовать за бежавшим королем во Францию. Вернувшись в 1694 году, он вскоре поселился в родном Оксфорде, посвятив остаток жизни

[505] Leges Anglo-Saxonicae Ecclesiasticae et Civiles… 1721.

[506] The Rudiments of Grammar, For the English-Saxon Tongue, First given in English: With an Apology for the Study of Northern Antiquities. Being very useful towards the understanding our ancient English Poets, and other Writers. L.: W. Bowyer, 1715; См. подробнее: *Morton R.* Elizabeth Elstob's Rudiments of Grammar (1715): Germanic Philology for Women // Studies in Eighteenth-Century Culture. Vol. 20. 1991. P. 267–287. |

[507] An Essay upon Glory … 1708; An English-Saxon Homily on the Birthday of St. Gregory…1709.

англосаксонским исследованиям и защите неприсягнувших священников. Литературное наследие Джорджа Хикса настолько обширно и многогранно, пишет Дэвид Дуглас, что до сих пор не нашлось человека решившегося написать его биографию. Вероятно, даже сегодня не найдется исследователя по эрудиции сопоставимого с масштабом Хикса. Он был одновременно историком, философом и теологом, он принадлежал к тому поколению представителей раннего Просвещения, наследие которых отличалось ярко выраженным синкретизмом и энциклопедизмом[508].

И все-таки главные интересы Джорджа Хикса, помимо теологических споров, лежали в древнеанглийских исследованиях, унаследованных им от Томаса Маршалла во время обучения в Оксфорде. Получив назначение приходским священником в Уорчестер накануне Славной революции, через год напряженного труда в 1689 году он опубликовал первую «Англосаксонскую Грамматику» с посвящением Санкрофту[509]. «Словарь» Сомнера и «Грамматика» Хикса стали настоящим прорывом в древнеанглийских исследованиях. Однако все-таки главным сочинением Хикса стал «Тезаурус северных языков»[510], в создании которого приняли деятельное участие все его товарищи – Туэйтс, Николсон, Гибсон, Эльстоб и другие. Эта напряженная работа заняла шесть долгих лет. «Тезаурус» состоял из двух частей. В первой части, опубликованной в 1703 году, были помещены грамматики трех языков: (a) древнеанглийского и иврито-готского (*англ.* Old English and Moeso-Gothic), (b) франко-тевтонского (*англ.* Franco-Theotisc), (c) исландского (*англ.* Icelandic). Там же было помещено описание коллекции англосаксонских монет антиквара Эндрю Фонтейна. Вторая часть, опубликованная в 1705 году, представляла собой каталог древнеанглийских

[508] *Douglas D.C.* English scholars, 1660-1730. Oxford, 1939. P. 94.

[509] См.: *Hickes G.* Institutiones Grammaricae Anglo-Saxonicae et Moeso-Gothicae. Oxford: at the Sheldonian Theatre, 1689.

[510] См.: *Hickes, G., Wanley H.* Linguarum Veterum Septentrionalium Thesaurus Grammatico-Criticus et Archaeologicus, 2 vols. Oxford: e Theatro Sheldoniano, 1703–1705.

манускриптов и печатных изданий, созданный другим великим англосаксонистом Хамфри Уэйнли[511].

В эволюции древнеанглийского языка Хикс выделил три этапа. 1. *Британо-саксонский* (*англ.* British-Saxon), который охватывал период до вторжения данов. К нему Хикс отнес сочинения Беды и некоторые Евангелия Коттоновской библиотеки. 2. *Дано-саксонский* (*англ.* Dani-Saxon), относящийся ко времени вторжения викингов-данов, здесь отложились сочинения и переводы эпохи Альфреда Великого, Эльфрика Грамматика, Вульфстана. На этом этапе, по заключению Хикса, формируются древнеанглийская поэзия и проза. 3. *Полусаксонский* (*англ.* Semi-Saxon), который автор доводил до правления Генриха II Плантагенета в начале XII в., когда чистый язык на юге и западе был поврежден «невежеством и датским вторжением». Дэвид Дуглас подчеркивает, что публикация «Тезауруса» стала событием европейского масштаба, подняв работы представителей Оксфордской школы на уровень «Дипломатики» Мабильона и болландистов. Интересно, что Мабильон, хотя и подвергся критике в трактате, настоятельно рекомендовал его своим ученикам. Благодаря «Тезаурусу» изучение скандинавских и древнегерманских языков встало на один уровень с классической латынью[512].

«Тезуарус» Хикса оказался громоздким и неудобным в обращении, поэтому Уильям Уоттон в 1708 году подготовил сокращенное издание «Грамматики» под общей редакцией Хикса[513]. Эдвард Туэйтс, который деятельно участвовал в древнеанглийских исследованиях этого времени, в 1711 году сделал еще одну адаптацию «Грамматики», более компактную и

---

[511] *Wanley H.* Antiquae Literaturae Septentrionalis liber alter, seu Humphredi Wanleii Librorum Vetr. Septentrionalium, qui in Angliae Bibliothecis extant, nec non multorum Vett. Codd. Septentrionalium alibi extantium Catalogus Historico-Criticus, cum totius Thesauri Linguarum Septentrionalium sex Indicibus. Oxford: Clarendon, 1705.

[512] *Douglas D.C.* English scholars, 1660–1730. Oxford, 1939. P. 115.

[513] Hickesii Thesauri Grammatico-Critid Conspectus Brevis … Wotton's Short View of G. Hickes's Grammatico-Critical and Archaeological Treasure, trans. by M. Shelton, 2nd edn. L., 1737.

похожую на учебник[514]. Как было указано выше, в 1715 году еще один, совершенно самостоятельный вариант древнеанглийской грамматики – «Rudiments of Grammar for the Anglo-Saxon Tongue» – подготовила мисс Эльстоб. Это была первая попытка представить изучение древнеанглийского посредством современного английского языка. В 1735 году «Грамматика» Уоттона была издана в переводе на английский язык. Всего за восемнадцатый век появилось восемь самостоятельных версий «грамматик» древнеанглийского языка[515].

Еще одной яркой личностью в мире англосаксонских исследований рубежа XVII–XVIII века был ранее упоминавшийся Хамфри Уэйнли (1672–1726). О нем уже шла речь как об одном из отцов-основателей Антикварного общества Лондона. Уэйнли никогда не преподавал в университете и даже не получил степень по причине своего буйного и задиристого нрава. В частности, он открыто высказал нелестную оценку первой лекции своего тьютора и т.п. Одно время он занимал должность библиотекаря Бодлианской библиотеки, однако в 1698 году и здесь ему было отказано. В этот критический момент удача улыбнулась ему – он познакомился с Джорджем Хиксом, который сразу распознал способности молодого человека и привлек к работе над будущим «Тезаурусом». Уэйнли с большим энтузиазмом взялся за дело, и, как Хикс признавался еще в 1697 году, он «премного и значительно обязан» Уэйнли[516]. Опекая своего своенравного и блестящего ученика, Хикс давал ему рекомендации влиятельным людям. Личные интересы Уэйнли всегда были связаны с англосаксонскими исследованиями и в течение восьми лет, когда он исполнял обязанности переводчика в «Society for Promoting Christian Knowledge», он продолжал заниматься рукописями Коттоновской коллекции и создал свое собственное выдающееся произведение – второй том к «Тезаурусу» Хикса. В течении этого времени,

---

[514] *Thwaites Ed.* Grammatica Anglo-Saxonica … 1711.

[515] Grammatica Anglo-Saxonica ex Hickesiano Thesauro excerpta …*Adams E. N.* Old English Scholarship … P. 92.

[516] Цит. по: *Douglas D.C.* English scholars, 1660–1730. Oxford, 1939. P. 124.

снова благодаря усилиям Хикса, Уэйнли установил связь с семейством Харли, собрав по их заказу и на их деньги одну из великолепных коллекций рукописей. Уэйнли был библиотекарем по призванию и его представление о своих обязанностях был настолько широко, что он занял центральное место среди антикваров Британии в начале XVIII века. Кристаллизация научных связей в рамках Общества антикваров в 1707 году, можно сказать, была его личным достижением.

При всем том, мистер Уэйнли занимает особое место среди великих англосаксонистов начала XVIII века, прежде всего, как выдающийся палеограф. Его сокровенной мечтой было создание «De Re Anglorum Diplomatica»[517]. В своей переписке он изложил проект будущей книги о развитии рукописной традиции на Британских островах и предложил следующую классификацию: 1. рунические и романские почерки; 2. все англосаксонские и латинские почерки… старейших памятников дошедших до Вильгельма Завоевателя; 3. все разнообразие норманосаксонских почерков времени Эдуарда III; 4. все английские почерки после Эдуарда III и до 1700 г.[518] Эта книга так и не появилась, однако работа над ней способствовала появлению трех других его выдающихся трудов. Во первых, каталог манускриптов Бодлианской библиотеки известный как «Бернард каталог» 1697 года[519]. Во вторых, каталог Харлианской библиотеки, который представлял собой не просто список манускриптов, а критический разбор каждой рукописи со сравнительными комментариями и палеографическим описанием. Уэйнли никогда не увидел этот каталог в печатном виде. К моменту его смерти было составлено описание двух тысяч четыреста семи рукописей. Печать каталога началась в 1759 году, а окончательно каталог

[517] Цит. по: *Douglas D.C.* English scholars … P. 138.

[518] *Nichols J.* Literary Anecdotes of the Eighteenth Century. In 6th vols. L., 1812. Vol. I. P. 103–104. Режим доступа: https://archive.org/stream/literaryanecdot00nichgoog#page/n24/mode/2up

[519] Catalogi librorum manuscriptorum Angliae et Hiberniae in unum collecti cum indice alphabeticum. In two vols. Oxford: at the Sheldonian Theatre. 1697. Режим доступа: https://play.google.com/books/reader2?id=ZMNJAAAAcAAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=en&pg=GBS.PP8.

манускриптов коллекции семейства Харли будет выпущен Комиссией по историческим источникам между 1808 и 1812 годами[520]. В изданиях двух этих каталогов имя Уэйнли не упомянуто, хотя его авторство бесспорно. Здесь проявляется характерная черта историописания эпохи Просвещения: внимание привлекается скорее к владельцу-коллекционеру, нежели к истинному собирателю и редактору этих выдающихся работ.

Наконец, в третьих, в 1705 году был опубликован фолиант, на титульном листе которого стояло имя Уэйнли – второй том к «Тезаурусу» Хикса. Несомненно, это издание – «Критический и исторический каталог англосаксонских рукописей», работу над которым он начал еще молодым человеком, – было главным достижением в его карьере. Значительный ущерб, нанесенный пожаром 1731 года Коттоновской коллекции, придал дополнительную важность его описаниям многих рукописей, погибших в огне. Высокое качество работы Уэйнли было обусловлено не только сбором воедино рассеянного материала, но и определялась еще точным и исчерпывающим методом датировки, который сложился в ходе его работы. Он широко использует сравнительное изучение рукописей и эволюцию «почерков и начерков», что до него встречалось редко. Возможно, он имел меньшее влияние на своих современников, нежели Хикс, но его «Критический и исторический каталог» заложил надежную основу оксфордской традиции обучения последующих поколений англосаксонистов в весьма неблагоприятной ситуации победы «древних» и изменений вкусов читательской публики в пользу литературности исторического письма.

Одной из заметных тенденций конца XVII – начала XVIII века стала тенденция к посмертному переизданию рукописного наследия крупных англосаксонистов XVI–XVII веков. Примером может служить подготовка и издание в 1698 году рукописей из архива Генри Спелмена – так называемая

[520] См.: Catalogue of the Harleian Manuscripts in the British Museum: With Indexes of Persons, Places and Matters. Printed by command of His Majesty George III. L., 1808–1812.

«Спелманиана»[521]. В 20-е годы XVIII века Дэвид Уилкинс подготовил новое критическое издание У. Селдена[522]. В 1722 году, уже будучи епископом Лондона, Гибсон предпринял переиздание Кемдена с посвящением Георгу I: «Не только наши истории, но и наш язык, и наши законы, имена людей и название мест так обильно свидетельствуют, что огромная часть владений Вашего величества здесь – саксонского происхождения. И если мы зададимся вопросом, откуда пришли наши саксонские предки, то ответ будет следующим – из Ваших владений в Германии»[523]. Однако и эта «коленопреклоненность» англосаксонистов перед Ганноверами не спасла от утраты интереса к их изысканиям в среде подрастающего поколения во второй половине XVIII века.

До «Тезауруса» 1703/1705 годов ученые вынуждены были обращаться исключительно к латинским версиям текстов англосаксонского периода. Несмотря на то, что расшифровка древнеанглийского языка шла медленно – задача была решена. Последующие антиквары XVIII века ясно осознавали, что общенациональная история восходит к англо-саксонскому прошлому. Но во второй половине XVIII века не было выдающихся фигур масштаба Джорджа Хикса и Хамфри Уэйнли. Расцвет истории графств в середине XVIII века перекрыл наметившуюся «линию» подъема в его изучении Англосаксонской Британии. Шел век литературных «диктаторов» С. Джонсона, У. Голдсмита и других романистов XVIII века. Древнеанглийский язык не нашел своего места в Георгианской Англии, так как за ним не признавалось литературных достоинств. Общество антикваров было слишком занято расшифровкой надписей, монет и других антикварных

[521] См.: Reliquiae Spelmannianae: The Posthumous Works of Sir Henry Spelman Kt. Relating to the Laws and Antiquities of England. Publish'd from the original manuscripts. With the Life of the Author. Oxford: Printed at the Theater for Awnsham and John Churchill, L., 1698. 214 p.

[522] См.: Johannis Seldeni Jurisconsulti Opera Omnia, tam edita quam inedita: in tribus voluminibus. Collegit ac recensuit; vitam auctoris, praefationes, & indices adjecit. L., 1725–1726.

[523] *William Camden*, Britannia or a geographical description of Great Britain and Ireland together with the ancient lands etc. Revised by *Edmund Gibson*. Vol. 1. L., 1722. Режим доступа: https://ebooks.adelaide.edu.au/c/camden/william/britannia-gibson-1722/complete.html.

диковинок, нежели дальнейшим созданием серьезных изданий древнеанглийских текстов. Показательной является позиция Хораса Уолпола, чьи комментарии были весьма влиятельными в мире ученых и антикваров второй половины века. Он с неприязнью относился к исследованиям англосаксонистов: «Их датские и саксонские памятники стоят не больше, чем памятники готтентотов»[524]. «Реликвии английской поэзии» Перси, стихи Оссиана, и рукописи Чатертон-Роули захватили воображение публики, чего не скажешь об «Англосаксонских хрониках»[525].

И вновь нашей «лакмусовой бумажкой» является «История Англии» Дэвида Юма. Том, посвященный древнему периоду истории Английского королевства, вышел самым последним – в 1761 году – и охватывал период с древности до начала XIII века. В короткой первой главе автор посвящает «британцам» до римского завоевания один лист текста. Несколько страниц отведены «римлянам», затем – «британцам» после ухода римлян. «Англосаксы» представлены более пространным разделом – им определены вторая и третья глава (около ста страниц текста). Остальные главы – с IV по XX – занимают «норманы» (более 300 страниц). Освещая период Англосаксонской Британии, Юм выстраивает материал по правлениям королей, как это уже было сделано Уильямом Эльстобом и Дэвидом Уилкинсом. На какие источники опирался Д. Юм в освящении англосаксонского периода? Первое место по частотности цитирования заняла АСХ, изданная Эдмундом Гибсоном в 1692 году (112 раз). На втором месте – текст «Жизнь Альфреда Великого» Ассера в публикации Кемдена (56). Третье место досталось Беде Достопочтенному в издании Абрахама Уэлока, 1643 года (51). «Церковные и гражданские англосаксонские законы» Дэвида

---

[524] Walpole to Cole, 1 Sept. 1778 / The Yale Edition of Horace Walpole's Correspondence. *Lewis W.S.,* ed. Volume 2. Horace Walpole's correspondence with the Rev. William Cole. New Haven, 1937. P. 116.

[525] *Watkin-Jones A.* Bishop Percy, Thomas Warton, and Chatterton's Rowley Poems (1773-1790) // PMLA. Modern Language Association. Published by: Modern Language Association. Vol. 50. № 3. Sep., 1935. P. 769–784. Режим доступа: http://www.jstor.org/stable/458218.

Уилкинса упоминаются 39 раз, «Спелманиана» – 28, Гильда в издании Томаса Гейла 1691 года – 14. В приложении к тому Юм помещает небольшое эссе «Англосаксонское правление и манеры» со следующими разделами: «Первое саксонское правительство», «Наследование королей», «Витенагемот», «Аристократия», «Разряды служилых людей», «Суд справедливости», «Судебное право», «Правила доказательства», «Войско», «Государственный доходы», «Ценность денег», «Манеры». Анализ текста, посвященного Англосаксонской Британии, позволяет сделать вывод о том, что Юм опирался на расшифрованные и опубликованные англосаксонистами-лексикографами источники – он лишь компилятор и интерпретатор их идей[526].

Установление господства «литературной республики» в середине XVIII века объясняет резкий спад исследований и снижение интереса к древнеанглийским текстам. Единственным крупным «саксонистом» второй половины XVIII века был Эдвард Лай (1694–1767) из Оксфорда, который увлеченно занимался изучением готского и древнеанглийского языков. В 1743 году он отредактировал и издал рукописный текст словаря «Etymologicum» Фрэнсиса Юния[527], который пролежал в Бодлианской библиотеке почти три четверти века. Во введении к публикации он поместил очерк по изучению древнеанглийского и готского языков на основе описания работы Юниуса и Хикса, а также поместил здесь биографические очерки двух этих выдающихся «саксонистов». В 1750 году Лай отредактировал версию Евангелий на готском языке с латинским переводом, комментариями и готской грамматикой[528]. С 1737 года Лай начал работать над составлением англосаксонско-готско-латинского словаря. Работа шла тяжело, и только в

[526] *Hume D.* The History of England. 6 vols. L., 1778. With new foreword. 1778 / Vol. 1. The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688, Foreword by *William B. Todd*. Режим доступа: http://oll.libertyfund.org/titles/1868

[527] См.: Francisci Junii Francisci Filii, Etymologicum Anglicanum, ex autographo descripsit & accessionibus pcrmultis auctum edidit *Edwardus Lye A. M*. Prsemittimtur Vita auctoris et Grammatica Anglo-Saxonica. Oxonii: c Theatre Sheldoniano. 1743.

[528] Sacrorum evangeliorum versio Gothica ex Codice Argento. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano. 1750. Режим доступа: https://archive.org/details/sacrorumevangeli00lyee

1765 году, воодушевленный проведенной подпиской, он успел перед смертью выпустить около тридцати его листов. Словарь был посмертно издан с дополнениями в 1772 году его другом Оуэном Меннингом[529]. И дальнейших попыток создания словарей древнеанглийского языка в восемнадцатом веке уже не было.

Снижение интереса к англосаксонскому прошлому определялось и рядом других обстоятельств. Кафедра англосаксонских исследований в Оксфорде долго оставалась незанятой в связи с ограничениями на получение «ставки» профессора в англосаксонских языках, учрежденной Ричардом Роулинсоном (1690–1755) в 1750 году[530]. Условие заключалось в том, что никто не мог занять этот пост в течении 40 лет после смерти учредителя. Резкое падение интереса к древнеанглийским памятникам определялось также трудностью языка, который неакадемическая публика была не в состоянии понять ни в «сниженном» оригинале, ни в «высоком» латинском переводе. Казалось бы, древнеанглийские исследования ждало полное забвение, если бы не два обстоятельства. Это появление книги Шэрона Тернера «История англосаксов»[531] в 1799–1805 годах, которая вызвала среди читающей публики новый патриотический подъем и гордость по отношению к этому древнему периоду истории Английского королевства. Другое и даже более благоприятное обстоятельство – наконец, в 1790 году должность профессора древнеанглийского языка в Оксфорде перестала пустовать.

Значимость работ британских англосаксонистов эпохи Просвещения стала очевидна в XIX веке, который был отмечен расцветом изучения германских языков, особенно на континенте – братья Гримм яркий тому

---

[529] Dictionarium Saxonico et Gothico-Latinum. Auctpre Edvardo Lye, A. M. Rectore de Yardley-Hastings in Agro Northantoniensi. Accedunt fragmenta Versionis Ulphilarue, nee non Opuscula quoedam Anglo-Saxonica. Edidit nonnullis vocabulis auxit, plurimis exemplis illustravil, et Grummaticam utriusque Linguae praemisit *Owen Manning*. 2 vols., L., 1772.

[530] Anglo-Saxon Scholarship. The First Three Centuries. Eds. *Berkhout C. T., Millar McC. Gatch*. Boston, 1982.

[531] См.: *Turner Sh.* History of the Anglo-Saxons, The history of the Anglo-Saxons from the earliest period to the Norman conquest. In three volumes. 3d ed. Printed for Longman, Orme, Brown, Green, and Longmans, 1820-1823. Режим доступа: http://books.google.es/books?id=KhNGAQAAIAAJ

пример. Английские ученые, грамматики и лексикографы к этому времени уже провели анализ и опубликовали тексты основных источников древнеанглийского периода, поэтому германские филологи оказались в большом долгу перед ними из-за их успехов в научных исследованиях и превосходного знания диалектов древнегерманского языка. Классические на сегодняшний день публикации древнеанглийских текстов будут созданы в рамках проекта «Monumenta Germaniae Historica» Теодором Моммзеном в конце XIX века. Таким образом, мы приходим к выводу, что в изучении древнеанглийского языка и рукописей британские ученые эпохи Просвещения достигли беспрецедентных высот. Были созданы грамматика и словарь древнеанглийского языка. И все основные исторические памятники – Беда, «Англосаксонские хроники», Гептатий – периода англосаксонской Британии были выявлены, переведены на английский язык и получили критическое издание. Древнеанглийский язык стал устойчивой учебной дисциплиной в университетах XVIII века, вместо любительского и нестабильного его изучения антикварами.

3.2. ПОЛИТИКА VERSUS ИСТОРИЯ: АНГЛОНОРМАНДСКАЯ БРИТАНИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ БРИТАНСКИХ ИСТОРИОПИСАТЕЛЕЙ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

На протяжении семнадцатого и восемнадцатого веков роль своеобразного ядра формирующейся британской национальной идентичности играл т.н. «англосаксонизм». Как замечает известный современный исследователь К. Кидд «…”Аборигенные” древние бритты чаще всего встраивались в картину национального прошлого как его малозначимая часть. То же распространялось по отношению к нормандцам, хотя они часто рассматривались как злодеи, но сыгравшие важную (а иногда даже положительную) роль в развитии английской свободы…». И, тем не

менее, – продолжает Кидд, – «гордость за гибридную этничность англичан определялась политическим аргументом, а не тем, какой вклад эти различные (этнические – *В.В.*) группы внесли в формирование английской конституции, которую рассматривали в контексте преемственности». Но высокая степень объективности, характерная для изучения древнеанглийских текстов в период между 1660 и 1730 годами, была редким явлением в исследованиях английской истории одиннадцатого-пятнадцатого веков. Как справедливо замечает К. Кидд, «политические императивы иногда действительно диктуют прямо противоположную стратегию (понимания национального прошлого – *В.В.*)»[532].

Дискуссия о «нормандском иге» стала магистральной темой в борьбе за власть тори и вигов в эпоху становления парламентской монархии в Англии[533]. Проблема нормандского завоевания Британии оставалось в центре острейшей полемики в период между 1600 и 1900 годами, как отмечает авторитетный историк в этом вопросе Дэвид Дуглас. В течение трех столетий появлялись книга за книгой, посвященные событиям 1066 года. Дуглас называет это явление «одним из курьезов нашей литературы»[534]. Даже если говорить о специальных исторических исследованиях, то лишь немногим удалось преодолеть господствующую политическую конъюнктуру. В то время как, утверждает Дуглас, история англонормандской Британии требует строгой научной интерпретации. Памятуя об опыте «саксонистов» и английских антикваров вцелом также можно сделать предположение, что в эпоху Просвещения формировались и другие интерпретации англонормандской Британии, отличные от канонических политизированных – вигской и торийской. Посмотрим, так ли это? Откуда виги черпали

[532] *Kidd C.* British Identities before Nationalism … P. 75–76.

[533] Тема становления парламентской монархии в Англии имеет устойчивую традицию изучения в отечественной историографии. См. об этом: *Гутнова Е. В.* Возникновение английского парламента (Из истории английского общества и государства XIII веке. М., 1960. С. 3–43; *Гутнова Е.В*. Историография истории средних веков: 2-е изд. М., 1985. С. 216–217; *Горелов М. М.* Датское и нормандское завоевания Англии в XI веке. СПб., 2007. С. 10–43.

[534] *Douglas D.C.* English scholars… P. 151.

сведения о Великой хартии вольностей, статутах Иоанна Безземельного и т.п.?

Деполитизация темы нормандского завоевания в современных исторических исследованиях была задана сочинением Герберта Баттерфилда «Вигская интерпретации истории», вышедшим в 1931 году. Также именно Баттерфилд – в качестве научного руководителя Джона Покока – настоял на изучении антинорманизма XVII в. в его монархической интерпретации на примере изысканий Роберта Бреди и его единомышленников[535]. Результатом стало фундаментальное сочинение Покока «Древняя конституция и феодальное право. Изучение английской исторической мысли в семнадцатом веке» 1957 года. В этом сочинении Покок прямо увязал понятия «древняя конституция» и «нормандское иго» как взаимосвязанные смысловые оппозиции, сформировавшейся во второй половине XVII века. В британской историографии 60-х – 70-х годов XX века это было время «лингвистического поворота» и открытия «текстов» (прецедентов, общего права и древних традиций) в историческом «контексте». Идиомы и сам язык XVII века стали «давать» новую, важную информацию о модусах и манерах в интеллектуальной культуре британского общества.

Покок показывает, что только в XVII веке формируется «мышление общего права» (*англ.* The Common-law Mind). В ситуации становления национальных государств, замечает Джон Покок, общим местом было «удревнение» законов и обычаев королевств под давлением политических условий современности. Знатоки права не находили, как правило, аналогий римскому праву в собственном национальном прошлом, особенно в вопросах, связанных с законом, правом и суверенитетом. Юристы, примыкавшие к антикварному дискурсу, довольно рано осознали, что национальные формы права кардинально отличаются от Кодекса Юстиниана по своему характеру и основным идеям. Само собой разумеющимся для юристов было предположить существование «древний конституции» с

[535] *Pocock J. G. A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law … P. VIII, XIV.

незапамятных времен в виде обычаев и их производных, юридически имеющих обязательную силу на данный момент времени. «Древнее» обладало высшим авторитетом, потому древние законы не требовали дополнительной легитимации. В ситуации борьбы короля и парламента первых лет царствования Карла I Стюарта самый влиятельный юрист начала XVII века Эдмунд Кок выстроил убедительную систему доказательств в пользу удревнения английской конституции, став таким образом «авторитетом» англосаксонского права.

Глава Суда Королевской скамьи в 1613–1616 годы Кок, оказавшись в оппозиции короне, систематизировал принципы англосаксонского права, создав стройную концепцию общего права в знаменитом четырехчастном сочинении «Институты законов Англии» 1628/42/44 годов[536]. В этом сочинении он фактически показывал, что суды, парламент и право появились в Английском королевстве с незапамятных времен и существовали задолго до Вильгельма Завоевателя, который, между прочим, поклялся соблюдать древние законы Эдуарда Исповедника и даже настаивал на их соблюдении и сохранении. Как показывает Джон Покок, в своем анализе Кок опирался на публикацию раннесредневековых «правд» (*англ.* dooms), опубликованных У. Ламбардом в его «Archaionomia» 1568 года. Кок увязал феодальные институты с эпохой донормандского завоевания на основании текстов «Законов Исповедника» (*лат.* «Leges Confessoris») и «законов Вильгельма» (*лат.* «Leges Willielmi»). На самом деле Кок характеризовал как существовавшие с «незапамятных времен» те учреждения, которые были введены нормандцами только в XI веке[537]. Миф-концепция подтверждения древности английских законов у Эдмунда Кока достигает своего пика в его оценке Великой хартии вольностей 1215 года (впоследствии нарушенной

[536] См.: *Coke E.* The First Part of the Institutes of the Lawes of England. Or, a Commentarie upon Littleton, Not the Name of a Lawyer Onely, but of the Law it selfe, L., 1628; и другие.

[537] *Pocock J. G. A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law: a study of English Historical Thought in the Seventeenth Century. A Reissue with a Retrospect. 1987. Cambridge, P. 43.

Тюдорами), содержание которой было положено в основу «Петиции о праве» 1628 года. При этом юрист сам как бы не замечает, что имеет дело с правовым документом XIII века.

Понятно, что социальные трансформации XVI–XVII веков в Английском королевстве неизбежно вели к изменениям политико-правового характера. Джон Покок замечает, что «когда парламенты Елизаветы I начали заявлять свои права, которые были фактически новыми, на самом деле они создавали прецеденты... Они формировали свои требования как того желали, но со ссылкой на уже существующие законы – содержание английского права было неопределенным и неписаным[538] – и можно было всегда заявить (что мы и видим на самом деле), что все в существующем законодательстве было испокон веков… Поиск прецедентов завершается расширением корпуса предполагаемых прав и привилегий, которые должны были быть древними сами по себе, и это – в сочетании с общим и твердым убеждением, что Англия управляется законом, который сам по себе существовал с незапамятных времен – привело, в свою очередь, к оформлению того наиболее важного и неуловимого понятия семнадцатого века как основной закон»[539]. И сегодня ясно, что «древний» (*англ.* ancient) и «основной» (*англ.* fundamental) закон были синонимичными понятиями в XVII веке[540].

Выше представленные тенденции хорошо известны из политической истории Англии XVII века, но наш главный вопрос заключается в другом: каким образом эта ситуация влияла на развитие исторического знания и формирование концепции национальной истории. Не удивительно, что парламентарии и законники-юристы следовали концепции «древней конституции». Но в это же время складывалась и другая, альтернативная точка зрения по этому вопросу. Суть ее заключалась в том, что свободы Западной Европы, в том числе английское право и парламент были по

---

[538] *Кондратьев С.В.* Юристы общего права в елизаветинской и раннестюартовской Англии / Англий XVII века. СПб., 1997. С. 88–89.

[539] *Pocock J. G. A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law … P. 47–48.

[540] *Gough J. W.* Fundamental Law in English Constitutional History. Oxford, 1955.

происхождению «готскими», то есть древнегерманскими. Покок одним из первых поставил вопрос о двух различных линиях историко-правового развития в XVII веке – «кокианской», или «общеправовой», и «готской»[541]. Конечно, первая также апеллировала ко времени короля Альфреда, но без акцента на его древнегерманском происхождении: он представал лишь одним из древних британских королей. Англосаксонское право для Кока и его последователей носило исключительно островной характер, и смешивать миф о древности английского закона с готской свободой означало для них смешать себя с примитивными варварами германского леса Тацита[542]. Вторая «линия» была связана со стремлением исторически осмыслить вопрос нормандского влияния через понятие «феодализм», пришедшее с континента, как с точки зрения исторических событий XI века, так и с точки зрения развития историографии XVI–XVII веков[543]. Этот вопрос упирался в изучение традиции письменной систематизации правовых отношений господина и вассала. Таким примером может служить «Libri Feudorum» – запись «обычаев лангобардов» в XII веке (Ломбардия) – позже ставшая основой «civil law». Открытие места Англии в правовой истории Европы принадлежало не юристам, а сплоченной группе антикваров эпохи правления Якова I Стюарта – Кемдену, Коттону, Ашеру, Селдену, Спелмену.

Решающую роль в формировании альтернативной оценки нормандского вторжения и влияния сыграл сэр Генри Спелмен (1562–1641), о котором уже не раз шла речь. Практически все его сочинения увидели свет после смерти автора. В 1626 году была опубликована только первая часть «Archaeologus» – глоссария архаизмов и древнеанглийских слов в церковной и правовой лексике. Вторая часть этого сочинения пролежала в рукописи еще более двадцати лет после смерти автора, и только Уильям Дагдейл сумел опубликовать всю работу целиком в 1664 году. Другим важным сочинением

---

[541] *Pocock J. G. A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law … P. 57.

[542] *Pocock J. G. A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law … P. 57.

[543] *Pocock J. G. A.* Ch. III. The Discovery of Feudalism: French and Scottish Historians / Pocock J. G. A. The Ancient Constitution and the Feudal Law… P. 70–91.

Спелмена, ярко демонстрирующим его историческое мышление, является «История и судьба святотатства», написанная в 1632 году и опубликованная лишь в 1698 году[544]. Самостоятельную группу сочинений составляют рукописи трактатов Спелмена на антикварные и правовые темы, которые были опубликованы Эдмундом Гибсоном в «Reliquiae Spelmanniana» в 1698 году. И только одно сочинение – «Codex Legum Veterum» – вышло только 1721 году, когда Дэвид Уилкинс предпринял свою публикацию «Англо-саксонских законов».

Не будучи ни юристом, ни богословом Спелмен как ученый-антиквар смог сосредоточиться в последние тридцать лет своей жизни на изучении истории общего права и истории церкви. Собирая средневековые рукописи, он очень скоро осознал главную трудность в изучении двух этих направлений национальной истории – установление смыслов устаревших и варварских слов. Так возникла идея создания глоссария как предварительного этапа к дальнейшей работе. Именно составление «Archaeologus» и заставляет Спелмена серьезно познакомиться с существующей системой общего права. Но в отличии от Кока, для которого история закона состояла из прецедентов и обоснования прав и действий на их основании в современности, для Спелмена это был вопрос понимания этимологии слов, вышедших из употребления и интерпретация их смыслов.

С самого начала отношение Спелмена к текстам общего права было критическим. Он выбирал для изучения названия обычаев, служб, званий, обрядов, правил в средневековых церкви и праве. Не ограничиваясь выяснением смысла слова на основании английских исторических источников, Спелмен выявлял аналогии в других языках – готском, древнесаксонском и пр. Он действовал так потому, что разделял убеждение своих современников-антикваров Ноуэлла и Кемдена о принадлежности древнеанглийского языка к германской группе языков. Интенсивная переписка с французскими, голландскими и немецкими учеными помогла

[544] *Spelman H.* The history and fate of sacrilege. L., 1698.

ему приобрести обширные знания о европейских законах, обычаях, картуляриях, указах, хрониках и документах различного рода, а, следовательно, правовых и духовных аспектах жизни средневекового общества Запада. И в данном случае, не так важен диапазон его эрудиции, как его сравнительный подход, который позволил ему критически подойти к изучению английского прошлого.

Исходя из своих филологических штудий Спелмен предполагал, что английское общее право своим происхождением в значительной степени обязано древнегерманскому влиянию. Он понимал, что древнегерманский обычай не мог сохраниться в своем первозданном виде и знал, что законы «варваров» претерпевали существенную историческую эволюцию. Крайне важный процесс, считал он, протекал в изменении структуры варварских законов, а именно, ключевым моментом было складывание феода (*лат.* «feudum») и его трансформация от неустойчивых форм держания к наследованным и «вечным». Под заголовком «Feudum» в «Archaeologus»[545], Спелмен дает собственную оценку процесса феодализации. Феод, по его мнению, имел германское происхождение и в реальности представлял собой группу, состоящую из господина и его вассалов, образованную на определенных принципах держания земли. Он создавался изначально для военных целей, а впоследствии складывается и феодальный суд. Феод развивался медленно. С увеличением населения германских народов он принял свою завершенную форму в средневековой Европе[546].

В доказательство своего утверждения, что рыцарские держания складываются в Англии в эпоху не ранее Вильгельма Завоевателя[547], Спелмен пишет в 1639 году специальный «Трактат о феодах и землевладениях на рыцарской службе в Англии» (*англ.* «Treatise of Feuds and Tenures by Knight-service in England, не опубликованный до 1698 года. Феодальное землевладение является продуктом эволюции всех германских

[545] *Spelman H.* Archaeologusy. 1626. P. 256. cols. 1-2.
[546] *Spelman H.* Reliquiae. P. 4.
[547] *Pocock J. G. A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law… P. 100.

народов, полагает Спелмен, в том числе англов и саксов, но на континенте его эволюция в сторону наследственности была уже хорошо выражена в законодательстве Гуго Капета 988 года и Конрада II 1026 года. Нормандцы достигли окончательной стадии правового оформления феода незадолго до завоевания Британии. Ни одного слова «feudum» в английских документах до1066 года, описывающих сходные процессы, не найдено, в то время как все соответствующие слова и привычные характеристики «feudum» встречаются во множестве документов нормандского периода. Таким образом, Спелмен доказывает, что зрелые формы феода были импортированы в Англию нормандцами и стали играть здесь после этого важную роль. И это был кульминационный момент в предшествующей вековой эволюции феода к наследственным формам владения на Британских островах. Каждый кусок земли в Англии фактически, констатирует Спелмен, должен был признать верховного владельца, именуемого королем, после чего владение на основаниях общего права естественным образом становилось феодом. Вся земля Англии превращалась в феодальное владение в полном смысле этого слова. Поэтому Вильгельм Завоеватель должен был – о чем нам сообщают летописцы того времени – разделить всю страну между своими сторонниками и последователями для того, чтобы иметь вассалов как это уже было в самой Нормандии и Ломбардии («Libri Feudorum» XII в.).

Разработанная Спелменом концепция «феода» оказала существенное влияние на его интерпретацию англонормандского периода в истории Британии, а именно, рассмотрении парламентской истории в свете эволюции феодализма. В незавершенном трактате «Of Parliaments» Спелмен пишет, что парламенты возникли позднее института королевской власти. Они представляли собой результат деятельности самих королей, которые первоначально предоставляли своим вассалам землю в обмен на обязанность служить и быть верными королю, а не были порождены положениями

общего права[548]. Спелмен создает целостный портрет феодального общества. В этом обществе только слуги короля могут быть допущены давать ему совет. Всех остальных король допускает в Парламент только на том основании, что он их верховный господин и его «служилые» имеют много других разнообразных обременительных служб. Палата общин появляется сравнительно поздно и класс, который она представляет фактически – это фригольдеры, не может существовать в строго феодальном обществе[549]. Ход мысли Спелмена ясен, хотя его незавершенный трактат «Of Parliaments» обрывается на правлении Генриха II, т.е. конце XII века. Палата общин была представлена «libere tenent» «freeholders», которые позже объединились с мелкими держателями земли, чтобы выбирать рыцарей графств в палату общин от нового класса фригольдеров. Таким образом, король в силу своего положения как феодальный сюзерен состоял со всем обществом в сеньориальных отношениях, которые реализовывалось в практике оммажа и лояльности к королю держателей земли каждого участка королевства.

Появление палаты общин Спелмен связывает с началом постепенного распада феодальных отношений. «После приема общин в парламент всесилие магнатов постепенно снижается, и потому, что их власть над их подопечными (поземельно зависимыми – *B.B.*) становится ограниченной, и потому, что «службы», которые они должны исполнять, утратили прежнее значение. …. начинает возвышаться новый Левиафан …»[550]. Кто именно были представители этого «нового Левиафана», способствовавшие ослаблению феодальной власти, но еще не ставшие серьезной опасностью для упорядоченного феодального общества? Ответ Спелмена – фригольдеры. Кем бы они ни были, они могли угрожать короне, если вставали на сторону магнатов. Для предотвращения подобных ситуаций король в парламенте принимал меры, чтобы поддержать фригольдеров, но при этом вольно или

[548] *Spelman H.* Reliquiae. P. 57.
[549] *Spelman H.* Reliquiae. P. 62.
[550] *Spelman H.* Glossarium. 1664. P. 452; Pocock J. G. A. The Ancient Constitution and the Feudal Law… P. 115.

невольно создавал новый центр власти, который уже не мог полностью контролировать. В работе «История святотатства» (*англ.* «History of Sacrilege») Спелмен обращается к анализу процесса упадка дворянства, описывая многие персональные трагедии современников Генриха VIII. «Теперь я работаю над сбором сведений в стремлении понять очевидную потерю институтом баронства былого блеска древности, привлекательности и уважения… Сказать, что я здесь наблюдаю, так это то, что дарованные нобилитету Господом почести, превратили его в ленивых и пошлых людей; и то, что Господь взял эти древние почести и передал людям низкого происхождения – продавцам, тавернщикам, шляпникам, торговцам, горожанам, пивоварам и скотоводам…»[551]. Однако Спелмен вовсе не изображает джентри как однородный класс богатых и неуправляемых людей. Именно они чаще всего становились собственниками проданных церковных и коронных земель[552]. Но Спелмен подчеркивает тот факт, что покупатели получали новый земельный объект на условиях сохранения целостности владения («in capite»). Это обстоятельство накладывало на них нежеланную для многих из них ответственность патронажа[553]. Новые дворяне – джентри – не были освобождены от феодальных обязанностей, но стремились избавиться от них с целью увеличить свое благосостояние другими способами. Условия покупки земли вынуждали их к возврату в лоно феодальных отношений, которые, по мнению Спелмена, уже вымерли, за исключением владений некоторых пэров и нескольких крупных поместий[554].

Джон Покок дает высокую оценку идеям и системе доказательств Генри Спелмена: «Это было начало подлинно исторического изучения английских учреждений и единственно возможной альтернативой псевдоисторической мысли Кока и юристов общего права»[555]. Антиквар

---

[551] *Spelman H.* Hist. Sacr. P. 224–225.
[552] *Spelman H.* Hist. Sacr. P. 225–227.
[553] *Spelman H.* Hist. Sacr. P. 229–235.
[554] *Spelman H.* Hist. Sacr. P. 235.
[555] *Pocock J. G. A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law … P. 102.

начала XVII века демонстрировал новую технику исследования, основанную на высокой степени абстракции и априорного знания. «Следуйте за нами и увидите, – описывал Спелмен свой исторический метод, – что практика изучения древних веков подобна теореме»[556]. Рассматривая работу Спелмена в целом, полагаю, что можно сказать, что он опередил своих современников в осмыслении англонормандского периода в истории Британии. Следует также помнить, что его литературное наследие было опубликовано значительно позже, а истинный смысл его произведений стал понятен спустя несколько десятилетий. Переосмысление конституционной истории на основании концепции феода по Спелмену стало возможным лишь после завершения Гражданской войны – в эпоху Реставрации. Парадокс Кромвелевской республики заключался в создании «по завету» Кока усеченного однопалатного парламента без четких полномочий и под лозунгом «древней конституции».

Важным вкладом антикваров первой «волны» в английскую историографию стала концепция феодализма. Спелмен был не единственным, но, несомненно, главным ее «архитектором». Стало возможным новое деление английской истории на три периода – дофеодальный, феодальный и постфеодальный. Нормандское завоевание трансформирует англосаксонское общество путем систематического внедрения континентальных форм феодальных землевладений. Отношения баронов и короны с одиннадцатого по тринадцатый век следует понимать с точки зрения вассальной зависимости и обязательств, с нею связанных. Появление землевладельцев в парламенте, которые избавлялись от обязанности посещать свои поместья, может произойти только в обществе, где феодальные отношения начали терять свою исключительную важность. Еще раз следует подчеркнуть, что «английский (нормандский) феодализм» в интерпретации Спелмена не означал какого-либо попирания общего права (кокианская интерпретация) или какого-то частного договора/соглашения

[556] *Spelman H.* Reliquiae. P. 61.

между господином и вассалами. Он означал, прежде всего, то, что вся земля была распределена королем между его подданными на условиях принесения оммажа и «службы». В памфлетной войне середины XVII века идеи Спелмена были на руку роялистски ориентированным консервативным авторам (таким как Роберт Филмер, Томас Гоббс, Уильям Принн) для отрицания идеи «социального контракта» и утверждения о позднем возникновении Палаты общин (не ранее правления Генриха III).

В 1675 году сэр Уильям Дагдейл, наиболее выдающийся медиевист своего времени, опубликовал первый том произведения «Бароны Англии», где в предисловии дал обзор парламентской истории на основе идей Спелмена. Напомним, что именно он одиннадцатью годами ранее был инициатором издания «Archaeologus» в целостном виде – в двух частях, куда впервые была включена статья «Parlamentum»[557]. Во введении к «Баронам Англии» Дагдейл пишет, что со времен Вильгельма Завоевателя до царствования Генриха III в «королевские советы» (*англ.* king-in-council) входили исключительно владетельные держатели земли «in capite», и были они здесь потому, что они были держателями земли по королевской милости и служили ему. Но Дагдейл, как считает Покок, уступает своему предшественнику Спелмену в раскрытии вопроса о происхождении палаты общин, связывая первое появление представителей общин в лице рыцарей, присоединившихся к Симону де Монфору во время гражданских войн баронов конца 40-х–60-х годов XIII века. В то время как Спелмен связывает происхождение палаты общин с процессом перехода класса держателей небольших владений «in capite» в класс «freeholders», которые больше не ограничиваются держанием «in capite» и вовлечены в механизм управления графств и со временем становятся «представителями» палаты общин[558]. Однако даже точка зрения Дагдейла о возникновении палаты общин в середине XIII века встретила всеобщее неприятие. Самым громким оказался

[557] Glossarium Archaiologium. 1664.
[558] *Pocock J. G. A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law… P. 185–186.

голос вигского интерпретатора «древней конституции» и предтечи Джона Локка – Уильяма Пети (1641–1707). Его сочинение «Древнее право коммонеров» 1680 года изначально было задумано как ответ Дагдейлу[559]. Два предложения – для раскрытия.

Первым кто всецело воспринял концепцию Спелмена и, более того, развил ее был д-р Роберт Бреди (1627–1700). Выпускник Каюс колледжа в Кембридже, он был доктор медицины и профессор физики. Роялист из графства Норфолк, Бреди подвергся гонениям в период Республики Кромвеля (его брат Эдмунд Бреди был повешен в Норидже после неудачного роялистского заговора 1650 года). Он, никогда не писавший исторических сочинений, решил в 1675 году создать историю Англии, которая будет «учить людей лояльности и послушанию, дабы предотвратить замыслы мятежников»[560]. В эпоху Реставрации его как практикующего врача часто приглашали ко двору как Карла II, так и Якова II. В этом качестве он присутствовал при дворе в момент рождения наследного принца в 1688 году[561]. Патроном Бреди с конца 1670-х годов стал архиепископ Кентерберийский с 1677 по 1690 Уильям Санкрофт ключевая фигура эпохи Славной революции, возглавивший впоследствии неприсягнувших священников. Бреди был сторонником идей трактата Роберта Филмера «Патриарх» и кроме того по рекомендации Сакрофта сблизился с Дайгдейлом. Работа Уильяма Пети «Древнее право коммонеров» 1680 года ввергла Бреди в круговорот нарастающей дискуссии первых вигских парламентов 1679–1681 годов. В 1681 году он опубликовал «Полный и ясный ответ на книгу Уильяма Пети, эсквайра»[562].

Сочинение Бреди носит остро полемический характер и направлено на осмеяние своих врагов. Для Пети и сторонников «древней конституции»

---

[559] *Petyt W.* The Antient Right … 1680.

[560] *Pocock J. G. A.* Robert Brady, 1627–1700. A Cambridge Historian of the Restoration // Cambridge Historical Journal. Vol. X. № 2. 1951. P. 186–204.

[561] *Douglas D.C.* English scholars… P. 156.

[562] *Brady R.* A Full and Clear Answer … 1681.

Вильгельм не был Завоевателем – на протяжении XIII века имело место лишь попрание древней английской конституции. Именно сюда был направлен главный удар Бреди. Это было завоевание, пишет он, привнесение нового вида права и принципиальное изменение отношений в англосаксонском обществе. И все это произошло по праву завоевания. Бреди заключает: «Большинство наших законов, в том числе главные, были доставлены сюда из Нормандии ЗАВОЕВАТЕЛЕМ. Оттуда мы получили наши ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ и способ владения нашим имуществом во всех отношениях, и оттуда мы также получили ОБЫЧАИ соответствующие этим *владениям*. Их качество было в основе своей *феодальным*, ими пользовались при условии выполнения определенных ВОЕННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ и СЛУЖБ, и, как необходимое следствие, мы должны были получить законы также соответствующие этим ВЛАДЕНИЯМИ и ОБЫЧАЯМ, пригодные для их регулирования, в соответствии с которым каждый человек имел право на такое владение, которое было бы защищено в соответствии с их природой»[563].

Всю оставшуюся жизнь Бреди посвятил обоснованию своего вывода. В 1684 году вышла его работа «Введение в древнюю английскую историю», в 1685 году – «Полная история Англии», в 1690 году – «Исторический трактат о городах и бургах»[564]. Центральным вопросом в последующей дискуссии с Пети стал вопрос о происхождении палаты общин. Пети и его единомышленники доказывали, что фригольдеры никогда не служили ни королю, ни какому другому лорду. Фригольдеры и их права были древними по происхождению и благополучно пережили эпоху Завоевателя. Бреди на основе анализа рукописи «Книги страшного суда» (1086), которая находилась в то время в Вестминстерском аббатстве, доказывал, что уже во время этой переписи не было ни одного куска земли, принадлежащего англичанину, который бы не состоял на службе у короля Вильгельма.

[563] *Brady R.* Introduction to the Old English History … P. 14.

[564] *Brady R.* An Introduction to the Old English History … 1684; *Brady R.* A Complete History of England …1685; *Brady R.* An Historical Treatise of Cities and Burghs … 1690.

Свободные люди королевства («freemen of the kingdom»), упоминаемые в законах Вильгельма I, «должны были нести военную службу, будучи экипированными и с лошадью в поводу, согласно уплачиваемым налогам и размеру землевладения. Поэтому они были землевладельцами («tenents») *на военной службе* (которая в те времена *распространялась только для свободных людей* и *не оплачивалась*), что предполагало закрепление в законе. И это совсем не то, что фригольдеры в наши дни ...». «Эти (тенанты – *В.В.*), по всей вероятности, и были теми людьми, которые впервые стали *избирать* двух *Рыцарей* в каждом *Графстве*, из своего числа, и только они стали *Избирателями*, когда впервые *их интересы* были представлены таким образом»[565].

Бреди доказывал, что до Эдуарда I понятие «король в совете» соответствовало, в первую очередь, простому собранию крупных держателей земли в ситуации разрешения королем трудных вопросов по принципу: «то, что касается всех, должно быть одобрено всеми». Бреди, который служил «хранителем свитков» в Тауэре с 1670 по 1689 года[566] (потом должность перешла к Уильяму Пети[567]), изучил сохранившиеся записи подобных собраний XI–XIII веков и пришел к выводу, что обычно они состояли из епископов, графов и баронов, которые были крупными держателями земли, во главе с королем. Присутствие других категорий землевладельцев на таких собраниях не фиксируется. Мелкие владельцы/«кнехты» приглашаются на такие собрания в виде исключения и в этом случае, пишет Бреди, такие собрания носят название «Communitas Regni». Он первым в британской историографии обратил внимание на этот термин и поставил на обсуждение его содержание. Уильям Пети в соответствии с его провигской концепцией даже не сомневается, что «Communitas Regni» – это и есть «commonalty of the realm» или «House of Commons», «палата общин». Бреди, верный основным принципам работы Спелмена, доказывает, что в тринадцатом веке этот

[565] *Brady R.* Introduction to the Old English History … P. 18.
[566] *Douglas D.C.* English scholars … P. 156.
[567] *Pocock J. G. A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law … P. 227.

термин следует понимать, прежде всего, в феодальном смысле как «Communitas militum», т.е. собрание, включающее как крупных, так и мелких держателей земли во главе с королем, когда речь шла о военных вопросах[568]. Также Бреди подмечает, что в XIV–XV веках происходит снижение статуса военной службы в качестве определяющего права и обязанности землевладельцев. И завершается этот процесс законодательным оформлением замены «службы» уплатой 40 шиллингового ежегодного налога в королевскую казну в правление Генриха VI[569]. Речь идет о «Forty shilling freeholders» – держателях земли, получивших по Акту 1430 года парламентскую привилегию освобождения от «службы» на основании ежегодной выплаты не менее сорока шиллингов.

Очевидно, что концепция Спелмена стала грозным оружием в руках Бреди в споре о суверенитете в преддверии Славной революции. Она позволила ему подвергнуть аргументированной критике понятие «древней конституции», базирующейся на «древнем законе» и «древнем парламенте» на том простом основании, что институты феодальных отношений уже давно исчезли из английской жизни. Этот вывод Бреди, над доказательством которого английским медиевистам еще долго придется потрудиться, был пионерским по своей сути и завершал формирование концепции Спелмена о феодальных отношениях на Британских островах. И, как пишет Джон Покок, «не было другой альтернативы феодализму в понимании англонормандского общества… как и не было другого метода преодоления недугов, от которых пострадала английская историческая мысль в семнадцатом веке. Открытие этого метода Спелменом и его возрождение Бреди в совокупности должны быть признаны одним из самых важных достижений в истории нашей историографии»[570].

Однако парадокс историографической ситуации заключался в том, что эти революционные идеи Спелмена и Бреди впоследствии оказались

[568] *Brady R.* Introduction to the Old English History … P. 73–76, 80–811, 84 и далее.
[569] *Brady R.* Introduction to the Old English History… P. 19–20.
[570] *Pocock J. G. A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law… P. 198.

маргинальными и оставались таковыми вплоть до второй половины XIX века. В основном это произошло потому, что политическая позиция Бреди была консервативной и базировалась на представлении о суверенной власти монарха, а политическая конъюнктура была таковой, что победу одержали виги и локкианская идея разделения властей. В этой ситуации большинство консервативно ориентированных полемистов (например, лорд Кларендон) приняли доктрину «древней конституции» и на этом основании отстаивали идею прерогатив королевской власти. Последующая историография эпохи Просвещения последовала курсом, заданным Эдмундом Коком и Уильямом Пети. История англонормандской Англии интерпретировалась в духе неизменного абстрактного древнего «общего права». Джон Локк, который не питал интереса к истории, а мыслил как политический философ в своих сочинениях оформил понятие «английской конституции» как социального контракта на основе таких документов как Великая хартия вольностей, Петиция о праве и Билль о правах[571]. У лорда Болингброка мы находим «древнюю конституцию», восстановленную Революцией 1688/1689 годов[572]. Берк – самый сильный политический мыслитель завершающей фазы эпохи Просвещения – констатирует, что общественные институты являются продуктом истории; что история – это процесс передачи из поколения в поколение мудрости людей; существующие институты являются плодами этого процесса и «отшлифованы» стремлением людей охранять порядок и следовать естественным законам природы[573].

Справедливости ради надо сказать несколько слов о «третьей линии» в интерпретациях событий 1066 года в историографии XVII–XVIII веков. Речь идет о «левой» традиции, именуемой в британской историографии «радикальной». В своих сочинениях Джон Мильтон, Джон Лильберн, Дж. Уинстенли заявляли о насильственном завоевании, следствием которого

---

[571] См.: *Locke J.* Two Treatises of Government. Ed. Peter Laslett. Cambridge,1988.

[572] Dissertation on Parties, 7th ed. L., 1749; P. 124–125, 132–133. *Pocock J. G. A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law… P. 232.

[573] *Берк Э.* Размышления о революции во Франции // Социс. 1991. № 6. С. 117.

было установление тиранического нелегитимного правления Вильгельма – «нормандского ига». Их «историзм» определялся радикальной критикой существующего порядка. Джон Покок называет их позицию «поставленной с ног на голову концепцией общего права»[574]. Представители и той, и другой «линии» – кокианской и радикальной – опирались в своих концептуальных построениях на прошлое и делали упор на права англичан в древности. Но юристы общего права выводили линию непрерывной преемственности между прошлым и настоящим для обоснования «основного закона» в современности; в то время как радикалы говорили о «золотом веке» и «потерянном рае», где англичане были свободны, и необходимости его восстановления. И в отличие от юристов радикалы апеллировали не к законам, а к «естественному праву» и «разуму»[575]. Эта позиция получила свое развитие в XVIII веке. Томас Пейн в своих сочинениях призывал вернуться к «золотому веку» англосаксов как обществу, где все люди были равны. Британский марксистский историк Кристофер Хилл доводит эту «линию» интеллектуального развития до чартистского движения XIX века и далее рабочего движения в XX веке[576].

Качественное состояние историописания эпохи зрелого Просвещения в Британии можно охарактеризовать как состояние «замороженного» историзма. Это было время рождения рационалистически обоснованных исторических мифов. Одним из таких мифов стал миф «древней конституции», другим – миф о «потерянном рае»[577]. Третьим – «готский», который был ближе всего к контексту исторических источников англонормандского периода и интерпретативным практикам антикварной историографической традиции, т.е. концепции Спелмена-Бреди. Заметим, что

---

[574] *Pocock J. G. A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law… P. 126.

[575] *Hill C.* The Norman Yoke (see p. 54 n. 2 above) / Democracy and the Labour Movement. Lawrence and Wishart, 1954.

[576] В отношении левой альтернативы, «третьей линии» интеллектуального развития в XVII веке см.: *Hill C.* The Norman Yoke. / *Hill C.* Democracy and the Labour Movement…. P. 44–50.

[577] См.: *Siobhan B.* Memory and Myths of the Norman Conquest. 2013.

современный британский исследователь Р. Смит, специально занимавшийся изучением реконструкции «готского наследия» на Британских островах в британской историографии в период с 1688 по1832 год, определяет как самостоятельные течения исторической мысли эпохи Просвещения «*готскую теорию*», которая возводит все ограниченные монархии Европы к германцам, и «*роялистскую теорию*», основанную на том, что конституцию англичанам дал Вильгельм Завоеватель. Далее коротко остановимся на этом – «готском» – модусе исторической мысли эпохи Просвещения, необычайно популярном в британской интеллектуальной культуре третьей четверти XVIII века и получившем в историографии название «первого готского возрождения».

Действительно, концепция Спелмена-Бреди о древнегерманском происхождении английской конституции стала основой формирования готской теории. Однако ее сторонники взяли из нее только институт «народного собрания» древних германцев для обоснования уникальной парламентской монархии в Англии. Исторически сложившийся режим ограниченной монархии в годы правления последних Стюартов открыл благодатные возможности для развития готской теории. В качестве одного из ее основателей упоминается сэр Джон Хейворд (1564–1627), один из антикваров «первой волны». Позже концепция «ограниченной монархии» развивалась в сочинениях неприсягнувших священников, таких как Джереми Коллиер, Джордж Харбин. Будучи по существу якобитами они настаивали на наследственном праве монархов и прерогативах парламента освящать его (принесение присяги с обеих сторон и т.п.). Хорошо нам известный сэр Уильям Темпл в работе «Введение в английскую историю» 1695 года пишет, что древнеанглийская (готская) конституция усилилась с появлением нормандцев, также готов по своему древнему происхождению. Корона Вильгельма был «завоевана» по воле провидения, а парламент вынудил его ограничивать свой «фанатизм и клерикальную двуличность». В рамках складывающейся «готской теории», проблема «завоевания» переставала быть

таковой, так как главное – это наследственная монархия (ограниченная прерогативами парламента), которую олицетворяет Вильгельм. В работе «Готское наследие» Смит пишет: «Темпл был убежденным сторонником готской теории, но он блестяще и ловко дистанцируется от затруднений исторической полемики семнадцатого века; его стиль и авторитет обеспечили его работе долгую жизнь в восемнадцатом веке». Дэвид Дуглас называет «Введение в английскую историю» Темпла «фантастически блестящим литературным произведением» (*англ*. fantastic lucubration), но с точки зрения исторического исследования оценивает его как бесплодное, основанное на ложных аналогиях[578].

После 1714 года «готская теория» фактически соединяется с вигской идеей ограниченной монархии. На завершающей фазе эпохи Просвещения «возрождение готики» начнется как реакция на «век разума». Именно средневековое готское прошлое станет «вместилищем» дум и чаяний, основой романтических умонастроений конца XVIII века. Суть этого явления раскрывает деятельность Хораса Уолпола. Став единственным богатым наследником некогда всесильного премьера Р. Уолпола, он потратил значительную часть своего состояния на создание под Лондоном «маленького готического замка» в 1750–1760-х годах, назвав его «Строберри-хилл». Напомним, что Х. Уолпол был самым тесным образом связан с Джорджем Вертью, главным художником первой серии публикаций Лондонского общества антикваров «Vetusta monumenta». Деятельность этого общества оказала на Уолпола значительное влияние. Как указывалось ранее, после смерти Вертью Уолпол выкупил его архив и на основе собранных художником материалов издал «Анекдоты из истории живописи в Англии». Характерным знаком эпохи стал его готический (мистический) роман «Отранто», опубликованный в 1764 году. Уолпол в своем пристрастии к готике был не одинок. На рубеже веков средневековые сюжеты занимают заметное место в литературном творчестве Томаса Перси, Вальтера Скотта и

[578] *Douglas D.C.* English scholars …P. 154–155.

других. Это было «возрождение готики». Следует также отметить пристальное внимание к изучению готического стиля в архитектуре Британских островов. Выдающий архитектор эпохи Реставрации Кристофер Рен, многие антиквары XVIII века занимались зарисовкой, атрибуцией, восстановлением сохранившихся развалин, некогда выстроенных именно Вильгельмом и его наследниками и разоренных в годы Реформации, монастырей и соборов.

Дж. Покок дает прямую оценку изучению англонормандского периода истории Англии в XVIII веке – «кажется, что оно зашло в тупик» – и отсылает к работам Дэвида Юма и Уильяма Робертсона[579], которые никак не используют понятие «феодализм». При этом Д. Дуглас указывает, что Юм привлекал сочинения Бреди, хотя ни разу не ссылается на него[580]. И тем не менее, следует несколько слов сказать о публикации важнейших источников по англонормандскому периоду Британии в XVIII веке. Исследования Спелмена-Бреди актуализировали необходимость подготовки критического издания «Книги Страшного суда» (*англ.* «Domesday Book»), оригинал которой хранился в Вестминстерском дворце. С момента создания Антикварного общества Лондона в 1707 году это было провозглашено в качестве приоритетной задачи. Однако только в 1767 году при финансовой поддержке правительства была начата работа по подготовке к публикации этого важного во всех отношениях исторического источника по истории англонормандской Британии[581]. В 1783 году вышло в свет первое печатное издание «Книги Страшного суда», подготовленное Абрахамом Фарли[582].

Обязательно надо сказать о судьбе «Великой Хартии Вольностей» («Magna Carta Libertatum») 1215 года в эпоху Просвещения. Как мы хорошо знаем, этот небольшой документ на латинском языке играл роль «столпа»

---

[579] *Pocock J. G. A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law …P. 244; См.: *Hume D.* History of England.1762. vol. 1. P. 263.

[580] *Douglas D.C.* English scholars… P. 157.

[581] *Hallam E.* Domesday Book through Nine Centuries. L., 1986. P. 134.

[582] *Condon M.M., Hallam E.* Government Printing of the Public Records in the Eighteenth Century // Journal of the Society of Archivists. 1984. № 7. P. 348–388.

английской конституции. Именно Эд. Кок и последующая вигская историография сделала из «Великой Хартии Вольностей» «идола» и закрепила за ней роль источника «свобод и вольностей» поданных данного королевства. В то время как ее текст, как и любого правового документа, имеет неоднозначную интерпретацию. Уже в XVII веке насчитывалось около десяти редакций «Великой Хартии Вольностей» и несколько сотен копий, скрепленных печатью королевской канцелярии[583]. Каноническое издание было подготовлено в 1759 году известным юристом общего права сэром Уильямом Блекстоном, в котором он предложил систему внутренней нумерации статей[584], что используется до сегодняшнего дня. Интересно, что Джон Уилкс, арестованный 1763 году за скандальную статью в «Северном британце», постоянно в борьбе со своими противниками и в ходе судебного разбирательства использует положения «Великой хартии вольностей»[585]. Это ситуация указывает на появление конкурирующих интерпретации понятия «свобода» в эпоху Просвещения, а соответственно и разные интерпретационные версии национального прошлого.

Таким образом, анализ изучения англонормандского периода в британской историографии XVII–XVIII веков позволяет оценить концепцию Спелмена-Бреди об установлении на Британских островах в XI–XIII веках феодальных отношений как совеобразную «историографическую революцию». Именно она стала основой классической британской историографии конца XIX – начала XX века, примером чему могут служить работы У. Стаббса, Ф. М. Стентона и др. Однако идея «древней конституции», положенная в основу систематизации принципов общего права Эд. Коком и его последователями в XVII веке, позволила Дж. Локку разработать на ее основе идею правового государства и принцип разделения властей. А концепция Спелмена-Бреди, объясняющая появление парламента разложением феодальных отношений в XIV–XV веках, не вписывалась в эту

[583] *Breay C.* Magna Carta: Manuscripts and Myths. L., 2010. P. 34–36.
[584] *Turner R.* Magna Carta:Through the Ages. Routledge. L., 2003. P. 67–68.
[585] *Fryde N.* Why Magna Carta? Angevin England Revisited. Munster, 2001.

новую политико-правовую конъюнктуру. Изучение Англонормандской Британии в эпоху Просвещения, в отличие от Анклосаксонской Британии, имело «плотную» историографическую сетку. Ее характеризует множественность сочинений, авторов и наличие нескольких интерпретативных «версий» этого периода – радикальной, вигско-кокианской, «готской теории», консервативной концепции Спелмена-Бреди. Две последние – одна из романтических побуждений ее представителей, другая на основании исторических источников и критического подхода – исходили из представлений о глубокой исторической связи между периодами Англосаксонской и Англонормадской Британии как результата эволюции единого древнегерманского прошлого.

3.3. ЛИТЕРАТУРА VERSUS ИСТОРИЯ: КЕЛЬТСКОЕ ПРОШЛОЕ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ИСТОРИОПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА

Работа Уильяма Стьюкли о друидах сделала Стоунхендж, Уэйвбери и другие мегалитические сооружения Британских островов местом паломничества публики в эпоху Просвещения и заложила основания так называемого «кельтского возрождения» второй половины XVIII века[586]. Концепция Стьюкли способствовала формированию широкого общественного интереса к древней поэзии, языческой литературе и музыке. Друиды начали восприниматься как олицетворение чистоты и доблести древних кельтов. В духе Жан-Жака Руссо мир литературы погружал читателя в «золотой век» первобытного человечества, который противопоставлялся

[586] *Snyder E.* The Celtic Revival in English Literature, 1760–1800. Cambridge: Mass. 1923; *Sweet R.* Antiquaries: the Discovery of the Past … 2004. P. 135; *Pittock M.* Celtic Identity and the British Image. Manchester, 1999; всего на сегодняшний день выявлено около 130 мегалитических сооружений на территории Британских островов. Режим доступа: Megalithics/ http://www.megalithics.com/scotland.htm

современному коммерциализированному и утилитарному обществу. Воспевание чести и достоинства, храбрости древних жителей Британских островов в поэтической литературе последней трети XVIII – начала XIX века опиралось на идею возрождения языческого кельтского эпоса. Антиквары также в значительной степени были вовлечены в этот процесс, но при этом не следует забывать о различиях между поэтическим творчеством и антикварными историческими исследованиями. Трудность анализа определяется синкретизмом исторического знания в эпоху Просвещения. Собственно окончательное размежевание литературы и истории и будет означать конец этой эпохи.

Тема имеет сегодня острое политическое звучание в свете центробежных тенденций на кельтских «окраинах» Соединенного Королевства. Речь идет об Уэльсе, Шотландии, Северной Ирландии, реже упоминаются в этом контексте Корнуолл, жители острова Мэн, Гебридских и Оркнейских островов. Дискуссиях о британской идентичности 90-х годов XX века показала, что вклад этих «окраин» в культурное наследие королевства отнюдь не определяется их современным положением[587]. В последние десятилетия очевидна тенденция к переосмыслению классической (англоцентричной) концепции истории Британских островов представителями шотландской, ирландской, валлийской историографий в духе работы Э. Саида[588]. Вопрос является дискуссионным, но топос «благородного дикаря» по отношению к населению кельтских «окраин» до сих пор сохраняется как в обыденном сознании, так и в британской современной историографии[589], хотя он и сложился в эпоху Просвещения[590]. Наша задача заключается не в изучении данного топоса, а в стремлении

[587] См. наприм.: *Norman D.* The Isles. A History. Oxford, 1999.

[588] См.: *Said E.* Culture and Imperialism. Vintage; Reprint edition. 1994.

[589] *Pittock M.* Celtic Identity and the British Image. Manchester, 1999. P. 4.

[590] *Креленко Н. С., Парфенов И. Д.* Эволюция образа «доброго дикаря» в английской литературе на фоне истории Британской империи // Imagines Mundi. Альбионика. Вып. 2. 2003. С. 110–117; *Сидорова О.Г.* Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании. Екатеринбург, 2005. С. 43–87.

рассмотреть каково же было состояние исторического знания о кельтах и кельтском прошлом Британских островов в эпоху Просвещения.

Сразу оговоримся, что интересовать нас будет в большей степени история народов северной части главного острова Британских островов в связи с определяющим влиянием шотландцев на становление британской историографической традиции эпохи Просвещения. Хотя большой интерес представляют не только они. Например, антиквар валлийского происхождения Эдвард Ллуйд (1660–1709), натуралист и собиратель окаменелостей[591], занимавший должность хранителя Ашмолианского музея в Оксфорде с 1690 года и до ухода из жизни, дает нам уникальный пример занятий лексикографией кельтских языков на рубеже XVII–XVIII веков. Мы уже упоминали о Ллуйде как помощнике и консультанте Эдмунда Гибсона по валлийским древностям при переиздании «Британии» У. Кемдена 1695 года. По примеру своего товарища и предшественника на посту хранителя Ашмолианского музея Роберта Плота, написавшего в 1686 году «Естественную историю Стаффордшира»[592], с двадцати пяти лет Ллуйд начал собирать материалы для всеобъемлющего труда по древностям Уэльса (камни, минералы, остатки ископаемых животных). С этой целью в 1697 году он отправился в «гранд тур» со своими единомышленниками Уильямом Джонсом, Робертом Уинном и Дэвидом Перри[593]. Они объездили каждое графство Уэльса, составляя описания, делая зарисовки, собирая рукописи. За четыре года путешествий главной страстью Ллуйда стало сравнение

---

[591] См.: *Eduardi Luidii.* Lithophylacii Britannici ichnographia: sive lapidum aliorumque fossilium Britannicorum singulari figura insignium, quotquot hactenus vel ipse invenit, vel ab amicis accepit, distributio classica: scrinii sui lapidarii repertorium cum locis singulorum natalibus exhibens. Additis rariorum aliquot figuris ære incisis; cum epistolis ad clarissimos viros de quibusdam circa marina fossilia & stirpes minerales præsertim notandis. 1699. Huddesford W. typographeo Clarendoniano, 1760. Режим доступа: http://books.google.co.uk/books/about/Eduardi_Luidii_Lithophylacii (19.01.2015).

[592] См.: *Plot R.* The natural history of Oxford-shire: being an essay towards the natural history of England. Printed by L. Lichfield for C. Brome [etc.] L., 1705. Режим доступа: http://books.google.co.uk/books?id=J8wQAAAAIAAJ&pg=PA1&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false

[593] *Edwards N., Roberts F.B.* Edward Lhuyd: 1660–1709. University of Wales Centre for Advanced Welsh and Celtic Studies, Aberystwyth. 2010. P. 31.

кельтских языков. Именно это обстоятельство расширило географию его исследований – Ирландия, Шотландия, Корнуолл, французская Бретань, остров Мэн. В 1703 году вместе со своим помощником, другим антикваром валлийского происхождения Мозесом Уилямсом Ллуйд подготовил рукопись к публикации. Рукопись носила название «Glossography» и была опубликована в 1707 году под титулом «Британская археология: рассмотрение языков, историй и обычаев Великобритании, в связи с путешествием по Уэльсу, Корнуоллу, Бретани, Ирландии и Шотландии»[594].

Современная ирландская исследовательница Имон Кэри/Эмон О' Кьярва/Эамонн О'Кьярда резюмирует, что «Archaeologia Britannica» Эдварда Ллуйда 1707 года стала ключом к опубликованным и неопубликованным лексикографическим и грамматическим текстам на ирландском языке. Речь идет, например, о первой напечатанной грамматике ирландского языка, составленной францисканским монахом ирландского происхождения Фрэнсис Моллой/Фроншис О' Мылви/Froinsias Ó Maolmhuaidh 1677 года[595], или «Ирландско-латинском словаре» 1662 года[596], составленном другим францисканцем Ричард Планке/Risdeard Pluincéad[597]. Эта высокая оценка вклада Ллуйда как отца-основателя изучения кельтских языков сегодня является общепризнанной[598]. Его вывод о наличии двух ветвей кельтских языков – бриттских (бретонский, корнский, валлийский) и гойдельских (ирландский, мэнский, шотландский гаэльский) не поколеблен до наших дней. Ллуйд пришел к выводу, что бриттские языки взяли свое начало в Галлии на территории Франции, а гойдельские – возникли на Пиренейском

---

[594] См.: Archaeologia Britannica: an Account of the Languages, Histories and Customs of Great Britain, from Travels through Wales, Cornwall, Bas-Bretagne, Ireland and Scotland. 1707. Режим доступа: https://archive.org/details/archaeologiabri00lhuygoog

[595] См.: *Froinsias Ó Maolmhuaidh.* Grammatica Latino-Hibernica nunc compendiata. 1677.

[596] См.: Vocabularium Latinum et Hibernum. By *Risdeard Pluincéad*, Franciscan. Dublin. 1662.

[597] *O'Ciardha E.* The Irish book in Irish in early modern period. 1691–1800 // Eighteenth-Century Ireland. Dublin. 2013. Vol. 28. P.19.

[598] Lhuyd, Edward / Dictionary of Welsh Biography. Режим доступа: http://wbo.llgc.org.uk/en/s-LHUY-EDW-1660.html

полуострове. Все они имели общую кельтскую основу, и люди, которые говорили на этих языках, полагал Эдвард Ллуйд, – назывались «кельты».

Не менее впечатляющими являются результаты антикварных исследований в области кельтского наследия Уильяма Уоттона, хорошо известного нам по схватке «древних» и «новых» в 90-х годах XVII века. В отличие от своего товарища эллиниста Ричарда Бентли, который до конца жизни занимал непримиримую позицию по отношению к «древним», Уоттон мигрировал в новую область историко-филологических/лексикографических исследований – изучение древних законов Уэльса. Так же, как и Бентли, он был членом Королевской академии и рукоположен в епископский сан. Однако в 1710-х годах в период кризиса «среднего возраста» и в течение семи лет с 1714 года был вынужден скрываться от долгов в Кармартене на юго-западе Уэльса под вымышленным именем д-ра Уильяма Эдвардса[599]. Уже было сказано о его исключительных лингвистических способностях (в пять лет Уоттон владел латинским и греческим языками, а в 6 освоил древнееврейский)[600]. Здесь, в Уэльсе, он начал изучать валлийский язык и поставил задачу подготовить двуязычный (латинский и валлийский) параллельный текст законов «Hywel Dda» валлийского короля Хивела Доброго (ок. 880–950), датируемый серединой X века. Речь идет о реконструкции древнего валлийского права, имеющего, как выяснилось позже, сходство с другим законодательным сводом обычного права кельтов, – древнеирландским «законом брегонов» (*англ.* Brehonlaw), самой ранней записью которого является сборник «Сенхус-мор» (*англ.* Senchus mor) V века, времен Святого Патрика. Проблема изучения этих текстов заключается в двух аспектах. Во-первых, эти законы вышли из употребления в XVI веке в связи с окончательным завоеванием этих кельтских «окраин» англичанами.

---

[599] *Stoker D.* William Wotton's exile and redemption: an account of the genesis and publication of Leges Wallicae // Y Llyfr yng Nghymru / Welsh Book Studies. № 7. 2006. P. 7–106.

[600] Wotton William / Dictionary of Welsh Biography. Режим доступа: http://wbo.llgc.org.uk/en/s-LHUY-EDW-1660.html

Второй аспект вытекает из наличия редакций, записанных не ранее XII века. Эти обстоятельства в значительной степени были прояснены только в XIX веке. Уоттон же впервые подготовил текст, использовав списки на латинском и средневаллийском языке, и начал работу над расшифровкой терминологии «Hywel Dda», идентифицировав его как сборник древневаллийского права[601]. С 1721 года в этом ему помогал ученик Ллуйда, уже упомянутый в этом параграфе, антиквар валлийского происхождения Мозес Уильямс. До самой смерти в 1727 году Уоттон трудился над составлением глоссария к «Hywel Dda». Работа над текстом была завершена только в 1730 году М. Уильямсом. Публикация получила название «Законы Уэльса» (*лат.* «Leges Wallicae»)[602].

В другом случае, священник с расположенного на северо-западном побережье Уэльса острова Англси Генри Роулендс (1655–1723)[603] под влиянием работы Ллуйда написал работу «Mona Antiqua Restaurata: археологическое рассуждение о древностях, природных и исторических, острова Англси, древнем местожительстве бриттских друидов». Работа вышла в Дублине в 1723 году. В ней «реликвии» острова были преподнесены с целью доказать, что Англси был главным местом пребывания древних друидов. Роулендс в целом не был успешен в расшифровке древних валлийских слов, хотя состоял в переписке с Э. Ллуйдом и другими ведущими антикварами своего времени. По общему признанию, многие из его догадок были неверны, но следует помнить, что он был пионером. Несомненная заслуга труда Роулендса заключается в том, что он оставил описание мест, имеющих антикварное значение, но еще неизвестных антикварам. Другим примером приверженности друидической концепции может служить уже упомянутая работа корнского антиквара Уильяма

---

[601] *Stoker D.* William Wotton's exile… P. 48–50.

[602] См.: Cyfreithjeu Hywel Dda ac eraill, seu leges Wallicae ecclesiasticae et civiles Hoeli Boni et aliorum Walliae principum, interpretatione latina, notis et glossario illustratae. Notis & Glossaris illustravit Gulielmus Wottonus. 1730. L.: Bowyer. Режим доступа: http://www.europeana.eu/portal/record/9200332/BibliographicResource_3000095442270.html

[603] См.: Mona Antiqua Restaurata: An Archaeological Discourse on the Antiquities, Natural and Historical, of the Isle of Anglesey, the Antient Seat of the British Druids. Printed for J. Knox. 1766. Режим доступа: https://archive.org/details/monaantiquarest00lhuygoog

Болейза, члена Королевского общества с 1750 года. Он был восхищен Стьюкли[604] и в духе его идей в 1754 году опубликовал работу «Древности Корнуолла». В 1758 году появился его работа «Естественная история Корнуолла», которая включает главу о жителях региона и их родном языке[605].

Интересно, что валлийские антиквары в 1715 году создали в Лондоне филантропическую организацию валлийцев «Почетное и верноподданное общество древних британцев». Его учредитель Томас Джонс получил поддержку видного валлийский дворянина, графа Лисберна. Принц Уэльский вскоре согласился стать президентом Общества, а сам Джонс получил рыцарское звание. Правда, деятельность общества заглохла к середине века и продолжателем его традиций в 1751 году стало «Почетное общество Кимродорион» «Honourable Society of Cymmrodorion» (*валл.* Anrhydeddus Gymdeithas y Cymmrodorion), или Лондонское валлийское общество. Оно было основано братьями Льюисом и Ричардом Моррисами, выходцами с острова Англси. Название Общества, придуманное Льюисом Моррисом, восходило к древнему самоназванию валлийцев – «cyn-frodorion», и указывало на Уэльс как место обитания наследников древних бриттов[606].

Антикварный дискурс в духе Ллуйда и Уоттона в изучении кельтики к середине XVIII века сходит на нет. Все большее место в дискуссиях занимают вопросы патриархальной религии друидов как реакция на скептицизм и «безбожие» в духе Дж. Толанда. По существу просвещенческий скептицизм свел все религии – старые, новые, западные, восточные – к статусу аллегории, к их природному и астрономическому значению. Стьюкли пишет: «Истинная религия, имевшая свое распространение в основном с переселением человечества после Великого потопа, издревле существовала на нашем острове, и здесь мы лучшее всего ее

---

[604] *Sweet R.* Antiquaries: the Discovery of the Past … P. 133.

[605] См.: *Borlase W.* Antiquities, Historical and Monumental, of the County of Cornwall. L., 1973.

[606] The Welsh in London, 1500–2000. *Jones Emrys* (ed.). Cardiff, 2001. P. 158.

реформировали предохранив от всеобщего загрязнения христианства от папства»[607]. Именно друиды, по мнению Стьюкли, и были хранителями этой «истинной веры». Таким образом, по мнению К. Кидда, он сакрализовал предхристианский ландшафт Британских островов. Под эгидой защиты Англиканской церкви, а также «откровения» в целом, Стьюкли удалось устроить «пышный маскарад английского патриотизма из неперспективного теологического материала». Кидд называет концепцию Стьюкли «живой мифологемой патриотического друидизма» *(англ.* lively mythistoire of patriotic Druidism)[608]. Эти его идеи получили дальнейшее развитие во множестве антикварных работ второй половины XVIII века. Наиболее известными из них стали «Рассуждение о патриархальной и друидической религии» Уильяма Кука 1755 года, «Новая система анализа древней мифологии» Джейкоба Брайнта 1774 года, «Индийские древности» ориенталиста Томаса Мориса в 1790-х годах[609]. Эта традиция достигает своего апогея, как считают некоторые современные исследователи, в эпических произведениях Уильяма Блейка «Мильтон» и «Иерусалим», которые были задуманы под влиянием этой патриотической друидической идеи. Однако поздний Блейк был разочарован в друидизме. Он превратил миф об «истинной вере» в историю ее упадка и «деградации» в организованную «государственную религию». В отличии от Стьюкли он противопоставлял духовность древних бриттов и безнравственность современной Британии, основанной на механистической философии Бэкона, Ньютона и Локка[610].

---

[607] *Stukeley W.* Abury, A Temple of the British … P. IV, 6, 40, 101. Режим доступа: http://www.avebury-web.co.uk/AburyWS/AburyWS.html; http://www.rareoldprints.com/printset/Stukeley's%20Abury?opendocument; *Stukeley W.* Stonehenge ... Preface. Режим доступа: http://www.sacred-texts.com/neu/eng/str/

[608] *Kidd C.* British Identity before nationalism … 1999. P. 71.

[609] См.: *Cooke W.* Patriarchal and Druidical religion. L., 1755; *Maurice T.* Indian antiquities. 7 vols. L., 1793–1800; *Bryant J.* A New System or Analysis of Ancient Mythology. L., 1775; 1776. См. об этом: *Whale J. C., Copley S.* Beyond Romanticism: New Approaches to Texts and Contexts, 1780–1832. Routledge, 1992.

[610] *Fisher P. F.* Blake and the Druids // Journal of English and Germanic Philology. № 58. 1959. P. 592; *Butler M.* Romanticism in England / Romanticism in national context. *R. Porter and M. Teich* (eds.). Cambridge, 1988. P. 49–51.

История изучения кельтских «окраин» Британии в XVIII веке еще ждет своего исследователя в отечественной историографии. Отметим только, что эта тенденция имела различные траектории развития в Уэльсе, Ирландии, Шотландии и самой Англии[611]. Топографический антикварианизм, доминирующий в английском варианте, был слабо выражен в валлийской и ирландской традиции, однако тема кельтского прошлого в политических дебатах здесь была выражена куда сильнее. Но в нашем исследовании история изучения кельтских «окраин» в XVIII веке рассматривается как общее прошлое разрозненных в этот период «ареалов» кельтской культуры Британских островов. И если говорить в целом, то в интерпретациях антикваров древние кельты представали сродни цивилизации древних греков в том виде, как она описана у Гомера[612]. Причем в этом дискурсе невольно возникало сравнение, а иногда и противопоставление древних кельтов «грубым тевтонским варварам» англам, саксам, нормандцам. Богатейшая кельтская мифология давала обильную почву для этого. В последнее десятилетие на русский язык были переведены работы по кельтской мифологии, но, к сожалению, столетней давности[613]. Проблема заключалась в том, что к XVIII веку в значительной степени эти рассказы и «повести» сохранились в устной традиции бардов в среде неграмотного кельтского населения. Кое-что было записано францисканскими монахами в эпоху позднего средневековья на латыни[614]. А для того, чтобы реализовать на практике идею «великой кельтской цивилизации» антикварам требовались записи этих текстов. Что и попытался сделать выдающийся шотландский поэт Джеймс Макферсон (1736–1796). Казус Макферсона заключался в том,

---

[611] *Sweet R.* Antiquaries: the Discovery of the Past … P. 142–143.

[612] См.: Кельтская мифология / Пер. с англ. *С. Головой и А. Голова*. М.: Издательство Эксмо, 2004.

[613] *Маккалох Дж. А.* Религия древних кельтов / Пер. с англ. *С. П. Евтушенко*. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004; *Роллестон Т.* Мифы, легенды и предания кельтов. / Пер. с англ. *Е. В. Глушко*. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004.

[614] Celtic textual sources // *Monaghan P.* The Encyclopedia of Celtic Mythology and Folklore. N.-Y., 2004. P. IX-XI.

что в 1762 году он «открыл» широкой читающей публике поэму «Фингал»[615]. Публикуемый текст он представил в качестве аутентичных «остатков» поэм той древней кельтской дохристианской цивилизации. В поэме повествовалось о королевстве честных и доблестных людей. Это был «северный мир» эквивалентный «южному миру» Гомера[616]. Кельты, в интерпретации Макферсона, были облагорожены религией, которая органично предшествовала христианству. Кельты наподобие древних греков и римлян были показаны философами. Фианы-воины были свободолюбивыми, благородными и добродетельными. Стьюкли писал Макферсону в 1763 году: «Я как никто другой мог смаковать «Фингал», – хвастался он, – и, следовательно, с огромным удовольствием»[617]. Саксы же представали как варварские и жестокие племена, уничтожившие культуру завоеванного народа. Интерес к сочинению Макферсона определялся также и тем, что оно было созвучно недавним событиям Восстания 1745 года в Шотландии.

Вокруг этой и других публикаций молодого талантливого поэта (первая поэма «Горец» была опубликована Макферсоном в 1758 в возрасте 22-х лет) было сломано много копий[618]. На сегодняшний день неоспоримым фактом является то, что литературные достоинства текстов, созданных Макферсоном, чрезвычайно высоки. «Фингал» обеспечил ему европейскую славу одного из самых ярких представителей предромантизма. Показательным является перевод «Фингала» на русский язык уже в конце

---

[615] См.: *Macpherson J.* Fingal, an Ancient Epic Poem in Six Books, together with Several Other Poems composed by Ossian, the Son of Fingal, translated from the Gaelic Language. Glasgow: Chapman and Lang, 1799.

[616] *O'Halloran C.* Irish Recreation of the Celtic Past: Challenge of Macpherson's Ossian // Past and Present. 1989. № 124. P. 69–95.

[617] *Stukeley W.* A Letter Dr Stukeley to Mr Macpherson on his Publication on Fingal and Timora. With a Print of Cathmor's Shield. L., 1763. P. 7.

[618] *Stafford F. J.* The Sublime Savage: A Study of James Macpherson and The poems of Ossian. Edinburgh, 1988. P. 200.

XVIII века[619]. В отличие от Александра Поупа, знавшего греческий язык на дилетантском уровне, Макферсон родился в Горной Шотландии, владел гаэльским языком и своими корнями восходил к клану Макдональдов. Он действительно предпринял экспедицию по горной части Шотландии в 1760 году для сбора рукописей, песнопений и другой информации о древней гаэльской поэзии. Однако окончательный текст – поэтический текст на английском языке – это талантливая литературная мистификация. Скандальность ситуации заключалась в том, что скептически настроенные читатели сразу потребовали предъявить оригинальные тексты на гаэльском языке, а Макферсон парировал обещанием их предоставить. Особо настойчивым оказался «литературный диктатор» «республики писем» середины века Сэмюэл Джонсон, предпринявший 83-х дневное путешествие на Гебридские острова летом-осенью 1773 года и создавший сочинение «Путешествие на Западные острова Шотландии»[620]. В описании Джонсона Горная Шотландия предстает дикой обезлюдевшей местностью, еще не тронутой цивилизацией, напоминающей скорее VIII век, нежели XVIII. Ее жители ведут примитивное хозяйство, носят примитивную одежду, здесь господствует кровная месть между кланами.

Конечно, Макферсон дискредитировал себя в глазах ученого мира, но его сочинения стали зарей «кельтского возрождения». Повсеместно в Ирландии, Уэльсе, Шотландии началось разыскание и транскрибирование кельтских текстов. Уильям Карлетон и Томас Крофтон Крокер записали и опубликовали ирландские легенды, Джон Френсис Кэмпбелл составил шотландские «истории». Леди Шарлотта Гест с 1838 по 1845 годы перевела с

---

[619] *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе: Конец XVIII – первая треть XIX века / Отв. ред. академик *М. П. Алексеев*. Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л., 1980.

[620] *Johnson S.* A Journey to the Western Islands of Scotland. L., 1791. Режим доступа: https://archive.org/details/journeytowestern00johnuoft

валлийского на английский «Мабиногион» в семи томах[621]. Первые тома были посвящены текстам ее любимой Артурианы[622]. Впоследствии это стало основой для произведений Альфреда Теннисона («Леди Шаллотт» и др.), Мэттью Арнольда, Суинберна, живописных полотен прерафаэлитов и т.п. Но все это будет относиться к первой половине – середине XIX века, когда романтизм эпохи проявится в небывалом интересе к легендам о короле Артуре и средневековому рыцарскому роману. В этот момент нашего рассуждения об историографии кельтских «окраин» в эпоху Просвещения мы попадаем в самую горячую «точку» современной британской историографии, сердцевину «новой британской истории»[623].

«Английская история» и «шотландская история» начинаются примерно в одно время с консолидации «двора» короля как центра управления и закона. Один из этих локусов условно может быть назван «Англия». Он сформировался в результате объединения Уэссекса и Мерсии и был покорен в одиннадцатом веке Вильгельмом Завоевателем. Другой локус, который может быть условно назван «Шотландия», сформировался в северной низменности и был отделен от южного «центра» областью, находящейся на возвышенности и получившей называние «Нортумбрия». В силу разных причин, в том числе датского заселения, опустошительных набегов других завоевателей, этот регион в течение долгого времени сохранял самостоятельность. Формирование раннефеодальных королевств на юге и севере фиксируется началом создания королевских канцелярий-архивов и составления хроник с фиксацией деяний королей.

Две эти монархии отличались от других ранних мелких королевств поддержанием устойчивых контактов с европейскими структурами церкви,

---

[621] *Carleton W.* Traits and stories of the Irish peasantry. Dublin, 1834; *Croker T. C.* Fairy Legends and Traditions of the South of Ireland. L., 1834; The Mabinogion, from the Welsh of the Llyfr coch o Hergest … 1877.

[622] Никто из британских историописателей эпохи Просвещения серьезно тему существования короля Артура как исторической личности не обсуждал. См. об этом: *Эрлихман В.В.* Король Артур. М., 2009: Morris J. The Age of Arthur. L., 1973.

[623] *Pocock J.G.A.* The Discovery of Islands: Essays in British History. Cambridge, 2005. P. IX–XI .

закона и папской курией. Они были центрами военно-административной власти и постоянно использовали войско в борьбе друг против друга на пограничных и спорных территориях. Кроме того, каждое королевство вело борьбу с еще не инкорпорированными соседними кельтскими областями: Английское королевство с Уэльсом, Шотландия с Хайлендом и островами на северо-западе. Южное королевство, начиная с середины одиннадцатого века, входит в континентальную систему дипломатических и династических отношений и более интенсивных англо-романских культурных влияний. В двенадцатом веке при Генрихе II происходит судьбоносное англо-нормандское проникновение в Ирландию, которое носит характер завоевания. Государственный и культурный фокус того, что можно теперь называть Англией, начинает колебаться между французским (континентальным) миром на востоке и кельтским и неевропейским миром на западе. Северное королевство, может быть менее самодостаточное в своей культуре из-за меньшей эффективности управления, также вовлечено в параллельную дуальность. Оно выстраивает свой политический модус, с одной стороны, с акцентом на отношениях с кланами Горной Шотландии, с другой стороны, с Францией с опорой на так называемый «Старый Альянс» (*scots.* Auld Alliance), который был заключен в 1295 году против «молота шотландцев» Эдуарда I Плантагенета[624].

Только с XII века можно говорить о начале «истории трех королевств». С XII века уже можно проследить развитие трех областей, на которые активно распространялась англо-нормандское влияние. Первой по времени формирования можно считать «англо-шотландскую» область, ее следует отделить от разного рода кельтских сообществ, основанных на связях родства, а не на административном управлении. Другой такой областью, более поздней по времени возникновения является область «нормано-ирландских» земельных захватов. Третьей была «англо-валийская» область.

[624] *Barrow G. W. S.* Robert Bruce and the Community of the Realm of Scotland. L.,: Eyre & Spottiswoode. 1965. P. 88–91.

Конечно, когда мы рассуждаем так, речь идет о политической истории и истории завоевательных походов Английского королевства в XII–XVII веках. Но мы также должны понимать, что в этих областях шло взаимопроникновение культур[625]. Шел процесс норманизации ирландцев и гибернизации нормандцев; на равнинной Шотландии проживали некоторые кланы, а некоторые кланы Хайленда признавали судебную систему Лоуленда; существовало англо-валлийское двуязычие и т.п. Это был непрерывный процесс взаимодействия культур. К концу XVII века этот процесс, как считает Дж. Покок, завершается оформлением «субкультур»[626]. Самым красноречивым примером здесь является Ирландия, где на одном острове сложились три таких субкультуры: англо-ирландская протестантская или «новые англичане», землевладельческий класс, который генерировал высокую культуру, но не опирался на народ; шотландско-ирландская или «Ulster Scots» – на севере острова; и католическая «гойделоговорящая настоящая» ирландская субкультура, та, которая станет основой революционного национализма XIX – начала XX века.

Но судьба шотландского культурного локуса определялась Унией 1707 года и противоборствующими тенденциями юнионизма и национализма в шотландской историографии. В этом смысле «шотландская история» в «старой британской истории» появляется лишь в XVI веке в связи с возникновением реформированной в духе кальвинизма Церкви Шотландии. После Реформации будущее Шотландского королевства зависело в большей степени от отношений с кельтскими кланами Хайленда и европейским миром, чем от Английского королевства. В контексте будущего англо-шотландского союза сам термин «Британия» для шотландцев был более приемлемым и название «United Kingdom of Great Britain» является их изобретением. Д. Юм и другие великие умы Эдинбурга восемнадцатого века, настаивали на самоназвании «северный британец», имея в виду, что они не

[625] *Morris J.* The Age of Arthur. L., 1973.

[626] *Pocock J.G.A.* British History: A plea for a new subject // The Journal of Modern History. Vol. 47. № 4. 1975. P. 610.

англичане, и что англичане в этом контексте тоже британцы. И если для ирландцев дальнейшая англизация вела к углублению кризиса идентичности и обретению полной независимости в начале XX века, то для шотландцев это была ситуация выбора, возможность адаптации английского доминирования через концепцию «Великой Британии». Причем эта концепция находилась в одном ряду с «локализмом Лоуленда» и «гаэльским романтизмом» в духе Дж. Макферсона[627].

Надо заметить, что Дж. Покок одним из первых обратил внимание на связь процессов складывания национальной историографии и формирования национальной идентичности. И мы видим, в какой трудной ситуации «альтернативности» оказалась шотландская историография в XVIII веке. Сам историк пишет с большой долей симпатии по отношению к шотландскому историописанию, «так славно стартовавшему» в восемнадцатом веке в качестве реального шанса преодолеть традицию английского доминирования (как в историографии, так и в политике) на фоне центробежных тенденций в тринадцати английских североамериканских колониях. Современный историк оценивает Шотландское Просвещение как «кульминацию», «очевидно крупное событие в истории общественного сознания» XVIII века. Полагаю, что это так, но это лишь одна из граней Шотландского Просвещения. Оказавшись под влиянием в первую очередь французских мыслителей, французской интеллектуальной традиции шотландские умы сформировали умозрительную метафизическую концепцию истории, чуждую антикварной традиции, господствовавшей в английской исторической мысли на раннем этапе эпохи Британского Просвещения. То, что Квентин Скиннер назовет «неоримским» профилем историографии XVIII века.

И здесь нам следует приоткрыть почти неизвестную в отечественной историографии страницу шотландской истории – эпоху гуманизма. Наряду с сохранявшейся культурой «благородных дикарей» здесь обнаруживается мощное ядро ученых-гуманистов. Подавляющее их большинство были

[627] *Pocock J.G.A.* British History: A plea … P. 615.

выходцами с равнинной части Шотландии, точнее из восточной ее части – Лотиана. Образование свое, как правило, они получили в Парижском университете. В первую очередь к ним следует отнести отца-основателя юнионистской идеи и национальной традиции историописания выдающегося шотландского богослова Джона Мейджора (1467–1550)[628]. Именно он создал труд «Великая Британия»[629], написанный на классической латыни. Кстати, именно он был наставником молодого Джона Нокса, реформатора Шотландской Церкви. Особое место в этом ряду занимает Джордж Бьюкенен (1506–1582), вынужденный из-за религиозной нетерпимости покинуть Шотландию и преподававший в университете Бордо, где его учеником был М. Монтень, а впоследствии – в знаменитой Коимбре. Вернувшись в Шотландию в начале 1560-х годов Бьюкенен принял активное участие в Реформации, а с 1570 года стал наставником юного короля Якова VI, в будущем короля Англии Якова I Стюарта. Благоприятным для творчества оказался последний период его жизни, когда Бьюкенен опубликовал выдающиеся труды по политической философии и истории Шотландии. В 1579 году вышла книга «De Jure Regni apud Scotos», посвященная природе государственной власти, а в 1582 году – «Rerum Scoticarum Historia», освещающая события, современником которых он был[630]. Гектор Бойс, сэр Томас Крейг, Адам Блеквуд и многие другие развивали гуманистические идеи в шотландской интеллектуальной культуре XVI–XVII веков[631].

В работах шотландских гуманистов сложилась англоориентированная, если не сказать англоцентричная, пропозиция в интерпретации шотландской истории. Здесь была сконструирована идея «древней конституции»

---

[628] *Mason R.A.* Kingship, nobility and Anglo-Scottish union : John Mair's History of Greater Britain (1521) // Innes Review. 1990. Vol. 41. P. 182–222.

[629] *Major J.* De Gestis Scotorum. Paris. 1521.

[630]: См.: George Buchanan: the political poetry. *McGinnis P.J., Williamson A. H.* (eds.). Edinburgh: Scottish Historical Society. 1995; The British Union: a critical edition and translation of David Hume of Godscroft's De Unione Insulae Britannicae. *Paul J. McGinnis* (Author), Arthur H. Williamson (eds.). L.: Ashgate. 2002.

[631] См.: *Williamson A. H.* Scottish National Consciousness in the Age of James VI: the apocalypse, the Union, and the shaping of Scotland's public culture. Edinburgh: John Donald. 1979.

Шотландии восходящей к первому полумифическому королю скоттов Фергюсу I, возглавившему переселение скотов из Ирландии на территорию западного побережья современной Шотландии около 330 года до нашей эры. Именно его потомки и основали в V веке нашей эры королевство Дал Риада (на территориях областей Аргайл и Бьют современной Шотландии, части Гебридских островов, а также северо-востоке Ольстера на острове Ирландия). Другим принципиально важным компонентом этой историографической линии был концепт раннего кельтского, свободного от римско-католического влияния, христианства, основанного на «культе предков», «кульди» (*англ*. «Culdees»). Его центром считался остров Айона (*англ.* Iona) на Гебридах, который стал духовным центром Дал Риады и где в VI веке проповедовал Святой Коломба. Айона так же стал местом захоронения древних шотландских королей. «Кульди» интерпретировался как «чистая и простая апостольская религия», основанная в первую очередь на ритуалах. Шотландские интеллектуалы XVI–XVII века доказывали, что ее исповедовал Роберт Брюс и последующие шотландские короли.

Современное им королевство Шотландия в их интерпретациях представало как триединство нации, монархии и европейской культурной провинции. Оно сформировалось на основе взаимодействия различных культурных компонентов – латинского, римского, гаэльского, нормандского, датского и английского. «Rex Scottorum» носит, полагали они, «имперскую корону», которую хоть и должен отстаивать в борьбе с мощным южным соседом, но носит на основаниях лояльности подданных, способных заявлять о себе и мыслить в понятиях нации и своей национальной самодостаточности. При этом в данном историографическом каноне, сложившемся в работах Мейджора и других шотландских гуманистов, со всем сказанным выше мирно уживался тезис о том, что шотландская история может быть написана только в контексте Великой Британии[632]. Надо заметить, что эти идеи получили дальнейшее развитие в эпоху Просвещения.

[632] *Pocock J.G.A.* The Discovery of Islands... P. 59.

Показателем было переиздание работ Мейджора и Бьюкенена в 1740-х годах классицистом Томасом Руддменом (1674–1757)[633].

Отечественные исследователи А.А. Паламарчук и С.Е. Федоров пишут: «В обширных нарративах церковных историков (шотландских – ВВ) сосуществуют два смысловых пласта: один из них, находящийся в очевидной теснейшей связи с современной авторам религиозно-политической ситуацией, посвящен непосредственно изложению событий Реформации в Шотландии и религиозного противостояния в Ирландии. Характерно, что максимальная насыщенность повествования действующими лицами и фактами здесь компенсируется типичным для антикварного дискурса отсутствием авторских суждений и однозначных выводов относительно событий недавнего прошлого…Идея избранничества, безусловно, тяготела и над антикварами Англии…, в то время как ирландец Ашер и шотландцы Калдервуд и Споттисвуд воспринимали момент избранничества как самостоятельную ценность, относящуюся к непреходящей, неизменной и — что важно — духовной реальности. В понимании шотландских и ирландских антикваров основание национальной идентичности крылось в особых отношениях народа с Богом и лежало во вневременной области, не определялось временной динамикой социальных или правовых институтов»[634].

Осмысливая национальный дискурс шотландского историописания мы вышли на так называемую «гаэльскую дилемму», описанию которой Колин Кидд посвящает отдельную главу в работе «Британская этничность до национализма»[635]. Идея «Scotland Gaeldom» раннего нового времени, констатирует К. Кидд, определяла процесс образования нации в Шотландии.

---

[633] *Allan D.* Virtue, Learning and the Scottish Enlightenment: Ideas of Scholarship in ...1993. P. 67. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=DAM-SlQNL04C&pg=PA67&lpg=PA67&dq=Mair+John+Scottish+historian&source=bl&ots

[634] *Паламарчук А. А., Федоров С. Е.* Прошлое крупным планом: темпоральные измерения в антикварном дискурсе / Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2010. С. 226–245.

[635] *Kidd C.* British Identity before nationalism … P. 123–146.

Древнее полумифическое королевство Дал Риада стало отправной смысловой точкой для развития двух интеллектуальных модусов в процессе формирования шотландской нации и, соответственно, двух интерпретаций национального прошлого. Парадокс заключался в том, что интеллектуальная элита равнинной части Шотландии стремилась дистанцироваться от гаэльских шотландцев Хайленда, в худшем случае ассимилировать их в соответствии со своими культурными стандартами общественного порядка, законов и языка. Формирование Лоуленда как особого культурного локуса определялось, с нашей точки зрения, рядом факторов. Во-первых, продолжительным по времени «Старым Альянсом 1295 года», во-вторых, общей исторической судьбой с «Англией» (романизация, германизация), и, в третьих, складыванием пространства диффузий двух доминантных культур «севера» и «юга» – английской и шотландской. В результате, в XVIII веке мы видим, как например, у С. Джонсона, «диких» шотландцев, чей статус впоследствии будет реабилитирован Макферсоном и его последователями, и «цивилизованных» шотландцев Эдинбурга, Сент-Эндрюса, Абердина, которым уже мыслят в духе юнионистской концепции шотландского прошлого Джорджа Бьюкенена.

Революция 1689 года усилила значение идеи общего гаэльского дома «Gaeldom», но не уменьшила дуализма формирующейся шотландской политической и интеллектуальной идентичности. В течение последующих пятидесяти лет виги и тори-якобиты, пресвитериане и епископальная церковь в Шотландии вели ожесточенную идейную борьбу под знаком легендарного прошлого древней Дел Риады. Были и такие, которые связывали клановую систему с идеей «древней конституции» Дж. Бьюкенена. Например, Джордж Ридпат доказывал, что оригинальная парламентская конституция Шотландии была основана на конфедерации кланов, которая возглавлялась на время военных походов выборными «главами глав», что было зачатком монархии, ограниченной выборными представителями от племенных образований,

которые были наделены правом выбирать короля[636]. Это был «последний вздох независимой государственности до вхождения в союз 1707 года, которому она (Шотландия – *В.В.*) оставалась преданной, отбросив окончательно гаэльское измерение национальной идентичности»[637]. Множество петиций и памфлетов было опубликовано в поддержку независимости Шотландии как Двухтысячелетнего королевства в духе фергюсианской концепции истории королевства[638]. Теперь шотландцы были вынуждены убеждать своих коллег англичан, что Союз 1707 года является договором между двумя суверенными нациями, а не подчинением своенравного вассала-нации английской панбританской империи[639].

Аргументируя свою точку зрения о «забвении национального прошлого» в Шотландском Просвещении и указывая на исключение преподавания гаэльского языка в приходских школах по образовательному закону парламента 1694 года[640], К. Кидд вопрошает: почему это произошло, почему концепция древней Дал Риады, такая близкая «старым скоттам» Хайленда, конфликтовала со стандартами «цивилизованности» равнинной части Шотландии? Ситуация сложилась из уникального сочетания факторов, полагает он, прежде всего, это объясняется общей тенденцией раннего нового времени, когда политический императив централизованных государств подчинял себе вопросы этнической принадлежности. Кроме того, шотландцы Лоуленда не были прямыми наследниками древней Дал Риады ни в географическом, ни в этническом, ни в культурном отношениях, поэтому для них политический дискурс был слабо связан с этническим императивом. Они в массе своей уже не знали гаэльского языка, зато во французском языке

---

[636] *Ridpath G.* An historical account of the antient rights and power of the parliament of Scotland. 1703. P. 118, 120, 144, 148.

[637] *Kidd C.* British Identity before nationalism … P. 133.

[638] *Wright W.* The comical history of the marriage betwixt Fergusia and Heptarchus. L., 1706. Режим доступа: https://library.villanova.edu/Find/Record/750120

[639] *Ferguson W.* Imperial crowns: a neglected facet of the background to the Treaty of Union of 1707 // Scottish Historical Review. № 53. 1974. 22–44.

[640] *MacInnes J.* The evangelical movement in the Highlands of Scotland 1688 to 1800 Aberdeen, 1951. P. 223; Acts of the General Assembly of the Church of Scotland, 1638–1842. In 2 vols., Edinburgh, 1843. Vol. I. P. 282.

– не уступали самим французам. Кидд также обращает внимание на то, что Вал Антонина разделил равнинную и горную части Шотландии, а Лотиан входил в состав английского королевства Нортумбрия до X века. В то время как Хайленд был абсолютно свободен от иностранных завоеваний и именно здесь находился центр древней Дал Риады. Историк обращает внимание на любопытный факт, что законы Малькольма II, «Leges Malcolmi» записанные в начале XI века[641], имели готское происхождение и указывали на развитие феодализма в донормандскую эпоху, что уже поняли антиквары XVII века, но их германское происхождение делало невыгодным их использование в идее «Gaeldom».

Таким образом, мы можем с высокой долей определенности говорить о двух самостоятельных историографических тенденциях в интеллектуальном поле Шотландского просвещения. Первая – маргинальная – развивала идею двухтысячелетней истории Шотландского королевства, опиралась на гаэльский язык, кельтскую мифологию и «чистое» доримское христианство. В условиях нарастающего скептицизма и благодаря антикварной топографической традиции эта концепция получила поддержку английского историописания в лице У. Стьюкли и его последователей. Позиции концепции усилились после публикации древних кельтских баллад и сказаний Дж. Макферсоном и их небывалой популярности во всей Европе. Это свидетельствовало о нарастающем кризисе шотландской национальной идентичности в эпоху романтизма на рубеже XVIII–XIX веков. Другая тенденция – доминировавшая – задавалась юнионистской англо-шотландской идеей Дж. Бьюкенена, «гаэльской дилеммой» и историческом «казусом» наследования шотландской династией английской короны в 1603 году. А, кроме того, данная историографическая тенденция испытывала мощное влияние французского Просвещения, о чем и пойдет речь в следующей главе.

[641] *Kidd C.* Subverting Scotland's Past … P. 148.

Подводя итог третьей главе можно сказать следующее. Отчасти на первом, а в значительной степени на втором этапе Британского Просвещения с 1714-го по 1750-е годы антикварная традиция историописания столкнулась с двумя серьезными тенденциями. Первой из них стала политическая конъюнктура формирования конституционного государства. На практике это обернулось победой концепции «древней конституции» Британии Э. Кока. Она сама по себе являлась «желаемым конструктом» в ситуации формирования британской нации, но не соответствовала выявленным в рамках антикварной традиции историческим источникам и их содержанию. Это обстоятельство определило формирование такой характерной черты британского историописания как его высокая политизированность. Тенденция к ее преодоления начала просматриваться только в первой половине XX века в работах Герберта Баттерфилда. Вторая тенденция, оказавшая негативное влияние на развитие историзма в национальном историописании второй половины XVIII века реализовалась в создании литературных мистификаций в духе так называемого «кельтского» возрождения Макферсона, а также «готского» возрождения в романе Х. Уолпола «Отранто». Несомненно, это была реакция на бурно развивающееся коммерциализированное общество в Британии, его рационализм и прагматизм. Данное обстоятельство хорошо укладывается в общеевропейскую тенденцию формирования предромантизма, а затем романтизма. Однако для развития исторического знания это обернулось отходом от критического антикварного метода в область мифотворчества о великой кельтской цивилизации друидов, созданием неоготического стиля в архитектуре и т.п. Если же говорить о развитии исторического знания в британской традиции историописания, то оно обретет устойчивые основания только в ситуации «разрыва» с политикой и литературой на рубеже XIX–XX веков.

ГЛАВА 4. КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОШЛОГО НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ: ПОЛИТИЗАЦИЯ ИСТОРИИ И ЗАБВЕНЬЕ ИСТОРИЗМА

4.1. НЕОРИМСКИЙ «ПРОФИЛЬ» ШОТЛАНДСКОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

60-е – 80-е годы XVIII века занимают особое место в истории Британии. Это начало промышленного переворота, восхождение на английский престол Георга III и, в конце концов, первого кризиса Британской империи в ситуации Войны за независимость в Северной Америке. Парадокс заключался в том, что в этот период сложившаяся антикварная традиция была оттеснена «неоримской» контьюнктурой в духе У. Темпла и А. Поупа, а также испытывала на себе давление процессов формирования публичной сферы и запросов коммерциализированного общества второй половины XVIII века. На первые позиции выходит чуждая английской традиции историописания профранцузская шотландская историческая школа в лице Дэвида Юма, Адама Фергюсона и Джона Робертсона. Эта тенденция определялось рядом факторов и может быть в первую очередь политической конъюнктурой, а именно англо-шотландской унией 1707 года. На рассмотрении Шотландского Просвещения мы сосредоточимся далее.

Тема шотландского Просвещения в качестве предмета отдельного исследования определилась примерно пятьдесят лет назад. Начало ей было положено дискуссией между британскими историками Хью Тревор-Ропером и Дунканом Форбсом. Их конфликтующие позиции при очевидных различиях стиля и тона сегодня дополняют друг друга и суммируются в единый объект исследования. Кульминацией исследований Форбса стала работа «Политическая философия Юма» (1975). Но еще более важным было

то, что он предложил новый предмет исследований, ставший привлекательным для нового поколения историков, таких как Квентин Скиннер, Николас Филлипсон и многих других, что, в конечном счете, привело к формированию направления интеллектуальной истории в Великобритании в 1960-е годы[642]. В интерпретации Форбса шотландское Просвещение выступало как интеллектуальное движение далеко выходящее за рамки Британии. Сходную оценку шотландского Просвещения мы находим в толковании Тревор-Ропера в его докладе на конференции 1966 года в университете Сент-Эндрюс, где он привлек внимание к одной из ранних работ на эту тему[643]. Активность шотландских мыслителей, по его мнению, определялась как открытостью Шотландии восемнадцатого века новым идеям с континента, так и необычайно быстрым экономическим и социальным развитием страны. Тревор-Ропер доказывал, что шотландцы внесли свой собственный вклад в изучение того, что они называли «прогрессом общества»[644].

Вскоре данная тема была подхвачена итальянским историком Франко Вентури, который отнес шотландских просветителей к более широкому течению европейского Просвещения наряду с итальянскими иллюминатами (Чезаре Беккария, Антонио Дженовезе и др.) и французскими философами. Он указал на контраст в этом отношении между Англией и Шотландией. Шотландские просветители, по его мнению, создали слой зарождающейся «интеллигенции», что уже можно было наблюдать в то время в Париже, но было совершенно неизвестно в Лондоне. По его мнению, в шотландском Просвещении сложились классические элементы культуры эпохи Просвещения: «прошлое» и «настоящее» обрели тесную связь; патриотические группы и общества сосредоточились на решении насущных

---

[642] *Forbes D.* Hume's Philosophical Politics. Cambridge, 1975. p. XI.

[643] *Bryson G.* Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth century. Princeton, 1945. 287 p.

[644] *Trevor-Roper H.* The Scottish Enlightenment // Studies on Voltaire and the eighteenth century. LXVIII. 1967. p. 1635–1658; Trevor-Roper H. History and the Enlightenment. L., 2010. 314 p.

проблем восемнадцатого века (нищета, суеверия, высокая смертность и др.)[645].

Представители шотландского Просвещения (за редким исключением) хоть и не принимали участия в политических реформах, но постоянно были в эпицентре общественной жизни. Отличие шотландских философов, по мнению Вентури, Форбса и Тревор-Ропера, заключалось в том, что они, возможно, не были так тесно сплочены, как их французские или итальянские «коллеги» перед лицом социальной несправедливости или религиозных гонений. Признание шотландского вклада в европейское Просвещение, таким образом, было признанием роли Шотландии в формировании интеллектуальных основ современного мира. В добавление можно лишь сказать, что национальный контекст в изучении эпохи Просвещения, пожалуй, нигде не имеет более продуктивного применения, чем в Шотландии. Здесь выделяются исследования британского историка Н. Филлипсона, посвященные Д. Юму. Он сделал акцент на преемственности идей Просвещения с более ранними периодами шотландской интеллектуальной мысли, открывая то, чем до сих пор пренебрегали – интеллектуальные движения позднего гуманизма и поздней схоластики, чьими выдающимися представителями были шотландцы. Филлипсон обратил внимание на оперативность, с какой шотландцы заимствовали «ньютонианство», а также широкий интерес шотландцев к естественным наукам в течение восемнадцатого века[646].

Кажется также естественным отличать шотландское Просвещение от Просвещения континентальной Европы, акцентируя внимание на консервативном скептицизме шотландцев как альтернативы радикальным и умозрительным построениями просветителей континентальной Европы.

---

[645] *Venturi F.* Italy and the Enlightenment: Studies in a Cosmopolitan Century. L., 1972. . P. 132–133.

[646] *Phillipson N.* The Scottish Enlightenment / The Enlightenment in National Context. R. Porter & M. Teich (eds), Cambridge, 1981. P. 19–40; *Phillipson N.* David Hume: The Philosopher as Historian. L., 2012.

Упоминавшийся ранее представитель Кембриджской школы интеллектуальной истории Дж. Покок пришел к выводу, что в Шотландии действительно не использовали термин «просвещение»[647]. Самостоятельной задачей данного параграфа является выявление оригинального вклада представителей шотландского Просвещения, объединенных, как и их европейские коллеги, приверженностью к улучшению человеческого рода, а также – к исследованию условий достижения общественного прогресса. Уже первые историки этой проблематики (Д. Форбс и др.) рассматривали их как небольшую, отдельную группу писателей, которые в достаточной степени обособились в обществе и идентифицировали себя с более широким движением Просвещения[648]. Сегодня благодаря трудам Р. Эмерсона, Р. Шера и других мы имеем достаточно четкое представление об их социальном статусе и общественной роли в Шотландии восемнадцатого века[649].

Идейным отцом шотландского Просвещения стал Эндрю Флетчер из Восточного Лотиана (1655–1716), личность совсем не известная в отечественной историографии[650]. Ученик Гилберта Барнета, что о многом говорит уже само за себя, Флетчер, заподозренный в 1683 году в заговоре против короля, вынужден был бежать в Голландию, где присоединился к герцогу Монмауту. Вернулся только в 1688 году вместе с Вильгельмом Оранским. Умный, вспыльчивый, владелец самой богатой библиотеки в Лоуленде, шотландец сохранял независимую позицию по отношению к королю. В своем главном сочинении 1698 года, короткой блестящей по

---

[647] *Pocock J. G. A.* Clergy and commerce. The conservative enlightenment in England / L'eta dei lumi. Studi storici sul settecento europeo in onore di Franco Venturi, two vols. Naples. 1985. Vol. I. p. 523–562.

[648] *Forbes D.* Hume's Philosophical Politics. Cambridge, 1975.

[649] *Emerson R.* The «affair» at Edinburgh and the «project» at Glasgow: the politics of Hume's attempts to become a professor / Hume and Hume's Connexions. M.A. Stewart & John P. Wright (eds). Edinburgh, 1994. p. 1–22; *Emerson R.* Scottish universities in the eighteenth century 1690–1800 // Studies on Voltaire and the eighteenth century. CLXVII. 1977. P. 453–474.

[650] *Pocock J. G. A.* Machiavellian Moment: The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, 1975. P. 427–432; *Fletcher of Saltoun.* Selected Political Writings and Speeches, ed. D. Daiches. Edinburgh, 1979.

стилю брошюре «Рассуждение об отношении правительства к милиции», он аккумулировал опыт изучения политических систем, и в частности баланса сил в государствах древности и современности. Испытывая недоверие к растущей мощи королевской власти и процветающей коррупции в новом коммерческом обществе Флетчер противопоставил им «систему свободы», которая, по его мнению, была закреплена в древнеанглийской конституции. Он считал, что распределение военной мощи между королем и его баронами создало выгодный для свободы баланс сил. Торговля и стремление к роскоши уничтожили «готскую» конституцию, полагает Флетчер. Налоги идут на финансирование огромной бюрократии и регулярных войск, вовлеченных в бесконечные войны Вильгельма Оранского. Гражданские свободы в опасности, считает он. Автор настаивал на выводе королевских войск из Шотландии и на замене их местной милицией. Только парламент может обуздать власть короля путем сокращения его доходов и создания системы местных ополченцев, чтобы уравновесить силу постоянной армии[651]. Кроме того, в ряде других сочинений Флетчер одним из первых осознал и поставил дилемму Шотландии в династическом англо-шотландском союзе – формально равный статус при неспособности шотландцев соответствовать ему[652].

Другим отцом-основателем шотландского Просвещения может считаться уже упомянутый в параграфе о секуляризации исторического письма Фрэнсис Хатчесон (1694–1746) как один из ярких представителей моральной философии. Глава одноименной кафедры в университете Глазго с 1729 года и до смерти он оказал влияние на всех шотландских просветителей от Юма до А. Смита, позже также возглавлявшего эту кафедру. Хатчисон поставил перед собой трудную задачу выявить различия между моралью, которая порождена чувствами и социальным опытом и моралью априори как таковой. Он надеялся создать науку о морали, которая могла бы улучшить

[651] *Fletcher of Saltoun.* A Discourse of Government relating to Militias / *Fletcher of Saltoun*. Selected Writings, Edinburgh, 1979. P. 2–26.

[652] *Macintyre A.* Whose Justice? Which Rationality? Duckworth. L., 1988. P. 257–258.

гражданское состояние общества посредством «духа вопрошания и обсуждения», любви к разговору, развития «культуры сердца», что бы стало, по мысли Хатчесона, ключом к сохранению ключевых принципов религии и добродетели[653].

Если же вести речь о социальном контексте формирования идейного наследия шотландских просветителей, то за редким исключением все те, кто ассоциировал себя с Просвещением, сделали успешную карьеру в одном из трех сфер, находившихся в центре шотландской общественной жизни: университет, церковь и право. Более открытый для интеллектуальных новаций, университет предлагал одну из самых благоприятных и во многих случаях прибыльных форм занятости для литераторов. Традиционная система обучения с «тьюторами» или домашними учителями на протяжении восемнадцатого века постепенно заменялась созданием кафедр в университетах. У новых профессоров появилась возможность специализироваться на отдельном предмете и привлекать студентов к своим курсам, как для собственной финансовой выгоды, так и университетов. Здесь будет уместным заметить, что в 1724 году в Оксфорде и Кембридже по королевскому указу была учреждена должность регию-профессора по истории (*англ.* Regius Professor of History). Подобные ставки могли создаваться частными лицами, например, как это уже было показано ранее, Ричард Роулинсон учредил ставку профессора древнеанглийского языка в Оксфорде. И это было результатом расцвета антикварного знания на рубеже XVII–XVIII веков.

Точно так же, хотя и менее прибыльно, можно было делать карьеру в лоне Церкви Шотландии. Клерикальные порядки, может, и затрудняли публичное выражение неортодоксальных религиозных взглядов, но никак не препятствовали мирским интеллектуальным занятиям. Это было особенно верно для Эдинбурга, где тон задавало «умеренное» духовенство, во главе с

---

[653] Цит. по: *Phillipson N.* The Scottish Enlightenment / The Enlightenment in National Context. Eds. *R. Porter, M. Teich*. Cambridge, 1981. P. 29.

Уильямом Робертсоном[654]. Иная ситуация была в Глазго, где хранители пресвитерианской ортодоксии во главе с Джоном Уизерспуном оставались на страже своих интересов в течение первой половины века и позже. Третей профессией, открытой литераторам в Шотландии восемнадцатого века, была юриспруденция. Это было не так просто, как университет или церковь, поскольку высшие позиции в иерархии юристов, в качестве адвокатов и судей, фактически могли занять только сыновья землевладельцев[655]. Однако присутствие писателей в этой среде, так тесно связанной с земельной элитой, способствовало их признанию в шотландском высшем обществе.

Интегрированные в общественную структуру посредством профессиональной деятельности, литераторы еще более упрочили свои позиции участием в неформальных, добровольных объединениях «изящной» городской культуры, клубах и обществах, которые множились в Шотландии, как и везде в просвещенной Европе первой половины XVIII века. В ряде случаев подобные общества (как например: «Избранное общество Эдинбурга» (*англ.* Select Society of Edinburgh), «Литературное общество Глазго» (*англ.* Glasgow Literary Society), «Философское общество Абердина» (*англ.* Aberdeen Philosophical Society) были созданы на основе равенства их членов и по типу английского мужского клуба. В них писатели были на равных с землевладельцами, юристами и предпринимателями[656]. В других случаях, в частности, в «Покер клаб» (*англ.* Poker club) отношения были подчеркнуто приятельскими, где писатели и джентри встречались на дружеском ужине. Однако в городах Шотландии не было ничего похожего на парижские салоны: женщины, к сожалению, не играли заметной роли в

---

[654] *Sher R. B.* Church and University in the Scottish Enlightenment. The Moderate Literati of Edinburgh.Princeton & Edinburgh, 1985. 416 p.

[655] *Phillipson N.* The social structure of the faculty of Advocates in Scotland 1661–1840 / Law Making and Law Makers in British History. A. Harding (Ed). L., 1980. p. 145–156.

[656] *Emerson R.* The social composition of Enlightened Scotland: the Select Society of Edinburgh 1754–1764 / Studies on Voltaire and the eighteenth century, CXIV. 1973. P. 291–329; *Sher R. B.* Commerce, religion and the Enlightenment in eighteenth-century Glasgow in, Glasgow. Volume I: Beginnings to 1830 / T.M. Devine & Gordon Jackson (eds). Manchester & New York, 1995. P. 335–337.

интеллектуальной жизни Шотландии в эпоху Просвещения. Вполне возможно, что масоны предложили альтернативную возможность для социальной интеграции, но, несмотря на исследования о происхождении масонства в Шотландии семнадцатого века[657], мы до сих пор почти ничего не знаем о его присутствии в Шотландии восемнадцатого века.

Впрочем, были и исключения. Таким примером является Дэвид Юм, чья карьера стала показательным примером вынужденной интеллектуальной независимости. Отправившись в 1734 году в двадцатитрехлетнем возрасте во Францию изучать философию, Юм вернулся в 1739 году с «Трактатом о человеческой природе» и предполагал, что его ждет университетская карьера, как только подходящая должность станет вакантной. Но в 1745 году его кандидатура на кафедру моральной философии в Эдинбурге была отвергнута подавляющим большинством представителей университетского сообщества. Позже, когда он в 1752 году стремился занять кафедру в университете Глазго, его близкий друг Адам Смит посоветовал ему этого не делать из-за опасений повторного провала. Эти обстоятельства вынудили Юма согласиться на исполнение ряда краткосрочных контрактов, наиболее приемлемые из которых были связаны с военной и дипломатической службой, так как позволили ему путешествовать[658]. В силу необходимости Юм вынужден был зарабатывать себе на жизнь как независимый литератор, и его амбиции, в конце концов, были реализованы в успехе «Истории Англии». Его жизненный опыт служил ярким подтверждением возможности человека сохранять достойное и независимое положение в обществе. Хотя Юм и избегал публичной полемики с церковью и своими оппонентами, но при этом сохранял независимую интеллектуальную позицию в своих печатных работах.

---

[657] *Stevenson D.* The Origins of Freemasonry. Scotland's Century 1590–1710. Cambridge, 1988. 269 p.

[658] *Emerson R.* The «affair» at Edinburgh and the «project» at Glasgow: the politics of Hume's attempts to become a professor / Hume and Hume's Connexions. M.A. Stewart & John P. Wright (eds). Edinburgh, 1994. p. 1–22; *Stewart M. A.* The Kirk and the Infidel, an inaugural lecture at the University of Lancaster. Lancaster, 1995. 29 p.

Никакой другой шотландский литератор не имел подобного положения, и многим оно казалось привлекательным. Адам Смит сразу отказался от преподавания в университете в 1764 году, когда получил место воспитателя и перспективы путешествия с денежным содержанием и пенсией. Адам Фергюсон постоянно стремился оставить кафедру с целью совершить путешествие по Европе и Северной Америке в 1770-х годах. Кроме того, литераторы были озабоченны необходимостью признания со стороны землевладельческой и юридической элиты, что было связано со стремлением добиться уважения к своим литературным опытам. Просветители поддерживали связи с корреспондентами и научными обществами на континенте, осознавая себя членами европейской «литературной республики». Они были хорошо интегрированы в шотландское общество и могли приносить ему пользу, но при этом они как литераторы обладали независимым положением. Это сближает их статус с положением философов Просвещения во Франции, Италии или Германии.

Изучение публичной «роли», исполняемой шотландскими литераторами, показывает их стремление подчеркнуть свою обособленность в обществе. Возможно, историки шотландского Просвещения до сих пор недостаточно уделяют внимания концепции Юргена Хабермаса о возникновении новой «публичной сферы» в обществе восемнадцатого века, что особенно применимо к ситуации в Шотландии. Исключенные из парламентской жизни и проживающие на расстоянии от столицы, шотландские литераторы могли участвовать в общественных дискуссиях без непосредственного участия в деятельности политических партий или выработке государственной политики. И наоборот, удаленность от центрального правительства позволяла литераторам вести открытые дебаты в Шотландии без немедленного обращения к правительству. Примером может служить дискуссия об участии шотландской милиции в военных действиях в

1760-е и 1780-е годы, когда обсуждался вопрос о цене войны в развитии общества[659].

Но обособленность шотландских литераторов, пожалуй, наиболее заметна в их стратегии достижения достойного материального положения. На континенте просветители становились либо государственными чиновниками как в Германии, или, как в Италии – реформаторами и активно пытались воздействовать на свои правительства взять ответственность за экономическое благосостояние своих подданных. В Шотландии же вопросы, связанные с улучшением дел в стране неоднократно обсуждались в разнообразных добровольных обществах, где в дискуссиях принимали участие и литераторы, и джентри. Но ни один из ведущих представителей шотландского Просвещения никогда специально не решал проблем шотландской экономики и не занимал какого-либо поста в государственных ведомствах, созданных для реализации конкретных проектов, таких как, например, развитие Хайленда. Решение этих задач было оставлено второму ряду публицистов и активистов, во главе с Джеймсом Андерсоном и сэром Джоном Синклером. Частично это было связано с их сомнением в необходимости интеграции шотландской экономики в единый британский рынок. Но уже к третьей четверти века можно было наблюдать успехи шотландской экономики. Современные историки показывают нам, что сельское хозяйство Шотландии начало заметно развиваться в низменных районах, мануфактура распространилась в сельской местности, а Глазго и его окрестности переживали бум материального развития[660]. Свободные от прямой ответственности за эти достижения, лидеры шотландского Просвещения имели всякий раз возможность анализировать ситуацию в Шотландии и высказывать свои суждения.

---

[659] *Robertson J.* The Scottish Enlightenment and the Militia Issue. Edinburgh, 1985. 272 p.

[660] *Smout T.C.* Where had the Scottish economy got to by the third quarter of the eighteenth century ? / Wealth and Virtue. Hont & Ignatieff (eds); *Devine T.M.* The Transformation of Rural Scotland. Social Change and the Agrarian Economy 1660–1815. Edinburgh, 1994.

Теперь остановимся на главных вопросах в дискуссиях шотландских просветителей. В основе интеллектуального проекта шотландского Просвещения лежат три связанных между собой направления исследовательской мысли: моральная философия, история и политическая экономия. Краткий обзор каждого из них позволит показать вклад шотландцев в более широком контексте европейского и, в частности, британского Просвещения.

С начала восемнадцатого века представители шотландского Просвещения развивали два самостоятельных направления в рамках так называемой моральной философии или философии морали. Одно из них было академическим и опиралось на концепцию естественного права С. Пуфендорфа, адаптированную к шотландским потребностям в университетском курсе первым профессором моральной философии в Глазго Гершомом Кармайклом. Другое – было попыткой деликатного возрождения классических ценностей добродетельных граждан применительно к обществу торговли и кредита. Здесь развитие идей было более сложным. В сочинениях лорда Шефтсбери «Характеристики людей, нравов, мнений, времен» (*англ.* «Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times», 1711) была предпринята попытка смягчить аскезу классического республиканизма, с которым шотландцы уже были знакомы через работы Эндрю Флетчера. Позиция Шефтсбери столкнулась с блистательным эпикурейским скептицизмом Бернарда Мандевиля. Но вызову Мандевиля противостоял Фрэнсис Хатчесон, который переформулировал аргументы в пользу естественных способностей человека к общительности и добродетели в терминах, заимствованных у стоиков. В 1729 году, как уже было сказано, он занял кафедру моральной философии в Глазго вслед за Кармайклом, переселившись из Дублина, и приступил к дальнейшему развитию этого

тезиса и его адаптации к шотландскому академическому дискурсу естественного права[661].

Значимость Хатчесона в шотландском Просвещении, однако, определяется отношением к нему Д. Юма. Среди исследователей преобладает мнение, что Юм начал свои исследования под влиянием Хатчесона. Философия морали Юма часто рассматривается как расширение и углубление идей Хатчесона[662]. Но это оценка взаимосвязи между ними сегодня поставлена под вопрос. В исследовании Дж. Мура о шотландском Просвещении приведены убедительные доводы в пользу противоположности их взглядов. Хатчесон наверняка был автором критических рецензий на первую и третью книги «Трактата о человеческой природе», которые появились анонимно в издаваемом в Амстердаме журнале «Библиотека работ ученых из Европы» (*франц.* Bibliothèque raisonnée des ouvrages des savans de l'Europe) в 1740 и 1741 годах. Эти рецензии делают очевидным различия между работами Юма и Хатчесона[663]. Со своей стороны, Юм должен был ясно осознавать глубину различий между ними, хотя первоначально, по-видимому, он отталкивался от идей Хатчесона. Но с философской точки зрения Юм всегда был скептиком, как в морали, так и теории познания. Он произрос на совершенно определенной философской традиции, которую формировали древние эпикурейцы, П. Бейль, французские моралисты, Гоббс, а также нелюбимый Хатчесоном Мандевиль. В этой связи теория морали Юма должна была исходить из представления о человеке, как корыстном и

---

[661] *Moore J.* The two systems of Francis Hutcheson: on the origins of the Scottish Enlightenment / Studies in the Philosophy of the Scottish Enlightenment. Ed. *M.A. Stewart.* Oxford, 1990. P. 37–59.

[662] *Smith N. K.* The Philosophy of David Hume. A Critical Study of its Origins and Central Doctrines. L. & N. Y., 1966. p. 12; *Norton D. F*. David Hume: Common Sense Moralist, Sceptical, Metaphysician. Princeton, 1982. 329 p.

[663] *Moore J.* Hume and Hutcheson / Hume and Hume's Connexions. Stewart & Wright (eds). P. 23–57; *Moore J., Stewart M. A.* A Scots-Irish Bookseller in Holland: William Smith of Amsterdam (1698–1741) // Eighteenth-Century Scotland: The Newsletter of the Eighteenth-Century Scottish Studies Society. 1993. №. 7. p. 8–11; *Moore J., Stewart M.A.* William Smith and the Dissenters 'book trade' // Bulletin of the Presbyterian Historical Society of Ireland. 1993. № 23. p. 24–26

нелюдимом существе, на которое общество воздействует исходя из сложившихся представлений о справедливости[664]. Юм вряд ли был удивлен, когда Хатчесон выступил против его кандидатуры в 1745 году в Эдинбурге[665]; его ответ вежливый, но твердый был дан в «Принципах морали» (1751), что можно рассматривать как подчеркнутый разрыв и с философией морали Хатчесона, и академическими идиомами естественного права.

Оставив в стороне дискуссии в области моральной философии, все-таки подчеркнем то, что объединяет шотландских мыслителей на завершающей стадии эпохи Просвещения. Первое. Общей и исходной позицией для всех них было представление о том, что моральная философия должна дать убедительный ответ нарождавшемуся обществу наживы и чистогана. Второе. Основным в моральной философии был вопрос: является ли стремление к «общественности» и «добродетели» естественными свойствами природы человека, или же они формируются общественным развитием и являются искусственными конструктами, обуздывающими беспредельный эгоизм человека. И, наконец, третье. Все шотландские философы считали, что их сочинения должны быть написаны доступным языком и способны заинтересовать неравнодушных граждан. Сам предмет моральной философии – общее место эпохи Просвещения, но логика мышления шотландцев, и их стремление интегрировать моральную философию в изучение истории и политической экономии, позволило им сделать оригинальный вклад в развитие идей этой эпохи.

Вторая центральная тема шотландского Просвещения – это история. Ее исследование развивалось в двух направлениях практически независимо друг от друга. Первое так называемая «естественная» история, представителями которой были А. Смит, А. Фергюсон, У. Робертсон и Дж. Миллар. И в их

---

[664] *Moore J.* Hume and Hutcheson / Hume and Hume's Connexions. Stewart & Wright (eds).

[665] *Stewart M. A.* The Kirk and the Infidel. An inaugural lecture delivered ay Lancaster University on 9 November 1994.

интерпретации она трансформировалась в теорию стадиального развития общества. Как и в моральной философии, концептуальная основа для обсуждения истории с точки зрения «общественного развития» была подготовлена естественным правом – Смит и Миллар широко практиковали его в преподавании. Однако они отбросили концепцию естественного права в своих печатных работах. Самым смелым в этом отношении был А. Фергюсон, первая книга которого «Очерки истории гражданского общества» 1767 года демонстрирует нетерпимость автора к негибким категориям естественного права, а также к теории общественного договора[666]. В подобном ключе выдержаны работы Дж. Миллара, У. Робертсона, Дж. Кэмпбэлла[667]. При этом ясно, что шотландские мыслители отнюдь не были материалистами в рассмотрении причинно-следственных связей в историческом развитии, скорее всего, в их сознании это связывалось с ролью Провидения в человеческой истории. Но это не меняет сути дела, поскольку стадиальные теории были связаны исключительно с идеей развития общества – прогрессом, и определялись озабоченностью о том, какая стадия будет следующей. Отечественный исследователь В.Ю. Апрыщенко, называя шотландцев «обреченной нацией» подчеркивает, что «многие работы шотландских писателей лежали в плоскости универсальной истории стадиального развития»[668]. Можно сделать вывод, что в ситуации вытеснения своего собственного «национального исторического нарратива» шотландцы

---

[666] См.: *Ferguson A*. Essay on the History of Civil Society. 1767.

[667] См.: *Millar J.* An Historical View of the English Government from the Settlement of the Saxons in Britain to the Revolution in 1688. 3rd ed., ed. J. Mylne & J. Craig, 4 vols, Edinburgh, 1803; *Campbell J.* A Full and Particular Description of the Highlands of Scotland, its Situation and Produce, the Manners and Customs of the Natives. L., 1752; *Campbell J.* A Political Survey of Great Britain, being a series of reflections on the situation, lands, inhabitants, revenues, colonies, and commerce of the island. 2 vols. L., 1774; *Robertson W.* The History of the Reign of the Emperor Charles V, with a View of the Progress of Society in Europe. 1769; *Robertson W.* The History of America. 1777; *Robertson W.* The History of the Progress and Termination of the Roman Republic. 1783.

[668] *Апрыщенко В. Ю.* «Обреченная нация» в поисках прошлого: В. Скотт и шотландская романтическая революция в историописании / ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ. № 21. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 216–243.

сосредоточились на универсальной истории, философских эссе об истории развития человеческой природы[669].

В этом контексте представляет интерес «История Великобритании от вторжения римлян под командованием Юлия Цезаря»[670] шотландского пресвитера Роберта Генри (1713–1790), где повествование доведено до правления Генриха VIII. Первое издание вышло за счет автора. Успех сочинения у читательской аудитории позволил Генри продать права на издание за значительную сумму. Отличительной чертой этой «Истории» был «новый план», суть которого заключалась в составлении по каждому периоду в истории Британии семь самостоятельных разделов: (1) гражданская (*англ.* civil) и военная история; (2) церковная история и история религии; (3) история конституции, правительства, закона и суда; (4) история обучения, ученых людей и образовательных центров; (5) искусства, прикладные и декоративные; (6) история торговли, цен и товаров; (7) нравы, добродетели, пороки, обычаи, язык, одежда, питание и развлечения. Хоть, как пишет современный американский исследователь М. Филиппс, разрекламированный Генри «план» напоминал скорее традиционный рассказ о политике, которая по-прежнему доминировала в тексте[671], это было новое видение истории и попытка создать новый нарратив о прошлом, где бы наряду с политикой равное место заняла история общества, религии, обучение, искусства, торговли, традиций и образа жизни. Сам Генри пишет во Введении о небывалом расширении горизонтов исторических исследований и том, что «сфера истории будет расширяться» неуклонно[672]. Все это указывает на то, что новый «план» истории Генри определялся

---

[669] *Home H.* (Lord Kames) Sketches of the History of Manю 3 vols. 1778; *Smith A.* Theory of Moral Sentiments. 1st ed. 1759.

[670] См.: *Henry R.* The History of Great Britain, From the First invasion of it by the Romans under Julius Caesar. Written On A New Plan, 6th ed. L., 1823.

[671] *Phillips M. S.* Reconsiderations on History and Antiquarianism: Arnaldo Momigliano and the Historiography of Eighteenth-Century Britain // Journal of the History of Ideas, Vol. 57, No. 2. Apr., 1996. P. 310.

[672] Henry R. The History of Great Britain… P. XXXIII.

новым социальным видением потребностей современной аудитории – большой коммерциализированной и воспитанной (*англ.* polite) нации.

Второе направление исторических исследований было связано с традиционным повествованием в духе Тацита. Здесь в стремлении написать современную, основанную на скептическом отношении к предшествующей традиции, историю Англии, Юм снова стал пионером. Политический смысл его «Истории Англии» (1754–1762) занимает ученых с 60-х годов XX в.[673] Особенно следует обратить внимание на исследование К. Кидда, где предпринята попытка объяснить, почему первоначально задуманное Юмом сочинение как история Великобритании свелось к истории Англии. Ответ Кидда заключается в том, что Юм давал сниженную оценку шотландской истории. Он отрицал в шотландском прошлом наличие «древней» конституции, что могла бы послужить основой свободы в настоящем. Юм пришел к выводу о том, что только английская древняя конституция – единственная – может быть полезной в политическом развитии Ганноверской Великобритании[674]. В какой степени Юм пытался синтезировать в своем нарративе социальные, культурные и литературные события? Скорее всего, его амбиции были скромны: его манера повествования кажется концептуально (но не стилистически) ближе всего традиционной «гражданской» истории, чем, скажем, к истории нравов Вольтера, не говоря уже о «социальной» истории, предложенной стадиальными теоретиками.

В связи с этим еще больший смысл приобретают достижения шотландского историка Уильяма Робертсона. Он, вероятно, стал первым, кто начал писать гражданскую историю Шотландии, сосредоточившись на XVI веке. Затем он обратился к истории международных отношений в Европе времен Карла V, первый том которой был озаглавлен «Обзор прогресса общества в Европе» (*англ.* «View of the Progress of Society in Europe») и начинался с момента падения Западной Римской империи. Еще более смелой

---

[673] *Forbes D.* Hume's Philosophical Politics, Part III: Philosophical History; *Phillipson N.* Hume. L., 1989; *Wootton D.* David Hume, "the historian" … 1993.

[674] *Kidd C.* Subverting Scotland's Past. … 1993.

стала «История Америки», где была предпринята убедительная попытка использовать стадиальную теорию в описании других народов[675]. Конечно, все эти начинания вскоре будут оттеснены вкладом Эдварда Гиббона, но разница между «Англией» Юма и «Америкой» Робертсона является мерой того, насколько вперед шотландцы продвинулись в осмыслении истории.

Оба эти направления в историописании шотландского Просвещения – универсальная история стадиального развития и политический нарратив в духе Фукидида-Тацита – отмечены неприятием антикварной традиции и пренебрежением к собственному шотландскому прошлому. Предромантический нарратив в духе Дж. Макферсона формировался в качестве антитезы этому государствующему в шотландском Просвещении историописанию. Предромантический нарратив является другой крайностью мифологии о национальном прошлом. Крупный современный нациевед Э. Смит пишет относительно изобретения северошотландских традиций после поражения якобитов при Каллодене 1745 года: «С тех пор как Роулинсон в 1730-х годах «изобрел» малую шотландскую юбку, Макферсон «заново открыл» Оссиана в начале 1760-х годов, а Вальтер Скотт создал шотландский литературный экскурс в историю «клановых» горцев, опубликованный полковником Дэвидом Стюартом в 1822 году, а также с появлением «Vestiarium Scotium» (1842) и «Одежды кланов» (1844) братьев «Стюартов Собесских», которые пытались оживить почти исчезнувшую средневековую цивилизацию Шотландских гор, — нити сфабрикованных традиций были вплетены в новую строящуюся нацию Шотландии»[676].

Третьей темой в исследованиях шотландских просветителей и, может быть, наиболее оригинальной среди них, была политическая экономия. И в этом случае историческое значение достижений шотландцев определялось пересмотром предшествующей традиции. Этот вопрос был исследован в двух книгах, в частности, в работе Д. Винча «Политика Адама Смита» (1978) и

---

[675] *Robertson W.* History of Scotland. L., 1996.

[676] *Смит Э. Д.* Национализм и историки // Нации и национализм. М., 2002. С. 252–253.

последовавшем за ней томе под редакцией И. Хонта и М. Игнатьева «Богатство и добродетель: формирование политической экономии в шотландском Просвещении» (1983)[677]. В этих работах был сделан вывод о том, что шотландцы подошли к созданию оригинальной теории политэкономии на основе двух более ранних традиций политической мысли. Первая, так называемая «классическая», или комментирование гуманистами-цивилистами договорной теории имущественных отношений римского права[678]. Вторая – это теория естественного права в отношении собственности и обмена. Однако здесь есть опасность просмотреть собственный оригинальный вклад шотландского Просвещения в развитие политической экономии. Юм, Смит и другие оперируют в своих работах экономическими принципами как самоочевидными, как будто уверены, что нет необходимости в отсылке к естественному праву, которое по-прежнему широко практиковалось в обучении. Но они стремятся к достижению большей концептуальной ясности и адаптации контрактной теории применительно к задачам моральной философии, явно надеясь воспитывать в широкой читающей публике понимание текущих процессов, а также оказывать влияние на политику государства.

Решающий первоначальный вклад в развитие политэкономии внес Д. Юм. В «Рассуждениях о политике» (*англ.* «Political Discourses», 1752) в целом ряде эссе («О деньгах», «О торговом балансе», «О налогах» и других) он дает отповедь французским физиократам, и, в частности, работе Ж.-Ф. Мелона «Опыт о торговле с политической точки зрения» (*франц.* «Essai Politique Sur Le Commerce», 1734). Если в экономической модели Мелона сельское хозяйство являлось главным и определяло развитие других отраслей

---

[677] *Winch D.* Adam Smith's Politics. Cambridge, 1978; Wealth and Virtue. The Shaping of Political Economy in the Scottish Enlightenment. Istvan Hont & Michael Ignatieff (eds). Cambridge, 1983. Both of these owed much in turn to the gradual appearance in these years of The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith, edited D.D. Raphael, A.S. Skinner and others. Oxford, 1976–1987.

[678] *Полдников Д. Ю.* Этапы формирования цивилистической договорной теории ius commune // Государство и право, 2012, № 6, С. 106–115.

экономики, то Юм предложил другую модель, где торговля выступает главным агентом развития экономики, и препятствия в ее развитии Юм видит в недоверии к ней со стороны публики и злоупотреблениях со стороны алчных торговцев. Отвечая в свою очередь Юму, выше упомянутый Дж. Стюарт в «Исследованиях о принципах политической экономии» (*англ.* «Principles of Political Oeconomy», 1767) выступил с тщательной и пространной защитой идей физиократов. Ответом ему стала работа А. Смита «О богатстве народов» (1776), где он демонстрировал синтез двух подходов на новом уровне. Он восстанавливает первенствующие позиции сельского хозяйства в «естественном прогрессе богатства», но подвергает жесткой критике стремление физиократов поддерживать сельское хозяйство за счет естественного развития производства и коммерции.

Расхождения между философами скорее усиливают, нежели умаляют позиции шотландского Просвещения. В конечном счете, и Юм, и Смит были едины в том, что господствующие представления в современном им обществе определяют процессы экономического развития. Для них также было очевидно, что эти процессы ведут в перспективе к реальной материальной выгоде для большинства, если не для всех членов общества. Рост богатства наций в целом улучшает условия существования всех слоев общества, в том числе самых низших. И если даже современное, коммерческое общество пока еще не соответствует классическим добродетелям, это общество – лучшее из всех до сих пор существовавших, полагали они. Впервые, в политической экономии состоялось признание того, что каждый человек может достичь достойного положения в этой жизни. Исходя именно из этого, политическая экономия стала точкой опоры развития моральной философии и исторических исследований. Эта позиция была также направлена против приверженцев религии, которые полагали, что «страданиями человек совершенствуется». Таким образом, независимо от того была ли «общественность» человека естественной или искусственной, общим было признание того, что проблемы общественного развития больше

не могут обсуждаться без признания материального прогресса в качестве основной его движущей силы.

Следует сказать об «изолированности» шотландского Просвещения. Хорошо известно, что ведущие деятели шотландского Просвещения были в курсе текущих событий на континенте, особенно во Франции, благодаря путешествиям, переписке, рецензиям и покупке книги. Они также прямо реагировали на работы французских мыслителей: дискуссия Юма с Мелоном является одним из таких примеров, Смита с Руссо – другим. Но систематическое текстуальное изучение «ответа» шотландцев на французскую интеллектуальную жизнь все еще находится в зачаточном состоянии. Кроме того, мы мало знаем о степени доступности иностранных книг для широкой читающей публики. Не менее важными для оценки шотландского вклада в европейское Просвещение является представление о том, в какой степени труды шотландцев были известны и читаемы в Европе. Конечно, здесь нет никаких гарантий: можно читать, но не понимать авторских идей и аргументов. Опасность ложного понимания тонко показана в исследовании Ф. Оз-Зальцбергер в отношении переводов и круга чтения в Германии произведений А. Фергюсона. Английские термины, для шотландца означающие публичную политическую активность были переведены на немецкий язык как понятия, связанные с внутренним моральным саморазвитием человека[679]. В этом случае национальные различия серьезно проявляются и оказывают влияние на такого рода связи. И тем ни менее, шотландской политической экономией интересовались по всей Европе. Здесь французские переводы были наиболее распространенными. Французский язык можно считать общим языком европейского Просвещения, именно французы сделали политическую экономию особенно привлекательной для

[679] *Oz-Salzberger F.* Translating the Enlightenment. Scottish civic discourse in eighteenth-century Germany. Oxford, 1995. 89. p; *Oz-Salzberger F.* The Enlightenment in Translation: Regional and European Aspects1 // European Review of History: Revue europeenne d'histoire. Volume 13, Issue 3, 2006. P. 385–409.

читающей публики, и во много обеспечили ее ключевую роль в реализации стремления человека улучшить мир.

Одной из задач данного параграфа является оценить успехи и неудачи эпохи Просвещения на примере одного из национальных вариантов, а именно шотландского. Мы уже обсуждали во третьей главе «внешние» обстоятельства его формирования: «Auld Alliance», «изгнание» династии Стюартов. С точки зрения «внутреннего» развития, в Шотландии идеи Просвещения пользовались большим успехом, поскольку распространялись в ситуации интенсивных экономических преобразований под руководством парламентского большинства и избираемого правительства. И здесь можно согласиться с ростовским исследователем В.Ю. Апрыщенко «модератизм» стал отличительной чертой шотландского Просвещения[680]. Историческая реальность в Шотландии XVIII века служила доказательством того, что идеи Просвещения пригодны для достижения прогресса общества. Напротив, на большей части континентальной Европы было совершенно очевидным расхождение между целями Просвещения и фактическим положением дел в европейских странах. В целом же идеи Просвещения противостояли «вызовам» восемнадцатого века на «неоримских» основаниях и позволяли наметить перспективу «ответов» на них. Два с половиной века спустя они служат блестящим примером продуктивного осмысления проблем современности и создания действенных «рецептов» достижения лучших условий человеческой жизни. Однако в отношении осмысления собственного богатого без преувеличения шотландского прошлого возобладали два варианта его отчуждения. Первый был связан с созданием «универсальной стадиальной истории» в духе Дж. Миллара и А. Фергюсона. Другой – с нарождающейся идей шотландской самобытности в духе литературных мистификаций Макферсона. Можно говорить и о третьем направлении, прямо связанным с «неоримским» подходом, исследовательский фокус

[680] *Апрыщенко В.Ю.* Дэвид Юм и британская юнионистская традиция эпохи просвещения // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 11–14.

которого был переориентирован на истории Англию. Именно шотландский историописатель Д. Юм стал автором первой популярной «Истории Англии».

4.2. КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ ДЭВИДА ЮМА И ЕГО СОЧИНЕНИЕ «ИСТОРИЯ АНГЛИИ»

Изучение творческого наследия Дэвида Юма имеет богатую историографическую традицию. Начиная с Иммануила Канта философские сочинения шотландского мыслителя, не понятые и не признанные современниками, изучались и развивались многими выдающимися мыслителями. Кант писал: «Я охотно признаюсь: указание Давида Юма было именно тем, что впервые — много лет тому назад — прервало мою догматическую дремоту и дало моим изысканиям в области спекулятивной философии совершенно иное направление».[681] По словам Артура Шопенгауэра, «из каждой страницы Давида Юма можно почерпнуть больше, чем из полного собрания философских сочинений Гегеля, Гербарта и Шлейермахера, вместе взятых»[682]. Альберт Эйнштейн был вдохновлен эмпиризмом Юма на создание теории относительности[683]. Юма называют «пророком витгенштейновской революции», имея ввиду его суждения о математике и логике как формализованных методах познания, имеющих опосредованное отношение к миру опыта[684]. Если же говорить о России, то уже в дореволюционной историографии наблюдается интерес к философии

---

[681] *Кант И.* Пролегомены ко всякой будущей метафизике...1783. / *Кант И.* Сочинения в шести томах. М., 1965. Т. 4. Ч. I. С. 74.

[682] *Шопенгауэр А.* Избранные произведения / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. *И.С. Нарский.* М., 1992; *Шопенгауэр А.* Собр. соч. в 4-х томах. Мир как воля и представление. Т. 2. Дополнения к первому тому. М., 1903. С. 317; *Schopenhauer A.* The World as Will and Representation. Vol. 2. Ch. 46.

[683] Albert Einstein in a letter of 14 December 1915, to Moritz Schlick. Papers, A, Vol. 8A, Doc. 165.

[684] См.: *Phillipson N.* Hume. Weidenfeld & Nicolson. L., 1989.

Д. Юма[685]. Советский историк философии И.С. Нарский сделал много для публикации сочинений Юма[686], а также для осмысления его творческого наследия в целом[687]. Все это свидетельствует о широком признании Дэвида Юма как философа.

Хорошо известно, что Юм стал историком, так сказать, поневоле. Его «История Англии» стала лабораторией рассмотрения опытов «человеческого разумения» – «местом» адаптации и популяризации его философии. По-видимому, в этом-то как раз и был залог беспрецедентного успеха его «Истории» в последующие сто лет. Это также объясняет, почему историография о Юме как историке практически не заметна в общей массе работ о нем. Михаил Абрамович Барг в своих сочинениях неоднократно подчеркивал значимость и важность Дэвида Юма в процессе становления историзма в эпоху нового времени[688]. Однако этот вопрос в отечественной историографии требует более детального рассмотрения. Не удивительно, что отечественные исследователи останавливаются преимущественно на оценке Юмом событий Английской революции и стремятся дать оценку его политическим предпочтениям и соответственно интерпретации им истории Англии XVII в. Здесь хотелось бы привести цитату из письма Юма Джону Клефейну 1756 года: «Что до политики и поведения принцев и великих людей, я думаю, что я очень умеренный человек. Мои взгляды на вещи более созвучны принципам вигов; мои представления о людях – убеждениям тори. Ничто не может сильнее характеризовать человека, чем его отношение к людям, а не вещам, таким образом, я нахожу, что меня числят среди тори»[689].

---

[685] См.: *Сабинина М.В.* Давид Юм, его жизнь и философская деятельность. СПб, 1893; Философия Давида Юма. Часть 1. Теоретическая философия Д. Юма. М., 1905.

[686] См.: *Юм Д.* Сочинения. В 2-х т. М., 1996; *Юм Д.* Малые произведения; Эссе и др. М., 1996.

[687] См.: *Нарский И. С.* Философия Давида Юма. М., 1967; *Нарский И.С.* Давид Юм. М., 1973.

[688] См.: *Барг М.А., Авдеева К.Д.* От Макиавелли до Юма: Становление историзма. М., 1998; *Барг М. А.* Юм как методолог истории // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 70–82; *Барг М. А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987.

[689] Hume to John Clephane, 1756 / The Letters of David … Vol. 1. P. 237.

Прежде всего, следует обратить внимание на представление Юма *о месте и роли истории в обществе* эпохи Просвещения. Создавая свой труд, он сознательно формировал новый читательский рынок и внес огромный вклад в расширение круга чтения для публики середины XVIII века. Это касалось представителей среднего класса и женщин[690]. Их излюбленным чтением до Юма был новый жанр романа. Их любимым чтивом стали романы Сэмюэла Ричардсона «Памела» и «Кларисса», которые появились в 1740 и 1748 годах[691]. Однако еще раньше, в 1741 году Юм ясно осознавал, что исторические сочинения могут вытеснить роман: «Нет ничего лучше, что я мог бы порекомендовать моим дамам-читательницам, чем исторические сочинения, как чтение, наилучшим образом соответствующее их полу и образованию, гораздо более поучительное, чем их обычные книжки ради забавы, гораздо более развлекательное, чем те серьезные сочинения, которыми забиты их шкафы»[692]. Только женщина, которая знакома с историей ее собственной страны и античных Греции и Рима может поддержать приятную и осмысленную беседу в обществе. Более того, история обеспечивает самый лучший способ «познакомиться с человеческими деяниями не умаляя ни в малейшей степени самых деликатных чувств добродетели». Что же на самом деле может дать нам руководство в реальной жизни. Поэзия? Поэты «часто становятся защитниками порока». Философия, которая по большей части, редко имеет дело с чувствами и страстями? Только историки – они «одни истинные друзья добродетели»[693]. Как истинный друг добродетели, конкурирующий с романистами, Юм сознательно стремился «вызвать слезу» у читателя рассказом о казни Карла I. Несомненно, в этом он преуспел: у нас есть

---

[690] См.: *Christensen J.* Practicing Enlightenment: Hume and the Formation of a Literary Career. Wisconsin, 1987.

[691] To William Strahan, 1773 / The Letters of David Hume, ed. J. Y. T. Greig, 2 vols. Oxford, 1932. Vol. 2. P. 269.

[692] To Catherine Macaulay, 1764 / New Letters of David Hume … P. 80–82.

[693] *Hume* D. Of the Study of History. L., 1741; withdrawn after 1760 / *Hume D.* Essays Moral, Political, and Literary, ed. E. F. Miller. Indi-anapolis: Liberty Classics, rev. ed., 1987. P. 1, 5, 7, 563, 566–567.

письма от его поклонниц, свидетельствующие о том, как его история вызывала их страсти и чувства[694]. Здесь уместно упомянуть об «Истории» Кэтрин Маколей, имевшей огромный успех у читательской публики в 60-е годы XVIII в.

Таким образом, уже в 1757 году Юм мог утверждать, что история – «наиболее популярный вид чтения среди всех прочих»[695], а в 1770 году: «Я верю, что наш век – это век истории, а шотландцы – историческая нация»[696]. Юм и его друг Уильям Робертсон внесли наибольший вклад в популяризацию истории, особенно написанной шотландцами для английских читателей[697]. Юм получил беспрецедентный гонорар за свою «Историю», в целом не менее 3200 фунтов[698]. Однако он рассчитывал на больший успех, считая, что рынок для исторических книг был потенциально очень широк, и полагал, что его книга недостаточно хорошо продается[699]. Однако в последние годы жизни Юм мог спокойно констатировать, что в Англии «… история – излюбленный вид чтения»[700].

Юм рано разглядел центральную роль истории в современном ему обществе. Он долго вынашивал мысль написать историю и руководствовался убеждением, что почетное место историка на английском Парнасе пока вакантно. По мнению Юма, предшествующим историкам, даже наиболее почитаемому из них Полю де Рапин-Туайяру, не достает «стиля, суждений, беспристрастности и деликатности»[701]. Только современный историк мог надеяться возместить эти недостатки. В 1741 году Юм писал: «Первое прозаическое произведение (на английском языке – *B.B.*), которое отличает

---

[694] См.: The Letters of David Hume …Vol. 1. P. 210, 222, 344; Vol. 2. P. 347, 366–367.

[695] To William Strahan, 1757 / The Letters of David Hume... 1932. Vol. 1. P. 244.

[696] To John Clephane, 1756 / The Letters of David Hume... 1932. Vol. 2. P. 230.

[697] *Fearnley-Sander M.* Philosophical History and the Scottish Reformation // Historical Journal. № 33. 1990. P. 323–338.

[698] См.: The Letters of David Hume.... 1932. Vol. 1. P. 193, 255, 266, 314.

[699] См.: Ibid. Vol. 2. P. 106, 229, 233, 242.

[700] To Hugh Blair, 1756 / The Letters of David Hume… Vol. 2. P. 196.

[701] To John Clephane, 1753 / The Letters of David Hume... 1932. Vol. 1. P. 170. Первый том «Истории Англии» Рапина появился в 1724 г., и сразу в английском переводе в 1725 г. См.: *Rapin de P.* L'Histoire d'Angleterre. Hague: Durand and Dupard. 1724.

изысканный слог, было написано человеком (Свифтом), который все еще жив»[702]. Таким образом, в современном ему британском пространстве не наблюдалось примеров для подражания. Хорас Уолпол полагал, что стиль Юма сложился под влиянием Вольтера, но «Век Людовика XIV» Вольтера вышел не ранее 1751 года.[703] Образцами для Юма стали более отдаленные во времени авторы. Он говорит нам, что писал «наподобие древних», по меньшей мере, это относится к форме коротких рассказов[704]. Скорее всего, именно «Анналы» Тацита были примером для него, именно у него Юм перенял манеру описания различных типов людей в переломные моменты истории. Таким образом, жанр продуманного короткого рассказа Юм заимствовал у своих любимых античных авторов.

Его личные предпочтения проявляются в апологии определенного круга авторов: «Я был соблазнен примером всех самых лучших среди новых историков, таких как Макиавелли, Фра Паоло, Давила, Бентивольо; хотя практика ссылок возникла позже того времени в котором они жили, но предложенная однажды, она стала теперь обязательной для каждого писателя»[705]. Макиавелли был самым старшим из них, он родился в 1469 году. Самым молодым – Бентивольо, который умер в 1644 году. Особенно высоко Юм ценил вклад Фра Паоло Сарпи (1552–1623) в развитие новых историографических практик. Адресная аудитория «Истории Тридентского собора» (1619) Фра Паоло была намного шире круга венецианских политиков. По мнению Юма, анализом перипетий споров на Триденском соборе Фра Паоло разрушил веру образованной публики во Вселенский собор как выразителя «воли Господней». Его сочинение было восхитительным примером исторического анализа, столь эффективного, как считал Юм, что католическая церковь никогда больше не сможет созвать новый Вселенский Собор. Таким образом, Сарпи смог оказать влияние на ход

---

[702] *Hume D.* Of Civil Liberty (1741) … 1987. P. 8, 91.
[703] To the Abbe Le Blanc, 1755 / The Letters of David Hume... 1932. Vol. 1. P. 226.
[704] To John Clephane, 1753 / The Letters of David Hume... 1932. Vol. 1. P. 170.
[705] To Horace Walpol, 1758 / The Letters of David Hume... 1932. Vol. 1. P. 284.

истории. Не исключено, что Юм надеялся на подобный результат в своем предприятии[706].

Никола Макиавелли, Сарпи, Энрико Давила («Historia delle guerre civili di Francia», 1630), и Гвидо Бентивольо («Della guerra di Fiandra», 1632–1639) – все находились под сильным влиянием Тацита. Все они были итальянцами, принимали активное участие в политической жизни и писали о событиях, которые были живы в памяти современников. Для них история имела практическую значимость в объяснении того, как функционирует политическая власть и необходимым средством для образования тех, кто планировал принять участие в политической жизни. Их аудитория определялась представителями политической элиты. Для того, чтобы стать таким же историком как они, Юм намеревался обзавестись соответствующими политическими и юридическими знаниями в период службы у генерала Сент Клера в 1748 г.[707] Но История Юма, в том виде как она в конце концов была написана, мало внимания уделяет интригам двора и воинской доблести. Он рассматривает события, прежде всего, с точки зрения умного стороннего наблюдателя, но не участника, и предлагает своим читателям занять такую же позицию. Юм для своей «Истории» искал новую читательскую аудиторию: не политиков, не антикваров, а тех, кто хотел участвовать в обсуждении проблем текущей жизни. Это придавало историческому тексту новую роль: пересказ уже некогда рассказанной истории. Значительный вклад в формирование нового круга читающей публики, по-видимому, внес журнал «The Spectator» Аддисона и Стилла, на страницах которого кристаллизовалась модель морально-политического эссе. Именно этого ожидал вдумчивый читатель, в котором так был заинтересован Юм. Можно предположить, что для английских читателей второй половины восемнадцатого века «История» Юма была неким подобием романа, умным досужим чтением.

---

[706] *Wootton D.* Paolo Sarpi: Between Renaissance and Enlightenment. Cambridge, 1983.

[707] To James Oswald Dunnikier / The Letters of David Hume…1932. Vol. 1. P. 109; To Henry Home / New Letters of David Hume... 1954. P. 23.

Особо надо сказать о формировании в этот период нового отношения к *анализу исторических источников*. Незадолго до того, как Юм задумывал свой труд, французский историк Шарль Роллен опубликовал «Римскую историю» («Histoire Romaine») 1738–1741 в девяти томах. Это была одна из первых попыток переписать историю древнего Рима для современной аудитории[708]. До этого любой, кто хотел изучать римскую историю, должен был прямо обращаться к чтению великих историков древнего Рима: Гая Саллюстия Криспа (86–35 гг. до н.э.), Тита Ливия (59 г. до н.э.–17 г. н.э.) и Тацита (56–120 гг. до н.э.). Подобная практика распространялось и на английскую историю. В письме Хорасу Уолполу Юм пишет, что «лучше зародить сомнение, чем поучать; разве является излишним переписывать английскую историю, или публиковать что-то по вопросу, о котором ранее уже шла речь в печати?». Более того, Юм настаивает на том, что по каждому сколько-нибудь значимому историческому сюжету накопилось так много материала, что задача историка – просеять его: «Подлинники, которые повествуют нам о царствовании Елизаветы I, потребуют шесть месяцев чтения со скоростью десять часов в день»[709]. Историк, таким образом, дает краткое изложение событий и стремится сформулировать их суть, содержание. Именно так поступал Юм в своей «Истории» и в этом был залог ее поразительного успеха. Его труд выдержал семь полных изданий при его жизни, и еще 175 за сто лет после его смерти[710].

Успехом у читателей благодаря краткости изложения пользовалась именно его история гражданской войны середины XVII в., а не труд великого историка и государственного деятеля той эпохи Эдварда Гайда, лорда Кларендона. Хотя именно он, а не Юм, воплотил традиционный идеал историка – интеллектуального участника событий, которые он описывает.

---

[708] *Rollin C.* Histoire romaine depuis la fondation de Rome jusqu'à la bataille d'Actium. P., 1730–1738; Английский перевод начал выходить в 1739 г.

[709] To Horace Walpol, 1758 / The Letters of David Hume… 1932. Vol. 1. P. 285.

[710] *Berman D.* David Hume on the 1641 Rebellion in Ireland // Studies: An Irish Quarterly. Review. № 65. 1976. P. 101–112, 110; David Hume: Philosophical Historian. Ed. by *D. F. Norton* and *R. H. Popkin*. Indianapolis, 1965. P. 109, 413–417.

Юма настаивал на том, что большинство людей при чтении первоисточников могли «получить очень смутное представление о событиях». Проблема была не столько в количестве материалов, сколько в трудности их осмысления: «Поэтому утверждение, что обилие исторических памятников заменяет создание истории, кажется не намного убедительней, чем призыв не строить дом около каменного карьера»[711]. Таким образом, по мысли Юма, труды современников описываемых событий уже не должны больше рассматриваться как самодостаточные «истории» – они только исторические источники, материал для историка.

К этому времени уже существовала достаточно хорошо известная литература по тем аспектам методологии истории, которые так интересовали Юма. Основополагающим текстом этого круга было сочинение двух богословов-янсенистов Антуана Арно и Пьера Николя «Логика, или Искусство мыслить»[712], впервые анонимно опубликованное в 1662[713]. В этой работе Арно фактически открывает современную теорию вероятностей, утверждая, что ряд, казалось бы, несхожих «дел» – азартные игры, проверка подлинности документов в суде, вера в чудеса – были одинаково относительны в философском смысле, потому что во всех этих случаях присутствует допущение вероятности. Историки, когда они сообщают нам о том, что Святой Августин был свидетелем чуда, согласны верить этому свидетельству, несмотря на невероятность описываемых событий: непререкаемая репутация Августина, казалось бы, исключает обман, заблуждение или ошибку.

В своем сочинении Арно сформулировал правила, которым историку нужно руководствоваться на практике при оценке свидетельств. Если свидетельства нескольких независимых очевидцев совпадают, то им следует

---

[711] To Horace Walpol, 1758 / The Letters of David Hume… 1932. Vol. 1. P. 285.

[712] См.: *Arnauld A., Nicole P.* La logique, ou L' art de pensei. P., 2011; *Арно А., Николь П.* Логика, или Искусство мыслить. М., 1991.

[713] *Wootton D.* Hume's 'Of Miracles': Probability and Irreligion // Studies in the Philosophy of the Scottish Enlightenment, ed. M. A. Stewart. Oxford, 1990. P. 191–229.

отдавать предпочтение перед теми свидетельствами, что им противоречат. Свидетельствам непосредственных участников и очевидцев нужно доверять больше, чем информации из вторых рук. Непосредственным следствием этих умозаключений янсенистов было снижение авторитета устной традиции. Подобная точка зрения формировалась в протестантской историософии такими мыслителями как Джон Локк и другими, которые показывали, что и католическое, и протестантское богословие базируются на одной и той же традиции[714].

Новая (в основном французская) литература в отношении критики исторических источников поставила ряд ключевых вопросов, которые в свою очередь стремился решить Дэвид Юм. Одним из принципиальных был следующий. Как можно доверять «Запискам о Галльской войне» Юлия Цезаря и другим подобным документам, если они передавались в рукописной традиции? Можем ли мы быть уверенными в точности передачи информации летописцами? По древнему периоду истории вообще в этом смысле до нас не дошел ни один источник. В «Трактате о человеческой природе» Юм делает заключение о том, что этот скептический аргумент только вводит в заблуждение: летописцам и печатникам, как правило, можно доверять[715]. Самым авторитетным автором (наверняка известным Юму) в этой области был Николя Фрере, чьи «Размышления» (1729)[716] были ответом на скептические аргументы его друга Жана Левека де Пуйи[717]. Фрере настаивал на том, что мы можем доверять таким историкам как Тит Ливий, даже в том случае, когда не можем проверить их показания по независимым источникам.

---

[714] *Woolf D.* The 'Common Voice': History, Folklore and Oral Tradition in Early Modern England // Past and Present, 120. 1988. P. 26–52; *Wootton D.* Hume's 'Of Miracles': Probability and Irreligion // Studies in the Philosophy of the Scottish Enlightenment, ed. M. A. Stewart. Oxford, 1990. P. 198, 222–223.

[715] *Hume D.* A Treatise of Human Nature (first published 1739–1740). Oxford, 2007. Book 1. Part 3. Section 13. P. 6; *Юм Д.* Трактат о человеческой … Т. 1. С. 68–70.

[716] См.: *Freret N.* Reflexions sur 1'etude des anciennes histoires et sur le degre de certitude de leurs preuves. P., 1729.

[717] *Pouilly de Levesque J.* Dissertation sur l'incertitude de l'histoire des premiers siècles de Rome. P., 1723.

Его аргумент заключался в том, что древние историки имели доступ к источникам не дошедшим до нас[718].

Однако такое заявление заставило Фрере сделать оговорки в отношении Тита Ливия, который свободно пишет о необычных явлениях природы и даже чудесах. Фрере приходит к заключению, что нам следует скептически относится к первым, не доверять – вторым, но можно смело полагаться на оценки Ливия в отношении военных и политических событий. В эссе «О чудесах» Юм выступил в защиту систематического скептицизма в отношении подобных «чудесных» сообщений со сходных с Фрере позиций. Это эссе сосредоточено на вопросе относительности сведений источников по древней истории. Он считал, что безупречное свидетельство очевидцев является единственным аргументом в пользу «свершившегося чуда». Кроме того, это «чудо» нужно соотнести с естественным ходом вещей, определенным самой природой. Таким образом, «внешняя» и «внутренняя» логика доверия к историческим источникам будут идеально сбалансированы. К примеру, в отношении «чудес» первых веков христианства следует помнить, что христианские писатели были заинтересованными свидетелями и их свидетельства нельзя принимать за чистую монету. И что очень важно, по мысли Юма, «внутренняя» логика доказательности всегда преобладает над «внешней».

В своем блестящем эссе «О многочисленности народов древности» (впервые опубликовано в 1752 г.), Юм демонстрирует проницательность в критике исторических источников. Он находит в надежных источниках по древней истории упоминание о городах с огромным количеством населения или о сражениях с участием «неисчислимых» армий. Казалось бы, здесь легко сделать вывод, что древний мир был гораздо более густонаселенным, чем современный ему. Однако он решил доказать, что это суждение по своей сути является невероятным, исходя из «внутренней» логики: у рабов было

[718] *Wootton D.* Hume's 'Of Miracles': Probability and Irreligion // Studies in the Philosophy of the Scottish Enlightenment, ed. M. A. Stewart. Oxford, 1990. P. 200–203.

мало возможностей размножаться и воспитывать детей; массовые убийства и разрушительные войны были обычным явлением; небольшое территориальное пространство городов было несоразмерно с заявленной в источниках численностью народонаселения; примитивность экономики древних обществ свидетельствует об их неспособности к поддержанию жизнедеятельности большого количества людей. Таким образом, посредством синтеза различных типов суждений и доказательств, извлеченных из огромного круга источников, Юм показал, что сообщения источников по численности народонаселения в древний период были совершенно ненадежными. К такому же умозаключению можно прийти в отношении свидетельств о чудесах, где будет работать своя система доказательств о их маловероятности. Развернутая аргументация Юма явно переросла рамки антикварианизма: он убедительно доказывал, что современная цивилизация превосходила в своем развитии древние цивилизации. Юм вышел победителем из дискуссий с Робертом Уоллесом по вопросу о восходящем и нисходящем характере развития человеческой цивилизации. Юм придавал историческому процессу прогрессивный характер и констатировал постепенное улучшение человеческой жизни[719].

Еще один аспект мировоззренческой позиции Юма как историка. Речь идет о понимании им *значимости истории в текущей политической ситуации*. Его «История Англии» была призвана развенчивать мифы о прошлом, что имело решающее значение для современных Юму дебатов между вигами и тори, а также между протестантами и католиками. Общим в политических дебатах, так же как и конфессиональных спорах, было обращение к прошлому, опора на исторические «прецеденты». Назначение истории Юм видел в разрешении этих спорных вопросов посредством беспристрастного внепартийного анализа авторитетных исторических источников. Детальное рассмотрение соответствующих интерпретаций

[719] См.: *Jones R. F.* Hume on the Arts and «The Standard of Taste»: Text and Context / The Cambridge Companion to Hume. Ed. By *D. F. Norton* and *J. Taylor*. 2 ed. Cambridge, 2009. P. 414–447.

историком, полагал Юм, поможет разумному человеку не ставить под сомнение очевидные ценности и руководствоваться ими как в повседневной, так и политической жизни. Он также считал важным развенчание риторики политических экстремистов (например, в случае с радикалом Дж. Уилксом). Юм определил три эпизода в современной ему исторической мифологии: «Есть действительно три события в нашей истории, которые можно рассматривать как пробные камни для политика. Английский виг, который настаивает на реальности папистского заговора, Ирландский католик, который отрицает резню 1641 года, и Шотландский якобит, который придерживается точки зрения о невиновности королевы Марии … если посмотрят на эти факты как обычные люди, то они будут вынуждены оставить свои предрассудки»[720].

Одним из самых ярких примеров политической пропаганды в английской истории стало сочинение «Basilike Eikon»[721], духовная автобиография, приписываемая предположительно Карлу I и изданная сразу после его казни в 1649 г. Король здесь изображен как благочестивый, честный человек, заботящийся о благополучии своих подданных. Небывалый успех этого сочинения сыграл значительную роль в возвращении Стюартов в 1661 году. Но разве это сочинение, вопрошает Юм, действительно дает представление о тайных замыслах короля, или может быть это была, как многие утверждали, лицемерная стряпня роялистского священника доктора

[720] *Hume D.* The History of England (first published 1754-62), 6 vols. Indianapolis: Liberty Classics. 1983. Vol. 4. P. 395. Папистский заговор, или дело Титуса Оутса – воображаемый заговор католиков с целью убить короля Карла II и ввести католицизм в Англии, является примером антикатолической истерии в 1678–1681 гг. и гонений на католиков. Несколько тысяч протестантов были убиты во время Ирландского восстания осенью 1641 г. и более десятка тысяч изгнаны из Ирландии, карательная компании Кромвеля 1649 г. в Ирландии рассматривалась протестантами как акт мести. Королева Шотландии Мария Стюарт, мать короля Англии Якова I, была замешана в убийстве своего второго мужа, лорда Дарнли.

[721] См.: The Eikon Basilike. The Pourtrature of His Sacred Majestie in His Solitudes and Sufferings. 1649.

Гоудена[722]? Юм, хотя и симпатизировал Карлу I, проявлял заинтересованность в поиске адекватного ответа на вопрос об авторстве этого произведения: «Доказательства, написал или нет король это сочинение, в равной степени настолько убедительны, что если беспристрастному читателю посмотреть на противоположную точку зрения с одной из сторон, он будет думать, что невозможно привести более убедительных аргументов и доказательств. И когда он сравнит эти точки зрения, он будет некоторое время в замешательстве, чтобы определиться. Если абсолютное решение найти трудно или оно разочарует нас в таком интересном вопросе, я должен признаться, что я очень склонен отдавать предпочтение аргументам роялистов. Свидетельства, которые они приводят в пользу авторства короля, являются более многочисленными, определенными и прямыми, по сравнению с аргументами противоположной стороны. Это даже в том случае, если мы берем во внимание внешние доказательства. Но когда мы взвешиваем внутренние доказательства, вытекающие из анализа стиля и композиции (сочинения – *B.B.*), нет сомнения. Эти размышления ... так не похожи на напыщенный, бестолковый, риторический и ангажированный стиль доктора Гоудена, которому они приписываются, что, кажется, ни одно человеческое суждение не убедит нас в том, что он был их автором»[723].

Здесь Юм показывает реальную историографическую ситуацию, когда две конфликтующие линии убедительных доказательств находятся в идеальном равновесии. Хотя впервые он обращает внимание на подобную ситуацию в эссе «О чудесах». Как там, так и здесь, Юм продолжает настаивать на превосходстве «внутренней» критики над «внешней»: в одном случае, невероятность «чудес» житийной литературы, противоречащих законам природы, а в другом – невероятность того, что стиль доктора Гоудена мог так преобразится. Такие доказательства могут быть настолько

---

[722] *Trevor-Roper H.* «Eikon Basilike»: The Problem of the King's Book / Trevor-Roper H. Historical Essays. New York, 1966. P. 211–220.

[723] *Hume D.* The History of England. 6 vols. Indianapolis: Liberty Classics. 1983. Vol. 5. P. 547–548.

сильны, что никакие противоположные свидетельства не опровергнут их. Доказательства невероятности авторства доктора Гоудена были точно также сильны, как доказательства невероятия чудес. Юм показывает и убеждает, что неподготовленному человеку, даже если он нашел время и силы для изучения памятников прошлого, нет смысла пускаться в толкование истории. У вступающего в спор должна быть надлежащая подготовка, владение историческим методом и понимание философских принципов, используемых в оценке существующих доказательств.

Такое понимание «работы» историка Юмом вытекало из его *представления о развитии человеческой истории*. Да, Дэвид Юм обратился к написанию истории, отчасти, намереваясь достичь литературной славы, о чем он говорит в своей автобиографии. Хотя едва ли это был его главный мотив. Многочисленные эссе Юма уже принесли ему известность. Сильным его желанием было исследовать посредством исторического нарратива философские, политические и моральные вопросы, которые лежали в основе его предыдущих морально-этических и философских изысканий. Что нового хотел донести до своих читателей Дэвид Юм? Свое представление о *теории исторического процесса*. Наиболее авторитетными авторами в этом вопросе для Юма были Дж. Гаррингтон, Ш.-Л. Монтескье и Ж. Тюрго.

Джеймс Гаррингтон (1611–1677) был важной фигурой для Юма в анализе английской истории по следующим обстоятельствам. Во-первых, он написал философско-политический трактат «Республика Океания»[724], в котором дал описание «идеального» государства всеобщего благоденствия (*англ.* commonwealth). Это государство, покоящееся на принципах свободы, может и должно быть создано людьми, говорит Гаррингтон. Исходя из «эталона идеального государства» можно формировать будущее и «проинспектировать» английскую конституцию восемнадцатого века, полагал Юм. Во-вторых, Гаррингтон считал, что на основе концепции идеального государства, основанного на принципах личной выгоды, он

[724] См.: *Harrington J.* The Commonwealth of Oceana. L., 1656.

создал новую науку о политике. Хотя он признавал, что в этом отношении он был многим обязан Макиавелли и Гоббсу. В-третьих, он пришел к выводу, согласно которому политический кризис середины семнадцатого века в английской истории был неизбежным результатом предшествующего достаточно длительного периода социальных изменений. В-четвертых, адепты Гаррингтона после Реставрации подвергали постоянной критике два аспекта текущей политики Великобритании: развитие профессиональной или «регулярной» армии, и увеличение доходов короля и королевской бюрократии, что вело к усилению влияния короны на политический процесс и разрастанию взяточничества и коррупции.

Юм занимался всеми четырьмя аспектами концепции Гаррингтона и его интерпретаторов[725]. В эссе «Идея совершенного государства» (*англ*. «Idea of a Perfect Commonwealth*»,* 1752), он симпатизирует модели идеальной республики Гаррингтона, а также предлагает ее улучшение. В сочинениях «О том, как политика может стать наукой» (*англ*. «That Politics may be reduced to a Science», 1741) и «Независимость парламента» (*англ.* «The Independency of Parliament», 1741) он разделяет позицию сторонников Гаррингтона, что политические институты были созданы людьми в соответствии с их интересами. Это позволяет судить о поведении людей в принципе, и прогнозировать, исходя из этого, политические решения. Данный прогноз основан на убеждении, что люди всегда действуют из эгоистических побуждений. Ключ к политике, таким образом, лежит в первую очередь в изучении институтов, а не поведения людей, – хорошо организованные институты заставят людей придерживаться лучшего поведения и разумной общественной организации. В эссе «О порядке наследования протестантской династии» (*англ.* «Of the Protestant Succession») он в целом разделил оценку Гаррингтона социальных изменений, которые объективно способствовали усилению влияния палаты общин к середине семнадцатого века. Однако, в

[725] *Moore J.* Hume's Political Science and the Classical Republican Tradition / Canadian Journal of Political Science. № 10. 1977. P. 809–839

эссе «Независимость парламента» он стремился показать, что Гаррингтон был не прав, когда говорил о необходимости отмены монархии. Наконец, в вопросе «склоняется ли английское правительство больше к абсолютной монархии или республике», он разделял оценку неогаррингтонианцев о растущей мощи короны.

Юм всегда был критичен по отношению к Гаррингтону, но оставался его доброжелательным критиком[726]. В «Океании» Гаррингтон первым пришел к выводу о том, что перераспределение земельной собственности в XVI – начале XVII в. привело к перераспределению налогового бремени и военных обязательств. Это, в свою очередь, вызвало политический конфликт середины XVII в. Идеи Гаррингтона требовали расширения представлений о собственности – наряду с земельной собственностью он предлагал учитывать коммерческие доходы. В этом можно обнаружить зарождение экономического детерминизма. Юм в свою очередь приходит к убеждению, что коммерческая деятельность обладает цивилизующей функцией, он формулирует экономическое объяснение прогресса и свободы. Адам Смит считал, что этот аргумент можно найти в «Истории» Юма, о чем писал в своем главном сочинении «О богатстве народов»: «Торговля и мануфактуры постепенно вводят порядок и хорошее управление, а с ними свободу и безопасность личности среди жителей страны, которые до этого жили почти всегда в постоянном состоянии войны со своими соседями и в рабской зависимости от своей знати. Это, хотя данный процесс трудно увидеть воочию, на сегодняшний день является наиболее важным из всех последствий (развития торговли и мануфактур – *В. В.*). Мистер Юм является единственным писателем, кто, насколько я знаю, до сего времени обратил на это внимание»[727]. Юм уже в 1741 г. написал: «Вплоть до минувшего столетия

---

[726] *Hume D.* Of the First Principles of Government (1741) / *Hume D.* Essays Moral, Political, and Literary, ed. E. F. Miller (Indianapolis: Liberty Classics, rev. ed.1987. P. 32–37.

[727] *Smith A.* An Inquiry into the Causes of the Wealth of Nations … P. 413; *Stockton C. N*. Economics and the Mechanism of Historical Progress in Hume's History / Hume: A Re-evaluation. ed. D. W. Livingston and J T. King. New York, 1976. P. 296–320.

торговля никогда не рассматривалась как государственное дело, и едва ли есть хоть один политический писатель древности, который касается ее. Даже итальянцы сохранили глубокое молчание в этом вопросе, хотя торговля сейчас занимает центральное место как для государственных министров, так и (для простого человека – *B. B.*) в связи с возможностью сделать состояние. Огромное богатство, величие и военные достижения двух морских держав [Англии и Голландии], кажется, стали первыми примерами значимости в человеческой истории обширной торговли»[728].

Таким образом, взявшись за перо практически век спустя после Гаррингтона, Юм придавал коммерции гораздо большее значение. Одна из магистральных тем «Истории Англии» и ряда его эссе – проследить, как коммерческая экспансия Англии влияла на рост богатства и величия страны. По мысли Юма здесь порядок причинности был следующий – необходимость развития торговли и коммерции неизбежно вела к расширению политических свобод[729]. Прогресс человечества, замечал Юм, был в частности связан с развитием денежного хозяйства. Именно денежное обращение в городах сделало личную зависимость от синьора анахронизм, здесь лорды не видели смысла ее сохранять; а рост личной свободы «проложил путь к расширению политических или гражданских свобод»[730]. Юм хорошо представлял глубокую связь экономического развития с общим ходом истории и способствовал формированию экономического объяснения истории. Юм, как и Гаррингтон, видел в подъеме джентри главную причину сдвига в балансе социальных сил, что в свою очередь подтачивало положение монархии в первой половине семнадцатого века. Если гаррингтонианский характер его анализа не всегда очевиден, то это потому, что Юм видит в подъеме джентри объяснение не гражданской войны, а конституционной революции, которая предшествовала гражданской войне. Только длительными социальными изменениями (в сочетании с тем фактом, что только в парламенте как органе

[728] *Hume D.* Of Civil Liberty (1741) … 1987. P. 2, 88–89.
[729] См.: *Hume D.* Of Civil Liberty (1741) … 1987. P. 6, 10, 17–19, 92–93, 113, 265–266.
[730] *Hume D.* The History of England … Indianapolis. 1983. Vol. 2. P. 524.

институционального характера эти изменения могли найти свое политическое выражение) можно объяснить события 1640–1641 гг. Гаррингтон рассматривал казнь короля как естественный результат предшествующего политического процесса. Юм же объяснял неспособность парламента прийти к соглашению с королем только религиозным фанатизмом коммонеров.

Влияние идей Монтескье (1689–1755) на концепцию исторического развития Юма не представляется столь очевидным по той простой причине, что он высказывает суждения сходные с идеями главного сочинения Монтескье «О духе законов» (1748) совершенно независимо[731]. В одном принципиальном вопросе он не согласен с Монтескье. В эссе «О национальных характерах» («Of National Characters», 1748) он опровергает точку зрения Монтескье о роли климата в формировании политической и культурной жизни народов. Конечно, не исключено, что Юм мог знать что-то из аргументов «О духе законов» до их публикации[732]. Оба выстраивают троичную типологию политических режимов: деспотия, гражданская монархия и конституционный строй (наподобие английского, основанного на принципах свободы). Англия является для них обоих редчайшим примером свободы, когда-либо существовавшей в мире. Оба используют слово «свобода» в нескольких смыслах, но в первую очередь связывают его с «личной» или «гражданской» свободой, когда представительное правление служит средством ее обеспечения[733]. Монтескье определил «политическую свободу» как «то спокойствие духа, которое проистекает из убеждения, что каждому обеспечена его безопасность; эта свобода должна быть обеспечена правительством так, чтобы один гражданин мог не бояться другого

---

[731] *Montesquieu C.-L. de Secondat, baron de.* The Spirit of the Laws. trans, and ed. A. M. Cohler and others. Cambridge, 1989. P. 18, 22, 156–166, 197, 325–333, 388, 456, 608.

[732] *Chamley P. E.* The Conflict between Montesquieu and Hume / Essays on Adam Smith. Ed. By *A. S. Skinner and T. Wilson*. Oxford, 1975. P. 274–305.

[733] *Miller D.* Philosophy and Ideology in Hume's Political Thought. Oxford, 1981. P. 148–149; *Forbes D.* Hume's Philosophical Politics. Cambridge, 1975. P. 125–192.

гражданина»[734]. Юм писал: «Правление, которое, по общему заключению, получает наименование свободного, это такое, при котором проведено разделение властей…, чья соединенная власть не меньше, или обычно больше, чем у любого монарха; но кто, в обычном управлении, должен руководствоваться общими и равными для всех законами, которые были ранее известны всем членам и по всем этим вопросам. В этом смысле, должно быть признанно, что свобода является наивысшим проявлением гражданского общества»[735].

Таким образом, оба считали ключевым моментом английской свободы установление принципа разделения полномочий между законодательной и исполнительной властями. Оба придавали большое значение следующим необходимым конституционным элементам: Хабеас корпус акт, независимая судебная система, суд присяжных заседателей, свобода прессы в качестве одного из гарантов свободы. Конкурирующие интересы законодательной и исполнительной власти обязательно должны создать конфликтующие партии в поддержку различных интересов. Эти партии неизбежно будут стремиться переписать историю, чтобы оправдать свою политику[736]. Наконец, оба – и Монтескье, и Юм считали характерной чертой эволюции английской истории, начиная с норманнского завоевания, борьбу феодалов за власть, которая проложила дорогу деспотизму. Оба были согласны в том, что в Англии никогда не было гражданской монархии, отчасти потому, что оная зависит от сильного дворянства, в то время как английская знать была чрезвычайно слаба до появления сильной монархии.

Сочинение Монтескье «О духе законов» напоминает нам о центральной проблеме, с которой столкнулся Дэвид Юм при написании своей «Истории». Классические модели исторического письма того времени

---

[734] *Montesquieu.* The Spirit of the Laws … 1989. P. 157; To William Strahan, 1772 / New Letters of David Hume … P. 196.

[735] *Hume D.* Of the Origin of Government (1777) / Hume D. Essays Moral, Political, and Literary, ed. E. F. Miller. Indi-anapolis: Liberty Classics, rev. ed., 1987. P. 7, 40–41.

[736] To President De Montesquieu, 1749 / The Letters of David Hume… 1932. Vol. 1. P. 138.

счуществовали почти исключительно в виде повествовательного нарратива. Монтескье, однако, показал, что можно было анализировать конституции и культуры в виде «идеального типа», целостного образа. В самом деле, он должен был это делать, если хотел представить предмет своего внимания в целостности и понять логику его развития. По той же самой причине Юму приходилось делать пространные отступления, объясняя характер конституции (например, пассажи о достижениях в области искусства и науки), которые выходили за рамки традиционного повествования. В более поздних изданиях «Истории» он переместил часть из них в сноски[737]. Юм понимал, что конституционные институты и практики имеют решающее значение для объяснения исторического развития народов, однако он никогда не шел так далеко как Монтескье, чтобы пытаться объяснять события политической жизни достижениями в культуре. Юм никогда не заявлял о существовании единого духа нации, пронизывающего все аспекты его жизни в определенную эпоху.

Взгляды Тюрго (1727–1781) на исторический процесс, в отличие от Гаррингтона и Монтескье, не оказали, по-видимому, никакого влияния на Юма. Интерес представляют его реакции на сочинение Тюрго «О всеобщей истории» («Discours sur l'histoire universelle», «On Universal History», 1751). Преисполненный оптимизма Тюрго утверждал, что вся история есть история прогресса. Юм же крайне пессимистично оценивал события в Англии – радикальные требования «свободы» Уилксом – в письме Тюрго в 1768 г.: «Я знаю, вы один из тех, кто способен занять (читателя – *В. В.*) приятно и похвально, если бы не слишком оптимистичная надежда, что человеческое сообщество находится в постоянном движении вечного Прогресса на пути к совершенству ... Молитесь, не видите ли некоторые противоречия в последних событиях в этой стране (Англии – *В.В.*) вашей системе?». Юм был убежден, что опасная политика – прежде всего рост государственного долга – может поставить под угрозу мир и цивилизацию. Он даже не был убежден в

[737] To William Robertson, 1759 / The Letters of David Hume... 1932. Vol. 1. P. 294.

том, как полагал Тюрго, что «с момента открытия книгопечатания нам больше не нужно боятся возвращения варварства и невежества»[738]. Напротив, читая первый том Эдварда Гиббона «Закат и падение Римской империи» (1776), Юм высказал суждение о «признаках упадка» в Англии, где «распространены предрассудки ... предсказывают падение философии и нравов»[739]. Он предвидел «новое и внезапное нашествие невежества, суеверия и варварства»[740]. Уверенность Тюрго в том, что прогресс был гарантирован провидением, по-видимому, казался Юму изощренным интеллектуальным предрассудком. Ему был больше по душе «Кандид» Вольтера (1759): «Он полон веселья и непристойностей, и на самом деле эта сатира на Провидение, под предлогом критики системы Лейбница»[741]. История сама по себе, по мнению Юма, не предусматривает никаких оснований для какой-либо веры в провидение, даже в виде секуляризованной веры в неизбежность прогресса.

Что же до содержания «Истории» Д. Юма, как показано в предшествующих главах, он не оригинален в подаче британской истории до XVII века, которой будет уделено внимание в последнем параграфе этой главы. Заслуга его заключается в создании светского нарратива и опускании антикварных «занудностей». Юма предстает в его «Истории Англии» как последователь неоклассической философской истории в духе Тацита с претензией писать «sine ira et studio». Но обратим внимание на то, что Юм говорит о своем безразличие к «нынешней власти» и «распространенных предубеждениях», что имеет мало реального сходства с беспристрастностью Тацита. Также обращают на себя четыре приложения-вставки в его «Истории». В первом томе первого посмертного издания 1778 года это «Англосаксонское правление и манеры» (*англ.* The Anglo-Saxon Government

[738] To Anne-Robert-Jacques Turgot, 1768 / The Letters of David Hume… 1932. Vol. 2. P. 180.

[739] To Edward Gibbon, 1776 / The Letters of David Hume… 1932. Vol. 2. P. 310.

[740] To the Rev. Thomas Percy / New Letters of David Hume…1954. P. 199.

[741] To Adam Smith, 1759 / New Letters of David Hume…1954. P. 53.

and Manners) и «Феодальное и англонормандское правление и манеры» (*англ.* The Feudal and Anglo-Norman Government and Manners). В четвертом томе – «Елизавета», в пятом томе «Приложение к Правлению Якова I» (*англ.* Appendix to the Reign of James I). В этих четырех «вставках» Юм дает обзор конституционного строя, нравов, торговли и искусства англосаксонского периода, англонормандского, эпохи Елизаветы Тюдор и Якова Стюарта. Как таковые они описывают четыре важных момента английской истории: англосаксонское «варварство», феодальное общество Вильгельма Завоевателя, Елизаветинский абсолютизм, и, наконец, прогресс конституции, искусств и манер, которым отмечено правление первого представителя династии Стюартов. Материал представлен в статичном виде, он не носит повествовательного характера, не имеют событийного ряда и приподнимаются над политическим нарративом, чтобы создать своего рода эскиз к истории цивилизации в Англии. Скорее всего это были попытки Юма решить трудности, с которыми он столкнулся при подаче исторического материала.

Таким образом, Юму удалось добиться признания в широких слоях британского общества и, прежде всего, среднего класса, определявшего конъюнктуру политического и культурного развития Великобритании в XVIII веке. Юму удалось актуализировать в общественном сознании представление о «прошлом» и «настоящем» славного отечества. Его востребованность была задана процессами рождения британской нации и формирования «публичной сферы» в британском обществе[742]. «Общества мысли» определяли ее формирование. Такое «общество» составляли британские интеллектуалы, сосредоточившие свои усилия на воссоздании целостной картины «национального прошлого». Несомненно, самым ярким из них был Дэвид Юм. Его вклад в развитие историзма очевиден. В его «Истории Англии», а также в ряде философских эссе поставлены и в

[742] *Айзенштат* М. П. Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М., 2009. С. 71–91.

значительной степени решены ключевые проблемы познания истории – проблема критики и интерпретации исторических источников, а также предложена непротиворечивая и продуктивная теория исторического процесса. Историографический контекст формирования концептуальных оснований «Истории» Юма позволяет сделать вывод о «неоримском» характере историософии автора. Тацит и его адепты раннего нового времени – Н. Макиавелли, Фра Паоло Сарпи, Э. Давила, Г. Бентивольо – определили высокий гражданский стиль мышления Дэвида Юма. Строго рационалистическая «логика Пор-Рояля» в сочинениях А. Арно, П. Николя, Н. Фрере, Ж. Левека де Пуйи позволила Юму мыслить «идеальными типами», и тем самым преодолеть средневековую традицию исторического повествования, отбросив без колебаний «невероятное» в прошлой истории человечества. Но при этом, в отличие от своих современников-французов Ш.-Л. Монтескье и Ж. Тюрго, он был скептиком, каждый раз показывая тонкую грань цивилизованности эгоистичной природы человека. В этом смысле история – по мысли Юма, она одна – заставляет помнить о «глубинах» человеческого грехопадения.

4.3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ БРИТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ: КЭТРИН МАКОЛЕЙ ПРОТИВ ДЭВИДА ЮМА

1760-е – 1780-е годы стали временем острейших политических дискуссий в Британии. Первые десять лет правления Георга III в центре обсуждения находился вопрос о прерогативах короля и парламента. «Бесславное» с точки зрения вигов завершение Семилетней войны поставило под удар молодого короля и спровоцировало так называемое «дело Уилкса». Понятие «свобод и вольностей» подданных данного королевства диверсифицировалось на ряд конфликтующих интерпретаций, которые сами

по себе взывали к разным «сценариям» национального прошлого. Наряду с двумя уже сложившимися политизированными концепциями – вигской и торийской – национальной истории формируется третья – левая. «История Англии» Кэтрин Маколей является тому ярким примером. Особенно это заметно в обсуждении событий Английской революции XVII века. Сравнению двух интерпретаций национальной истории на завершающем этапе Британского Просвещения мы и посвятим этот параграф.

В центре нашего внимания два британских историка середины – второй половины XVIII в. – Дэвид Юм и Кэтрин Маколей. По уже давно и прочно сложившейся традиции многотомные сочинения этих авторов по истории Великобритании рассматриваются как заглавные сочинения двух конфликтующих направлений в британской историографии – торийского и радикального[743]. И практически всегда в исторической литературе на эту тему оговаривается имманентный «вигизм» Юма и радикально-республиканские взгляды Кэтрин Маколей. Имея в виду условность данных историографических штампов, рассмотрим место и роль этой оппозиции Юм-Маколей в развитии исторических исследований XVIII века и шире, в процессе становления историзма в британской традиции историописания эпохи Просвещения.

Итак, в 1764 году два британских историка формально вступили в переписку и были взаимно вежливы в отношении их очевидных разногласий в интерпретации событий семнадцатого века в истории Англии. К этому времени Дэвид Юм уже опубликовал последние тома своей «Истории Англии от вторжения Юлия Цезаря до революции в 1688 года»[744], в то время как Кэтрин Маколей (в девичестве Соубридж, Sawbridge) только что

---

[743] См.: *Дмитриева О. В.* Радикальное направление в английской историографии века Просвещения («История Англии» К. Маколей) // Проблемы британской истории. М., 1987.; *Семенов С. Б.* Радикальный взгляд в прошлое: К. Маколей и ее «История Англии» // История и историография зарубежного мира в лицах. Самара, 1996.

[744] См.: *Hume D.* The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. 8 vols. L., 1770; первое полное издание появилось в 1762 году в 6 томах (published by Andrew Millar, Cadell's partner and predecessor).

выпустила первый том своей «Истории Англии от восшествия Якова I до Брауншвейгской династии»[745] и послала экземпляр своего труда Юму с комплиментами[746]. Он поблагодарил ее за «милый подарок», и с некоторой иронией заметил: «Я тешу себя надеждой, что мы меньше расходимся в фактах, чем в их объяснении и истолковании». Они расходятся, сказал он, «в некоторых изначальных принципах», и настаивал на том, что все формы правления, от монархии до демократии, «одинаково законны, если они установлены обычаем и авторитетом» и это означает, что «подчинение и верность являются обязательными» по отношению к законным монархам Елизавете I, Якову I и Карлу I. Да, соглашался Юм, миссис Маколей действительно является защитником свободы, но «повстанцы … дискредитировали ее [свободу – *B.B.*] своим насилием, а также своей грубостью, лицемерием и фанатизмом»[747].

В своем ответе Маколей выражает восхищение «всеми вообразимыми достоинствами столь великой интерпретации в литературной республике», и дает отповедь Дэвиду Юму. «Ваша позиция, что все правительства установленные обычаем и авторитетом несут за собой обязательства подчинения и верности, я боюсь, делает всех реформаторов неизбежно виновными, с тех пор, как возникла оппозиция, указующая на ошибки, авторитету власти…»[748]. Здесь надо отметить беспрецедентную смелость миссис Маколей, отважившуюся противостоять авторитету именитого философа и уже признанного историка. Как показано в существующей историографии, ее бойцовскую позицию определяли недавнее замужество, радикально-настроенное окружение ее мужа, а также большое общественное возбуждение по поводу восшествия на престол Георга III и свертывания

---

[745] См.: *Macaulay C.* The History of England from the Accession of James I to that of the Brunswick Line, 8 vols. L., 1763–1783.

[746] Letters of Eminent Persons addressed to David Hume. Ed. *John Hill Burton.* Edinburgh, L., 1849. P. 111–112.

[747] The European Magazine and London Review. Vol. 23. № 4. 1783. P. 331; New Letters of David Hume … 1954. P. 80–82.

[748] The European Magazine and London Review. Vol. 23. № 4. 1783. P. 331–332.

участия Британии в Семилетней войне, а также позорного, как полагали виги, Парижского мирного договора 1763 г. Жизненный путь и общественно-политические взгляды «леди Фукидид» исследованы достаточно хорошо в ряде статей и монографий[749], однако ее мастерство историка еще ждет своего исследователя.

Эта оппозиция во взглядах на английскую революцию и власть короны сохранилась до конца жизни Юма и Маколей, и достаточно хорошо исследована[750]. Но, что же касается, их карьеры как историков в значительной степени, как отмечала Н. Земон Дэвис[751], они схожи. Ни тот, ни другая никогда не преподавали историю в стенах университета. Правда, когда Юм начал обучение в Эдинбургском университете в 1723 году, здесь только что была открыта первая кафедра истории. Однако когда он двадцать лет спустя стал претендовать на звание профессора (философии, не истории), ему было отказано по подозрению в «ереси», «скептицизме» и «атеизме». Что касается Маколей, у нее вовсе не было университетского образования, поскольку женщины не допускались в Оксфорд и Кембридж. Она же в свою очередь критиковала эти заведения как просто «семинарий», где «изучению истории уделяется мало места»[752].

---

[749] См.: *Дмитриева О. В.* Радикальное направление в английской историографии века Просвещения («История Англии» К. Маколей) // Проблемы британской истории. М., 1987; Креленко. 1998: 80–89; *Аксенова Е. Ю.* Общественно-политические и исторические взгляды Кэтрин Маколей (1731–1791 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Самара, 2003. С. 5–10; *Donnelly L. M.* The Celebrated Mrs. Macaulay // William and Mary Quarterly. 3d ser. 6. Williamsburg, 1949. P. 173–207.

[750] См.: *Аксенова Е. Ю.* Ученая леди. Общественно-политические и исторические взгляды Кэтрин Маколей. Самара, 2011; *Hill B.* The Republican Virago. The Life and Times of Catharine Macaulay, historian. Oxford, 1992; *Schnorrenberg B.* An Opportunity Missed: Catherine Macaulay on the Revolution of 1688 // Studies in Eighteenth-Century Culture, Vol. 20, 1990. P. 231–240.

[751] См.: *Davis Zemon N.* History's Two Bodies // The American Historical Review. Vol. 93. №. 1. 1988. P. 1–30.

[752] *Mossner E. C.* The Life of David Hume, 2d edn. Oxford, 1980. P. 39, 44–46, 153–62; *Macaulay C.* The History of England … 1763. V. 1. P. XIV.

Что касается востребованности их трудов со стороны читающей публики, здесь также просматривается определенное сходство. История в ту эпоху была, прежде всего, литературным жанром, а не академической дисциплиной. И в середине века мало кто мог предположить, что эта сфера будет востребована читателями и процветет на издательском рынке. «История Англии» Юма, после плохих продаж первого тома, имела успех в течение десяти лет. Как он сам говорил, «приумноженные деньги, полученные мною от книготорговцев, во много раз превосходили [продажи – ВВ] любой вещи ранее известной в Англии, я стал не только независим, но и богат»[753]. «История Англии» Кэтрин Маколей продавалась очень хорошо с самого начала, получив прием, по словам одного обозревателя, «более лестный для честолюбия, чем удовлетворения [материальных – *В.В.*] интересов писателя». Книготорговцы боролись за право публиковать тома, которые она написала после выхода первого тома, и, хотя последующие тома были встречены менее восторженно, в первые годы Французской революции ее «История» была переведена на французский язык, как и «История» Юма, за три десятилетия до этого[754].

И Юму, и Маколей пришлось пережить испытание «медными трубами» в век, когда рынок продаж и литературная критика начали стирать историческую роль патрона-покровителя[755]. Журнал «The European Magazine» в 1783 году писал, что Маколей пришлось пережить «самые крайние степени выражения, как восхвалений, так и поношений, по сравнению с любой другой представительницей ее пола на литературном

---

[753] *Mossner E. C.* The Life of David Hume, 2d edn. Oxford, 1980. P. 311–316; *Hume D.* The Life of David Hume, Esq. Written by Himself. L., 1777. P. 24–25.

[754] См.: *Hume D.* Histoire d'Angleterre, depuis l'avènement de Jacques I jusqu'à la revolution. Paris, 1759–1763; *Macaulay C.* Histoire d'Angleterre, depuis l'avènement de Jacques I jusqu'à la révolution, par Catherine Macaulay Graham, traduite en français et augmentée d'un discours préliminaire, contenant un précis de l'histoire d'Angleterre jusqu'à l'avènement de Jacques I, et enrichie de notes par Mirabeau. Paris, 1791, 1792.

[755] *Braudy L.* The Frenzy of Renown: Fame and its History. Oxford, 1986. P. 361–380.

поприще»[756]. Для Маколей оскорбления были в первую очередь связаны с ее радикальными политическими взглядами и, что совершенно определенно, с ее вторым браком в 1778 году с человеком, на двадцать семь лет моложе ее. Эта свадьба была встречена валом шуточных серенад для новобрачных, памфлетов с соответствующими комментариями[757]. Юм столкнулся со сходной проблемой. В его отношении гнев публики был направлен, прежде всего, против предполагаемого безбожия его философских трудов. Неприязненная критика растянулась на десятилетия, до самого конца его жизни. Англиканские фанатики были убеждены, что он лгал, когда заявлял о своем спокойствии перед лицом смерти[758]. Вопрос заключается в том, как Юм и Маколей, находясь между славой, безвестностью и поруганиями, выстраивали свои отношения с Клио.

Юм как историк – тема, ожидающая своей генерализации в свете обилия литературы о нем как философе[759]. К слову сказать, его «История Англии» не была переведена на русский язык полностью[760]. Однако широко отмечавшийся трехсотлетний юбилей со дня рождения философа в 2011 году актуализировал многие аспекты творческого наследия Юма. Как хорошо известно, подход Юма к истории был отмечен скептицизмом: «Изучение

---

[756] The European Magazine and London Review. Vol. 23. № 4. 1783. P. 334; *Donnelly L. M.* The Celebrated Mrs. Macaulay // William and Mary Quarterly. 3d ser. 6. Williamsburg, 1949. P. 187–188; *Schnorrenberg B.* An Opportunity Missed: Catherine Macaulay on the Revolution of 1688 // Studies in Eighteenth-Century Culture, Vol. 20, 1990. P. 33–45.

[757] См.: A Bridal Ode on the Marriage of Catherine and Petruchio. 1779; A Remarkable Moving Letter. L., 1779.

[758] См.: *Mossner E. C.* The Life of David Hume, 2d edn. Oxford, 1980. P. 597–599, 621–522; *Hume D.* The Life of David Hume, Esq. Written by Himself. L., 1777.

[759] См.: *Виноградов Н.Д.* Философия Давида Юма: Этика Юма в связи с важнейшими направлениями британской морали XVII–XVIII вв. М.: УРСС. 2011; *Нарский И. С.* Дэвид Юм. М., 1973; *Барг М. А.* Юм как методолог истории // Новая и новейшая история. 1993. № 1. 70–82; David Hume. 1965; *Mossner E. C.* The Life of David Hume, 2d edn. Oxford, 1980; *Wootton D.* David Hume: «historian» … P. 447–480.

[760] См.: *Юм Д.* История Англии (Извлечения) / Юм Д. Сочинения в двух томах. Том 2. М., 1996. С. 711–735; *Юм Д.* Англия под властью дома Стюартов. В 2-х т. СПб., 2001, 2002.

истории подтверждает рассуждения истинной философии»[761]. События прошлого, известные, по крайней мере, с большей или меньшей определенностью, необходимы, по-Юму, как доказательства политических и моральных принципов. Также его подход характеризуется убеждением, что история дает возможность развития критического метода. В качестве примера можно привести его рассуждения в третьем томе «Истории» об Уорбеке Перкине (*англ.* Perkin Warbeck) самозванце, претендовавшем на английский престол во времена правления короля Генриха VII. Юм обращается к системе доказательств и аргументации сторон в исторических сочинениях XVI–XVII века по вопросу – был ли Перкин Плантагенетом[762]. В конце концов, Юм был вынужден признать, что его собственные предварительные суждения влияли на интерпретацию им фактов. Первоначально он гордился беспристрастностью своей «Истории», независимой от «нынешней власти, интересов, авторитетов, и истерии массовых предрассудков». Но, перечитывая рукопись первого тома, он понял, что его критика Якова I и Карла I в отношении взимания налогов без согласия парламента отдавала «злобой вигов». Он прошелся еще раз через весь текст, внеся «свыше ста изменений… все неизменно в пользу тори»[763]. По крайней мере, он сделал это в то время, когда виги были у власти, поэтому он не может быть обвинен в стремлении поиска покровительства или должности.

Кэтрин Маколей обратилась к истории как истинно верующий человек, как в конфессиональном, так и особенно в политическом смысле. Праведный

---

[761] *Mossner E. C.* The Life of David Hume, 2d edn. Oxford, 1980. P. 301–11; David Hume: Philosophical Historian. D. F. Norton and R. H. Popkin, eds. Indianapolis, 1965. P. XXXII–1; *Brandy L.* Narrative Form in History and Fiction: Hume, Fielding, and Gibbon. Princeton, N.J., 1970. P. 83–96.

[762] *Hume D.* The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. 8 vols. L., 1770. V. 3. P. 479–483.

[763] New Letters of David Hume … P. 69–71; David Hume: Philosophical Historian. D. F. Norton and R. H. Popkin, eds. Indianapolis, 1965. P. 406–07; *Hume D.* The Life of David Hume, Esq. Written by Himself. L., 1777. P. 18–19, 22–23.

Бог, как полагала К. Маколей, задумал мир с одной конечной целью – совершенствование человека с помощью разума. Она взяла перо в руки, чтобы защищать «дело свободы» против тех, кто, из небрежения, партийных пристрастий или самоуверенных амбиций, фальсифицировал прошлое и оскорбил память «славных» противников тирании Стюартов[764]. Историк служит делу свободы систематизацией «многотомных коллекций» и сообщением общественности «истины и точного ее смысла». Работа историка состояла, по мысли Маколей, в сборе источников, а не в критической оценке суждений их авторов. Она видела правомерность своего труда в «достоверном и точном сообщении смысла (источников – *B.B.*)». Она была намерена предоставить «неопровержимые аргументы, основанные на фактах». Ее сноски содержат ссылки на рукописи и трактаты из Британского музея, к которым Юм, работавший в основном в библиотеке Эдинбургского университета, пришел поздно, если вообще знал о них[765]. И вообще Юм открыто признавал: «Я никогда не цитировал оригинальные источники, не вводил незначительные детали, неинтересные факты»[766]. Он видел свою работу историка в «переписывании» английской истории в доступной и взывающей к размышлению форме для широкой читающей публики.

Хотя Маколей и не разделяет беспокойства Юма по вопросу толкования фактов, она стремится быть «беспристрастной» и «бескорыстной», то есть, не поддаваться партийному духу в интерпретации событий и персонажей. Как она считала, примером тому могла бы быть ее трактовка правления Карла I, в которой она оправдывала тех, кто осудил короля на казнь. При этом все же она пыталась «отдать должное той части его правления, которую [она] рассматривала действительно великой». И тогда, вторя Юму, она писала: «Я пролила много слез, пока я писала о его

---

[764] The European Magazine and London Review. Vol. 23. № 4. 1783. P. 37–39; *Macaulay C.* The History of England … 1763. V. 1: VII–XVIII; V. 6: V–XIV.

[765] *Macaulay C.* The History of England … 1763. V. 1. P. X, 2; 1781. V. 6. P. VII; *Robbins C.* The Eighteenth-Century Commonwealthman. Cambridge, Mass., 1959. P. 15, 267.

[766] *Mossner E. C.* The Life of David Hume, 2d edn. Oxford, 1980. P. 249–55, 316, 395, 401; The Letters of David Hume... 1932.V. 1. P. 284–85.

гибели»[767]. Хотя, когда вышел шестой том ее «Истории», Кэтрин Маколей была менее оптимистична в оценке «фактов» нежели в 1763 году. Вначале она полагала, что отдельные люди могут ошибаться в оценке фактов, но «суд общественности – непогрешим»[768]. К 1781 году она поняла, как трудно найти «неопровержимые аргументы, основанные на фактах, … чтобы влиять на умы нации в пользу демократической формы правления, – нации, которая с незапамятных времен находится под правлением неустойчивой власти»[769].

Возникает вопрос, как Юм и Маколей – скептик и политически ангажированный автор – общались со своими оппонентами? Реакции Юма сочетали сарказм, ревность и стремление состязаться в мастерстве. В конечном счете, они свидетельствуют о его стремлении к беспрепятственному обмену потоком идей в области истории, подобно тому, как его друг Адам Смит хотел видеть свободный отмен товарами[770]. Оппонент Юма, автор «Записок о Великобритании и Ирландии от низложения последнего парламента при Карле II» Джон Далримпл в письмах к своему издателю характеризовал Юма, как «многоречивого и перескакивающего» автора, полного «антитез и цитат и вигизма», и обещал написать другую историю отличную от Юмовой[771]. Но, когда второй том его «Записок» вышел в 1773 году, Юм писал: «… большое Удовлетворение, обнаружить, что нет ни одной ошибки в моей «Истории», маленькой или большой, которые бы давали мне повод хоть что-то исправить» [772].

Что же касается другого его оппонента, автора «Истории Шотландии» Уильяма Робертсона, то Юм находил, что его работа «редких достоинств».

---

[767] *Macaulay C.* The History of England … 1781. V. 6. P. I, XII–XIII; *Hume D.* The Life of David Hume, Esq. Written by Himself. L., 1777. P. 17–19.

[768] *Macaulay C.* The History of England … 1763. V. 1. P. X.

[769] *Macaulay C.* The History of England … 1781. V. 6. P. VII.

[770] The Letters of David Hume... 1932. V. 2. P. 311, 1776; *Mossner E. C.* The Life of David Hume, 2d edn. Oxford, 1980. P. 270–271.

[771] *Hume D.* The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. 8 vols. L., 1770. V. 2. P. 529–531; The Letters of David Hume... 1932. V. 2. P. 238, 242, 454–55.

[772] The Letters of David Hume... 1932. V. 2. P. 278.

Он помог ее автору затребовать более высокий гонорар от издателя, которому он также написал: «для читателя это будет развлечением сравнить наши методы в рассмотрении одного и того же объекта»[773]. Где бы он ни появлялся, он хвалил эту книгу, несмотря на то, что очевидно испытывал зависть к тем местам, где «История» Робертсона была сделана лучше, чем его собственное сочинение. Он всегда относился к Робертсону как другу и протеже, периодическими поддразнивая. «Я видел, как бакалейщик заворачивал фунт изюма в лист Вашей Истории», писал он Робертсону, или «… сижу в компании великих… на Парнасе… и Вы имеете наглость потеснить меня…»[774].

Что для Юма были работы Маколей? Он был прекрасно образован, и трудно представить, чтобы женщина стала серьезным соперником для него. Более того, именно он подогревал интерес подобных леди к истории. Ведь уже в одном из своих ранних эссе он писал: «нет ничего, что бы я рекомендовал более серьезно моим читательницам, чем изучение истории»[775]. Разве не он назвал «синего чулка» Элизабет Монтегю «леди большой исключительности»[776]? После того, как Маколей послала ему первый том своей «Истории» в 1764 году, он не имел с ней больше никаких личных контактов, и первоначальный успех ее «Истории» принес ему некоторые неприятности. Как писал один наблюдатель: «Ничто никогда не вызвало большей досады Юма, чем суровая критика его истории в палате лордов великим Чатемом, который отдал предпочтение … миссис Маколей как историку, а ее конституционные писания по истории, были призваны

[773] *Mossner E. C.* The Life of David Hume, 2d edn. Oxford, 1980. P. 396–98. The Letters of David Hume... 1932. V. 1. P. 273, letter 145.

[774] The Letters of David Hume... 1932. V. 1. P. 300–302.

[775] Hume. 1741: 5; David Hume: Philosophical Historian. D. F. Norton and R. H. Popkin, eds. Indianapolis, 1965. P. 35–39. The Letters of David Hume... 1932. V. 1. P. 404, пьсмо 217;

[776] *Mossner E. C.* The Life of David Hume, 2d edn. Oxford, 1980. P. 395.

стать противоядием его (Юма – *В.В.*) яду»[777]. Несмотря ни на что, отношение Юма к Маколей было, конечно, более уважительным, нежели его друга, художника Алана Рамсея, известившего Юма первым о выходе ее «Истории»: «Кто-то под именем г-жи Кэтрин Маколей написал сочинение под названием «Яков I», тайный замысел которого заключается в том, чтобы оскорбить Вас и меня, и всех людей, думающих о последствиях, которых она называет ставленниками суда, а также орудием тирании. Я жажду реванша… А что, как нам провести матч между этой женщиной (если есть такая женщина) и патриотом Уилксом? Не такого ли разрешения (событий – *В.В.*) благоговейно следует пожелать? Я думаю, что патриотические выпады, пинки и оплеухи, что дух свободы породит с той и другой стороны, будут не только реваншем для нас, но дадут всей пастве более правдивое понимание политики, чем все Ваши эссе вместе взятые»[778].

Юм никогда не комментировал публично произведения Маколей, потому что он задолго до того решил никому никогда не отвечать в печати. Только в переписке с Робертсоном он заметил, что «Синедрион миссис Маколей осуждает Вас немного меньше как друга правительства и монархии, чем меня»; и незадолго до смерти в 1776 году Юм писал, что «ее Муза сейчас, похоже, нема»[779]. На самом деле, Муза Маколей не умолкла – она опубликовала в это время два политических трактата, а вскоре появились новые тома ее «Истории», в которых она вновь нападала на Юма[780].

Если оценивать публичные реакции Маколей по отношению к Юму и другим историкам, с которыми она была не согласна, то это определялось ее стремлением быть выше личного соперничества и говорить только о высоких

---

[777] The European Magazine and London Review. Vol. 23. № 4. 1783. P. 331; New Letters of David Hume… P. 82; *Mossner E. C.* The Life of David Hume, 2d edn. Oxford, 1980. P. 310.

[778] Letters of Eminent Persons addressed to David Hume. Ed. *John Hill Burton.* Edinburgh, L., 1849. P. 29–30.

[779] *Hume D.* The Life of David Hume, Esq. Written by Himself. L., 1777. P. 15; The Letters of David Hume... 1932.. V. 2. P. 199, 242, 321.

[780] См.: *Macaulay C.* The History of England … 1774; 1775; 1778; 1781. V. 6, 7; 1783. V. 8.

целях истории. Она страдала от того, что ее частная жизнь влияла на оценку ее «Истории». Она знала, как никто другой, что случается, когда «личные оскорбления заменяют место аргументов, или репутация автора подвергаются нападкам с целью дискредитации его произведений»[781]. В предисловии, опубликованном в 1781 году, в то время как Юм уже несколько лет был в могиле, она дала ему свою окончательную оценку. Юм был человеком «гениальной и глубокой прозорливости», который может быть стоял «на голову выше всех наших историков». Но либо потому, что он боялся врагов, которых он мог нажить, если бы написал непредвзятую историю, либо потому (что ей казалось более всего вероятным) из «предупреждений, которыми он подчевал» публику, его история «служит изысканному времяпрепровождению в часы досуга и праздности и оставляет читателя совершенно неосведомленным в отношении характеров, мотивов и часто фактов». Его работы пользуются «непревзойденной популярностью», со зловещими последствиями, как полагала Маколей, для понимания принципов Славной революции и общего дела[782]. Неужели это ее действительно окончательная оценка Юма как историка? Кто, если не она, опубликовал в 1783 году их переписку двадцатилетней давности, это ли не свидетельство ее стремления увековечить свою близость с великим Юмом?

Что до собственной славы и известности, Юм и Маколей реагировали на эти обстоятельства по-разному. Юм был откровенен в своем желании известности и открыто стремился к финансовому успеху, и одновременно относился к этому с большой самоиронией. Он мог шутить с Робертсоном о плотно заселенном Парнасе и шутить, что борьба между их книгами по истории сделает меньше шумихи, чем настоящий боксерский поединок. Когда его издатель умолял сделать финальный том его «Истории» («это только желание довершить Меру вашей Славы, как Великого историка и философа восемнадцатого века»), он мог расслабленно отвечать: «Я так стар,

[781] *Macaulay C.* The History of England … 1781. V. 6. P. XIV.
[782] *Macaulay C.* The History of England … 1781. V.7. P. 494.

так грузен, так ленив и так богат»[783]. Точно так же в течение некоторого времени он сопротивлялся желанию его издателя поместить в издании его портрет. «Излишняя трата средств», рассуждал он, деньги лучше потратить на печать и бумагу. Портрет появился только в издании 1770 года, восемнадцать лет после выхода первого тома[784].

Незадолго до смерти, Юм записал свои мысли и чувства по поводу собственной репутации в кратком автобиографическом тексте – «Моя собственная жизнь» – который, по его желанию, следовало добавлять ко всем изданиям его произведений в будущем[785]. Литературный автопортрет достоин создателя «Трактата о человеческой природе». Он показывает Юма уже в ранней молодости захваченным «страстью к литературе», что сделала «любовь к литературной славе моей главной страстью». Но повествование состоит в основном из разочарований и усмирения плоти: книги выходили «мертворожденным из-под пресса», не имели успеха, игнорировались. Первый том «Истории» «погрузился в забвение» после первоначального всплеска негодования. Со вторым томом дела, казалось, пошли лучше, но третий встретили враждебными «окриками»: характеристика царствования королевы Елизаветы Тюдор было найдена «особенно оскорбительной». Юм отказывается сдаваться, его рассказ о самом себе завершается смирением в материальном успехе. Ведь его книги принесли ему целое состояние. В конце концов, он просит читателя самого решать было ли его тщеславие уместным[786]. Автобиография Юма является одной из наиболее ярких его самопрезентаций и представляет собой ироничный рассказ о любви к Славе.

Жажда славы для Кэтрин Маколей была неразрывно связана как с ее надеждой на материальную выгоду, так со стремлением всецело посвятить

---

[783] The Letters of David Hume... 1932. V. 1. P. 300–01; *Mossner E. C.* The Life of David Hume, 2d edn. Oxford, 1980. P. 555–56.

[784] The Letters of David Hume... 1932. V. 2. P. 359; 169–70.

[785] The Letters of David Hume... 1932. V. 2. P. 318; 323.

[786] *Hume D.* My Own Life / Hume D. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution of 1688. L., 1792. P. V–XV; *Mossner E. C.* The Life of David Hume, 2d edn. Oxford, 1980. Appendix A.

себя делу свободы. В ее первый том вошли стихи из наследия шотландского поэта Джеймса Томсона, где он говорит, что его Муза должна служить Богине Свободы. Когда первый том Маколей получил «благоприятный прием», она обратилась к читателям с благодарностью от имени «друзей свободы». Именно она вела трудные финансовые переговоры со своими издателями и жила с некоторой долей расточительности. Даже один из ее радикальных друзей Томас Холлис, в частном порядке, заметил: «Было бы печально писать о Свободе … по высокой цене»[787]. Но именно он помогал ей с фронтисписом для третьего тома в 1767 году, связывая ее известность с республиканизмом. На фронтисписе изображена монета – точная копия древних римских монет в честь революционного героя Луция Юния Брута. На ее аверсе изображен профиль самой Маколей в образе богини Свободы в обрамлении венка победителя из дубовых листьев. На реверсе изображены сыновья Брута во время казни, бывшие в сговоре со свергнутым царем Тарквинием.

Через десять лет появился другой портрет Кэтрин Маколей, который более откровенно демонстрирует ее собственное представление о своем месте в истории. На фронтисписе тома по восемнадцатому веку «Истории Англии от революции до настоящего времени в ряде писем к другу» она изображена стоящей на фоне классического пейзажа. Рядом с ней камень с высеченными на нем строками: «Правление власти, делегированное для счастья человечества, руководствующееся мудростью, справедливостью и милосердием». Ее рука держит перо, локоть упирается в пять вышедших томов «Истории Англии»[788]. Она – Клио, своя собственная муза, она – Свобода, она – Кэтрин Маколей. Данная символика позволяет понять важные

[787] *Donnelly L. M.* The Celebrated Mrs. Macaulay // William and Mary Quarterly. 3d ser. 6. Williamsburg, 1949. P. 182; *Robbins C.* The Eighteenth-Century Commonwealthman. Cambridge, Mass., 1959. P. 7–8.

[788] *Donnelly L. M.* The Celebrated Mrs. Macaulay // William and Mary Quarterly. 3d ser. 6. Williamsburg, 1949. P. 184–187.

моменты самопрезентации этой образованной и литературно одаренной женщины.

Итак, подведем некоторые итоги. «История» Дэвида Юма уже была полностью опубликована к моменту выхода первого тома Кэтрин Маколей в 1864 году, и на фоне общественного возбуждения, в частности «дела Уилкса», казалась весьма консервативной и написанной в проторийском духе. В то же время манера письма Юма воспринималось как легкое чтиво. Написанная в стиле коротких рассказов в подражание любимому им Тациту, с меткими наблюдениями и целостностью образов она завоевала себе популярность ясностью и краткостью изложения. Целью Юма было заставить рядового читателя самостоятельно размышлять над историей своего отечества, патриотом которого он, несомненно, являлся. Как философ, объясняющий поступки людей их симпатиями и страстями, Юм стремился показать важность воспитания гражданской историей всякого человека и опасность забвения «смут» прошлого. «История» Кэтрин Маколей, охватывающая период правления Стюартов, имела ярко выраженный политизированный характер. Ее автор страстно и открыто выступала в защиту дела свободы. Цель работы Маколей – переписать «Историю» Юма и создать «правдивый рассказ» о «великой смуте». В результате двадцати лет упорного труда Кэтрин Маколей значительно продвинулась в профессиональном мастерстве историка, но одновременно разочаровалась в публике, и осознала невыполнимость поставленной ранее амбициозной цели. Как она честолюбиво полагала, еще не скоро публика в Британии созреет до высоких республиканских идеалов. И здесь можно сделать заключение, что она проиграла эту борьбу Юму за читательскую аудиторию как в краткосрочной, так и – долгосрочной перспективе.

Юм в силу возраста и мировоззренческой позиции, а также ясного осознания «поверхностности» сочинения Кэтрин Маколей не удостоил ее труд публичного внимания. Но ее «ответ» его «вызову» положил начало историографии Английской революции XVII в., а также вопросу о

«норманском иго», и многим другим сюжетам в национальной истории Великобритании. Сила Юма заключалась в том, что он подходил к истории как философ и мудрец. Он осознавал, как пишет Майнеке, что за «сущностью человека лежала «необъяснимая тайна» и что слово «случай» было лишь выражением для обозначения еще неизвестных причин. Вольтер, пришедший к подобному скепсису, предпочел вернуться сибаритом в известный ему мир. Мысливший глубже и строже, Юм, движимый интеллектуальной честностью, применил в незнакомой сфере собственное оружие. К его историческому труду имело отношение высказывание Гегеля, что «эмпиризм только расчленяет, не объединяя вновь. Но это расчленение, подобно тому, что сделал Монтескье, так взрыхлило землю, что она оказалась способной принять новое семя»[789]. Только рациональными и эмпирическими средствами, и утилитарными целями просветители еще не могли создать те «духовные единства», что вскоре стали возможны благодаря историзму в XIX веке.

В заключение четвертой главы, посвященной детальному рассмотрению историософии Шотландского Просвещения, можно сказать, что универсальная, «стадиальная» теория развития человечества, разрабатывавшаяся в трудах французских и шотландских просветителей, была лишь одним из альтернативных сценариев в интерпретации прошлого и получила развитие на шотландской почве, т.к. давала возможность сформировать вариант общей британской истории двух королев Шотландии и Англии. Однако в отличие от французов шотландскую школу исторической мысли отличает глубокий скептицизм в духе Дэвида Юма и ирония по отношению к «деяниям человеческим». Только с этих позиций философу Юму удалось создать непротиворечивый, отвечающий вызовам времени, образ национального прошлого Британии. Он смог решить эту задачу

[789] *Майнеке Ф.* Возникновение историзма М., 2004. С. 154–178.

благодаря усердной и кропотливой работе антикваров второй половины XVI – первой половины XVIII века. Однако это привело к тому, что на завершающем этапе эпохи Просвещения исторические сочинения стали играть роль домашнего «чтива» для воспитания в «неоримском» духе гражданских добродетелей подданных английского короля. А антиквары в глазах общественного мнения стали книжными червями и педантами. Разработанный ими критический подход на завершающей стадии эпохи Просвещения находил свое применение лишь в изучении материальных памятников, как это показано во второй главе. В ситуации 1760–1780-х годов, усиления радикальных настроений, так ярко проявившихся в деле Дж. Уилкса, в рамках «неоримского» историописания обозначился кризис – конфликтовали различные представления о «конституции» и «свободе». Выходом из этого кризиса в исторической перспективе было формирование вигского нарратива в сочинениях Томаса Бабингтона Маколея, но это была уже первая половина XIX века. А возрождение научного подхода в изучении национального прошлого начнется только в конце XIX – начале XX века в работах У. Стаббса, С. Гардинера и Дж.Э. Актона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Во все времена – с момента перехода человечества к цивилизации – историческое сознание было структурирующим элементом культуры»[790]. Историческое сознание эпохи Просвещения определялось идеями «прогресса», «свободы» и верой в человеческий разум. Историософия европейского Просвещения стала своеобразным интеллектуальным «проектом» по преобразованию человеческого общества. Основой этой историософии стал рационалистический подход. А ярко выраженной ее особенностью была футурологическая перспектива. В этом общеевропейском интеллектуальном движении Британское Просвещение, как показало наше исследование, имело специфические черты. Его отличал общий скептицизм в отношении человеческой природы. Англичане были склонны думать, что эгоистическую сущность человека невозможно изменить и уповали на развитие его общественных качеств – культуру вежливости и уважительности друг к другу (*англ.* politeness). Такие британские мыслители как Хатчесон, Юм, Смит стремились реализовать эту идею в разработке основ моральной философии и связывали будущее британского общества с увеличением «богатства народов» посредством развития торговли и денежного дела.

Научная революция XVI–XVII веков, в которой М.А. Барг усматривал интеллектуальные предпосылки «сдвига в историзме» XVIII века[791], также имела свои принципиальные особенности в Британии. Индуктивный метод Ф. Бэкона, основанный на восхождении от «простого к сложному» противостоял жестко рационалистической концепции Р. Декарта. Именно такой подход сформировал эмпиризм как характерную черту национального историописания. Ее отличали внимание на конкретным историческим памятникам и неприятие отвлеченных метафизических построений в исторических исследованиях. В творческом наследии английских антикваров

[790] *Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 3.
[791] *Барг М.А.* Эпохи и идеи … С. 316.

XVIII века ярче всего представлена эта черта исследовательской культуры нового времени – знание, добытое опытным путем. Их девизом стало изречение: «мы говорим, исходя из фактов, а не из теории». Именно это качество Бэкон фиксирует в «Новом Органоне»: «Эмпирики, подобно муравью, только собирают и довольствуются собранным...». Еще есть «рационалисты-пауки». А есть «пчелы», что извлекают «материал из садовых и полевых цветов», но располагают и изменяют его «по своему умению». Развитие британской традиции историописания в эпоху Просвещения было отмечено именно такой схваткой «муравья» с «пчелой».

Эти две традиции исторического письма, как убедительно доказал еще пятьдесят лет назад итальянский ученый А. Момильяно, восходят своими истоками к античности. Антикварная критическая традиция с опорой на эмпиризм восходила к Геродоту. Ей противостояла традиция историописания «по Фукидиду» или «неоримский» высокий политико-риторический нарратив. Для антикварной традиции был характерен плотный описательный (*англ.* thick discription) характер исторического письма, стремление к точности, сосредоточенность на конкретных памятниках национального прошлого. Для «неоримской» – событийный повествовательный рассказ с гражданским поучительным пафосом. Решающей фазой в противоборстве этих традиций стал спор «древних» и «новых» на рубеже XVII–XVIII века. Он обозначил два полярных взгляда на то, что такое история, как писать историческое сочинение и каково ее предназначение. «Древние» победили, в британской литературе наступила «эпоха императора Августа».

На первом этапе Британского Просвещения – 1660–1714 годы – преобладала мощная антикварная традиция, основания которой были заложены идеями гуманистов и формированием структур буржуазного общества на Британских островах в XVI–XVII веках. В интеллектуальной линии преемственности Кемден-Спелмен-Бреди-Барнет-Хикс-Уоттон-Бентли наметилась тенденция к адекватному осмыслению национального прошлого в его ключевых моментах на новых критических основаниях. Сложившаяся в

этот период лексикографическая традиция дала антикварам надежную основу в интерпретации исторических источников по разным в языковом отношении периодам национальной истории – кельтскому, англосаксонскому и англонормандскому. Английские ученые, грамматики и лексикографы добились расшифровки уже мертвого к тому времени древнеанглийского языка. Были созданы грамматика Дж. Хикса и словарь У. Сомнера. Все основные исторические литературные памятники периода англосаксонской Британии – Беда, «Англосаксонские хроники», Гептатий – были выявлены, переведены на английский язык и получили критическое издание. Древнеанглийский язык стал устойчивой учебной дисциплиной в университетах XVIII века, вместо любительского и несистемного его изучения в предшествующий период. Это породило подъем в развитии лексикографии кельтских языков, что особенно ярко представлено достижениями выдающегося валлийского ученого Эд. Ллуйда.

В 1707 году было создано Лондонское общество антикваров, признание которого со стороны короны произошло в 1751 году. За первые полвека существования общества в издательской серии «Vetusta monumenta» вышли в свет 70 томов трудов антикваров. Члены этого общества с гордостью носили почетную приписку к своему имени – аббревиатуру «FSA», что означало «член Лондонского общества антикваров». В 1770–1780-х годах число членов общества достигло рекордной цифры – 400 британских и 45 иностранных членов. Подобные общества возникли в Эдинбурге, позже в Дублине. Известность получило «Почетное общество Кимродорион» или Лондонское валлийское общество, практически в каждом графстве существовали объединения любителей древностей и т.п. В условия наступления «неоримской» исторической традиции антиквары все более сосредотачивались на вещественных памятниках культуры – монеты, гробницы, развалины монастырей. Об этом ярко свидетельствует творческий путь Р. Гофа, президента Лондонского общества антикваров в 1771–1797 годах.

Для Британии эпоха Просвещения стала временем складывания британской нации. С этим процессом было прямо связано конструирование образа национального прошлого. Наше исследование показало, что в формировании общебританского исторического нарратива в первую очередь были заинтересованы шотландцы в ситуации Унии 1707 года. Это обернулось для шотландцев забвением собственной двухтысячелетней истории и сосредоточенностью на истории английского королевства. Обращает на себя внимание факт раскола между Хайлендом и Лоулендом, и тяготения последнего к интеллектуальному компромиссу с английскими писателями этой эпохи. За пределами очерченного таким образом британского мира оказались практически все этнокультурные общности, говорившие на кельтских языках. Вызовом сложившейся ситуации стала литературная мистификация Дж. Макферсона – поэма «Фингал». Как это сейчас понимается в рамках «новой британской истории», речь должна идти о трех этнокультурных общностях с самостоятельным богатым прошлым – это англичане, шотландцы, ирландцы. На сегодняшний день только эти три общности имеют самодостаточные национальные историографические традиции. Ни валлийцы, ни оранжисты, ни оркнейцы не достигли в своих исторических рефлексиях уровня убедительной интерпретации собственного национального прошлого. В этом со всей очевидностью просматривается неадекватности сконструированной в XVIII веке концепции национальной истории Британии – это была только английская история, другие народы Британских островов в ней просто напросто отсутствовали.

В отношении доримской Британии в эпоху зрелого Просвещения возобладала друидическая концепция, разработанная Дж. Обри и У. Стьюкли. Открытие и описание ими мегалитических сооружений Стоунхендж и Уэйвбери, идея Стьюкли о «естественной религии» друидов легли в основу романтизации кельтов, друидов и доримской истории Британских островов в целом. Древние кельты, как и древние греки, и римляне, начали восприниматься как олицетворение чистоты и доблести. Во

второй половине XVIII века наступило «кельтское возрождение» – мир литературы погружал читателя в «золотой век» первобытного человечества, который противопоставлялся современному коммерциализированному и утилитарному обществу. Кельты также противопоставлялись «диким германцам», погубившим великую древнюю цивилизацию.

Ярые адепты английской Реформации стремились найти «чистую» веру в англосаксонском прошлом. Они прочно связали ее с именем Августина Кентерберийского и VI веком нашей эры. Представление о «первом крещеним Британии» (в I в. н. э.), которое Гильдас связывает с именем св. Иосифа Аримафейского, было ими отброшено. При этом уже во времена М. Паркера, возобладала точка зрения, что во времена св. Августина англосаксонская церковь не знала мессы и других католических излишеств. В шотландской же традиции историописания одновременно развивалась идея «чистой и простой апостольской религии». Концепт раннего кельтского христианства, свободного от римско-католического влияния, в этой историографической версии был основан на «культе предков», «кульди» (*англ.* Culdees). Политическая борьба XVI–XVII веков за веру привела к победе лодианской концепции об исключительности англиканской церкви. Этот концепт можно рассматривать в качестве одного из базовых элементов мифологизированной концепции национального прошлого. Общая секуляризация сознания британского общества снимает былую напряженность в осмыслении этого вопроса, побеждает светская история, и вопрос дела веры теряет свой сакральный смысл в британской традиции историописания.

Самостоятельной частью мифологизированной концепции национальной истории, порожденной эпохой Просвещения, стал тезис о «нормандском иге». В условиях борьбы между королем и парламентом в XVII веке сложилась идея «древней конституции», положенная в основу систематизации принципов общего права Эд. Коком и его последователями. Она же позволила Дж. Локку разработать на ее основе идею правового

государства и принцип разделения властей. Противостоящая ей концепция антикваров Спелмена и Бреди, объясняющая появление парламента разложением феодальных отношений в XIV–XV веках, не вписывалась в эту новую политико-правовую конъюнктуру и оказалась маргинальной. Современная историография позволяет оценить концепцию Спелмена-Бреди как своеобразную «историографическую революцию» XVII века. Именно она стала основой классической британской историографии конца XIX – начала XX века, примером чему могут служить работы У. Стаббса, Ф. М. Стентона и др. В целом же изучение англонормандской Британии в эпоху Просвещения имело «плотную» историографическую сетку. Ее характеризует множественность сочинений, авторов и наличие нескольких интерпретативных «версий» – радикальная, вигско-кокианская, «готская теория», консервативная концепции Спелмена-Бреди. Две последние – одна из романтических побуждений ее представителей, другая на основании исторических источников и критического подхода – исходили из представлений о глубокой исторической связи между англосаксонским и англонормадским периодами в истории Британии как результате эволюции единого древнегерманского прошлого.

Гораздо сложнее формировалась историографическая ситуация в отношении «гражданской смуты» XVII века – многие из представителей первого этапа британского Просвещения были ее непосредственными участниками и свидетелями. Хотя лорд Кларендон и стал отцом-основателем историографии Английской революции, решающая дискуссия по этому вопросу развернулась в 1770-е годы. Создание Британской империи, начало промышленного переворота, а может быть главное – очевидное складывание среднего класса – сформировали радикальную идеологию, нацеленную в исторической перспективе на реформу избирательной системы страны. Возникла ситуация политической поляризации исторического письма. Д. Юм был склонен усматривать в казни короля скорее неблагодарность подданных, проявление их низменных нравов. Со своей стороны К. Маколей видела в

короле деспота и тирана, безусловно заслуживающего смертной казни. Возник кризис мировоззренческих идей эпохи Просвещения. Что понимать под «добродетелью», что есть «добро» и «зло»?

Парадоксальным образом пальму первенства в британском историописании захватили шотландские историописателя. В интеллетуальной поле самого шотландского Просвещения сложились две самостоятельные историографические тенденции в интеллектуальном поле самого шотландского Просвещения. Первая из них развивала идею двухтысячелетней истории Шотландского королевства, опиралась на гаэльский язык, кельтскую мифологию и «чистое» доримское христианство. Она оказалась маргинальной, ее забвенье привело к нарастающему кризису шотландской национальной идентичности в эпоху романтизма на рубеже XVIII–XIX веков. Другая тенденция задавалась юнионистской англо-шотландской идеей Дж. Бьюкенена, «гаэльской дилеммой» и историческим «казусом» наследования шотландской династией английской короны в 1603 году. Она оказалась доминирующей и была отмечена мощным влиянием французского Просвещения, определявшегося, прежде всего, обстоятельствами геополитического характера. Шотландские просветители противостояли «вызовам» восемнадцатого века с «неоримских» позиций. Несомненным достижением шотландского историописания стало создание «универсальной стадиальной истории» в духе Дж. Миллара и А. Фергюсона. Другим исследовательским направлением, прямо связанным с «неоримским» подходом, было изучение истории Англии. Именно шотландский историописатель Д. Юм стал автором первой популярной и общедоступной «Истории Англии».

Подводя итог можно сказать следующее. Отчасти на первом, а в значительной степени на втором этапе британского Просвещения с 1714-го по 1750-е годы антикварная традиция историописания находилась под влиянием двух серьезных тенденций. Первой из них стала политическая конъюнктура формирования конституционного государства. На практике это

обернулось победой концепции «древней конституции» Британии Э. Кока. Сама по себе она являлась «желаемым конструктом» в ситуации формирования британской нации, но не соответствовала выявленным в рамках антикварной традиции историческим источникам и их содержанию. Это обстоятельство определило формирование такой характерной черты британского историописания как его высокая политизированность. Тенденция к ее преодолению начала просматриваться только в первой половине XX века в работах Г. Баттерфилда. Вторая тенденция, оказавшая негативное влияние на развитие историзма в национальном историописании реализовалась в создании литературных мистификаций в духе так называемого «кельтского» возрождения Макферсона, а также «готского» возрождения в романе Х. Уолпола «Отранто». Несомненно, это была реакция на бурно развивающееся коммерциализированное общество в Британии, его рационализм и прагматизм. Данное обстоятельство хорошо укладывается в общеевропейскую тенденцию формирования предромантизма, а затем романтизма, т.е. общего кризиса историософии Просвещения.

В чем же секрет небывалого успеха «Истории Англии» Д. Юма, который не любил работы с историческими источниками и историком стал поневоле? В погоне за материальным достатком, он уловил формирование новую качественную черту британского общества – формирование «публичной сферы». Его адресная аудитория – широкие читательские слои британского общества и, прежде всего, средний класс, определявший конъюнктуру политического и культурного развития Великобритании XVIII века. Как прекрасно образованный человек, да еще и на французский манер, он рано осознал, что место историка на британском Олимпе свободно. И прагматично полагал, что сможет его занять, имея в своем распоряжении уже существующие работы антикваров, придав им форму блестящего литературного нарратив в духе Монтескье. Тацит и его адепты раннего нового времени – Н. Макиавелли, Фра Паоло Сарпи, Э. Давила, Г. Бентивольо – определили высокий гражданский стиль мышления Д. Юма. Но

в отличие от своих современников-французов Ш.-Л. Монтескье и Ж. Тюрго, он был скептиком, каждый раз раскрывая эгоистичную природу человека. По мысли Юма, только одна история заставляет помнить о «глубинах» человеческого грехопадения. Его сочинение – это рассказ, провоцирующий читателя к размышлению. «История» Юма стала концентрированным выражением сложившейся к середине XVIII века мифологизированной концепции национальной истории. Составляющими элементами этой концепции стали: величие древних кельтов; идея древней конституции Британии времен короля Альфреда; концепция нормандского ига; идея исключительной англиканской церкви. Последний этап английской истории – время «великой смуты» – следовало бы, исходя из данной логики мифотворчества, подчинить идее восстановления «попранной» древней конституции. Эту задачу с блеском выполнит историописатель следующего поколения Томас Б. Маколей.

Таким образом, историописание эпохи Просвещения на Британских островах пережило три этапа в своем развитии: 1 – «антикварный» (1660-е – 1714-й годы); 2 – «неоримский» (1714-й –1750-е годы); 3 – период кризиса раннего историзма в британской национальной традиции историописания (1760-е – рубеж 1780-х – 1790-х годов). На первом «антикварном» этапе сложился критический подход в изучении исторических источников, что определило расцвет историописания в Британии на рубеже XVII–XVIII веков. На втором «неоримском» этапе в так называемую Августианскую эпоху первых Ганноверов и Англо-шотландской унии новые «элементы» национально-государственной идентичности нашли свою опору в классических примерах. На этом этапе шотландская историографическая традиция с ее приверженностью французским «образцам» исторического письма эпохи Просвещения заняла господствующие позиции в британском историописании. Отличительными ее чертами стали умозрительный подход в интерпретации прошлого и стремление создать так называемую «универсальную историю». На третьем этапе со всей очевидностью

обнаружился кризис синкретизма в интерпретационных практиках. Это нашло свое выражение в наметившейся тенденции размежевания литературы и истории, политической поляризации в британском историописании и кризисе раннего историзма и одновременно расцвете мифотворчества о национальном прошлом в британской национальной традиции историописания в эпоху Просвещения.

Первый антикварный период в развитии историописания в Британском Просвещении завершается закатом «великой эры», когда на основаниях критического метода антиквары занимались отыскиванием, переводом и публикацией исторических текстов с высокой степенью результативности. Победа вигского государства и сопутствующая ей общая десакрализация общественного сознания после 1714 года ослабила связь британского общества с прошлым. Общественное сознание зрелого Просвещения априорно опиралось на представление о том, что современное общество базируется на древних законах и священном писании. Восемнадцатый век был «веком разума». Для него было характерным представление о том, что надежной основой общественного развития являются рационалистические принципы, независимые от истории. Отсюда совершенно другое отношение к прошлому. Иначе это можно выразить так. Люди эпохи Просвещения не видели смысл изучать прошлое, которое, по их мнению, было уже и так понятно и ясно. Надо только транслировать уроки прошлого будущим поколениям. И в этом отношении – с точки зрения развития истории как науки – это откат назад, утеря занятых антикварами позиций. Лорд Болингброк в «Письмах о пользе и изучении истории» не может и помыслить о новых открытиях в области истории. Для него изучение истории – это повторение моральных и практических уроков управления государством. Дж. Покок называет это «новой концепцией единства истории», приметой чего стало фактически исчезновение конкретно-исторических исследований как таковых. Достижением XVIII века было конструирование схем универсальной истории, так ярко выраженное в сочинениях представителей

французской и шотландской историографии эпохи Просвещения. Построение схем всемирной истории и стало замещением в «век разума» связи «настоящего» с «прошлым». Мифологизированная же концепция национальной истории стала надежным фундаментом формирования общенациональной идентичности на Британских островах в XVIII – начале XIX века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Anglo-Saxon Chronicle. Winchester (or Parker) Chronicle. Version «A». Parker Library, Corpus Christi College. Cambridge. MS 173.

Anglo-Saxon Chronicle. Abingdon Chronicle II. Version «C». British Library. MS Cotton Tiberius B. i.

Anglo-Saxon Chronicle. Worcester Chronicle. Version «D». British Library. MS Cotton Tiberius B iv.

Anglo-Saxon Chronicle. Peterborough (or Laud) Chronicle. Version «E». Bodleian Library. Oxford. MS Laud misc. 636.

Bēda Venerābilis. Historia ecclesiastica gentis Anglorum. Moor MS. Cambridge, University Library, Kk. 5. 16.

Bēda Venerābilis. Historia ecclesiastica gentis Anglorum. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург. lat. Q. v. I. 18.

Bēda Venerābilis. Historia ecclesiastica gentis Anglorum. British Museum. L., Cotton Tiberius C. II.

Gildae Sapientis. De Excidio et Conquestu Britanniae. British Museum. L., MS Cotton. Vitell A. VI.

Gildae Sapientis. De Excidio et Conquestu Britanniae. Abrincensis (Avranches) bibliothecae civicae n. 162 (antea notatus n. 154 et n. 2890).

Gildae Sapientis. De Excidio et Conquestu Britanniae. Corpus Christi College. Cambridge. Dd.1.17.

Nowell Codex. British Library. Cotton Vitellius A. Xv.

St Augustine Gospels. Corpus Christi College. Cambridge. Lib. MS. 286.

Nennius. Historia Brittonum. British Museum. L., Harleianus 3859. Cotton, Vesp. DXXI, «H», «K».

Nennius. Historia Brittonum. Cantabrigensis. Corpus Christi College. Cambridge. N 139.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Законодательные акты, Судебники

Coke E. The First Part of the Institutes of the Lawes of England. Or, a Commentarie upon Littleton, Not the Name of a Lawyer Onely, but of the Law it selfe, L.: Printed [by Adam Islip] for the Societe of Stationers, 1628. 636 p.

Cyfreithjeu Hywel Dda ac eraill, seu leges Wallicae ecclesiasticae et civiles Hoeli Boni et aliorum Walliae principum, interpretatione latina, notis et glossario illustratae. Notis & Glossaris illustravit Gulielmus Wottonus. 1730. L.: Bowyer. Режим доступа: http://www.europeana.eu/portal/record/9200332/BibliographicResource_3000095442270.html

Leges Anglo-Saxonicae Ecclesiasticae et Civiles; accedunt Leges Edvardi Latinae, Gulielmi Conquestoris Gallo-Normannicae, et Henrici I Latinae. Subjungitur Domini Henrici Spelmanni Codex Veterum Statutorum Regni Angliae quae ab ingressu Gulielmi I usque ad annum nonum Henrici III edita sunt. Toti operi praemittitur Dissertatio Epistolaris G. Nicoleoni de Jure Feudali Veterum Saxonum, Londini: Typis Guil. Bowyer, impensis Rob. Gosling, 1721. 448 p.

Textus Roffensis. The Textus de Ecclesia Roffensi per Ernulphum episcopum /The Book of the Church of Rochester through Bishop Ernulf. Режим доступа: http://www.rochestercathedral.org/news/categories/cathedral-news/88-textus-roffensis-online

Law of Æthelberht, attributed to Æthelberht of Kent. (560–616). The Textus de Ecclesia Roffensi per Ernulphum episcopum / The Book of the Church of Rochester through Bishop Ernulf. Режим доступа:

http://www.rochestercathedral.org/news/categories/cathedral-news/88-textus-roffensis-online

Летописи, хроники

Англосаксонская хроника / Пер. с др.-англ. *З. Ю. Метлицкой*. СПб.: Евразия, 2010. 288 с.

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов. / Пер. *В. В. Эрлихмана*. СПб.: Алетейя, 2001. 343 с.

О погибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / Пер., вступ. статья и примечания *Н. Ю. Чехонадской*. СПб.: Алетейя. 2003. 464 с.

Ненний. История бриттов / Пер. *А. С. Бобовича* // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 171–193.

Bede, Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum. Ed. *J. Smith.* Cantabrigiæ: Typis Academicis, 1722. P. 469–649.

Chronicon Saxonicum; Seu Annales Rerum in Anglia Praecipue Gestarum, a Christo Nato ad Annum Usque MCLIV. Deducti, ac Jam Demum Latinitate Donati. Cum Indice Rerum Chronologico; Accedunt Regulae ad Investigandas Nominum Locorum Origines; Et Nominum Locorum ac Vivorum in Chronico Memoratorum Explicatio. Oxonii: E Theatro Sheldoniano. 1692. 268 p.

Historia Brittonum cum additamentis Nennii // MGH AA T. XII. Chronica minora saec. IV. V. VI. VII. Vol. 3/ Ed. *T. Mommsen.* Berolini, 1891. P. 111—222.

Historiae ecclesiasticae gentis Anglorum libri V a venerabili Beda presbytero scripti. *Wheelock Abraham* (ed.). Texts in Latin and Old English, with notes and additional texts. Cantabrigiae: Excudebat Rogerus Daniel. Cambridge: Roger Daniel, 1643. 579 p.

Nennius. British history and The Welsh Annals / Ed. and transl. by *J. Morris.* London and Chichester: Phillimore, 1980. 100 p.

Two of the Saxon Chronicles Parallel. Ed. *J. Earle* and *Ch. Plummer*. Oxford: Oxford University Press, 1892. P. CXXVIII-CXXIX. Режим доступа: https://archive.org/details/twosaxonchronic03earlgoog.

Gildae de Excidio Britanniae, fragmenta, liber de paenitentia, accidit et Lorica Gildae / Ed. *H. Williams*. L.: published for the Honourable Society of Cymmrodorion, by David Nutt. 1899. 420 p.

Gildas. The Ruin of Britain and other works. Ed. and transl. by M. Winterbottom. (History from the Sources. Gen. ed. J. Morris, 7). L., Chichester, 1978. https://archive.org/stream/gildaedeexcidiob00gilduoft#page/n5/mode/2up;

Жития, сочинения отцов церкви

Ассер. Жизнь Альфреда Великого / *Стасюлевич М.М*. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. В 3-х т. Пг., 1903–1916. Т. II. Пг., 1915. С. 306–336.

Павел Орозий. История против язычников / Пер., вступ. ст., комм. и указ. *В. М. Тюленева.* 1-е изд. В 3 т. Серия: Византийская библиотека. СПб.: Алетейя. 2001–2003.

Anglica, Normannica, Hibernica, Cambrica, a veteribus scripta: ex quibus Asser Meneuensis, Anonymus de vita Gulielmi Conquestoris, Thomas Walsingham, Thomas de la More, Gulielmus Gemiticensis, Giraldus Cambrensis: plerique primùm in lucem editi, ex bibliotheca Guilielmi Camdeni. Cum indice, tum verborum, tum rerum in opere hoc toto cum primis memorabilium locupletissimo. Francofurti : Impensis Claudii Marnii, et haeredum Iohannis Aubrii. 1603. 898 P.

Boethius. King Alfred's Old English version of Boethius. De consolatione philosophise. Ed *W. J. Sedgefield*. Oxford. 1899. P. XXI. Режим доступа: https://archive.org/stream/kingalfreds00boetuoft#page/n23/mode/2up

Eddius. Rerum anglicarum scriptores veteres / Two distinct collections, the first by William Fulman, published under the auspices of Bishop Fell, the other by Thomas Gale, usually treated as complementary to the former. The present copy is bound uniformly and lettered: Historiae anglicanae scriptores. Gale et Fell. vols. I.

1684. P. 49–93. Режим доступа: https://archive.org/details/rerumanglicarums01fulm

An English-Saxon Homily on the Birthday of St. Gregory, Anciently used in the English-Saxon Church. Giving an Account of the Conversion of the English from Paganism to Christianity. L.: W. Bowyer, 1709. 55 p.

An Essay upon Glory. Written Originally in French by the Celebrated Mademoiselle de Scudery. Done into English by a Person of the same Sex [i.e., *Elizabeth Elstob*]. L.: J. Morphew, 1708. 16 p.

Hormesta Pauli Orosii quam olim patrio sermone donavit /Elfredus magnus, Anglo-Suxonum rex doctissimus. Ad exemplar Junianum edidit Wilhelmus Elstob, A. M. et Coll. Univ. Socius. Oxonise, e Theatro Sheldoniano. 1699. 208 p.

The Life of Bishop Wilfrid by Eddius Stephanus. Ed. & trans. *B. Colgrave*, Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 192 p.

The Vita Wulfstani of William of Malmesbury, ed. R. R. Darlington, CS, 3rd ser., 40. L.: Camden Society, 1928. 40 p.

Библейские тексты

Exameron Anglice or The old English Hexameron. Ed. with an introd., a collation of all the manuscripts, a modern English transl., parallel passages from the other works of Aelfric and notes on the sources by *S. J. Crawford*. Hamburg: H. Grand, 1921. 85 p.

Heptateuchus, liber Job, et Evangelium Nicodemi; Anglo-Saxonice. Historiæ Judith fragmentum; Dano-Saxonice. Oxoniæ: E Theatro Sheldoniano, 1698. 200 p.

Саги

Carleton W. Traits and stories of the Irish peasantry. L.: W. Tegg, 1868. 432 p.

Croker T. C. Fairy Legends and Traditions of the South of Ireland. L., J. Murray. 1834. 344 p.

Fingal: An Ancient Epic Poem in Six Books: Together with Several other Poems composed by Ossian, the Son of Fingal. Translated from the Gaelic language by James Macpherson. To which is subjoined a critical dissertation on the poems of Ossian. L.: T. Beckett and P. A. De Hondt. 1762. 348 p.

The Four Ancient Books of Wales. Режим доступа: http://www.llgc.org.uk/index.php?id=6336

Lebor na huidre / The Book of the Dun Cow. Режим доступа: http://www.ria.ie/Library/Special-Collections/Manuscripts/Leabhar-na-Huidre

The Mabinogion, from the Welsh of the Llyfr coch o Hergest, tr., with notes, by lady *C. Guest*. L., 1877. 504 p.

Словари, тезаурусы и глоссарии

Hickes G. Linguarum Veterum Septentrionalium Thesaurus Grammatico-Criticus et Archaeologicus. Oxford: e Theatro Sheldoniano. 1703. 200 p.

Thwaites Ed. Grammatica Anglo-Saxonica ex Hickesiano Linguarum Septentrionalium Thesauro Excerpta. Oxford: at the Sheldonian Theatre. 1711. 60 p.

Философские трактаты

Английское свободомыслие: Д. Локк, Д. Толанд, А. Коллинз. М.: Мысль, 1981. 301 с.

Бэкон Ф. Новый Органон. Переводчик Красильщикова С. / *Бэкон Ф.* Сочинения в 2-х т. М.: Мысль (Философское наследие). Т. 2. 1972. С. 5–222.

Коллинз А. Рассуждение о свободомыслии, вызванное возникновением и развитием секты, называемой свободомыслящие / Английские материалисты XVIII в. Т. 2. М.: Мысль, 1967. С. 71–192.

Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Книга по Требованию, 2013. 710 с.

Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества Текст. М.: РОССПЭН, 2000. 391 с.

Юм Д. Естественная история религии / Юм Д. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 315–378.

Юм Д. Идея совершенного государства / Юм Д. Соч. в 2-тт. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 675–689.

Юм Д. Исследование о принципах морали / Юм Д. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 171–314.

Юм Д. О гражданской свободе. / Юм Д. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 529–537.

Юм Д. О партиях вообще / Юм Д. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 511–518.

Юм Д. О первоначальных принципах правления // Юм Д. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 503–507.

Юм Д. О происхождении правления / Юм Д. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 507–511.

Юм Д. О том, что политика может стать наукой / Юм Д. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 490–503.

Юм Д. Трактат о человеческой природе / Юм Д. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С. 77–789.

Harrington J. The Commonwealth of Oceana. L., 1656. 663 p.

Hickes G. Constitution of the Catholic Church, and the Nature and Consequences of Schism. L.: [s.n.], Printed in the Year, 1716. 22 p.

Hoadly B. Preservative against the Principles and Practices of Non-Jurors both in Church and State, L.: [s.n.], Printed in the Year, 1716. 105 p.

Hume D. Of Civil Liberty (1741) / Hume D. Essays Moral, Political, and Literary, ed. E. F. Miller. Indianapolis: Liberty Classics, rev. ed., 1987. P. 87–97.

Hume D. Dialogues Concerning Natural Religion. Ed. by Peter Millican 1779. 79 p. Режим доступа: http://www.davidhume.org/texts/dms.html#MS79

Hume D. Of the First Principles of Government (1741) / Hume D. Essays Moral, Political, and Literary, ed. E. F. Miller Indianapolis: Liberty Classics, rev. ed. 1987. P. 32–37.

Hume D. A Treatise of Human Nature (first published 1739–1740). Book 1. Part 3. Section 13. Oxford University Press, 2007. 1200 p.

Locke J. Some Thoughts Concerning Reading and Study // *Locke J.* Works. In 2 vols. V. 2. N. Y.: Harper, 1824. P. 317–322.

Locke J. Two Treatises of Government. Ed. *Peter Laslett.* Cambridge: Cambridge University Press. 1988. 451 p.

Middleton C. A Free Inquiry into the Miraculous Powers, which are Supposed to Have Subsisted in the Christian Church. L.: R. Manby & H.S. Cox, 1749. 232 p.

Moss R. The Report Vindicated from Misreports. L.: printed for John Morphew. 1718. 31 p.

Sherlock T. Remarks on the Bishop of Bangor's Treatment of the Clergy and Convocation and other works. L.: printed for E.Smith. 1717. 48 p.

Smith A. An Inquiry into the Causes of the Wealth of Nations, ed. M.S. Soares. Digital edition. 2007. Режим доступа: http://metalibri.wikidot.com/title:an-inquiry-into-the-nature-and-causes-of-the-wealth-of

Tindal M. Christianity as old as the creation; or the Gospel, a republication of the religion of nature. V. 1. L.: printed by YEAR, 1730. 432 p.

Toland J. Christianity Not Mysterious: A Treatise Shewing, That there is nothing in the Gospel Contrary to Reason, Nor Above It: And that no Christian Doctrine can be properly called A Mystery. L.: Anon. 1696. 174 p.

Warburton W. Alliance between Church and State. In 3th books. L.: printed for A. Millar, 1736. 348 p.

Берк Э. Размышления о революции во Франции // Социс. 1991. № 6. С. 114–121.

Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М.: Рудомино, 1993. 142 с.

Свифт Дж. Полное и правдивое известие о разразившейся в прошлую пятницу битве древних новых книг в Сент-джеймсской библиотеке. Пер. с англ. Ю. Левина. Режим доступа: http://www.pergam-club.ru/book/4961

Brady R. A Full and Clear Answer to a Book Written by William Petit, Esq. L.: printed for Samuel Lowndes. 1681. 134 p.

How Martin became a Great Critic // Memoirs Of the Extraordinary Life, Works, and Discoveries of Martinus Scriblerus. Written in collaboration by the Members of the Scriblerus Club John Arbuthnot, Alexander Pope, Jonathan Swift, John Gay Thomas Parnell, Robert Harley., Earl of Oxford. Ed. by Charles Kerby-Miller. New Haven: Yale University Press, 1950. 408 p.

Petyt W. The Antient Right of the Commons of England Asserted or, A discourse proving by records and the best historians, that the commons of England were ever an essential part of Parliament. L., 1680. 75 p.

Sir William Temple's essays on ancient and modern learning, and on poetry. Edited by J.E. Spingarn. 1909. Режим доступа: https://archive.org/stream/sirwilliamtemple00tempuoft/sirwilliamtemple00tempuoft_djvu.txt

Swift J. Abstract of Collins's «Discourse of freethinking» / The Works of Jonathan Swift, containing additional letters, tracts, and poems, with notes, and a life of the author, by *W. Scott.* Vol. III. L., 1824. Режим доступа: http://www.gutenberg.org/cache/epub/12252/pg12252-images.html

Swift J. A Full and true account of the battle fought last Friday between the ancient and the modern books in Saint James’s library. The Works of Jonathan Swift, D.D., Dean of St. Patrick's, Dublin: Including the Whole of His Posthumous Pieces, Letters, V. 1. L., 1784. P. 391–433. Режим доступа:

http://books.google.ru/books?id=_ggfAAAAMAAJ&dq=Swift+J.+A+full+and+true+account.

Temple W. Miscellenea. The Third Part. L., 1701. 256 p. Режим доступа: http://books.google.ru/books?id=x7w6AQAAMAAJ&pg=PA258&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=4#v=onepage&q=annotation&f=false.

Walpole H. Anecdotes of Painting in England. In 3 Vols. L.: printed by Thomas Kirgate at Strawberry-Hill. 1849. Режим доступа: https://archive.org/details/anecdotespainti02walpgoog

Записки путешественников

Johnson S. A Journey to the Western Islands of Scotland. L.: A. Strahan and T. Cadell. 1791. 400 p. Режим доступа: https://archive.org/details/journeytowestern00johnuoft

Saussure de C. A Foreign View of England in 1725–1729. L.: Caliban, 1995. 237 p.

Периодическая печать

The European Magazine and London Review. Vol. 23. № 4. 1783.

The Gentleman's magazine, and historical chronicle. 1736. Режим доступа: https://archive.org/stream/gentlemansmagazi03marc#page/16/mode/2up

Корреспонденция

Bently T. A Letter to Mr. Pope Occasioned by from Horace; Pope’s Sober Advice // Works of Mr. Alexander Pope. V. 4. L., 1735.

Wotton to Bently, may 14, 1689 // Correspondence of Richard Bently. Vol. I. Cambridge University Press, 1842. P. 1–5. Режим доступа:

http://ebooks.cambridge.org/chapter.jsf?bid=CBO9780511701061&cid=CBO9780511701061A009&tabName=Chapter

Dr. Middleton's letter from Rome. L.: Reprinted by Grant and Griffith, 1847. 192 p. Режим доступа: The Library of Congress/ https://archive.org/details/drmiddletonslett00midd

Hamper W. Life, Diary, and Correspondence of Sir *William Dugdale*. L.: printed for Harding, Lepard, and co. Pall-Mall East. MDCCCXXVII. 1827. 526 p.

Henry Spelman to Wheloc, Sept. 28th, 1638 / *Adams E. N.* Old English Scholarship in England from 1566–1800. New Haven: Yale University Press, 1917. P. 52–53.

The Letters of David Hume, ed. J. Y. T. Greig. Vol 1. Oxford: Clarendon Press. 1932. 532 p.

The Letters of David Hume, ed. J. Y. T. Greig. Vol 2. Oxford: Clarendon Press. 1932. 498 p.

New Letters of David Hume, ed. R. Klibansky and E. C. Mossner. Oxford: Clarendon Press. 1954. 248 p.

The Letter to Dr Waterland, 1730 / *Middleton C.* Miscellanies Works. In 5th vols. L., 1755. V. III. 1–66.

Richard Bently to William Wotton / *Bently R.* Dissertations upon the epistles of Phalaris: With an Answer to the Objections of the Hon. C. Boyly. L.: printed by and for W. Boyer, 1697. P. XLV–XLVI.

Stukeley W. A Letter Dr Stukeley to Mr Macpherson on his Publication on Fingal and Timora. With a Print of Cathmor's Shield. L., 1763. 26 p.

Walpole to Cole, 1 Sept. 1778 / The Yale Edition of Horace Walpole's Correspondence. *Lewis W.S.*, ed. New Haven: Yale University Press, 1937–1983. Volume 2: Horace Walpole's correspondence with the Rev. William Cole. 1937. 464 p.

Мемуары

The Eikon Basilike. The Pourtrature of His Sacred Majestie in His Solitudes and Sufferings. L.: Matthew Simmons. 1649. 242 p.

Hume D. The Life of David Hume, Esq. Written by Himself. L.: W. Strahan and T. Cadell, 1777. 62 p.

Hume D. My Own Life / Hume D. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution of 1688. L.: T. Cadell, 1792. P. V–XV.

The Miscellaneous Works of Edward Gibbon, Esq: With Memoirs of His Life. In 5th vols. L.: printed for John Murray, 1814. V. 1. 530 p.

Stukeley W. Memoirs of Sir Isaac Newton's Life. L., 1752. 80 p. Режим доступа:
http://www.newtonproject.sussex.ac.uk/view/texts/normalized/OTHE00001

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. М.: Наука, 1991. 417 с.

Болингброк. Письма об изучении и пользе истории. М.: Наука, 1978. 359 с.

Разговоры о множестве миров господина Фонтенеля парижской академии наук секретаря. Пер. А. Кантемира. СПб., 1740. Режим доступа: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/lebovedefontenel/0/j42.html.

Фонтенель Б. Отступление по поводу древних и новых / Фонтенель Б. Рассуждения о религии, природе и разуме. Отв. ред. Х.Н. Момджян. М.: Мысль, 1979. С. 172–188. Режим доступа: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/lebovedefontenel/0/j42.html

Юм Д. История Англии (Извлечения) / Юм Д. Сочинения в двух томах. Том 2. М.: Мысль, 1996. С. 711–735.

Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. В 2-х т. СПб.: Алетейя, т. 1. 2001. 563 с., т. 2. 2002. 464 с.

Antiquité de la nation et de la langue des Celtes, autrement appellez Gaulois, par le R. P. Dom *P. Pezron*. Paris: Jean Boudot, 1703. 440 p.

Archaeologia Britannica: an Account of the Languages, Histories and Customs of Great Britain, from Travels through Wales, Cornwall, Bas-Bretagne, Ireland and Scotland. 1707. Oxford, 476 p. Режим доступа: https://archive.org/details/archaeologiabri00lhuygoog

Arnauld A., Nicole P. La logique, ou L' art de pensei. P.: Champion, 2011. 930 p.

Atkyns R. The Original and Growth Printing. L., 1664. 24 p.

Aubrey J. Monumenta Britannica: or, A miscellany of British antiquities. illustrated with notes of Thomas Gale and John Evelyn; annotated by Rodney Legg; archaeological consultant, William Hoade; language adviser, Robert J. Briggs; literary editor, John Fowles. 2 vols. Sherborne, Dorset. Vol. 1. 1980. P. 1–600; Vol. 2. 1982. P. 605–1143.

Bently R. Dissertations upon the epistles of Phalaris: With an Answer to the Objections of the Hon. C. Boyly. L.: printed by and for W. Boyer, 1697. 456 p.

Bentley R. Remarks on a late Discourse of Freethinking: In a letter to F.H. D.D. by Phileleutherus Lipsiensis. L.: John Morphew, 1713. 85 p.

Bolingbroke. Dissertation on Parties: in Several Letters to Caleb D'Anvers, Esq. L.: Printed for R. Francklin, 1749. 322 p.

Borlase W. The Natural History of Cornwall. Oxford: printed by W. Jackson, 1758. 328 p.

Borlase W. Antiquities, Historical and Monumental, of the County of Cornwall. Facsimile of the second edition with introduction by P. A. S. Pool and Charles Thomas; E. P. Publishing. 1973. 464 p.

Boswell J. Life of Samuel Johnson, rev. L.P.Powell. In 6th vols. Vol. 3. Oxford: Clarendon Press, 1934. 541 p.

Brady R. A Complete History of England, from the first entrance of the Romans ... unto the end of the reign of King Henry III, etc. [With an appendix.]. L.: T. Newcomb for S. Lowndes, 1685. 1098 p.

Brady R. An Historical Treatise of Cities and Burghs. 1690.

Brady R. Introduction to the Old English History, comprehended in three several tracts. The first, an Answer to Mr Petyt's Rights of the Commons asserted; and to a book [by William Atwood] intituled, Jani Anglorum facies nova; the second edition very much inlarged. The second, an Answer to a book [by Edward Cooke] intituled, Argumentum antinormanicum, much upon the same subject ... The third, the Exact History of the Succession of Crown of England; L.: T. Newcomb for S. Lowndes, 1684. 412 p.

Bryant J. A New System or Analysis of Ancient Mythology. In 2th vols. L.: T. Payne, P. Elmsly, B. White, and J. Walter. Vol. 1. 1775. 574 p.; Vol. 2. 1776. 608 p.

Burnet G. The abridgment of the history of the reformation of the Church of England. L.: printed by J. D[arby]. for Richard Chiswell, at the Rose and Crown in St. Paul's Church-Yard, 1683. 384 p.

Burnet G. The abridgment of the history of the reformation of the Church of England. Vol. 2. L.: printed by J. D[arby]. for Richard Chiswell, at the Rose and Crown in St. Paul's Church-Yard, 1683. 356 p.

Burnet G. A specimen of some errors and defects in the History of the Reformation. by Gilbert Burnet, . Bishop of Sarum. MS. note. L., 1693.

Burnet G. The History of the Reformation of the Church of England. An Introduction to the Third Volume of the History of the Reformation of the Church of England. L.: John Churchill, 1714. 300 p.; 72 p.

Burnet G. The History of the Reformation of the Church of England. Ed. Pocock. 7 vols. Oxford: Clarendon Press. 1865.

Burnet G. History of My Own Time. 2 vols. L.: Thomas Ward. 1724; 1734.

Burnet G. The memoirs of the lives and actions of James and William, dukes of Hamilton and Castle-Herald. Oxford University press. 1852. 598 p. Режим доступа: https://archive.org/details/memoirsoflivesac00burn

Burnet T. The Sacred Theory of the Earth. First edition. L.: printed by R. Norton, for Walter Kettilby, at the Bishop's Head in S. Paul's Church-Yard. 1684.

350 p. Режим доступа: http://onlinebooks.library.upenn.edu/webbin/book/lookupname?key=Burnet%2C%20Thomas%2C%201635%3F-1715

Camden W. Britannia. Newly Translated into English: with Large Additions and Improvments. Ed. *Edward Gibson.* L.: A. Swalle: A. & J. Churchil, 1695. 1116 p.

Camden's Britannia, 1695: a facsimile of the 1695 edition published by Edmund Gibson; [translated from the Latin] / with an introduction by Stuart Piggott and a bibliographical note by Gwyn Walters. Newton Abbot: David and Charles, 1971. 1116 p.

Camden W. Britannia or a geographical description of Great Britain and Ireland together with the ancient lands etc. Revised by *Edmund Gibson*. Vol. 1. L.: Printed by Mary Matthews, for Awnsham Churchill, and sold by William Taylor. 1722. Режим доступа: https://ebooks.adelaide.edu.au/c/camden/william/britannia-gibson-1722/complete.html.

Catalogi librorum manuscriptorum Angliae et Hiberniae in unum collecti cum indice alphabeticum. In two vols. Oxford: at the Sheldonian Theatre. 1697. 1018 p. Режим доступа: https://play.google.com/books/reader2?id=ZMNJAAAAcAAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=en&pg=GBS.PP8

A Catalogue of Engravers: Who Have Been Born, Or Resided in England. Printed for J. Dodsley, 1786. 306 p.

Catalogue of the Harleian Manuscripts in the British Museum: With Indexes of Persons, Places and Matters. Printed by command of His Majesty George III. [Revised by R. Nares, S. Shaw, and F. Douce.] With indexes of persons, places and matters [by T. H. Horne]. In 4th vols. L., 1808–1812.

Collier J. Ecclesiastical History of Great Britain. 2 vol., L.: Samuel Keble; Benjamin Tooke. Vol. 1. 1708. 487 p.; Vol. 2. 1714. 294 p.

Cooke W. Patriarchal and Druidical religion &c. Being the substance of some letters to Sir H. Jacob, Baronet ... With an introduction in vindication of the

several hieroglyphical figures described and exhibited in the course of this treatise Illustrated with copper plates. L.: Temples, 1755. 75 p.

Dictionarium Saxonico et Gothico-Latinum. Auctpre Edvardo Lye, A. M. Rectore de Yardley-Hastings in Agro Northantoniensi. Accedunt fragmenta Versionis Ulphilarue, nee non Opuscula quoedam Anglo-Saxonica. Edidit nonnullis vocabulis auxit, plurimis exemplis illustravil, et Grummaticam utriusque Linguae praemisit *Owen Manning*. 2 vols., L., 1772.

Dictionarium Saxonico-Latino-Anglicum, voces, phrasesque praecipuas Anglo-Saxonicas…cum Latina et Anglica vocum interpretatione complectens … Aecesserunt Aelfrici Abbatis Grammatica Latino-Saxonica cum glossario suo ejusdem generis. 2 pts. Oxford: W. Hall, 1659; 2nd edit, with additions by Thomas Benson, 1701.

Dugdale W. The Antiquities of Warwickshire illustrated from Records, Leiger-Books, Manuscripts, Charters, Evidences, Tombes and Armes: beautified with maps, prospects and portraictures. L.: Thomas Warren, 1656. 826 p. Режим доступа: http://www.xmera.co.uk/dugdale_cat/index.php

Dugdale W. The baronage of England, or, An historical account of the lives and most memorable actions of our English nobility in the Saxons time to the Norman conquest, and from thence, of those who had their rise before the end of King Henry the Third's reign deduced from publick records, antient historians, and other authorities. 3 vol. in 2. L.: Printed by Tho. Newcomb, for Abel Roper, John Martin, and Henry Herringman. 1675. 497 p.; 1676. 582 p.

Dugdale W. The history of the antient abbeys, monasteries, hospitals, cathedral and collegiate churches: Being two additional volumes to Sir *William Dugdale's* Monasticon Anglicanum by John Stevens. L.: printed for Tho. Taylor, Luke Stokoe, Jos. Smith, John Senex, W. Taylor, T. Meighan, J. Batley, And. Johnston, W. Bray, R. King, and Tho. Cox, 1722–1723.

Dugdale W. Monasticon Anglicanum, or, The history of the ancient abbies, and other monasteries, hospitals, cathedral and collegiate churches in England and Wales. With divers French, Irish, and Scotch monasteries formerly relating to

England. In three volums. L., MCDCXIII. 392 p. Режим доступа: https://archive.org/search.php?query=creator%3A%22Dugdale%2C+William%2C+Sir%22

Dupin L. Nouvelle Bibliothèque des auteurs ecclésiastiques. 19 vol. P., 1691–1715.

Dupin L. A new history of ecclesiastical writers. 13 vol. L., 1692–1699.

Eduardi Luidii. Lithophylacii Britannici ichnographia: sive lapidum aliorumque fossilium Britannicorum singulari figura insignium, quotquot hactenus vel ipse invenit, vel ab amicis accepit, distributio classica: scrinii sui lapidarii repertorium cum locis singulorum natalibus exhibens. Additis rariorum aliquot figuris ære incisis; cum epistolis ad clarissimos viros de quibusdam circa marina fossilia & stirpes minerales præsertim notandis. 1699. Huddesford W. typographeo Clarendoniano, 1760. Режим доступа: http://books.google.co.uk/books/about/Eduardi_Luidii_Lithophylacii (19.01.2015).

Evelyn J. Numismata: A Discourse of Medals. L., 1697. 342 p.

Fenn J. Three chronological tables: exhibiting a state of the Society of Antiquaries of London, from its first rise in 1572 . L., 1784. Режим доступа: http://books.google.ru/books/about/Three_Chronological_Tables.html?id

Fontenelle B. de. Digression sur les Anciens et les Modernes. P., 1688. 218 p.

Fontenelle B. de. Entretiens sur la pluralit é des mondes. P.: Vve C. Blageart, 1686. 359 p.

Foxe J. Actes and Monuments of these Latter and Perillous Days, Touching Matters of the Church, wherein ar comprehended and described the great persecutions horrible troubles, that have bene wrought and practised by the Romishe prelates, speciallye in this Realme of England and Scotlande, from the yeare of our Lorde, a thousande, unto the tyme nowe present. In 2th vols. John Day. L., 1563.

Francisci Junii Francisci Filii, Etymologicum Anglicanum, ex autographo descripsit & accessionibus pcrmultis auctum edidit *Edwardus Lye A. M.*

Prsemittimtur Vita auctoris et Grammatica Anglo-Saxonica. Oxonii: c Theatre Sheldoniano. 1743. 572 p.

Freret N. Reflexions sur 1'etude des anciennes histoires et sur le degre de certitude de leurs preuves. P., 1729. 635 p.

George Buchanan: the political poetry. *McGinnis P.J., Williamson A. H.* (eds.). Edinburgh: Scottish Historical Society. 1995. 339 p.

Gough R. Anecdotes of British Topography. L.: printed by W. Richardson & S. Clark; sold by T. Payne; W. Brown, 1768. 740 p.

Gough R. The History and Antiquities of Croyland Abbey. L., 1783. 182 p.

Goagh R. Sepulchral Monuments in Great Britian. In 2 vols. L., 1785–1796.

Heylin P. History of the Reformation. Ecclesia restaurata; or, the history of the reformation of the Church of England. L., 1661. 510 p.

Hickes G. Institutiones Grammaricae Anglo-Saxonicae et Moeso-Gothicae. Oxford: at the Sheldonian Theatre, 1689. 219 p.

Hickesii Thesauri Grammatico-Critid Conspectus Brevis. Wotton's Short View of G. Hickes's Grammatico-Critical and Archaeological Treasure, trans. by M. Shelton, 2nd edn. L., 1737. 206 p.

The History of the life of M. T. Cicero, by Dr. *C. Middleton*. 2 Vols., L., 1741.

Hume D. The History of England. 6 vols. L.: T. Cadell, 1778. With new foreword. 1778 / Vol. 1. The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688, Foreword by *William B. Todd*. Режим доступа: http://oll.libertyfund.org/titles/1868.

Hume D. The History of England. 6 vols. Indianapolis: Liberty Classics. 1983.

Hume D. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688. 8 vols. L., 1770.

Hume D. The Natural History of Religion. L.: A. Millar, 1757. 295 p.

Hume D. Of the Study of History. L., 1741; withdrawn after 1760 / *Hume D.* Essays Moral, Political, and Literary, ed. E. F. Miller. Indi-anapolis: Liberty Classics, rev. ed., 1987. P. 569–574.

Johannis Seldeni Jurisconsulti Opera Omnia, tam edita quam inedita: in tribus voluminibus. Collegit ac recensuit; vitam auctoris, praefationes, & indices adjecit. Londini: Typis Guil. Bowyer. 1725–1726.

Lyttelton C. A Dissertation on the Antiquity of Brick Buildings in England // Archaeologia. Vol. 1. 1770. 140–149.

Macaulay C. The History of England from the Accession of James I to that of the Brunswick Line, 8 vols. L.: J. Nourse, et al., 1763–1783.

Major J. De Gestis Scotorum. Paris, 1521. 232 p.

Maurice T. Indian antiquities. 7 vols. L., 1793–1800.

Middleton C. A Dissertation concerning the Origin of Printing in England. Cambridge, 1734–1745 / The Miscellaneous works of the late Reverend and Learned Conyers Middleton, D.D., Principal Librarian of the University of Cambridge. L: Printed for R. Manby and H.S. Cox, 1755. Vol. V. P. 321–372.

Middleton C. A Free Inquiry into the Miraculous Powers, which are Supposed to Have Subsisted in the Christian Church. L., 1749.

Middleton C. Remarks, paragraph by paragraph, upon the Proposals lately published by Richard Bentley for a new Edition of the Greek Testament and Latin Version, L.: J. Roberts, 1721. 24 p.

Montesquieu C.-L. de Secondat, baron de. The Spirit of the Laws. trans, and ed. A. M. Cohler and others. Cambridge: Cambridge University Press,, 1989. 733 p.

Nicolson W. The English Historical Library; or Short View and Character of most of the Writers now extant either in Print or Manuscript which be Serviceable to Undertaking of General History of this Kingdom. L.: printed for Abel Swall and T. Child, 1696. 232 p.

Nicolson W. Of the English Medals and Coins from the Conquest / Nicolson W. The English Historical Library. Part. 3. L., 1699.

Ó Maolmhuaidh Froinsias. Grammatica Latino-Hibernica nunc compendiata. Rome, 1677. 436 p.

Palmer S. The General History of Printing, from its first invention in the City of Mentz, to its first progress and propagation through the most celebrated cities in Europe, Particularly its introduction, rise and progress here in England. The character of the most celebrated printers, from the first inventors of the art to the years 1520 and 1550. L.: A. Betterworth, 1732. 400 p.

Pezron P. Y. The Antiquities of Nations; more particularly of the Celtae or Gauls, taken to be originally the same people as our ancient Britains. Englished by Mr. Jones. L., 1706.

Plot R. The natural history of Oxford-shire: being an essay towards the natural history of England. Printed by L. Lichfield for C. Brome [etc.] L., 1705. 315 p. Режим доступа: http://books.google.co.uk/books?id=J8wQAAAAIAAJ&pg=PA1&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false

Pouilly de Levesque J. Dissertation sur l'incertitude de l'histoire des premiers siècles de Rome. P., 1723.

Reliquiae Spelmannianae: The Posthumous Works of Sir Henry Spelman Kt. Relating to the Laws and Antiquities of England. Publish'd from the original manuscripts. With the Life of the Author. Oxford: Printed at the Theater for Awnsham and John Churchill, L.: for A. & J. Churchill, 1698. 214 p.

Remarks and Collections of *Thomas Hearne*. Vol. VIII. Edited by *C.E. Doble*. Imprint: Oxford Historical Society. 1907.

Ridpath G. An historical account of the antient rights and power of the parliament of Scotland. [Edinburgh?], 1703. 160 p.

Robertson W. History of Scotland during the reigns of Queen Mary and King James VI. L.: Routledge/Thoemmes Press, 1996. 561 p.

Rollin C. Histoire romaine depuis la fondation de Rome jusqu'à la bataille d'Actium. In 7th vols. P., 1730–1738.

Rowlands H. Mona Antiqua Restaurata, an Archæological Discourse on the Antiquities Natural and Historical of the Island. Dublin, 1723. 357 p.

Rowlands H. Mona Antiqua Restaurata: An Archaeological Discourse on the Antiquities, Natural and Historical, of the Isle of Anglesey, the Antient Seat of the British Druids. Printed for J. Knox. 1766. Режим доступа: https://archive.org/details/monaantiquarest00lhuygoog

The Rudiments of Grammar, For the English-Saxon Tongue, First given in English: With an Apology for the Study of Northern Antiquities. Being very useful towards the understanding our ancient English Poets, and other Writers. L.: W. Bowyer, 1715. 520 p.

Sanders N. De origine ac progressu schismatis Anglicani. Colomn, 1585.

Sander N. Rise and growth of the Anglican schism by Nicolas Sander. L.: Burns and oates. 1877. 373 p. Режим доступа: http://archive.org/stream/riseofschism00sanduoft/riseofschism00sanduoft_djvu.txt

Somner W. A Treatise of the Roman Ports and Forts in Kent ... Publish'd by J. Brome. To which is prefixt the life of Mr Somner [by Bishop Kennet]. Oxford: Printed at the Theatre, 1693. 117 p.

Spelman H. Archæologus. In modum glossarii ad rem antiquam posteriorem continentis Latino-Barbara, peregrina, obsoleta et novatæ significationis vocabula, quæ ... in Ecclesiasticis profanisque scriptoribus ... legibus antiquis, Chartis et formulis occurrunt. Scholiis ... illustrata, etc. L.: Apud Joannem Bealei, 1626. 625 p.

Spelman H. The History and Fate of Sacrilege discover'd by example ... Wrote in the year 1632. ... The Beginners of a monastick life ... By Sir R. Twisden, Kt. and Bar. L.: J. Hartley, 1698. 40 p.

Spelman J. Aelfredi Magni, Anglorum regis invictissimi, vita tribus libris comprehcnsa a clarissimo dnojohanne Spelman / [ed. by O. Walker]. Oxon, 1678. 220 p. URL: http://books.google.ru

Spelman J. The life of Alfred the Great / [ed. by T. Hearne], Oxford, 1709. Режим доступа: http://books.google.ru

Stukeley W. Stonehenge, A Temple Restor'd to the British Druids. L., 1740. 164 p. Режим доступа: http://www.sacred-texts.com/neu/eng/str/

Stukeley W. Abury, A Temple of the British Druids, With Some Others. L., 1743. 102 p. Режим доступа: http://www.avebury-web.co.uk/AburyWS/AburyWS.html.

A table of English gold coins, from the eighteenth year of King Edward III, when gold was first coined in England. With their several weights, and present intrinsic values. By *Martin Folkes*, Esq. L., 1736.

Toland J. The Critical History of the Celtic Religion and Learning Containing an Account of the Druids. 1726. 268 p.

Temple W. Observations upon the United Provinces of the Netherlands. L.: E. Gellibrand, 1673. 279 p.

Turgot J. Discours sur l'histoire universelle. P., 1751. 240 p.

Turgot J. On Universal History, 1751 / Turgot on Progress, Sociology and Economics: A Philosophical Review. Ed. Ronald L. Meek. Cambridge, 1973.

Vetusta monumenta quae ad Rerum Britanicarum memoriam conservandam Societas Antiquariorum Londini sumptu suo edenda curavit. L., 1718–1906.

Vocabularium Latinum et Hibernum. By *Risdeard Pluincéad*, Franciscan. Dublin. 1662. 491 p.

Wanley H. Antiquae Literaturae Septentrionalis liber alter, seu Humphredi Wanleii Librorum Vetr. Septentrionalium, qui in Angliae Bibliothecis extant, nec non multorum Vett. Codd. Septentrionalium alibi extantium Catalogus Historico-Criticus, cum totius Thesauri Linguarum Septentrionalium sex Indicibus. Oxford: Clarendon, 1705. 683 p.

Whear D. De ratione et methodo legendi historias. Oxonii, 1662. Режим доступа: http://www.philological.bham.ac.uk/whear/text.html

Whear D. The Method and Order for Reading both Civil and Ecclesiastical Histories. L.: M. Flesher, for Charles Brome, 1685.

Wotton W. Reflections upon Ancient and Modern Learning. L., 1694. Режим доступа: https://archive.org/details/reflectionsupon00wottgoog

Wright W. The comical history of the marriage betwixt Fergusia and Heptarchus. L., 1706. Режим доступа: https://library.villanova.edu/Find/Record/750120

Л И Т Е Р А Т У Р А

Айзенштат М. П. Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М.: ИВИ РАН, 2009. 398 с.

Акройд П. Исаак Ньютон. Биография. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2011. 256 с.

Аксенова Е. Ю. Общественно-политические и исторические взгляды Кэтрин Маколей (1731–1791 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Самара, 2003. 26 с.

Аксенова Е. Ю. Ученая леди. Общественно-политические и исторические взгляды Кэтрин Маколей. Самара: Ас Гард, 2011. 164 с.

Английские материалисты XVIII века. В 3 т. М.: Мысль, Т. 1. 1967. 448 с. Т. 2. 1967. 408 с. Т. 3. 1968. 550 с.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 3. От Возрождения до Канта. СПб.: ПНЕВМА, 2002. 868 с.

Апрыщенко В. Ю. От Просвещения к романтизму: шотландская антикварная традиция и поиски национального прошлого / Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 554–589.

Апрыщенко В. Ю. Дэвид Юм и британская юнионистская традиция эпохи Просвещения // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 5–23.

Апрыщенко В. Ю. Дэвид Юм и британская юнионистская традиция эпохи просвещения // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 11–14.

Бабинцев В. А., Высокова В. В. Вавилонская башня интеллектуальной истории. // Imagines Mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 4. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 2. Екатеринбург: изд-во Уральского университета. 2006. С. 5–10.

Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 342 с.

Барг М. А. Шекспир и история. М.: Наука, 1976. 199 с.

Барг М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с.

Барг М. А. Юм как методолог истории // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 70–82.

Барг М. А., Авдеева К. Д. От Макиавелли до Юма: Становление историзма. М., 1998. 306 с.

Барг М.А. Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк / Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М.: Наука, 1978. С. 274–316.

Вайнштейн О. Л. Английская историография XVI–начала XVII в. Гл. 9. / *Вайнштейн О. Л.* Западно-европейская средневековая историография. М.–Л.: Наука, 1961. С. 420–457.

Валлерстайн И. Конструирование народа: раса, нация, этническая группа // *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности. М.: Логос, 2004. С. 83–103.

Век Просвещения. Вып. IV: Античное наследие в европейской культуре XVIII века. М.: Наука, 2012. 496 с.

Виноградов Н. Д. Философия Давида Юма: Этика Юма в связи с важнейшими направлениями британской морали XVII–XVIII вв. М.: УРСС. 2011. 432 с.

Высокова В. В. История когнитивная / история интеллектуальная: различия и точки соприкосновения // JES. 2013. Выпуск 2 (18) [Электронный

ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://history.jes.su/s207987840000484-1-1

Высокова В. В. Методология истории: когнитивные основания (к вопросу о теории научного познания) / «Круглый стол» по книге О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история. М., 2010. № 1. С. 149–151.

Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. *Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной*; ред. и послесл. *И. И. Крупника*. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

Герман Р. Э. История как средство создания нации: анализ этноконструктивистских теорий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практик. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21). В 3-х ч., Ч. 1. С. 43–50.

Глебов А. Г. Англия в раннее средневековье. СПб.: Евразия, 2007. 288 с.

Горелов М. М. Датское и нормандское завоевания Англии в XI веке. СПб.: Алетейя, 2007. 167 с.

Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. 357 с.

Гутнова Е. В. Возникновение английского парламента (Из истории английского общества и государства XIII века). М.: издательство Московского университета, 1960. 579 с.

Гутнова Е. В. Историография истории средних веков: 2-е изд. М. Высшая школа, 1985. 477 с.

Диалог со временем. № 21. Специальный выпуск: Исторические мифы и этнонациональная идентичность. М.: ЛКИ, 2007. 416 с.

Дмитриева О. В. Радикальное направление в английской историографии века Просвещения («История Англии» К. Маколей) // Проблемы британской истории. М., 1987.

Древнеанглийская поэзия / Издание подготовили *О. А. Смирницкая, В. Г. Тихомиров*. М.: Наука, 1982. 320 с.

Ерофеев Н. А. Английское Просвещение и историческая мысль. Шотландская школа. Раздел 1. Гл. 4. / Историография истории нового времени стран Европы и Америки. Под ред. И. П. Дементьева. М.: Высшая школа, 1990. 512 с.

Ерофеев Н. А. Историческая мысль и историческая наука в Англии. Ч. 1. Разд. II. Гл. 3 / Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. Под ред. А. В. Адо и др. М., 1977. С. 84–96.

Ерофеев Н. А. Социологическая и историческая мысль просветителей XVIII в. в Англии. Гл. IV / Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. Отв. ред. И. С. Галкин. М., 1967. С. 58–66.

Ерофеев Н.А. Торийская и вигская историография в Англии. Раздел 2. Гл. 3. / Историография истории нового времени стран Европы и Америки. Под ред. И. П. Дементьева. М., 1990. С. 148–159.

Ерохин В. Н. Методологические подходы к изучению истории религиозной реформации в Англии в современной британской историографии. Нижневартовск: изд-во Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2008. 228 с.

Зверева В. В. Антикварианизм XVI–XVII веков представление прошлого в контексте научной революции дискурсе / Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 767.

Зверева В. В. Новое солнце на Западе: Беда Достопочтенный и его время. СПб.: Алетейя, 2008. 248 с.

Земцов В. Н. Черная книга Кармартена. То немногое, что мы о ней знаем: материалы к спецкурсу. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2007. 93 с.

Имперская мифология и символика / Британская империя: становление, эволюция, распад. Учебн. Пособие под общ. ред. *В. В. Высоковой*. Екатеринбург: Волот, 2010. С. 127–141.

История Британии: современные исследования. Редакторы: *М. П. Айзенштат, Т. Л. Лабутина, И. Ю. Новиченко, А. Ю. Прокопов.* Вып. 10 (33). Дата публикации 28.12.2014. Режим доступа: http://history.jes.su/issue.2014.4.12.10-33.

Каниболоцкая Е. А. Образ короля Альфреда Великого в английском общественно-историческом сознании периода средних веков и нового времени. Авт. дисс… к.и.н. Воронеж, 2011. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/obraz-korolya-alfreda-velikogo-v-angliiskom-obshchestvenno-istoricheskom-soznanii-perioda-sr#ixzz3FwxOk2qK

Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике могущей появиться как наука. 1783. / *Кант И.* Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. I. М.: «Мысль», 1965. С. 67–210.

Карп С. Я. Что такое Просвещение? / Всемирная история. В 6 томах / Отв. ред.: *С. Я. Карп*; под общ. ред.: *А. О. Чубарьян.* Т. 4: Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. С. 100–103.

Карцев В. П. Ньютон. М.: Мол. гвардия, 1987. 415 с.

Кельтская мифология. Энциклопедия / Пер. с англ. *С. Головой и А. Голова*. М.: Издательство Эксмо, 2002. 639 с.

Кирчанов М. В. Imagining England. Национализм, идентичность, память. Воронеж: ФМО ВГУ, 2008. 204 с.

Клейн Л. С. История археологической мысли. Курс лекций. В 2 томах. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2011. 688 с. (т. 1), 626 с. (т. 2).

Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской: [ст. и материалы] / отв. ред.: *М. Ф. Румянцева, Р. Б. Казаков*. М.: РГГУ, 2011. 508 с.

Кондратьев С. В. Юристы общего права в елизаветинской и раннестюартовской Англии / Англия XVII века. СПб.: Образование, 1997. С. 85–136.

Креленко Н. С., Парфенов И. Д. Эволюция образа «доброго дикаря» в английской литературе на фоне истории Британской империи // Imagines Mundi. Альбионика. Вып. 2. 2003. С. 110–117.

Креленко Н. С. Английские просветители о революции середины XVII в. // Новая и новейшая история. Вып. 12. Изд-во Саратовского ун-та. 1989. С. 132-151.

Креленко Н. С. Образ Английской революции в общественной памяти Великобритании XVII–XVIII веков. Саратов, 2012. 178 с.

Креленко Н. С. Причудливая память потомков: Английская революция в общественной мысли Великобритании XVIII века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 4. М., 2001. С.74–83.

«Круглый стол» по книге О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история. М., 2010. № 1. С. 131–165.

Лабутина Т. Л., Ильин Д. В. Английское Просвещение. Общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб.: Алетейя, 2012. 304 с.

Лабутина Т. Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М.: Наука, 2005. 458 с.

Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М.: Издательский дом «Теерритория будущего», 2006. 622 с.

Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе: Конец XVIII – первая треть XIX века / Отв. ред. академик *М. П. Алексеев*. Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. 208 с.

Ливайн Дж. Интеллектуальная история как история // Диалог со временем. Вып. 14. 2005. С. 37–57.

Лукьянов Д. В. «Когнитивная революция» в современном историческом познании // Будущее нашего прошлого: мат. науч. конф. Москва, 15–16 июня 2011 г. / отв. ред. *А. П. Логунов*; РГГУ. М., 2011. С. 179–193.

Мейнеке Ф. Возникновение историзма М.: РОССПЭН, 2004. 480 с.

Маккалох Дж. А. Религия древних кельтов / Пер. с англ. *С. П. Евтушенко*. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 334 с.

Маколей Т. Б. Сэр Виллам Темпл / *Маколей Т. Б.* Полное собрание сочинений. Т. III. Исторические и критические опыты. СПб., 1862. С. 140–236.

Максимов Л. В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М.: РОССПЭН, 2003. 160 с.

Матузова В. И. Орозий короля Альфреда (конец IX в.) / *Матузова В. И.* Английские средневековые источники IX-XIII вв.: Тексты, пер., коммент. М.: Наука, 1979. С. 13–36.

Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 360 с.

Мееровский Б. В. Джон Толанд. М.: Мысль, 1979. 190 с.

Мереминский С. Г. Формирование английской исторический традиции во 2-ой пол. XI – 1-й пол. XII вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2006. 26 с.

Метлицкая З. Ю. Историческое сознание англосаксонских анналистов IX–XI веков: по материалам Англосаксонской хроники. Авт. дисс… к.и.н. М. 2005. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/istoricheskoe-soznanie-anglosaksonskikh-annalistov-ix-xi-vekov-po-materialam-anglosaksonskoi

Метлицкая З. Ю. Англосаксонская Англия и нормандское завоевание. Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2003. 82 с.

Мильская Л. Т. Эрнст Трёльч и проблемы философии истории / Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. М.: «Юрист», 1994. 719 с.

Мир в XVIII веке. / Всемирная история. В 6 томах / Под общ. ред.: *А.О. Чубарьяна.* Т. 4. М.: Наука, 2013. 787 с.

Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. *В. Ферроне и Д. Роша*. Пер. Н. Ю. Плавинской под ред. *С. Я. Карпа*. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 668 с.

Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. Вып. 3: Историографическая революция. Томск: ТГУ, 2008. 554 с.

Нарский И. С. Давид Юм. М.: Мысль, 1973. 180 с.

Нарский И. С. Философия Давида Юма. М.: Изд-во Московского университета, 1967. 358 с.

Нации и национализм / *Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох* и др; Пер с англ. и нем. *Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского,* М.: Праксис, 2002.

Национальный характер, дух народа и образ Другого: способы познания и описания. Диалог со временем. № 39. 2012. 432 с.

Паламарчук А. А., Федоров С. Е. Прошлое крупным планом: темпоральные измерения в антикварном дискурсе / Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / Под ред. Л. П. Репиной М.: Кругъ, 2010. С. 226–245.

Паламарчук А. А., Федоров С. Е. Историческая память и технологии антикварного дискурса: Англия раннего Нового времени / Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под редакцией Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 495–522;

Паламарчук А. А. Федоров С. Е. Рубежи антикварного сознания: история и современность в раннестюартовской Англии / Цепь времен. Образы прошлого в историческом сознании / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005.

Парадигмы изучения прошлого и их актуализация / Историописание и историческая память // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Выпуск 13. Раздел 1. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2012. С. 3–89.

Пиготт С. Друиды. Поэты, ученые, прорицатели. М., 2005. 223 с.

Плотинский Ю. М. Основные принципы когнитивного подхода / *Плотинский Ю. М.* Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений. Изд. 2-е. М.: Логос, 2001.С. 53–86.

Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории ius commune // Государство и право, 2012. № 6. С. 106–115.

Поппер К. Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 49–79; № 9. С. 22–48; № 10. С. 29–58.

Просвещение и его практики / Всемирная история. В 6 томах. Под общ. ред. *А. О. Чубарьяна.* Т. 4. Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. С. 100–210.

Пучков П. А. Спор «древних» и «новых» на исходе XVII века // Преподавание истории в школе. 2006. № 11. С. 24–28.

Репина Л. П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем. Вып. 1. 1999. С. 5–12.

Роллестон Т. Мифы, легенды и предания кельтов. / Пер. с англ. *Е. В. Глушко*. М.: Центрполиграф, 2004. 347 с.

Сабинина М. В. Давид Юм, его жизнь и философская деятельность. СПб, 1893. 79 с.

Семенов С. Б. Радикальный взгляд в прошлое: К. Маколей и ее «История Англии» / История и историография зарубежного мира в лицах. Самара, 1996. С. 174.

Семенов С. Б. Парадокс Джона Уилкса // Новая и новейшая история. 1997. N 5. С. 196–212.

Сидорова О. Г. Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 262 с.

Скардильи П. Готы: язык и культура / Пер. с нем. *А. Д. Сыщикова.* СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 388 с. С. 313–314.

Смирницкая О. А. Поэтическое искусство англосаксов / Древнеанглийская поэзия. М., 1980. С. 171–232; Режим доступа: http://www.philology.ru/literature3/smirnitskaya-80.htm

Смит Э. Д. Национализм и историки / Нации и национализм. М., 2002. С. 252–253.

Согрин В. В. Современная историографическая революция // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 99–106.

Соколов А. Б. «Замечательный и нередкий пример запутанности мыслей»: о статье М.И. Бацера «Две английские революции как историографическая проблема» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 38. С. 324–342.

Соколов А. Б. Кларендон как историк // Диалог со временем. Вып. 45. 2013. С. 41–69.

Соколов А. Б. Ревизионистское направление в британской историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Выпуск 10 (33) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://history.jes.su/s207987840000849-2-1

Старки Э. Англиканская церковь и Бангорская дискуссия, 1716–1721 гг. (Реферат) / Церковь религиозное сознание в Новое и Новейшее время: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исслед. Отд. истории; отв. ред. *З. Ю. Метлицкая*; отв. за выпуск Ю. В. Дунаева. М., 2010. С. 157–165.

Субботин А. Л. Бернард Мандевиль. М.: Мысль, 1986. 136 с.

Субботин А. Л. Фрэнсис Бэкон. М.: Мысль, 1974. 175 с.

Тишков В. А., Шнирельман В. А. Как и зачем надо изучать национализм / Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 4–24.

Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. М.: Юрист, 1994. 719 с.

Тункина И. В. «Открытие» прошлого / Всемирная история. В 6 томах. Под общ. ред.: *А.О. Чубарьяна.* Т. 4. Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. С. 233–256.

Федоров С. Е. Британский вариант контекстуализации национальной истории (когнитивный и коммуникативный аспекты) // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конференции / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2006. С. 186–187.

Фролов Э. Д. Бык Фалариса: миф и реальность в предании об акрагантском тиране VI в. до н. э. // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. Под ред. *Э. Д. Фролова*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. с.5–20.

Фролов Э. Д. Парадоксы истории — парадоксы античности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 420 с.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. *М. М. Беляева* и др. М.: Весь мир, 2003. 416 с. Режим доступа: http://www.krotov.info/lib_sec/22_h/hab/haber_0.htm

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.

Ходячих С. С. Ethos Normannorum: самоидентификация нормандской аристократии в Англии (1066 – 1100) как способ формирования исторической памяти в пространстве властных интересов / Историописание и историческая память // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Выпуск 13. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2012. С. 25–32.

Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 310 с.

Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 121–145.

XX век: Обретение идентичности. Просвещение между генезисом современности и постмодернистской критики / Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. *В. Ферроне и Д. Роша.* Пер. *Н. Ю. Плавинской* под ред. *С. Я. Карпа.* М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 543–565.

Чехонадская Н. Ю. Святой Гильда и падение Римской Британии: Авт. дисс… к.и.н. М., 2001.

Чудинов А. В. Размышления англичан о французской революции (Берк, Макинтош, Годвин). М.: Памятники исторической мысли, 1996. 301 с.

Шопенгауэр А. Избранные произведения / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. И. С. Нарский. М.: Просвещение, 1992. 479 с.

Эрлихман В. В. Король Артур. М.: «Молодая гвардия», 2009. 346 с.

Эрлихман В. В. Отец английской истории / *Беда Достопочтенный.* Церковная история народа англов / Пер., вступ. статья, библиография и примечания В. В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001. С. 322–337.

Adams E. N. Old English Scholarship in England from 1566–1800. New Haven: Yale University Press, 1917. 219 p.

A Life of Gilbert Burnet, Bishop of Salisbury by *T. E. S. Clarke.* Cambridge, 1907. 648 p.

Allan D. Virtue, Learning and the Scottish Enlightenment: Ideas of Scholarship. 1993. Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=DAM-SlQNL04C&pg=PA67&lpg=PA67&dq=Mair+John+Scottish+historian&source=bl&ots.

Barrow G. W. S. Robert Bruce and the Community of the Realm of Scotland. L.: Eyre & Spottiswoode, 1965. 502 p.

Berman D. David Hume on the 1641 Rebellion in Ireland // Studies: An Irish Quarterly. Review. № 65. 1976. P. 101–112.

A Bibliography of Publications on Old English Literature to the End of 1972. By *Stanley B. Greenfield, Fred C. Robinson*. University Toronto Press. 1980. 433 p.

Bindman D. Blake's Gothicised Imagination and the History of England / *Morton D. Paley* and *Michael Phillips*, eds., Essays in Honour of Sir Geoffrey Keynes. Oxford: Clarendon Press, 1972. P. 29–49.

Black R. Ancients and Moderns in the Renaissance: Rhetoric and History // Journal of the History of Ideas. № 43. 1982. P. 3–32.

Brandy L. Narrative Form in History and Fiction: Hume, Fielding, and Gibbon. Princeton, N. J., 1970. 308 p.

Braudy L. The Frenzy of Renown: Fame and its History. Oxford: Oxford University Press, 1986. 649 p.

Breay C. Magna Carta: Manuscripts and Myths. L.: British Library, 2010. 56 p.

The British Problem, c. 1534–1707: state formation in the Atlantic Archipelago. Brendan Bradshaw and John Morrill (eds.). Basingstoke: Macmillan. 1996. 334 p.

The British Union: a critical edition and translation of David Hume of Godscroft's De Unione Insulae Britannicae. *Paul J. McGinnis* (Author), Arthur H. Williamson (eds.). L.: Ashgate. 2002. 333 p.

Brownlie S. Memory and Myths of the Norman Conquest. Woodbridge: Boydell Press, 2013. 227 p.

Bryson G. Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth century. Princeton, 1945. 287 p.

Butterfield G. Man on His Past: The Study of the History of Historical Scholarship. Cambridge: University Press, 1955. 237 p.

Butterfield G. Moral Judgments in History. L., 1959. 244 p.

Butterfield G. The Englishman and His History. Cambridge, 1944. 142 p.

Butterfield G. The Origins of Modern Science. 1300–1800. [S.l.]: G. Bell and Sons Ltd, 1949. 242 p.

Butterfield G. History and Human Relations. N. Y.: Macmillan, 1952. 254 p.

Butterfield G. The Whig Interpretation of History. L.: G. Bell, 1931. 132 p.

Chamley P. E. The Conflict between Montesquieu and Hume / Essays on Adam Smith. Ed. By *A. S. Skinner and T. Wilson*. Oxford, 1975. P. 274–305.

Christensen J. Practicing Enlightenment: Hume and the Formation of a Literary Career. University of Wisconsin Press. 1987. 442 p.

Clark J. C. D. English Society, 1660–1832: Religion, Ideology and Politics During the Ancient Regime. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 580 p.

Clark J.C.D. English Society 1688–1832. Ideology, Social Structure and Political Practice during the Ancien Régime. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 442 p.

Colley L. Britishness and Otherness: an Argument // Journal of British Studies. № 31. 1992. P. 309–329.

Colley L. Britons: Forging the Nation 1707–1837. New Haven: Yale University Press, 1992. 429 p.

Condon M. M., *Hallam E.* Government Printing of the Public Records in the Eighteenth Century // Journal of the Society of Archivists. 1984. № 7. P. 348–388.

Courtenay T. P. Memoirs of the Life, Works, and Correspondence of Sir William Temple, 2 vols. L.: [s.n.], 1836.

Crook J. M. John Carter and the Mind of the Gothic Revival. L.: W. S. Maney and Son, 1995. 109 p.

Daniel G. E. A Hundred and Fifty Years of Archaeology. [London]: Duckworth, 1976. 410 p.

David Hume: Philosophical Historian. Ed. by *D. F. Norton* and *R. H. Popkin*. Indianapolis, 1965. 438 p.

Davis Zemon N. History's Two Bodies // The American Historical Review. Vol. 93. №. 1. 1988. P. 1–30.

Devine T.M. The Transformation of Rural Scotland. Social Change and the Agrarian Economy 1660–1815. Edinburgh university press, 1994. 275 p.

Diggins J. P. Arthur O. Lovejoy and the Challenge of Intellectual History // Journal of the History of Ideas. Vol. 67. № 1. Jan., 2006. P. 181–208.

Dixon R. W. History of the Church of England from the Abolition of the Roman Jurisdiction. In 6th vols. L.: George Routledge and Sons, 1887. *Donnelly L. M.* The Celebrated Mrs. Macaulay // William and Mary Quarterly. 3d ser. 6. Williamsburg, 1949. P. 173–207.

Donnelly L. M. The Celebrated Mrs. Macaulay // William and Mary Quarterly. 3d ser. 6. Williamsburg, 1949. P. 187–188.

Donnelly L. M. The Celebrated Mrs. Macaulay // William and Mary Quarterly. 3d ser. 6. Williamsburg, 1949. P. 182; *Robbins C.* The Eighteenth-Century Commonwealthman. Cambridge, Mass., 1959. P. 7–8.

Douglas D. C. English scholars, 1660–1730. Oxford: Alden Press. 1939.

Douglas D. C. English Scholars, 1660–1730, 2d ed. L.: Cape, 1951.

Dugdale // Biographia Britannica, Or the Lives of the Most Eminent Persons who Have Flourished in Great Britain and Ireland from the Earliest Ages Down to the Present Times by *Andrew Kippis.* L.: J. Nichols. Vol. 5. 1793. P. 477–486.

Dunn J. The Political Thought of John Locke. L., 1969. 261 p.

Edwards N., Roberts F.B. Edward Lhuyd: 1660–1709. University of Wales Centre for Advanced Welsh and Celtic Studies, Aberystwyth. 2010. 44 p.

Elton G. The English (The Peoples of Europe). Oxford: Blackwell, 1992. 248 p.

Emerson R. Scottish universities in the eighteenth century 1690–1800 // Studies on Voltaire and the eighteenth century. CLXVII. 1977. P. 453–474.

Emerson R. The «affair» at Edinburgh and the «project» at Glasgow: the politics of Hume's attempts to become a professor / Hume and Hume's Connexions. M.A. Stewart & John P. Wright (eds). Edinburgh, 1994. P. 1–22.

Emerson R. The social composition of Enlightened Scotland: the Select Society of Edinburgh 1754–1764 / Studies on Voltaire and the eighteenth century, CXIV. 1973. P. 291–329; *Sher R. B.* Commerce, religion and the Enlightenment in eighteenth-century Glasgow in, Glasgow. Volume I: Beginnings to 1830 / T.M. Devine & Gordon Jackson (eds). Manchester & New York, 1995. P. 335–337.

The Enlightenment in National Context. Ed. *R. Porter, M. Teich.* Cambridge University Press, 1981. 275 p.

Faber R. The Brave Courtier: Sir William Temple. L.: Faber, 1983. 187 p.

Fearnley-Sander M. Philosophical History and the Scottish Reformation // Historical Journal. № 33. 1990. P. 323–338.

Ferguson W. Imperial crowns: a neglected facet of the background to the Treaty of Union of 1707 // Scottish Historical Review. № 53. 1974. 22–44.

Fisher P. F. Blake and the Druids // Journal of English and Germanic Philology. № 58. 1959. P. 592; Butler M. Romanticism in England / Romanticism in national context. *R. Porter and M. Teich* (eds.). Cambridge, 1988. P. 49–51.

Forbes D. Hume's Philosophical Politics. Cambridge University Press, 1975. 338 p.

Frew J. An Aspect of the Early Gothic Revival: The Transformation of Medievalist Research // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. XLIII. 1980. P. 174–185.

Fryde N. Why Magna Carta? Angevin England Revisited. Munster: lid, 2001. 259 p.

Gay P. The Enlightenment: The Rise of Modern Paganism. L.: Norton. 1995. 555 p.

Gentles I. The English Revolution and the Wars in the Three Kingdoms, 1638–1652, Modern Wars in Perspective. Ed. *H. M. Scott* and *B. W. Collins*. Harlow: Pearson Longman, 2007. 522 p.

Gerrard C. The Patriot Opposition to Walpole. Politics, Poetry and National Myth, 1725–1742. Oxford: Clarendon Press, 1994. 273 p.

Giarrizzo G. David Hume politico e storico.Torino, 1962. 277 p.

Groom N. Thomas Percy's Reliques of Ancient English Poetry: its Context, Presentation and Reception. Ph.D. diss. Univ of Oxford, 1993.

Habermas J. Der philosophische Diskurs der Moderne, Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985. 449 s.

Habermas J. Kleine politische Schriften. Bd. I–IV. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981.

Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry Into a Category of Bourgeois Society. Trans. by Thomas Burger. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989. 305 p.

Hallam E. Domesday Book through Nine Centuries. L.: Thames and Hudson, 1986. 224 p.

Hallam H. Introduction to the Literature of Europe. In 4 th vols. L.: John Murray, 1872. Vol. IV. 444 p.

Hans B. The Querelle of the Ancients and the Moderns as a Problem for Renaissance Scholarship // Journal of the History of Ideas. № 20. 1959. P. 3–22.

Harris G. Antiquaries in Britain, 1707–2007. Recording and illustrating. Making History. L.: Royal Academy of Arts. 2010. 272 p.

Haycock D. B. Dr William Stukeley: Science, Religion and Archaeology in Eighteenth-Century England. Boydell press, Woodrigde, 2002. 264 p.

Hill C. The Norman Yoke / Democracy and the Labour Movement. L., Lawrence and Wishart, 1954. P. 11–66.

Hill B. The Republican Virago. The Life and Times of Catharine Macaulay, historian. Oxford: Clarendon Press, 1992. 263 p.

The History of Ideas: Canon and Variations. Ed. by *Donald R. Kelley*. Rochester: University of Rochester Press, 1990. 338 p.

Hoadle Benjamin / New Schaff-Herzog Encyclopedia of Religious Knowledge, Vol. V. Michigan, 1953. P. 301. Режим доступа: http://www.ccel.org/ccel/schaff/encyc05/Page_301.html

Hunter M. John Aubrey and the Realm of Learning. L.: Duckworth, 1975. 256 p.

Jones R. F. Ancients and Moderns Reconsidered // Eighteenth-Century Studies. № 15. 1981. P. 72–89.

Jones R. F. Hume on the Arts and «The Standard of Taste»: Text and Context / The Cambridge Companion to Hume. Ed. By *D. F. Norton* and *J. Taylor*. 2 ed. Cambridge, 2009. P. 414–447.

Jones R. F. The Background of the Battle of the Books // Washington University Studies. № 7. 1920. P. 99–162.

Keller A.C. Ancients and Moderns in the Early Seventeenth Century // Modern Language Quarterly. № 11. 1950. P. 79–82.

Kelly D. R. Horizons of intellectual history // Journal of the History of Ideas. Vol. 48, 1987. P. 143–169.

Kelly D.R. (ed.) Versions of History: From Antiquity to the Enlightenment. Yale University Press. 1991. 515 p.

Kelly D.R. Faces of History: Historical Inquiry from Herodotus to Herder. New Haven and London: Yale University Press. 1998. 340 p.

Keynes Geoffrey L. Blake Studies. Essay on his Life and Work. Oxford: Clarendon Press, 1971. 263 p.

Kidd C. British Identities before Nationalism: Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800. Cambridge University Press, 2006. 302 p.

Kidd C. North Britishness and the nature of eighteenth-century British patriotisms // The Historical Journal. Volume 39. Is. 2. June, 1996.

Kidd C. Subverting Scotland's Past: Scottish Whig Historians and the Creation of an Anglo-British Identity, 1689–c.1830. Cambridge. 1993. 325 p.

Kidd C. The Forging of Races: Race and Scripture in the Protestant Atlantic World, 1600–2000. Cambridge: Cambridge University Press. 2006. 590 p.

Kidd C. Gaelic Antiquity and National Identity // English Historical Review. November 1994. Vol. 109. Iss. 434. 1197–1214.

Kiernan K. Beowulf and the Beowulf Manuscript. Rev. ed. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. 328 p.

Krol R. A. Friedrich Meinecke: Panentheism and the Crisis of Historicism // Journal of the Philosophy of History. 2010. № 4. P. 195–210.

Langford P. A Polite and Commercial People: England, 1727–1783. New Oxford History of England. Oxford University Press, 1989. 520 p.

Laslett P. The World We Have Lost: England Before the Industrial Age. L.: Methuen, 2000. 376 p.

Lawrence I. L. The Ordering of the Arts in Eighteenth-Century England. Princeton University Press. 2015. 503 p.

Levine J. M. Humanism and history: origins of modern English historiography. Cornell University Press. 1987.

Levine J. M. The Autonomy of History: Truth and Method from Erasmus to Gibbon. Chicago: Cornell University Press, 1999. 249 p.

Levine J. M. The Battle of the Books: History and Literature in the Augustan Age. Cornell University Press, 1991. 428 p.

Levine M. J. Method in the History of Ideas: More, Machiavelli, and Quentin Skinner // Annals of Scholarship. № 3. 1986. P. 37–60.

Lovejoy A. Reflections on the history of ideas // Journal of the History of Ideas. Vol. 1. №. 1. Jan., 1940. P. 3–23.

MacInnes J. The evangelical movement in the Highlands of Scotland 1688 to 1800 Aberdeen: University Press, 1951. 299 p.

Maitland F.W. History of English Law before the Time of Edward I, with Sir Frederick Pollock, Cambridge University Press, 1899. 740 p.

Maitland F.W. The materials for english legal history. Political Science Quarterly, Volume 4. Режим доступа: https://archive.org/stream/jstor-2139140/2139140_djvu.txt

Marburg C. Sir William Temple. New Haven, 1932. 128 p.

Marckwardt A. H. The Sources of Laurence Nowell's «Vocabularium Saxonicum» // Studies in Philology.Vol. 45, №. 1. January, 1948. P. 21–36. Published by: University of North Carolina Press. Article Stable URL: http://www.jstor.org/stable/4172828

Maria Grazia Lolla. “Monuments” and “Texts”. Antiquarianism and Literature in Eighteenth and Early Nineteenth-Century Britain. Ph.D. diss., Univ. of Cambridge, 1997.

Mason R.A. Kingship, nobility and Anglo-Scottish union : John Mair's History of Greater Britain (1521) // Innes Review. 1990. Vol. 41. P. 182–222.

Meinecke F. Die Entstehung des Historismus. Bd. 1, 2. München: Oldenbourg, 1936. Bd. 1. 304 p.; Bd. 2. 305–656.

Millea N. The Gough Map: The Earliest Road Map of Great Britain. Bodleian Library, University of Oxford, 2007. 95 p.

Miller D. Philosophy and Ideology in Hume's Political Thought. Oxford, 1981. 224 p.

Momigliano A. D. Classical Foundations of Modern Historiography. University of Chicago Press, 1990. 165 p.

Momigliano A. Studies in Historiography. L.: Weidenfeld and Nicholson. 1969. 264 p.

Monaghan P. The Encyclopedia of Celtic Mythology and Folklore. N. Y., 2004. 512 p.

Moore J. Hume's Political Science and the Classical Republican Tradition // Canadian Journal of Political Science. № 10. 1977. P. 809–839.

Moore J. The two systems of Francis Hutcheson: on the origins of the Scottish Enlightenment // Studies in the Philosophy of the Scottish Enlightenment. Ed. *M.A. Stewart.* Oxford, 1990. P. 37–59.

Moore J., Stewart M. A. A Scots-Irish Bookseller in Holland: William Smith of Amsterdam (1698–1741) // Eighteenth-Century Scotland: The Newsletter of the Eighteenth-Century Scottish Studies Society. 1993. №. 7. P. 8–11.

Moore J., Stewart M.A. William Smith and the Dissenters 'book trade' // Bulletin of the Presbyterian Historical Society of Ireland. 1993. № 23. p. 24–26.

Morrill J. The Nature of the English Revolution. L.: Longmans. 1993.

Morris J. The Age of Arthur. L., 1973. 480 p.

Morris R. Brownell. The Prime Minister of Taste: A Portrait of Horace Walpole. New Haven. Yale University Press, 2001. 353 p.

Mossner E. C. The Life of David Hume, 2d edn. Oxford: Clarendon Press, 1980. 709 p.

Murray T. Rethinking Antiquarianism // Bulletin of the History of Archeology. 2007. 17(2). P. 15–22.

Myrone M. The Society of Antiquaries and the Graphic Arts: George Vertue and his Legacy / Visions of Antiquity: The Society of Antiquaries of London 1707–2007. *Susan Pearce* (Editor). Publisher: Society of Antiquaries of London, 2007. 463 p. P. 99–123.

Nadel G. The Philosophy of History before Historicism // History and Theory. 1963. № 3. P. 291–315.

Newman G. The Rise of English Nationalism. L.: Weidenfeld and Nicholas, 1987. 296 p.

Non-Jurors / Catholic Encyclopedia. New York: Robert Appleton Company. 1913.

Norman D. The Isles. A History. Oxford: Oxford University Press. 1999. 1183 p.

Norton D. F. David Hume: Common Sense Moralist, Sceptical, Metaphysician. Princeton, 1982. 329 p.

O'Brien K. Narratives of Enlightenment: Cosmopolitan History from Voltaire to Gibbon. Cambridge University Press, 1997. 251 p.

O'Ciardha E. The Irish book in Irish in early modern period. 1691–1800 // Eighteenth-Century Ireland. Dublin. 2013. Vol. 28. P. 19–35.

O'Halloran F. Antiquarian Debate on the Celtic Past and Ethnic Identity in Scotland and Ireland / Conflict, Identity and Economic Development: Ireland and Scotland 1600–1839. Preston. 1985. P. 135–147.

O'Halloran C. Irish Recreation of the Celtic Past: Challenge of Macpherson's Ossian // Past and Present. 1989. № 124. P. 69–95.

Ousby I. The Englishman's England. Taste, Travel and the Rise of Tourism. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990. 250 p.

Oz-Salzberger F. The Enlightenment in Translation: Regional and European Aspects1 // European Review of History: Revue europeenne d'histoire. Vol. 13, Issue 3, 2006. P. 385–409.

Oz-Salzberger F. Translating the Enlightenment. Scottish civic discourse in eighteenth-century Germany. Oxford, 1995. 89 p.

Pagden A. The Enlightenment: and why it still matters. Oxford: Oxford University Press, 2013. 436 p.

Pillips M.S. Society and Sentiment: the Genres of Historical Writing in Britain 1740–1820. Princeton: Princeton University Press, 2000. 369 p.

Phillips M. S. Reconsiderations on History and Antiquarianism: Arnaldo Momigliano and the Historiography of Eighteenth-Century Britain // Journal of the History of Ideas, Vol. 57, No. 2. Apr., 1996. P. 297–316. Режим доступа: http://proteus.brown.edu/antiquarians/6615

Phillipson N. David Hume: The Philosopher as Historian. L., 2012. 156 p.

Phillipson N. Hume. L.: Weidenfeld & Nicolson., 1989. 160 p.

Phillipson N. The Scottish Enlightenment / The Enlightenment in National Context. R. Porter & M. Teich (eds), Cambridge, 1981. P. 19–40.

Phillipson N. The social structure of the faculty of Advocates in Scotland 1661–1840 / Law Making and Law Makers in British History. A. Harding (Ed). L., 1980. P. 145–156.

Piggott S. Ruins in a Landscape. Essays in Antiquarianism. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press. 1976. 212 p.

Piggott S. William Stukeley: An Eighteenth-Century Antiquary. Oxford: Clarendon Press, 1950. 228 p.

Pittock M. Celtic Identity and the British Image. Manchester University Press. 1999. 180 p.

Pocock J. G. A. Clergy and commerce. The conservative enlightenment in England / L'eta dei lumi. Studi storici sul settecento europeo in onore di Franco Venturi, two vols. Naples. 1985. Vol. I. p. 523–562.

Pocock J. G. A. The Ancient Constitution and the Feudal Law: a study of English Historical Thought in the Seventeenth Century. A Reissue with a Retrospect. Cambridge university press, 1987. 402 p.

Pocock J. G. A. British History: A plea for a new subject // The Journal of Modern History. Vol. 47. № 4. 1975. P. 601–621.

Pocock J.G.A. Concepts and Discourses: A Difference in Culture? // The Meaning of Historical Terms and Concepts. New Studies on Begriffsgeschichte / Ed. by *Hartmut Lehmann* and *Melvin Richter*. Washington: German Historical Institute, 1996. P. 47–58.

Pocock J. G. A. Politics, Language and Time. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 291 p.

Pocock J. G. A. Texts as Events: Reflections on the History of Political Thought // Politics of Discours: the Literature and History of Seventeenth-Century England. Ed. by *Sharp K., Zwicker S.N.* Berkeley, 1987.

Pocock J. G. A. The Discovery of Islands: Essays in British History. Cambridge University Press, 2005. 344 p.

Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1975. 634 p.

Pocock J. G. A. Virtue, Commerce and History. Essays on Political Thought and History, Chiefly in the Eighteenth Century. Cambridge, 1985. 321 p.

Popper K. The Poverty of Historicism. L.: Routledge and Kegan Paul, 1957. 166 p.

Porter R. Enlightenment: Britain and the Creation of the Modern World. The Untold Story of the British Enlightenment. L.: 2000. 728 p.

Porter R. The Enlightenment (Studies in European History). 2nd ed. Palgrave Macmillan. 2001. 95 p.

Robbins C. The Eighteenth-Century Commonwealthman. Cambridge, Mass., 1959. 462 p.

Robertson J. The Scottish Enlightenment and the Militia Issue. Edinburgh, 1985. 272 p.

Said E. Culture and Imperialism. Vintage; Reprint edition. 1994. 444 p.

Schnapp A. The Discovery of the Past: the origins of archaeology. L.: British Museum Press. 1997. 384 p.

Schnorrenberg B. An Opportunity Missed: Catherine Macaulay on the Revolution of 1688 // Studies in Eighteenth-Century Culture, Vol. 20, 1990. P. 231–240.

Sher R. B. Church and University in the Scottish Enlightenment. The Moderate Literati of Edinburgh.Princeton & Edinburgh, 1985. 416 p.

Skinner Q. Hermeneutics and the Role of History // New Literary History. 1975. Vol. 7. P. 209–232.

Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. № 8 (1). 1969. P. 3–5.

Skinner Q. Motives, Intentions and the Interpretation of Texts // New Literary History. 1972. Vol. 3. P. 393–408.

Smiles S. The Image of Antiquity: Ancient Britain and the Romantic Imagination. New Haven and London: Yale Univ. Press, 1994. 192 p.

Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Basic Blackwell, 1986. 312 p.

Smith N. K. The Philosophy of David Hume. A Critical Study of its Origins and Central Doctrines. L. & N. Y., 1964. 608 p.

Snyder E. The Celtic Revival in English Literature, 1760–1800. Cambridge: Mass. 1923. 208 p.

Society of Antiquaries London. Режим доступа: http://www.sal.org.uk/about-us/our-history/

Stafford F. J. The Sublime Savage: A Study of James Macpherson and The poems of Ossian. Edinburgh: Edinburgh University Press. 1988. 192 p.

Starkie A. Contested Histories of the English Church: Gilbert Burnet and Jeremy Collier // Huntington Library Quarterly. Vol. 68, No. 1–2, March 2005. P. 335–351.

Starkie A. The Church of England and the Bangorian Controversy, 1716–1721. Boydell Press, 2007. 261 p.

Stephen L. History of English Thought in the Eighteenth Century. In 2 th vols. L.: Smith, Elder & Co., 1876.

Stevenson D. The Origins of Freemasonry. Scotland's Century 1590–1710. Cambridge, 1988. 269 p.

Stewart M. A. The Kirk and the Infidel. An inaugural lecture delivered ay Lancaster University on 9 November 1994. Lancaster, 1995. 29 p.

Stockton C. N. Economics and the Mechanism of Historical Progress in Hume’s History / Hume: A Re-evaluation. ed. D. W. Livingston and J T. King. New York, 1976. P. 296–320.

Stoker D. William Wotton's exile and redemption: an account of the genesis and publication of Leges Wallicae // Y Llyfr yng Nghymru / Welsh Book Studies. № 7. 2006. P. 7–106.

Sweet R. Antiquaries: the Discovery of the Past in Eighteenth Century Britain. L.: Hambledon and London. 2004. 473 p.

Sykes N. Edmund Gibson, Bishop of London 1669–1748. A Study in Politics and Religion in the Eighteenth Century. Oxford University Press, 1926. 450 p.

Torrey N. L. Voltaire and the English Deists. Oxford: Marston Press, 1963. 224 p.

Trevor-Roper H. «Eikon Basilike»: The Problem of the King's Book / Trevor-Roper H. Historical Essays. N. Y., 1966. P. 211–220.

Trevor-Roper H. History and the Enlightenment. New Haven: Yale University Press,, 2010. 314 p.

Trevor-Roper H. The Scottish Enlightenment // Studies on Voltaire and the eighteenth century. LXVIII. 1967. p. 1635–1658.

Trigger B. G. A History of Archaeological Thought: Second Edition. New York: Cambridge. 2006. 710 p.

Troeltsch E. Der Historismus und seine Überwindung. Fünf Vorträge. Berlin, 1924. 108 S.

Turner R. Magna Carta: Through the Ages. L.: Routledge, 2003. 256 p.

Turner Sh. History of the Anglo-Saxons, The history of the Anglo-Saxons from the earliest period to the Norman conquest. In three volumes. 3d ed. Printed for Longman, Orme, Brown, Green, and Longmans, 1820-1823. Режим доступа: http://books.google.es/books?id=KhNGAQAAIAAJ

The Uses of History in Early Modern England. Ed. *Paulina Kewes*. San Marino, 2006. 449 p.

Venturi F. Italy and the Enlightenment: Studies in a Cosmopolitan Century. Harlow: Longman, 1972. 302 p.

Young B. W. Religion and Enlightenment in Eighteenth-Century England: Theological Debate From Locke to Burke. Oxford, 1998. 259 p.

Watkin-Jones A. Bishop Percy, Thomas Warton, and Chatterton's Rowley Poems (1773-1790) // Modern Language Association. Vol. 50. № 3. Sep., 1935. P. 769–784. Режим доступа: http://www.jstor.org/stable/458218.

The Welsh in London, 1500–2000. *Jones Emrys* (ed.). Cardiff: University of Wales Press. 2001. 273 p.

Wealth and Virtue. The Shaping of Political Economy in the Scottish Enlightenment. Istvan Hont & Michael Ignatieff (eds). Cambridge, 1983. 371 p.

Whale J. C., *Copley S.* Beyond Romanticism: New Approaches to Texts and Contexts, 1780–1832. Routledge, 1992. 262 p.

Whittemore P. A very British antiquary: Richard Gough, 1735–1809. L.: Wynchmore Books, 2009. 72 p.

Williamson A. H. Scottish National Consciousness in the Age of James VI: the apocalypse, the Union, and the shaping of Scotland's public culture. Edinburgh: John Donald. 1979. 215 p.

Winch D. Adam Smith's Politics. Cambridge, 1978. 204 p.

Woodbridge H. E. Sir William Temple: The Man and His Works. N. Y., 1940. 361 p.

Woolf D. The «Common Voice»: History, Folklore and Oral Tradition in Early Modern England // Past and Present, 120. 1988. P. 26–52.

Wootton D. David Hume: «historian» / The Cambridge Companion to Hume. Ed. By D. F. Norton and J. Taylor. Cambridge, 2 ed. 2009. P. 447–480.

Wootton D. Hume's «Of Miracles»: Probability and Irreligion // Studies in the Philosophy of the Scottish Enlightenment, ed. M. A. Stewart. Oxford, 1990. P. 191–229.

Wootton D. Paolo Sarpi: Between Renaissance and Enlightenment. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 192 p.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

БРИТАНСКИЕ ИСТОРИОПИСАТЕЛИ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Андерсон Джеймс, Anderson James, 255

Арно Антуан, Arnauld Antoine, 37, 274, 289, 328

Барнет Гилберт, Burnet Gilbert, 42, 68, 135–141, 144, 172, 249, 307,

Барнет Томас, Burnet Thomas, 107, 152

Бентивольо Гвидо, Bentivoglio Guido, 271–272, 289, 313

Бентли Ричард, Bentley Richard, 33, 35, 91, 108–113, 116–117, 119–120, 123–129, 172, 228, 307

Беркли Джордж, Berkeley George, 126

Бертон Томас, Burton Thomas, 122

Бесуаер Джеймс, Basire James, 166–167

Блейк Уильям, Blake William, 167, 231

Блеквуд Адам, Blackwood Adam, 239

Блекстон Уильям, Blackstone William, 223

Бойл Роберт, Boyle Robert, 108, 126, 149

Бойл Чарлз, Boyle Charles, 111–114

Бойс Гектор, Boece Hector, 239

Болингброк Генри, лорд, Bolingbroke Henry, 7, 37, 74, 106, 120–121, 131, 147–148, 218, 315, 328, 340

Болейз Уильям, Borlase William, 157, 230

Боун Эдмунд, Bohun Edmund, 118

Брайнт Джейкоб, Bryant Jacob, 231

Браун Томас, Browne Thomas, 122

Бреди Роберт, Brady Robert, 41, 46, 74, 92–93, 172, 203, 214–220, 222–224, 307, 311

Брюс Роберт, Roibert a Briuis, 178, 240

Бьюкенен Джордж, Buchanan George, 239, 241–242, 244, 312

Бэгфорд Джон, Bagford John, 149–150

Вертью Джордж, Vertue George, 162, 166, 221

Вудворд Джон, Woodward John, 149

Гаррингтон Джеймс, Harrington James, 32, 280–284, 286

Гейл Томас, Gale Thomas, 23, 28, 181–183, 185, 199

Генри Роберт, Henry Robert, 260

Гест Шарлотта, Guest Charlotte, 30, 234

Гибсон Эдмунд, Gibson Edmund, 25, 38, 64, 118, 120, 158, 187, 189–190, 192, 197–198, 207, 226

Гоф Ричард, Gough Richard, 38, 163–170, 308

Давила Энрико, Davila Enrico, 110, 120, 271–272, 289, 313

Дагдейл Уильям, Dugdale William, 39, 41–42, 147, 173–176, 206, 213–214

Далримпл Джон, Dalrymple John, 297

Дерем Уильям, Derham William, 126

Джонс Дэвид, Jones David, 156

Джонс Томас, Jones Thomas, 230

Джонс Уильям, Jones William, 226

Джонсон Сэмюэл, Johnson Samuel, 35, 116, 131, 197, 234, 242

Додсворт Роджер, Dodsworth Roger, 174

Додуэл Генри, Dodwell Henry, 118

Ивлин Джон, Evelyn John, 119

Казабон Исаак, Casaubon Isaac, 179–180

Казабон Мерик, Casaubon Méric, 179–180

Карлетон Уильям, Carleton William, 234

Кармайкл Гершом, Carmichael Gershom, 256

Картер Джон, Carter John, 166

Кекстон Уильям, Caxton William, 130

Коллинз Энтони, Collins Anthony, 32, 127–128, 322

Колрейн, 3-й барон, 3rd Baron Coleraine, 129

Корцеллис Фредерик, Corsellis Frederick, 130

Коттон Роберт, Robert Cotton, 64, 168, 178, 206

Крейг Томас, Craig Thomas, 239

Крокер Томас Крофтон, Croker Crofton Thomas, 234

Кук Уильям, Cooke William, 231

Кэмпбелл Джон Френсис, Caimbeul Iain Frangan, 234

Кэмпбэлл Джон, Campbell John, 259

Лай Эдвард, Lye Edward, 199

Ламбард Уильям, Lombard William, 185, 188, 204

Ле Неве Питер, Le Neve Peter, 160

Левек де Пуйи Жан, Levesque de Pouilly Jean 37, 275, 289

Лисберн, граф, Lisburne, 230

Литтлтон Томас, Littleton Thomas de, 21

Литтлтон Чарлз, Lyttleton Charles, 166

Лоу Уильям, Law William, 143

Ллуйд Эдвард, Lhwyd Edward, 38, 40, 45, 56–57, 119, 226–230, 308

Макиавелли Никола, Machiavelli Niccolò, 6, 107, 268, 271–272, 281, 289, 313, 340

Маколей Кэтрин, Macaulay Catharine, 2, 44, 95, 106, 270, 289–303, 311, 314, 339, 341, 345, 347

Мальтус Томас Роберт, Malthus Thomas Robert, 126

Мандевиль Бернард, Mandeville Bernard, 33, 50, 145, 257, 348

Маршал Томас, Marshall Thomas, 191–192

Миддлтон Коньерс, Middleton Conyers, 32, 35, 128–133, 144–145

Милл Джон, Mill John, 112

Миллар Джон, Millar John, 88, 258–259, 266, 312

Макферсон Джеймс, Macpherson James, 29, 59, 232–234, 238, 242, 244–245, 262, 266, 309, 313

Мейджор Джон, Major/Mair John, 239–241

Мелон Жан-Франсуа, Melon Jean-Francois, 263, 265

Менниг Оуэн, Manning Owen, 165

Моллой Фрэнсис, Ó Maolmhuaidh Froinsias, Molloy Francis, 227

Монтескье Шарль-Луи, Charles-Louis de Montesquieu, 37, 53, 87, 2, 280, 284–286, 289, 304, 313–314

Морис Томас, Maurice Thomas, 231

Моррис Льюис, Morris Lewis, 230

Моррис Ричард, Morris Richard, 230

Мосс Роберт, Moss Robert, 143

Николс Джон, Nichols John, 165

Николсон Уильям, Nicolson William, 38–39, 119, 132, 187–189, 192

Николя Пьер, Nicole Pierre, 37, 274, 289

Нокс Джон, Knox John, 239

Ноуэлл Лоуренс, Nowell Lawrence, 64, 177–179, 181–185, 207

Ньютон Исаак, Newton Isaac, 31, 35, 50, 108, 117, 126, 132, 149, 151–152, 157, 160, 168, 231, 248, 322, 339, 343

Нэш Томас, Nash Thomas, 164

Обри Джон, Aubrey John, 40, 46, 55–56, 73, 153–155, 309

Паркер Мэттью, Parker Matthew, 17–19, 26–27, 64, 70, 177, 179, 184, 189, 310

Пезрон Поль, Pezron Paul-Yves, 156

Пепис Сэмюэл, Pepys Samuel, 149

Перри Дэвид, Parry David, 226

Перси Томас, Percy Thomas, 126, 198, 221

Пети Уильям, Petyt William, 41, 214–216, 218

Планке Ричард, Pluincéad Risdeard, Plunket, 227

Плот Роберт, Plot Robert, 226

Райт Джеймс, Wright James, 174

Ридпат Джордж, Ridpath George, 244

Ричмонд, граф, Чарлз Ленокс, Duke Rishmond, Lenox, 160

Робертсон Уильям, Robertson William, 90, 222, 246, 252, 258–259, 261–262, 270, 297–300

Роулендс Генри, Rowlands Henry, 40, 157, 229

Роулинсон Кристофер, Rawlinson Christopher, 186

Роулинсон Ричард, Rawlinson Richard, 200, 251–252

Руддмен Томас, Ruddiman Thomas, 241

Сандерс Николас, Sanders Nicholas, 136

Сарпи Паоло, Sarpi Paolo, 110, 139, 271–272, 289, 313

Свифт Джонатан, Swift Jonathan, 33, 49, 51, 54, 103, 105–106, 113–116, 126–127, 139–140, 271, 325

Сеймур Олджернон, Seymuer Algernoon, 160

Селден Джон, Selden John, 41, 72, 147, 178, 191, 197, 206

Сибалд Роберт, Sibbald Robert, 118

Синклер Джон, Sinclair John, 255

Слоун Ханс, Sloane Hans, 149–150, 168

Смит Адам, Smith Adam, 34, 53, 88, 250, 253–254, 258–259, 262–265, 282, 297, 306

Смит Джон, Smith John, 62, 185

Сомнер Уильям, Somner William, 45, 65, 122, 174, 179–181, 192, 308

Спелмен Генри, Spelman Henry, 35, 41, 46, 63, 72, 93, 121, 172, 174, 178–180, 183, 191, 196, 206–207, 208–210, 211–214, 216–217, 219–220, 222–224, 307, 311

Стерн Лоуренс, Sterne Laurence, 126

Стивенс Джон, Stevens John, 23, 61, 174, 184

Стоу Джон, Stow John, 150

Страда Фамианус, Strada Famianus, 110

Стьюкли Уильям, Stukeley William, 31, 35, 40, 46, 55, 57, 151–157, 163, 170–171, 224, 230–231, 233, 244, 309

Талман Джон, Talman John, 123, 149

Темпл Уильям, Temple William, 33, 54, 103–104, 106–110, 112–114, 123, 220–221, 246, 345

Тиндел Мэттью, Tindal Matthew, 32, 128, 370

Толанд Джон, Toland John, 32, 50, 126–127, 152, 155, 230, 322, 345

Томсон Джеймс, Thomson James, 302

Ту Жак Де, Thou Jacques de, 139

Туэйтс Эдвард, Thwaites Edward, 25, 45, 92, 120, 186, 192–193

Тюрго Жак, Turgot Jacques, 280, 286–287, 289, 314

Уайт Гилберт, White Gilbert, 126

Уилкинс Дэвид, David Wilkins, 63, 184, 187–188, 191, 197–199, 207

Уильямс Мозес, Williams, 229

Уинн Роберт, Wynne Robert, 226

Уир Дегори, Wheare Degory, 117–118, 124

Уизерспун Джон, Witherspoon John, 252

Уоллес Роберт, Wallace Robert, 277

Уорбуртон Уильям, Warburton William, 94, 126, 132

Уэйнли Хамфри, Wanley Humphrey, 45–46, 149–150, 168, 176, 193–197

Уэлок Абрахам, Wheloc (Wheelocke) Abraham, 24–25, 62, 179, 183–185, 187–189, 191, 198

Фарли Абрахам, Farley Abraham, 222

Фергюсон Адам, Ferguson Adam, 53, 88, 246, 254, 258, 259, 265–266, 312, 323

Флетчер Эндрю, Fletcher Andrew, 249–250, 256

Фокс Джон, Foxe John, 68, 134

Фолкс Мартин, Folkes Martin, 159–160

Фонтейн Эндрю, Fountaine Andrew, 192

Фра Паоло Сарпи, Sarpi Paolo, 110, 121, 139, 271, 289, 313

Фрере Николя, Freret Nicolas, 37, 275–276, 289

Харбин Джордж, Harbin George, 220

Хард Ричард, Hurd Richard, 126

Харли Роберт, Harle Robert, 45, 149–150, 195–196

Харли Эдвард, Harle Edward, 45, 149–150, 195–196

Хатчесон Фрэнсис, Hutcheson Francis, 145, 250–251, 256–258, 306

Хатчинс Джон, Hutchins John, 164

Херви Джон, Hervey John, 131

Хейворд Джон, Hayward John, 220

Хейлин Питер, Heylin Peter, 42, 68, 134, 138

Хикс Джордж, Hickes George, 42, 45, 64, 65, 67, 92, 120, 141–142, 172, 176, 189, 191–197, 199, 307, 308

Хирн Томас, Hearne Thomas, 67, 92, 176

Холлис Томас, Hollis Thomas, 302

Хор Ричард Колт, Hoare Colt Richard, 171

Хэдли Беньямин, Hoadly Benjamin, 142–154

Шерлок Томас, Sherlock Thomas, 143

Шефтсбери, лорд, Shaftesbury, 49, 256

Шнебели Джейкоб, Schnebbelie Jacob, 166

Эльстоб Уильям, Elstob William, 45, 92, 188, 190–192, 198

Эльстоб Элизабет, Elstob Elizabeth, 45, 92, 190, 194

Эссекс Джеймс, Essex James, 166

Эшмол Элиас, Ashmole Elias, 147

Юм Дэвид, Hume David, 2, 3, 9, 10, 34, 75, 88, 95–96, 144, 198, 222, 246, 253, 266–268, 275, 280, 285, 288–291, 294, 303–304, 339

Юний-младший Франциск, Junius Franciscus, 180–181